

Майкл Муркок

ХРОНИКА ЧЕРНОГО КОЛОКОЛА

МАЙКЛ МУРКОК

5

МАЙКЛ МУРКОК

ХРОНИКА
ЧЕРНЫХ КЛИНКОВ

РИПОЛ
«Вече»
«Джокер»
1993

ББК 84.4 Англ.
М91

Серия «ДЖОКЕР»
Фантастические романы

Автор и составитель серии
Андронкин Кирилл Юрьевич

Главный художник
Атрошенко Сергей Петрович

Главный редактор
Молчанова Ирина Давидовна

Редактор
Данила Ришард

Художник
Хромов А.А.

Корректоры
Зубина К.И.
Мещерякова Г.А.

Технический редактор
Решетова А.Е.

Романы «Город Мечты» и «Несущий бурю» замечательного английского фантаста Майкла Муркока, написанные в жанре «черного фэнтези», повествуют об Эльрике, последнем из династии королей острова Мельнибона, который вступает в битву с чудовищами, духами, Богами Хаоса, и, утверждая Закон, выполняет свое предназначение.

М 4703040100—004 без объявл.
070219-93

ISBN 5-87012-004-4

© РИПОЛ, Вече, Джокер, 1992
© Перевод ОСО «Альтруист», 1992
© Обложка С. Атрошенко, 1992
© Внутреннее оформление А. Хромова, 1992
© Составление серии К. Андронкина, 1992

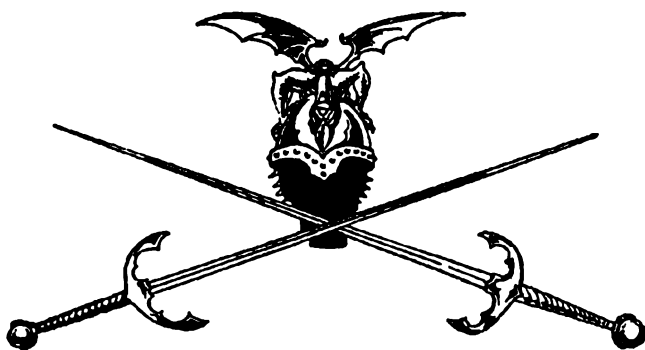

ГОРОД МЕЧТЫ

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ПОЛУ АНДЕРСОНУ за его романы
«Сломанная шпага»,
«Три сердца и три льва»
Покойному ФЛЕТЧЕРУ ПРАТТУ за роман
«Колодец единорога»
Покойному БЕРТОЛЬДУ БРЕХТУ за пьесу
«Трехгрошовая опера»,
которая по определенным причинам
наравне с другими книгами оказала
сильное влияние на первые романы
об Эльрике.

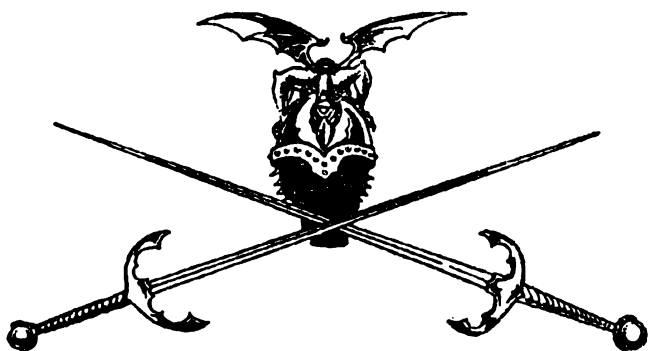
ПРОЛОГ

Это рассказ об Эльрике, которого тогда еще не называли Убийцей женщин, до того, как окончательно пало государство Мельнибон. Это рассказ о его ссоре с двоюродным братом Иркано и его любви к Каймориль еще в те времена, когда эта ссора и эта любовь не привели Имрир, Город Мечты, к огненному разрушению, пока его окончательно не разграбили пираты из Молодых Королевств. Это рассказ о двух черных мечах: Буреносец и Меч Печали, о том, как они были обнаружены и какую роль сыграли в судьбе Эльрика из Мельнибона, судьбе, которая потом станет судьбой самого мира. Это рассказ о том, как Эльрик был королем, повелителем драконов, флота и всех людей той получеловеческой расы, которая правила миром в течение десяти тысяч лет.

Это рассказ о человеческой трагедии, о трагедии Мельнибона, драконьего острова. Это рассказ об обуревающих душу чувствах и о человеческом тщеславии. Это рассказ о волшебстве и предательстве, об идеалах и смертных муках, о несказанных удовольствиях, о горькой любви и сладкой ненависти.

Это рассказ об Эльрике из Мельнибона. Многое из того, что вы здесь прочтете, сам Эльрик вспоминает только в ночных кошмарах.

«Хроника Черного Меча»

КНИГА ПЕРВАЯ

ИМПЕРАТОР И ПРИНЦ

...**Н**а островном королевстве Мельнибон соблюдались все старые ритуалы, но за последние пятьсот лет могущество нации оказалось подорванным, и старый образ жизни поддерживался только с помощью торговли с Молодыми Королевствами, а город Имрир стал местом встречи торговцев.

Значит, ритуалы больше не нужны? Но можно ли отринуть ритуалы и избежать судьбы? Тот, кто хочет править империей вместо Эльрика, говорит, что это невозможно. Он говорит, что Эльрик принесет несчастья и вызовет падение Мельнибона тем, что оказывается выполнять ритуалы предков. Так начинается трагедия, которая приведет к гибели мира...

ГЛАВА 1

Его кожа выглядела, как кора дерева, а длинные волосы, ниспадавшие на плечи, белизною напоминали молоко. У него была большая голова красивой формы, а на лице привлекали особое внимание чуть красноватые раскосые глаза, в которых то и дело мелькало угрюмое выражение. Кружева на

свободных рукавах его желтого одеяния полуприкрывали изящные руки цвета темной кости. Они спокойно лежали на подлокотниках кресла, украшенных огромными рубинами. Красные глаза смотрели озабоченно, и иногда одна из рук делала легкое движение вверх, дотрагиваясь до шлема на белых кудрях.

Шлем был сделан из какого-то темного, с зеленоватым оттенком, сплава и изображал дракона, расправляющего крылья. На руке блестело кольцо, в оправе которого сверкал один-единственный редкий Акторийский камень, внутри которого иногда что-то менялось, и тогда камень менял форму, как будто это был не твердый минерал, а туманный сгусток, и ему было так же тесно в драгоценной оправе, как и человеку на троне.

Эльрик глядел вниз, где под длинной мраморной лестницей, ведущей к трону, придворные танцевали с такой легкостью и изяществом, что можно было подумать, будто весь его двор состоит из духов.

Он думал о морали, что отличало его от большинства придворных, которые на самом деле не были людьми ни физически, ни умственно. Это был народ Мельнибона, Острова Драконов, который правил миром десять тысяч лет, но чье положение изменилось за последние пятьсот лет. Все они были жестоки и умны, и любая мораль значила для них не больше, чем порыв ветра.

Молодому человеку, сорок второму прямому потомку первого императора — Мага Мельнибона, их поведение казалось не только высокомерным, но и глупым. Остров Драконов потерял почти все бывшее могущество, и было ясно, не пройдет и двух веков, как он будет захвачен появляющимися нациями нового человечества, которые они называли немного свысока Молодыми Королевствами. Их пиратские флотилии уже совершили несколько попыток атаковать Имрир, прекрасный Город Мечты, столицу Драконьего острова Мельнибон. Но даже самые близкие друзья императора отказывались обсуждать возможность его падения и считали простое размышление на эту тему не только невысказанным предположением, но и дурным тоном.

Поэтому император скучал в одиночестве. Он скорбел, что у его отца, Седрика Шестого, не было других детей, потому что тогда более достойный монарх мог бы занять место на Рубиновом Троне. Седрик умер год назад, с радостью прошептав приветствие тому, что явилось за его душой. Всю жизнь он не знал другой женщины, кроме жены. Императрица умерла, дав жизнь единственному отпрыску, которого многие называли слишком слабым. С пылкой страстью настоящего мельнибонийца, который не ведали новые люди, Седрик любил лишь жену и не искал утешения ни с кем другим, не пытался обрести поддержку ни в

каком другом существе, даже в сыне, который, рождаясь на свет, убил ее и который был всем, что от нее осталось. Волшебными снадобьями, пением рун, редкими травами был приведен сын к зрелости, и сила его искусственно поддерживалась всеми способами, известными королям-магам Мельнибона. Он жил только благодаря волшебству, и без снадобий не смог бы поднять даже руку. Если молодой император и находил какие-то преимущества в своей немощи, то они заключались в одном: он очень много читал. Ему еще не исполнилось пятнадцати, когда он прочел все книги в библиотеке отца, а некоторые из них перечитывал по несколько раз.

Его силы в магии, началам которой обучил его Седрик, были сейчас большими, чем у кого-либо из его предков за много поколений. Его знание мира, лежащего за берегами Мельнибона, было глубоким и полным, хотя он почти не исследовал его лично.

Если бы он только пожелал, он мог бы восстановить былое могущество Острова Драконов и править миром. Но чтение научило его думать о целях, для которых применяется волшебная сила, и о том, следует ли ему вообще применять свои силы для достижения какой бы то ни было цели. Чтение привело его к проблеме морали, хотя он не совсем понимал ее. Таким образом, для некоторых подданных он был богом, а для других угрозой, потому что думал и действовал не так, как должен был действовать истинный мельнибониец. Его двоюродный брат Иркиан, например, много раз высказывал сомнение в его праве властвовать над народом Мельнибона.

— Этот ничтожный школяр всех нас погубит, — сказал он однажды ночью Дайвиму Твару, Повелителю Драконьих Пещер.

Тот, один из преданнейших друзей императора, тут же донес об этом, но юноша отмахнулся от него, заметив, что это всего лишь болтовня, а не предательство, хотя любой из его предков приговорил бы сказавшего нечто подобное к изощренной публичной казни. Хотя, может быть, отношение императора к сказанному объяснялось тем, что Иркиан, который никогда не делал секрета из того, что хочет стать императором, был братом Каймориль, девушки, которую альбинос считал ближайшей из друзей и которая в один прекрасный день должна была стать его женой.

Внизу, на мозаичном полу, то появляясь, то исчезая в вихре прекрасных шелковых одежд, мехов и драгоценностей, Иркиан танцевал с сотней женщин, каждая из которых, судя по слухам, была в разное время его любовницей. Его темное лицо, красивое отталкивающее одновременно, было обрамлено длинными черными волосами, завитыми и напмаженными.

Гримаса, застывшая на нем, должно было выражать постоянную и привычную иронию, а поза — высокомерие. Его мантия ударяла других танцующих. Мало кому это нравилось, но все молчали, было известно, что Иركان далеко не новичок в искусстве колдовства. К тому же его поведение было именно таким, какое и ожидалось от дворянина Мельнибона. Император знал это. Ему было жаль, что он не может доставить удовольствие подданным, приняв участие в танцах. И в этом, пожалуй, вел себя еще высокомернее, чем Иركان.

Музыка с галерей зазвучала громче и стала сложнее, когда запел хор рабов, специально прооперированных, чтобы каждый мог петь единственную, но безупречную ноту. Даже молодой император был тронут зловещей гармонией их пения. Оно мало чем напоминало звуки, которые вообще способен издавать человек. «Почему их боль и страдания дают такую изумительную красоту? — подумал он. — Или любая красота основана на страдании? Неужели эти двенадцать живых душ и есть секрет любого искусства, человеческого и мельнибонийского?» Император Эльрик закрыл глаза, чтобы поразмыслить над этим, но его сосредоточенность была прервана шумом внизу. Двери распахнулись, и танцующие пары отступили, низко кланяясь. Появились солдаты в светло-голубой форме, в фигурных шлемах самых причудливых форм, с копьями, украшенными драгоценными камнями. Они окружали молодую женщину, чей светло-голубой наряд был таким же, как их форма. На ее обнаженных руках сверкали золотые браслеты с бриллиантами и сапфирами. Тончайшая сеточка, украшенная бриллиантами, сверкала на ее черных волосах. Она отличалась от придворных дам тем, что ни веки, ни щеки ее не были накрашены. Эльрик улыбнулся Каймориль. Солдаты ее личной охраны, согласно традиции, имели право сопровождать ее до императорского Рубинового Трона. Она стала подниматься по ступенькам. Эльрик медленно встал и протянул руки.

— Каймориль, я думал, сегодня ты не окажешь нам чести своим присутствием.

Она улыбнулась в ответ.

— Наоборот, мой император, у меня сегодня настроение поговорить с тобой. — Эльрик был очень признателен. Она знала, что ему скучно, и знала, что была одной из немногих во всем Мельнибоне, с кем он всегда был рад поговорить. Если бы это позволяли приличия, он уступил бы ей свое место на троне, но, согласно обычаю, она должна была сидеть на верхней ступеньке лестницы у его ног.

— Садись, прекрасная Каймориль. — Он вновь уселся на трон и наклонился вперед, когда она села и посмотрела ему

в глаза со смешанным выражением насмешки и нежности. Она мягко заговорила, как только ее охрана отошла, смешавшись с охраной Эльрика. Голос ее был слышен только ему.

— Не хочешь ли покататься со мной в дикой части острова завтра, милорд?

— Есть дела, которые требуют моего внимания, — ответил он, хотя ему понравилось ее предложение. Уже много недель не покидал он город и не скакал рядом с ней, оставив стражников далеко позади.

— Они такие срочные?

— Что в Мельнибоне может быть срочным? — он пожал плечами. — После десяти тысяч лет власти самые важные проблемы блекнут, — улыбка его была чуть снисходительной, как у молодого ученого, который решил подшутить над своим старым учителем. — Хорошо, завтра утром мы отправимся, прежде чем проснутся остальные.

— День будет свежим и ясным, а небо — голубым и безоблачным.

— Значит, ты тоже пользуешься заклинаниями! — рассмеялся Эльрик. — Каймориль опустила глаза и пальчиком стала водить по рисунку мраморной подставки трона.

— Может быть, но совсем немного. И мои друзья — самые слабые из духов стихий.

— Иркан знает? — он дотронулся до ее волос.

— Нет. Принц Иркан запретил сестре заниматься какой бы то ни было магией.

Многие его друзья сносились с темными сверхъестественными силами, и он знал, как опасно с ними иметь дело. Кроме того, Иркана приводила в бешенство мысль, что кто-то может претендовать на власть над силами, которые он сам пытается подчинить. Возможно, поэтому он и ненавидел Эльрика больше, чем остальных.

— Будем надеяться, что весь Мельнибон нуждается завтра в хорошей погоде, — сказал Эльрик. Каймориль с любопытством посмотрела на него. — Чувство вины, — сказала она, — проявление слишком странного сознания. И этой странности не постигает мой бедный ум.

— Должен признаться, и мой тоже. Кажется, в этом нет никакой практической необходимости. И все же многие из моих предков предсказывали изменения в природе нашей Земли — как духовные, так и физические. Может, и я вижу одно из таких изменений когда думаю свои не мельнибонийские думы.

Музыка плыла, не затихая. Кавалеры вели своих дам, хотя глаза почти всех присутствующих были устремлены на Эльрика и Каймориль. Многие гадали, о чем они говорят. Когда

Эльрик объявит Каймориль своей будущей императрицей? Восстановит ли Эльрик обычай, отмененный Седриком, по которому, чтобы обеспечить счастливый союз правителей Мельнибона, повелителям Хаоса в жертву принесут двенадцать женихов и двенадцать невест? Было совершенно очевидно, что именно отказ Седрика от этого обычая привел к смерти его же ну, которая родила больного сына, поставив под угрозу продолжение династии. Эльрик просто должен восстановить этот обычай. Он должен бояться повторения судьбы своего отца. Но некоторые говорили, что он вообще не собирается следовать старым традициям и тем самым создает угрозу не только собственной жизни, но и существованию Мельнибона и всему, что это государство представляет. И те, кто так говорил, были в очень хороших отношениях с принцем Иркано, который танцевал, делая вид, что не замечает их беседы, или, вернее, не замечает, что его сестра разговаривает с двоюродным братом, который сидел на самом краю Рубинового Трона, забывая о достоинстве, не проявлял жестокости, отличающей прежних императоров, который оживленно беседовал, забыв, что придворные танцевали для его увеселения.

Внезапно Иркан замер, не закончив фигуру танца, и поднял черные глаза на императора. Рука Дайвима Твара потянулась к тому месту, где должно быть оружие, но в бальном зале никто не имел права его носить.

Пристально и настороженно смотрел Дайвим Твар на принца Иркана, который начал подниматься по ступеням к Рубиновому Трону. Много глаз смотрели в том же направлении, следя за двоюродным братом императора, и мало кто продолжал танцевать.

Эльрик поднял голову и увидел, что Иркан стоит на ступеньку ниже той, где сидела Каймориль. Иркан поклонился, но поклон этот был дерзким и вызывающим.

— Приношу свое почтение императору, — сказал он.

ГЛАВА 2

— Как тебе нравится бал, брат? — Эльрик прекрасно понимал, что появление Иркана, по замыслу последнего, должно было заставить его врасплох и, если возможно, унижить. — Что скажешь о музыке?

Иркан опустил глаза и позволил себе улыбнуться загадочной улыбкой.

— Мне все здесь по вкусу, сир. Но, может быть, тебе что-то не нравится? Ты не присоединился к танцу.

Эльрик поднял белый палец к подбородку, не сводя взгляда с Иркана, который прятал глаза.

— Я наслаждаюсь танцами, брат. Можно получать удовольствие, видя, что все другие довольны.

Иркан казался искренне удивленным. Его глаза широко открылись, и взгляд встретился со взглядом Эльрика. Тот почувствовал легкий толчок и уже сам отвел взгляд, махнув изящной рукой в сторону музыкальной галереи.

— А может, это внимание придворных доставляет мне удовольствие. Не беспокойся за меня, брат. Я доволен. Ты можешь танцевать. И знай, твой император наслаждается балом.

Но Иркана было не так легко сбить с цели.

— Но хотя бы для того, чтобы подданные императора не ушли опечаленными, поскольку им не удалось доставить удовольствие своему монарху, император должен показать, что ему тоже нравится бал.

— Должен напомнить тебе, брат, что у императора вообще нет никаких обязанностей по отношению к подданным, кроме одной: править ими. Это они обязаны ему всем. Такова традиция Мельнибона.

Иркан не ожидал, что Эльрик использует такие аргументы, но после секундного замешательства ответил:

— Я согласен, милорд. Обязанность императора — править подданными. Может, именно поэтому многие из них не способны наслаждаться балом.

— Не понимаю тебя, брат. — Каймориль встревожилась. — Иркан, — позвала она, и голос ее прозвучал доверительно. — Сестра, — он признал ее присутствие, — вижу, ты разделяешь нежелание нашего императора танцевать.

— Иркан, — прошептала она, — ты заходишь слишком далеко. Император терпелив, но...

— Терпелив? Или просто небрежен? Может, он небрежно относится к традициям нашей великой расы? Может, он презирает гордость расы?

Теперь уже по лестнице взбирался Дайвим Твар. Видимо, он тоже почувствовал, что Иркан выбрал этот момент, чтобы проверить, насколько крепко держится власть императора.

— Брат, — Каймориль была в смятении, — если ты останешься жив...

— А я не хочу жить, если исчез сам дух Мельнибона. А охранять дух нашей нации — обязанность императора. Что если у нас будет император, который не способен на это? Император, который будет слаб? Император, которому безразлична судьба и величие Острова Драконов и его народа?

— Твои вопросы ничего не значат, брат, — Эльрик вновь обрел уверенность, голос его был ледяным. — Потому, что такой император никогда не сидел на Рубиновом Троне и никогда не будет сидеть на нем.

Дайвим Твар дотронулся до плеча Иркана.

— Принц, если вам дороги Ваше достоинство и ваша жизнь...

— В этом нет нужды, Дайвим Твар, — поднял руку Эльрик. Принц Ирган просто развлекает нас своими соображениями, боясь, что мне наскучили музыка и танцы, в чем, естественно, ошибается. Он подумал, что может предложить тему для разговора. И тебе это удалось, принц. Мы хорошо развлеклись, — в последнюю фразу он добавил немного фальши.

Ирган покраснел от злости и закусил губу.

— Но продолжай, дорогой брат Ирган, поясни свои аргументы. Мне все еще интересно.

Ирган оглянулся в поисках поддержки, но все его сторонники находились внизу. Рядом стояли лишь друзья Эльрика — Дайвим Твар и Каймориль. Тем не менее Ирган знал, что сподвижники слышат каждое его слово и что он потеряет лицо, если уступит сейчас. Эльрик ясно видел, что Ирган предпочел бы закончить эту словесную перепалку и выбрать для следующего нападения более подходящее место и время, но теперь не мог отступить. Сам Эльрик тоже не имел ни малейшего желания продолжать эту дурацкую игру, которая, какую бы форму она ни приобрела, была не более чем ссора двух мальчишек из-за того, кто первый будет играть рабами. Он решил положить этому конец.

Ирган тем временем начал:

— Тогда я хочу предположить, что император, который будет физически слаб, может быть слаб и в своей воле править.

Эльрик поднял руку, останавливая его.

— Ты достаточно развлек нас, дорогой брат. Более чем достаточно. Ты утомил нас беседой, когда должен был развлекаться и танцевать. Я тронут твоим участием. Но сейчас я тоже почувствовал, что утомлен, он сделал знак своему старому слуге Тэнглбо-унзу, который стоял среди солдат. — Мой плащ, — Эльрик встал. — Еще раз благодарю тебя за заботу, брат, — потом он обратился ко всем придворным, толпящимся внизу. Я доволен вами. Но сейчас хочу отдохнуть.

Тэнглбоунз принес плащ из белого лисьего меха и накинул его на плечи господина. Слуга был очень стар и значительно выше Эльрика ростом, хотя спина его была сгорблена, а ноги кривы, как ствол у старого дерева. Эльрик прошел всю мраморную площадку, на которой стоял Рубиновый Трон, и вышел в коридор, ведущий в его апартаменты.

Ирган был в бешенстве. Он круто повернулся и открыл рот, намереваясь обратиться к придворным, но те, кто не поддержи-

вал его, улыбались. Иркэн сжал кулаки и бросил вниз свирепый взгляд. Потом посмотрел на Дайвима Твара, но встретил лишь холодное внимание к ожидаемым словам принца.

Тогда Иркэн откинул голову назад, так что его кудри, завитые и напомаженные, оказались далеко за спиной, и засмеялся. Резкий звук его смеха наполнил весь зал. Пение смолкло. Иркэн сделал шаг и встал на мраморную площадку. Быстрым движением он закинул за плечо полу тяжелой мантии. Каймориль подошла к нему.

— Иркэн, пожалуйста, не... — Он оттолкнул ее и твердыми шагами направился к Рубиновому Трону. Стало совершенно очевидно, что он решил сесть на него, тем самым совершив одно из самых больших преступлений, расцениваемых, как предательств, наказуемое самой ужасной смертью по законам Мельнибона. Каймориль побежала за ним, схватила его за руку.

Голос Иркэна прозвучал громко и отчетливо:

— Все хотят видеть Иркэна на Рубиновом Троне! — Она с ужасом вздохнула и испуганно посмотрела на Дайвима Твара, чье лицо стало суровым. Тот сделал знак страже, и между Иркэном и тронном возникло два ряда вооруженных людей.

Иркэн повернулся и посмотрел на Повелителя Драконьих Пещер. Он прошипел ему:

— Тебе очень повезет, если ты погибнешь вместе со своим господином.

— Эта почетная стража проводит вас из зала, — спокойно ответил Дайвим Твар. — Сегодня все присутствующие вполне насладились вашей беседой с императором, принц.

Иркэн оглянулся, расслабился и пожал плечами.

— Ну что же, времени достаточно. Если Эльрик сам не отречется от престола, придется его скинуть.

Каймориль вздрогнула.

— Если ты причинишь Эльрику хоть малейший вред, я убью тебя собственной рукой, Иркэн.

Он поднял красивые брови и улыбнулся. В этот момент, казалось, он ненавидел свою сестру еще больше, чем двоюродного брата.

— Твоя преданность этому созданию решила твою судьбу, Каймориль. Я предпочту, чтобы ты скорее умерла, чем родила от него еще одного альбиноса. Я не желаю, чтобы наша кровь смешалась с его кровью. Подумай о сохранении собственной жизни, сестра, прежде чем на что-то решиться!

И он сошел вниз, расталкивая тех, кто подошел поздравить его. Он знал, что проиграл, и похвалы льстецов сейчас только раздражали его. Огромные двери зала захлопнулись за ним с треском.

Едва Иркан ушел, Дайвим Твар поднял вверх обе руки.

— Продолжайте танцы, дамы и кавалеры. Наслаждайтесь всем, что найдете в этом зале. Это наш император ценит больше всего.

Но было ясно, что в эту ночь танцы будут недолгими. Придворные уже оживленно обсуждали происшедшее.

Дайвим Твар повернулся к Каймориль.

— Эльрик отказывается признать опасность, принцесса Каймориль. Тщеславие Иркана может погубить нас всех.

— Включая его самого, — вздохнула она.

— Да, включая и Иркана. Но как мы можем избежать этого, Каймориль, если Эльрик отказывается отдать приказ об аресте твоего брата?

— Он верит в то, что таким, как Иркан, надо позволять говорить все, что им вздумается. Это часть его философского учения. Я с трудом понимаю, что это значит, но такое отношение, кажется, является основой его веры. Если он уничтожит Иркана, он тем самым уничтожит ту базу, на которой основана вся его логика. По крайней мере, так он мне объяснял.

Дайвим Твар вздохнул и нахмурился. Он был не в состоянии понять Эльрика и иногда с испугом ловил себя на том, что симпатизирует взглядам Иркана. По крайней мере, мотивы и действия принца были просты, прямы и доступны пониманию. Однако он слишком хорошо знал характер Эльрика, чтобы допустить мысль о том, что его друг действует так по слабости или недомыслию. Парадокс заключался в том, что Эльрик терпел предательские действия Иркана только потому, что чувствовал свою силу, потому, что мог уничтожить его в любую минуту, едва это пришло бы ему в голову. А характер Иркана был таков, что он должен был всё время испытывать эту силу Эльрика, потому что инстинктивно понимал, если Эльрик ослабеет и прикажет его убить, тогда и именно тогда Иркан выиграет.

Это было запутанное положение, и Дайвим Твар искренне надеялся, что скоро оно разрешится. Его преданность королевскому дому Мельнибона была сильна, а личная преданность Эльрику еще сильнее.

Он несколько раз серьезно задумывался над тем, не приказать ли ему тайно умертвить Иркана, но пришел к выводу, что такой план почти наверняка не принесет успеха. Иркан был колдуном большой силы и, несомненно, узнал бы о всякой тайной попытке покушения заранее.

— Принцесса Каймориль, — сказал Дайвим Твар, — я могу только молиться о том, чтобы брат твой проглотил столько своей злости, чтобы она отравила его.

— А я присоединяюсь к этой молитве, Повелитель Драконьих Пещер. — Они вышли из зала вместе.

ГЛАВА 3

Свет раннего утра тронул высокие башни Имрира и засверкал всеми цветами радуги. Каждая башня имела свой оттенок, тысячи мягких тонов играли и переливались. Розовые, желтые, пурпурные, бледно-зеленые, коричневые, оранжевые, светло-голубые, белые и муарово-розовые — все они были прекрасны в солнечном свете. Два всадника выехали из Города Мечты, оставив башни за собой, и поскакали прочь от стен города по зеленому полю к высокому сосновому лесу, где среди стволов еще таилась тьма. Цокали белки, лисы играли у своих нор, жужжали насекомые, пение птиц наполняло воздух, а лесные цветы раскрывали лепестки, благоухая тонким ароматом. Контраст между городом и медлительной жизнью леса был настолько велик, что сказался на настроении, по крайней мере, одного из всадников, который спешил и повел лошадь в поводу, ступая по поляне голубых цветов, утопая в них по колено. Другая всадница — девушка — остановила лошадь, но не спешила. Она просто наклонилась в высоком мельнибонийском седле и улыбнулась мужчине.

— Эльрик! Неужели ты хочешь остановиться так близко от Имрира?

Он через плечо улыбнулся ей.

— Ненадолго. Мы слишком поторопились уехать. Мне надо привести в порядок мысли, прежде чем ехать дальше.

— Как ты спал?

— Хорошо, Каймориль. Наверное, мне снились сны, но я не помню. Когда я проснулся, у меня была какая-то тяжесть на душе, но ведь вчерашняя встреча с Ирканом была не из приятных.

— Думаешь, он намерен использовать против тебя колдовство?

— Я бы сразу понял, если бы он задумал это. И он знает мои силы. Сомневаюсь, что он захочет помериться со мной в магии.

— У него есть основания предполагать, что ты не захочешь воспользоваться своей силой. Он ведь много раз испытывал твоё терпение, и это сходило ему с рук. Может, теперь он захочет проверить, сможешь ли ты сделать что-нибудь, если он применит колдовство?

— Да, опасность, конечно, есть, — нахмурился он. — Но, думаю, еще не сейчас.

— Он не успокоится, пока не уничтожит тебя.

— Или пока сам не будет уничтожен, Каймориль, — он остановился, сорвал цветок и улыбнулся. — Твой брат слишком крут, не правда ли?

Каймориль поняла его. Она соскочила с коня и подошла к нему. Ее легкое платье гармонировало с цветами, по которым она ступала.

Он протянул ей цветок, и она приняла его, дотронувшись до лепестков губами.

— Сила ненависти сильна, любовь моя. Ирган — мой брат, и все же я даю тебе совет: используй против него свою силу.

— Я не могу убить его. У меня нет на это права.

— Ты можешь сослать его.

— Разве ссылка для мельнибонийца не то же самое, что смерть?

— Ты много раз говорил, что хочешь попутешествовать по землям Молодых Королевств.

— Может быть, — с горечью рассмеялся Эльрик, — потому что я не настоящий мельнибониец. Ирган прямо так и сказал, и многие согласны с ним.

— Он ненавидит тебя, потому что ты способен предаваться созерцанию. Но ведь твой отец был таким же, а никто никогда не говорил, что он не может быть императором Мельнибона.

— Мой отец никогда не пытался увязать свойства своего характера с результатами. Он правил так, как должен править император.

Нужно признать, что Ирган тоже будет править так. У него есть возможность снова возвеличить Мельнибон. Он начнет войну и попытается распространить нашу власть на всю землю. Этого же хочет большая часть нашего народа. Разве у меня есть право отрицать такое желание?

— У тебя есть право делать все, что ты пожелаешь, потому что ты — император. И все, кто тебе предан, думают точно так же.

— Возможно, их преданность не по адресу. Может, Ирган прав, и я предаю эту их преданность, обреку на уничтожение Остров Драконов? — его печальные глаза встретились с ее взглядом. — Может, мне следовало умереть, когда я появился на свет из чрева матери.

Тогда Ирган стал бы императором. Может, судьба обманывает нас?

— Судьбу невозможно обмануть. Что произошло, тому и следовало произойти, потому что так хотела судьба, если она существует, если действия и поступки людей подчинены ей, а не просто являются ответом на действия и поступки других людей.

Эльрик вздохнул.

— Твоя логика приводит тебя почти к кошунству, Каймориль, если мы верны традициям Мельнибона. Возможно, станет лучше, если ты вообще забудешь обо мне.

— Сейчас ты похож на моего брата, — засмеялась она. — Ты тоже испытываешь силу моей любви и преданности, мой повелитель?

Он повернулся к лошади, собираясь вскочить в седло.

— Нет, Каймориль, но я советую тебе испытать эту любовь, потому что чувствую: в ней скрывается какая-то трагедия.

Поднявшись в седло, она улыбнулась.

— Ты во всем видишь несчастья. Неужели ты не можешь принимать хорошее, когда оно тебе дается? И без того это происходит редко.

— Да, с этим я согласен. — Они одновременно повернули головы, услышав позади себя стук копыт.

Довольно далеко они увидели двух всадников, в растерянности озирающихся вокруг, — солдат, которых эта пара оставила позади, желая побыть наедине.

— Пойдем! — вскричал Эльрик. — Через лес и за тот холм — они никогда не найдут нас там.

Они прищипорили лошадей, галопом взлетели на холм, пронеслись вниз по другому склону, через равнину, где росли кусты нойделя с его красивыми ядовитыми ягодами, сверкающими пурпуром и голубизной, которых даже дневной свет был не в силах затмить. В Мельнибоне росло много таких странных ягод и трав, и благодаря некоторым из них Эльрик оставался в живых. Другие использовались для лечебных надобий, которыми многие века пользовались предки Эльрика. Сейчас мало кто из мельнибонийцев покидал Имрир для сбора трав. Только рабы ходили по острову в поисках корней и стеблей кустарника, которые дарили людям великолепные и ужасные сны, потому что именно в снах дворяне Мельнибона находили большинство удовольствий. Они всегда были утрюмой, молчаливой, обращенной внутрь себя расой, и именно по этой причине Имрир называли Городом Мечты. Здесь даже рабы привыкли жевать ягоды, которые приносили забвение, а следовательно, их легче было контролировать, потому что они зависели от этих сновидений. Только один Эльрик отказывался от наркотиков, может быть, потому, что и так использовал множество других трав, чтобы остаться в живых.

Одетые в желтую форму всадники давно уже скрылись из виду.

Миновав равнину с кустами нойделя, император и принцесса замедлили бег коней и, наконец, подъехали к скалам. Внизу ярко сверкающие волны лизали белый песок пляжа. Морские птицы парили в ясном небе, и крики их доносились издалека, подчеркивая чувство покоя, которое сейчас владело Эльриком и Каймориль. В молчании они направили коней

по крутым тропинкам, ведущим к берегу, а там привязали их и пошли по белому песку. Их волосы — его белые и ее цвета воронова крыла — развевались на восточном ветру.

Они нашли большую сухую пещеру, которая ловила звуки моря и отражала их негромким эхом, сняли с себя свои шелковые одежды и стали нежно ласкать друг друга в тени пещеры. Они еще лежали в объятиях друг друга, когда наступил теплый день, и ветер утих.

Затем влюбленные искупались, рассыпая вокруг свой смех.

Когда они оделись, на горизонте потемнело, и Эльрик сказал:

— Мы промокнем еще до того, как успеем вернуться в Имрир.

Как бы быстро мы ни ехали, шторм все равно догонит.

— Может, лучше остаться в пещере? — Она прижалась к нему всем телом.

— Нет. Я должен вскоре вернуться, так как в Имрире остались снадобья, которые я должен принять, если хочу, чтобы мое тело опять стало сильным. Через час-другой я начну слабеть. Ты ведь видела меня слабым раньше, Каймориль?

— Да, я видела тебя слабым, Эльрик, — в глазах ее было сочувствие. — Пойдем, надо найти лошадей, — она погладила его по щеке.

К тому времени, когда они подошли к лошадям, небо стало серым, а черная туча клубилась совсем недалеко. Они услышали первые раскаты грома и увидели первую вспышку молнии. Море заволновалось, взбудораженное волнением неба. Лошади храпели и рыли копытами песок, желая как можно скорее отправиться в обратный путь.

Когда император и принцесса взобрались на коней, начали падать первые капли дождя.

Затем они помчались в Имрир, а вокруг них сверкали молнии, гром грохотал, как какой-нибудь старый повелитель Хаоса, пытающийся пробраться в измерение Земли. Каймориль взглянула на бледное лицо Эльрика, на мгновение осветившееся вспышкой молнии, и почувствовала, как ее с ног до головы пробрала холодная дрожь. Эта дрожь не имела никакого отношения ни к дождю, ни к ветру, потому что в эту секунду ей показалось, что нежный ученый, которого она любила, превратился в бешено скачущего демона, чудовище, которое не имело отношения ни к чему человеческому.

И внезапно к Каймориль пришло знание. Это было именно знание, а не предчувствие, что эта их прогулка была последним спокойным днем, каких они никогда не испытают в бу-

душем. Этот шторм был знаком богов — предупреждение о том, что придут более серьезные шторма.

Она снова посмотрела на любимого. Он смеялся, подняв лицо к небу, чтобы на него падал дождь. Это был спокойный искренний смех счастливого ребенка. Каймориль тоже пыталась засмеяться, чтобы доставить ему удовольствие, но ей пришлось отвернуться. Она все еще плакала, когда Имрир проступил черным гротесковым силуэтом на фоне яркой, светлой, еще не потемневшей западной стороны горизонта.

ГЛАВА 4

Солдаты увидели их, когда они приближались к восточным воротам города.

— Наконец-то они нашли нас, но чуть-чуть поздновато, а, Каймориль? — Улыбнулся Эльрик.

Все еще поглощенная чувством обреченности, она кивнула и попыталась улыбнуться. Он решил, что она печальна из-за близкого расставания, не больше, и крикнул:

— Эй, люди! Скоро мы окажемся под кровом?

Но капитан быстро подъехал ближе, прокричав:

— Милорд император, ваше присутствие необходимо в Моншанжикской башне, куда отвели двух шпионов.

— Шпионов?

— Да, милорд, — лицо солдата было бледным. Вода потоками стекала с шлема на тонкую ткань его камзола. Он с трудом справился с лошадью, которая так и норовила сойти с дороги в лужи в тех местах, где дорога осталась непочиненной. — Их поймали в лабиринте сегодня утром. Судя по одежде — южные варвары. Мы ничего не делали с ними, дожидаясь вас.

— Тогда вперед, капитан. Давайте посмотрим на двух дураков, которые осмелились войти в морской лабиринт Мельнибона.

Башня Моншанжика была названа так в честь волшебника-архитектора, который создал морской лабиринт несколько тысяч лет тому назад. Достичь огромной гавани Имрира можно было только через него, и этот секрет тщательно охранялся, потому что был единственным на дежнем средством против неожиданного вторжения. Лощманам надлежало проходить специальную подготовку, чтобы проводить корабли.

Через лабиринт вело пять разных маршрутов, и каждый лощман знал лишь один из пяти. В наружной стороне скалы было пять входов.

Здесь корабли Молодых Королевств ожидали появления лощмана. Прежде чем ворота в один из входов поднимались,

экипажу корабля завязывали глаза и посылали в трюм, кроме рулевого и начальника гребцов, на головы которых надевали глухие стальные шлемы, так что они ничего не видели и исполняли только команды лоцмана, причем весьма сложные. Если корабль Молодого Королевства не выполнял одного из этих приказов, то разбивался о стены. Что ж, мельнибонийцы привыкли не очень-то горевать по этому поводу. Если кто-то из членов экипажа оставался в живых, его обращали в рабство. Все, кто хотел торговать с Городом Мечты, сознавали риск такой торговли, и многие купцы приплывали каждый месяц, чтобы пройти опасности лабиринта и обменять свои жалкие товары на роскошь и богатство мельнибонийцев.

Башня Моншанжика стояла перед гаванью, неподалеку от широкого причала, ушедшего далеко в лагуну. Она была окрашена в цвет морской воды, довольно неприглядный по имбирским стандартам, хотя, по мнению жителей Молодых Королевств, это было красивое, высокое здание с широкими окнами, из которых была видна вся гавань. В ней совершались торговые сделки, а в подвалах содержались пленники, которые нарушили хотя бы одно из множества портовых правил. Оставив Каймориль и приказав охране сопровождать ее во дворец, Эльрик отправился к башне. Проезжая мимо ворот, он направил лошадь в сторону иноземных купцов, ожидающих разрешения начать торговлю, матросов и мельнибонийских чиновников, занятых всевозможными торговыми операциями, хотя сами сделки происходили в другом месте. Отзвук тысяч и тысяч голосов, бормочущих о товарах, о ценах, спорящих и торгующихся, медленно затих, когда Эльрик с охраной надменно проехал сквозь широкую темную арку дальнего входа зала. От арки дорога уходила вниз, скрываясь глубоко под землей.

Копыта их лошадей процокали мимо рабов, слуг и служанок, которые торопливо уступали дорогу, низко кланяясь при виде императора. Огромные факелы освещали этот туннель, они дымили и шипели, отбрасывая искаженные тени на стены из обсидиана. Воздух был промозглым и сырым, так как вода плескалась за наружными стенами у набережных Имбира. Эльрик ехал вниз, а уклон уходил все глубже в монолитную скалу. Внезапно навстречу ему поднялась волна жара, и впереди показался колеблющийся свет, усиливающийся по мере того, как они въезжали в зал, полный дыма и почти физически ощутимых волн страха. С низкого потолка свисали цепи, и в восьми этих цепей висели четыре человека, подвешенные за ноги. Одежда с них была сорвана, и тем не менее они казались не голыми, потому что кровь из множества мелких ран, маленьких, но болезненных надрезов, сделанных палачом с поч-

ти художественной тщательностью, покрывала их тела. И сам мастер в этом редкостном виде искусства стоял рядом со своим произведением, все еще не выпуская скальпель, сумрачно поглядывая на свою работу. Он был высок и очень худ, белая одежда пропиталась кровью, тонкие губы кривились в болезненной усмешке, но щелочки глаз блестели от наслаждения, а худые пальцы возбужденно подрагивали. Скальпель, который он держал, был так тонок, что лезвие в этом неярком свете почти невозможно было рассмотреть. Оно лишь изредка сверкало ослепительным блеском полированного металла. Палача все называли доктор Шутка, и его искусство заключалось в том, что он разрушал, а не создавал ничего нового, хотя с этим он спорил и даже хвастался, что неоднократно ему удавалось переубедить собеседника. Суть его мастерства заключалась в выведывании секретов у тех, кто их пытался скрыть.

Когда Эльрик вошел, он молниеносно повернулся и, как танцор, поклонился в пояс.

— Мой император!

Голос его был визглив, а слова сливались, настолько быстро он говорил.

— Доктор, это те самые южане, которых поймали сегодня утром?

— Да, милорд. — Еще один по ясной поклон. — Чтобы доставить вам удовольствие.

Эльрик холодно рассматривал пленников. Он не чувствовал к ним никакой жалости. Они были шпионами. Они оказались здесь только по собственному неразумию, хотя прекрасно знали, на что шли. Но один из них был очень молод, почти мальчик, а другая — женщиной, хотя теперь это нелегко было распознать с первого взгляда. Женщина щелкнула остатками выбитых зубов и прошипела, повернувшись к Эльрику:

— Демон...

Эльрик отступил.

— Они уже рассказали, что делали в лабиринте, доктор?

— Они все еще мучают меня заранее подготовленной полуправдой. Но я уже сейчас могу сказать, они проникли сюда, чтобы вычертить план лабиринта, по которому потом пойдут их корабли. Это игра, сир. И все мы понимаем, как следует в нее играть.

— Когда они скажут все, доктор Шутка?

— Очень скоро, сир.

— Я предпочел бы знать, надлежит ли нам ждать атаку. Чем скорее мы узнаем, тем больше времени у нас будет для возможной подготовки к ней. Вы согласны со мной, доктор?

— Да, сир.

— Прекрасно, — Эльрик был раздражен тем, что привычный порядок дня был нарушен. И это происшествие испортило ему впечатление от верховой прогулки и слишком быстро возвращало к императорским обязанностям.

Доктор Шутка повернулся к своим жертвам, жестом эксперта схватил за половые органы одного из мужчин. Мелькнул скальпель, и раздался ужасающий крик. Доктор Шутка бросил в огонь то, что осталось у него в руке. Эльрик уселся в приготовленное для него кресло. Он испытывал скорее скуку, нежели отвращение. Крики, лязганье цепей, визгливая скороговорка доктора — все это развеяло то чувство безоблачности, которое подарила ему Каймориль. Но присутствовать на подобных ритуалах было одной из его обязанностей, и он собрался присутствовать, пока ему не передадут нужные сведения, а потом поздравит Главного Допросчика и отдаст приказ, который послужит основой диспозиции готовящегося сражения. И даже после этого ему придется совещаться с адмиралами и генералами, может быть всю ночь, выбирая свою точку зрения, решая, как расставить корабли и отряды.

С трудом подавляя зевоту, он откинулся на спинку и смотрел, как доктор работал скальпелем, щипцами, пинцетом и просто пальцами над телами людей. Скоро Эльрик стал думать о философских проблемах, тех, которые не успел решить раньше. И не потому, что в нем не было ничего человеческого, но что бы там ни было, он был мельнибонийцем и привык к такому зрелищу с раннего детства. Он не мог спасти пленников, даже если бы захотел. Это шло вразрез со всеми традициями Острова Драконов. А в данном случае приходилось иметь дело с действительной опасностью, о которой следовало знать. Если бы был хоть какой-нибудь смысл в освобождении пленников, он бы освободил их, но смысла в этом не было никакого, да и пленники были бы поражены, обойдись он с ними милосердно. Там, где надо было принимать так называемые «моральные» решения, Эльрик был практичен. Он всегда принимал решение до того, как следовать какому-то действию. В данном случае никакого действия он предпринять не мог. Такая реакция стала его второй натурой. Его желание было не в том, чтобы изменить Мельнибон, а в том, чтобы изменить себя, не действовать самому, а знать, как наилучшим образом отвечать на действия других.

— Милорд? — Эльрик рассеянно поднял голову. — Теперь у нас есть информация, милорд, — тонкий голос доктора журчал на все помещение.

Две дыбы были пусты. Один из человеческих обрубков на цепи еще немного дрожал, но другой качался, не шевелясь.

Доктор вытер и спрятал инструменты в плоскую тонкую коробку, которую носил за поясом.

— Оказывается, до этих в лабиринте побывали другие шпионы.

Эти пришли только для того, чтобы подтвердить правильность уже известного маршрута. Если они не вернутся вовремя, варвары все равно приплывут.

— Но ведь они, вне всякого сомнения, будут знать, что мы их ждем?

— Не обязательно, милорд. Мы уже распространили слухи среди купцов и матросов Молодых Королевств, что шпионы проникли в лабиринт и были убиты при попытке к бегству.

— Понятно, — Эльрик нахмурился. — Тогда лучше всего устроить ловушку.

— Да, милорд.

Эльрик повернулся к одному из стражников.

— Пошлите за всеми генералами и адмиралами. Сколько времени?

— Прошел час после захода солнца, сир. — Велите им собраться через два часа в зале с Рубиновым Троном.

ГЛАВА 5

Иркан явился первым. Великолепно одетый, с двумя верзилами-стражниками, каждый из которых держал боевое знамя принца.

— Мой император! — В выкрике Иркана слышалось откровенное пренебрежение. — Разрешить ли ты мне командовать воинами? Это освободит тебя от заботы, которая, несомненно, помешает в других более важных делах.

Эльрик нетерпеливо ответил:

— Ты очень заботлив, принц Иркан, но не беспокойся за меня.

Я приму командование над сухопутными и морскими силами Мельнибона, что является обязанностью императора.

Иркан вспыхнул и отступил в сторону, пропуская вошедшего Дайвима Твара, Повелителя Драконьих Пещер. Он был без охранников и, казалось, одет на скорую руку. Шлем он нес в руках.

— Мой император, я принес весть о драконах.

— Благодарю тебя, Дайвим Твар, но подожди, пока соберутся все мои командиры, чтобы и они могли услышать эту новость.

Дайвим Твар поклонился и отошел к другой стене зала, противоположной той, у которой стоял принц Иркан.

Начали прибывать военачальники, и вскоре у ступеней Рубинового Трона, на котором восседал Эльрик, собралось много людей.

Сам Эльрик все еще был одет в охотничий камзол, в котором утром ездил на прогулку. У него просто не было времени переодеться, так как он сразу же после возвращения из башни стал изучать карты морского лабиринта, доступ к которым имел лишь он один и которые в обычное время были скрыты с помощью волшебства от любого, кто попытался бы их найти.

— Южане собираются разграбить Имрир и убить всех нас, — начал он. — Они верят, что обнаружили проход через лабиринт. К Мельнибону уже плывет флот из сотни судов. В темноте они подплывут к лабиринту и войдут в него. В полночь они предполагают достичь гавани и до зари захватить дворец. Я бы хотел знать, возможен этот план или нет.

— Нет! — возглас вырвался одновременно у десятков людей. Нет!

— Тогда как нам следует поступить, чтобы продлить удовольствие от той маленькой войны, которая нам предстоит? — улыбнулся Эльрик.

Иркан, как всегда, закричал первым:

— Выйдем им навстречу сейчас, на боевых барках и с драконами. Будем драться, пока они не вернутся на их собственные земли.

Объявим им войну и там. Нападем на их Королевства и сожжем их города! Уничтожим и захватим все, что найдем, и тем самым обеспечим собственную безопасность!

— Драконов нет, — спокойно сказал Дайвим Твар.

— Что? — Иркан подпрыгнул на месте.

— Драконов нет, принц. Их не добудиться. Драконы спят в пещерах, они слишком устали от той работы, которую вы задали им последний раз.

— Я?

— Вы использовали их в нашем небольшом конфликте с Вильмирианскими пиратами. Я говорил, что предпочел бы оставить их на более серьезный, непредвиденный случай. Но вы бросили драконов в бой против пиратов и весьма красочно сожгли их игрушечные лодчонки. А сейчас драконы спят.

Иркан нахмурился и поглядел на Эльрика.

— Я не ожидал... — Эльрик поднял руку. — Нам не понадобятся драконы. Пока не случилось ничего серьезного, нападение этого флота — пустяки. У нас есть время, чтобы собраться с силами. Пусть они думают, что мы не готовы. Когда все их корабли войдут в лабиринт, мы закроем все его выходы и проходы. Тогда они окажутся в ловушке, и нам останется просто их раздавить.

Иркан раздраженно шурился, стараясь найти хоть какой-то недостаток в этом плане. Высокий старый адмирал Магум Колим в своей цвета морской волны форме сделал шаг вперед и поклонился.

— Золотые боевые барки Имрира готовы защищать город, сир.

Однако, если вы хотите организовать преследование, понадобится время, чтобы расставить их.

— Тогда отправьте несколько барок за лабиринт. Пусть они уже сейчас перекроют гавани, в которые будут возвращаться корабли противника, если им удастся вырваться.

— Хороший план, сир, — Магум Колим поклонился и отошел назад.

Обсуждение продолжалось, но перед тем, как все стали расходиться, Иркан еще раз подал голос:

— Я хочу повторить свое предложение императору. Его особа слишком ценна для нас, чтобы рисковать ею в битве. Я же ничего не стою. Пусть мне разрешат командовать морскими и сухопутными силами, пока император остается в своем дворце, не беспокоясь за исход битвы. Она будет выиграна, а южане наказаны. Возможно, существует какая-нибудь редкая книга, до которой у императора не доходили до сих пор руки?

— Еще раз благодарю тебя за заботу, принц Иркан, — улыбнулся Эльрик. — Но императору надлежит тренировать не только ум, но и тело. Завтра командовать буду я.

Когда Эльрик вернулся в свои покои, он обнаружил, что Тэнгльбоунз уже приготовил его черные доспехи. Они славно служили сотне императоров Мельнибона, эти доспехи, выкованные с помощью волшебства, чтобы придать им силу, равной которой не было на всей Земле и которая, по слухам, могла противостоять даже двум зага дочным мечам Буреносцу и Мечу печали. Этими магическими мечами дрались самые злобные из всех злобных монархов Мельнибона, пока повелители Высших Миров не отобрали их и не спрятали в измерении, в которое даже сами редко осмеливались наведываться.

Худое лицо слуги озарялось радостью, когда он дотрагивался до каждой детали доспехов и оружия своими длинными узловатыми пальцами. Он и не пытался скрыть своего волнения, когда посмотрел на Эльрика.

— Милорд, мой господин! Скоро ты узнаешь наслаждение битвой!

— Да, Тэнгльбоунз. Будем надеяться, что битва действительно дает наслаждение.

— Я научил тебя всем воинским искусствам: искусству

меча и копья, искусству лука и алебарды, искусству пешего и верхового боя. Когда ты в форме, нет фехтовальщика лучше во всем Мельнибоне.

— Принц Иркан иногда дерется лучше, — рассеянно заметил Эльрик. — Разве нет?

— Я сказал, когда ты в форме, милорд.

— Следовательно, когда Иркан в хорошей форме... Ну, что ж, когда-нибудь, вероятно, это можно будет проверить. Прежде, чем лезть в этот металлический кокон, я выкупаюсь, а после выплыву, как следует, — Эльрик улыбнулся, увидев озабоченное лицо старого друга. — Я не буду командовать барками. Мне остается только следить за сражением, и у меня есть время, чтобы хорошенько отдохнуть.

— Если император так считает, тогда так и есть.

— А ты удивлен. Тебе хочется поскорее напялить на меня это вооружение и убедиться, что я выгляжу в нем, как сам Ариох.

Рука Тэнгглоунза метнулась вверх, и он прикрыл ладонью рот, будто он, а не его господин проговорил эти слова. Глаза его расширились.

— Ты считаешь, что я кощунствую, а? — рассмеялся Эльрик, — Не бойся, я говаривал вещи похуже, и, как видишь, ничего плохого со мной не произошло. На Мельнибоне, Тэнгглоунз, императору принадлежит власть над демонами, а не наоборот.

— Как скажет мой повелитель.

— Это правда. — И Эльрик вышел из комнаты, скликая постельничих.

Когда он проснулся, то сразу почувствовал, что лихорадка предстоящего сражения, охватившая дворец, передалась и ему. Он ликовал.

Его облекли в черные тяжелые доспехи, которые состояли из массивной нагрудной пластины, кожаного с металлической сеткой внутри жакета, стальных наручей, поножей, наколенников и тяжелых латных перчаток. На перевязи висел пятифутовый меч, который, по слухам, принадлежал герою древности по имени Оубек. Когда Эльрик под нialsя на борт императорского барка, у золотых перил мостика был оставлен кем-то из слуг его щит с эмблемой нападающего дракона.

Туда же принесли его черный шлем, сделанный в виде дракона, с загнутым клювом надо лбом, с крылышками по бокам и поднятым хвостом сзади. Когда он примерил его, то в прорезь стали видны только красные глаза, да из-под металлических крыльев выбивались белые локоны, похожие на дым из горящего здания, исчезающий в небе.

Он стоял на высоком мостике большой золотистой боевой

барки, которая, как и другие, напоминала формой кита, только была снабжена мачтами, парусами, веслами и катапультами. Корабль назывался «Сын Пайара», и на его мачте развевался флагманский вымпел. Гранд адмирал Магум Колим стоял рядом с Эльриком. Как и Дайвим Твар, он был одним из ближайших друзей императора. Он знал Эльрика всю жизнь и поощрял в нем желание изучать все, что только возможно, о боевых кораблях и действиях на море. В глубине души он, может быть, и боялся, что Эльрик слишком учен и нерешителен, чтобы править Мельнибоном, но он полностью принимал право Эльрика править государством и выражал недовольство и злость, слыша разговоры, подобные тем, какие вел Иркиан. Принц тоже был на борту флагмана, но пока на мостик не поднимался.

«Сын Пайара» стоял на якоре в одном из сотен больших гротов, сделанном в стене лабиринта и предназначенном именно для того, чтобы в него могла стать боевая барка. Каждая из золотистых боевых барок была оборудована весельными палубами, на каждой по обоим бортам находилось по три-четыре десятка банок для гребцов. Палуб было четыре, пять или даже шесть

Эти корабли были практически неуязвимы. Несмотря на массивность, они могли быстро двигаться и довольно тонко маневрировать, когда это требовалось. Не первый раз дожидались они врагов в этих гротах. Боевые барки Мельнибона редко ходили в открытом море.

Но когда выходили в большое плавание, то напоминали, скорее, плавучие золотые горы, чем корабли, и наводили страх, где бы ни появлялись. Когда-то флот был неизмеримо больше и состоял из сотен судов. Сейчас их осталось меньше сорока.

Вслушиваясь в плеск волн о борт, Эльрик пожалел, что не придумал другого плана. Он был уверен, что и так они одержат победу, но она может стоить немало жизней — мельнибонийцев и варваров.

Было бы куда лучше, если бы удалось отпугнуть их, сделать так, чтобы они не заходили в лабиринт. Флот южан был далеко не первым, кого привлекали богатства Имрира. Южане тоже были далеко не первыми, решившими, что раз мельнибонийцы больше не покидают своего города, то их легко будет победить, потому что они ослабли и не в состоянии защитить свои несметные сокровища. Возможно, все-таки южан следовало уничтожить, чтобы преподать хороший урок остальным, чтобы показать, насколько все еще силен Мельнибон. По мнению Иркиана, он был достаточно силен даже для того, чтобы восстановить былое господство над всем миром, если не с помощью солдат, то с помощью волшебства.

— Тише, — адмирал Магум Колим наклонился вперед. — По-моему, плеснуло весло.

— По-моему, тоже, — кивнул Эльрик.

Вскоре они уже слышали равномерный плеск весел и скрип деревянных уключин. Южане приближались. «Сын Пайара» ближе всех находился ко входу в лабиринт, и ему надлежало начать сражение, как только последний из кораблей варваров проплывет мимо. Адмирал Магум Колим спустился вниз, чтобы отдать приказ быть наготове.

Незадолго до этого Иркин использовал свои силы, чтобы вызвать необычайно густой туман, который скрыл золотистые барки от чужих глаз, но который не мешал бы мельничникам.

Эльрик хорошо различал факелы, появившиеся впереди, в начале канала, когда варвары осторожно вошли в лабиринт. Через несколько минут мимо их грота прошло с десяток галер. Магум Колим снова поднялся на мостик, с ним пришел и принц Иркин. На голове Иркина тоже был шлем в виде дракона, но не такой великолепный, как у Эльрика. Даже в темноте было видно, как блестят его зубы, когда он ухмыляется, и как блестят его глаза в предвкушении кровопролития. Эльрик предпочел бы, чтобы он выбрал какой-нибудь другой корабль, но у принца было право находиться на борту флагмана, и Эльрику не хотелось отказывать ему в этом праве.

Уже более полусотни судов прошли мимо. Доспехи Иркина скрипели, когда он нетерпеливо мерил шагами мостик, сжимая рукой в тяжелой перчатке рукоять своего меча.

— Скоро, — все время бормотал он, — уже скоро.

Как только последний корабль южан проплыл мимо, якорь подняли, и весла погрузились в воду. Флагман стрелой вылетел из грота в канал, протаранив последний вражеский корабль, почти разрубив его.

Громкий крик вырвался у варваров. Люди полетели за борт, многие, испуганные этим внезапным и эффективным нападением, выпрыгивали за борт. Фонари, качаясь, отбрасывали причудливый свет на тонущие обломки, темную воду, на людей, которые пытались спастись вплавь. Несколько копий, брошенных храбрецами, ударили в борт 30 лотой барки, но имбирские лучники ответили, и никого из живых не осталось на маслянистой поверхности воды.

Громкий звук тарана послужил сигналом для остальных боевых барок. В строгом боевом порядке вышли они с обеих сторон высоких стен. Изумленным варварам должно было показаться, что они появились прямо из камня — корабли-призраки с командами демонов, которые поливали их стрелами, копьями и камнями из катапульт. Сражение развер-

нулось по всему каналу. Удары стали о сталь походили на шипение гигантских змей, да и сами флоты был похожи на гигантских змей.

Южане оказались храбрыми и стойкими воинами, они не потеряли голову после первого убийственного натиска. Три галеры пошли на «Сына Пайара», узнав флагман. Высоко взлетели огненные стрелы и упали на палубы, не защищенные золотым покрытием. Начался пожар, немало людей было убито.

Эльрик поднял щит над головой, почти сразу две стрелы ударились в него, отскочив, все еще пылая, на нижние палубы. Он сошел с мостика на верхнюю, самую широкую палубу, где собрался отряд воинов, готовых идти на abordаж против галер. Гремели катапульты, голубые огненные шары летели через темноту совсем близко от атакующих галер. Последовал еще один залп, и пламя ударилось в самую высокую мачту дальней галеры, а затем перекинулось на палубу. Абордажные крючья впились в дерево и притянули одну из галер. Эльрик одним из первых прыгнул вперед, пытаясь прорубиться к капитану южан. В грубых доспехах, с большим мечом, на котором уже темнели пятна крови, капитан кричал на матросов, чтобы они не боялись этих проклятых мельнибонийских псов.

Когда Эльрика отделяло от врага не более десяти шагов, на него напали три варвара с изогнутыми саблями и небольшими продолговатыми щитами. Лица их были искажены страхом, но действовали они достаточно целеустремленно, стараясь нанести перед смертью как можно больше ударов, разрушить все, до чего могли дотянуться. Закинув щит за спину, Эльрик схватил меч двумя руками и сбил одного, толкнув плечом. Второму разрубил череп, увернувшись от его неудачного атакующего удара. Оставшийся в живых варвар, сохраняя приличную дистанцию, сделал выпад своей саблей Эльрику в глаза.

Император едва успел принять этот удар крепким кованым краем шлема. Все-таки выпад оказался очень сильным, он едва не упал, с трудом удерживаясь на ногах. Упреждая следующий выпад, который мог оказаться более точным, Эльрик наотмашь взмахнул мечом и попал. Остро отточенная сталь врезалась в бок варвару, перерубив его почти надвое.

Несколько секунд он еще стоял, покачиваясь, словно не верил, что пришел его час, но когда Эльрик вытащил свой меч, глаза его закрылись, и он упал. Человек, которого Эльрик сбил плечом, с трудом поднялся на ноги. Но не успел он даже поднять оружие, как император, придя в себя от шока, с силой ударил, разрубив ему грудь у жилистой шеи. Путь на мостик галеры был свободен. Он стал подниматься по лест-

нице, заметив, что капитан ждет его. Эльрик выдернул из-за спины щит и твердой рукой обхватил его лямки, что бы отразить первые удары капитана. Сквозь шум битвы он услышал, как капитан кричал ему:

— Умри, белолицый демон! Нет тебе места на Земле! — Вслушиваясь в эти слова, Эльрик чуть не пропустил удар. Слишком уж верными показались они ему. Может, действительно не было ему места на этой Земле. Может быть, именно по этой причине Мельнибон медленно терял свое господство, а в государстве все меньше рождалось детей, и даже драконы перестали плодиться. Он позволил мечу капитана еще раз подняться и выдержал еще один удар по щиту. Но затем полоснул капитана по ногам. Варвар оказался не глуп и отпрыгнул назад. Это, однако, дало Эльрику возможность пробежать по лестнице несколько оставшихся ступенек и встать на доски мостика.

Лицо капитана было почти таким же бледным, как у Эльрика. Он был мокрым от пота и тяжело дышал. В его глазах застыл смертельный ужас.

— Вам следовало оставить нас в покое, — услышал Эльрик собственный голос. — Мы не причиняли вам никакого вреда, варвар.

Когда Мельнибон выступил последний раз войной против Молодых Королевств?

— Одно ваше присутствие причиняет нам вред, белолицый. Ваше колдовство, ваши обычаи и ваша самоуверенность...

— Значит, вы нападаете только потому, что ненавидите нас?

Или вам нужно наше богатство? Признайся, капитан, жадность привела вас в Мельнибон.

— Жадность — честное, человеческое чувство. Но вы — не люди.

И вы — не боги, хотя ведете себя, как они. Ваши дни кончатся, и вас уничтожат, сотрут ваш город с лица земли, чтобы даже рассказы о вашем колдовстве забылись.

Эльрик кивнул головой.

— Может, ты прав, капитан.

— Я прав, наши святые говорят так. Наши волхвы предсказывают ваше падение. Повелители Хаоса, которым вы служите, сами послужат вашему падению.

— Повелителям Хаоса давно не интересны события в Мельнибоне.

Они лишили нас покровительства тысячу лет назад. — Эльрик внимательно наблюдал за капитаном, прикидывая расстояние, разделявшее их. — Возможно, именно поэтому

мы стали сейчас не так сильны. А может быть, мы сами устали от власти...

— Что бы там ни было, — капитан вытер взмокшее лицо. — Ваше время кончилось. Вас надо уничтожить раз и навсегда...

И он застонал, потому что широкий меч Эльрика пробил его нагрудную пластину, проникнув в легкие.

Колено согнуто, другая нога вытянута назад, Эльрик начал вытаскивать свой меч, глядя в лицо варвара, которое внезапно стало умиротворенным.

— Это было нечестно, белолицый, хотя... ты очень искусен. Будь ты проклят... Прощай...

Эльрик, не зная почему, бил мечом по шее трупа, пока голова не покатилась по наклонному мостику и свалилась с легким плеском в воду.

А затем позади Эльрика появился Ирман, и на лице его все еще была ухмылка.

— Ты дерешься свирепо, милорд император. Этот дуралей был прав.

— Прав? — Эльрик уставился на своего двоюродного брата.

— Да, когда говорил о твоих слабостях, — все еще усмехаясь, Ирман пошел к своим людям, которые приканчивали раненых матросов с галеры.

Эльрик не знал, почему до сих пор не мог заставить себя ненавидеть Иркана, но сейчас он возненавидел его. В эту минуту он с удовольствием убил бы принца. Как будто Ирман заглянул глубоко ему в душу и выразил презрение всему, что там увидел. Внезапно Эльрик был захвачен чувством собственного бессилия и всем сердцем пожалел о том, что он мельнибониец, император и что принц Ирман вообще родился на этот свет.

ГЛАВА 6

Как высокомерные левиафаны, золотые большие боевые барки плавали среди обломков неприятельского флота. Несколько кораблей горело, несколько тонуло, но основная их масса ушла на дно, в неизмеримую глубь канала. Горящие корабли отбрасывали странные причудливые тени на каменные стены больших пещер, как будто духи умерших отдавали свой последний салют, прежде чем уйти в морские глубины, где, как говорили, все еще правил король Хаоса, набирая команды на свои призрачные флотилии из душ тех, кто умер в океанах мира. А может быть, их ожидала более легкая судьба, и они отправлялись на службу Страше, Повелителю Водных Духов, которые правили всеми водами, за исключением глубин.

Но нескольким удалось скрыться. Каким-то чудом южным

матросам удалось провести свои корабли мимо массивных боевых барок обратно через канал и выйти в открытое море. Это было доложено на флагман, где Эльрик, Магум Колим и принц Иركان стояли сейчас вместе на мостике, осматривая оставшееся за ними поле боя.

— Тогда нам следует догнать их и прикончить, — сказал Иركان.

Он тяжело потел, и его темное лицо блестело, широкие глаза лихорадочно блуждали по сторонам. — Мы должны их преследовать!

Эльрик пожал плечами. Он чувствовал слабость. Он не захватил с собой запаса трав и снадобий, чтобы поддержать в себе силы. Ему хотелось вернуться в Имрир и отдохнуть. Он устал от кровопролития, устал от Иркана и больше всего устал от самого себя. Ненависть, которую он чувствовал к своему двоюродному брату, еще больше подрывала его силы, и он ненавидел эту ненависть, что было хуже всего.

— Нет, — сказал он. — Пусть плывут.

— Пусть плывут? Без наказания? Милорд, это не в наших правилах! — Иركان повернулся к стареющему адмиралу. — Разве это в наших правилах, адмирал Магум Колим?

Магум Колим пожал плечами. Он тоже очень устал, но в душе был согласен с принцем Ирканоу. Враг Мельнибона должен быть наказан, если в голове его возникла мысль, что можно напасть на Город

Мечты. Вслух он сказал:

— Решает император.

— Пусть плывут, — Эльрик тяжело оперся о перила мостика.

Пусть разнесут весть о сегодняшнем поражении в своих варварских землях. Пусть рассказывают, как Повелители Драконов победили их.

Новости распространяются быстро. Я думаю, теперь нам долгое время не надо будет бояться никакого нападения.

— В Мелодых Королевствах полно дураков, — ответил принц.

Они просто не поверят. Нападения будут всегда. Лучшим способом отвести их будет полное уничтожение, так, чтобы ни один южанин не остался в живых или на свободе.

Эльрик глубоко вдохнул воздух и с трудом попытался преодолеть слабость, охватившую его.

— Принц Иركان, ты испытываешь мое терпение.

— Нет, мой император, я думаю только о благе Мельнибона. Ведь вы, конечно, сами не захотите разговоров среди солдат, что вы слабы и боитесь вступить в бой всего с пятью южанами 52 галерами.

На этот раз злость придала Эльрику силы.

— Кто скажет, что Эльрик слаб? Ты, Ирккан? — он знал, что последняя фраза была бессмысленна, но ничего не мог с собой поделать. — Ну, хорошо, мы будем преследовать эти маленькие жалкие лодчонки и пустим их ко дну. И давайте поспешим. Я устал от всего этого.

В глазах Ирккана зажегся загадочный огонек, когда он повернулся, давая указания матросам.

Из черного небо постепенно становилось серым, когда мельнибонийский флот вышел в открытое море и повернул на юг, к Кипящему морю и Южному континенту, лежащему за ним. Корабли варваров не могли плыть через Кипящее море — ни один корабль смертных не мог проплыть там, как говорили, — но должен был обогнуть его кругом.

Корабли варваров вряд ли могли уйти, потому что боевые барки были значительно быстрее. Рабы, налегавшие на весла, были напоены наркотиком, повышавшим их скорость и силу на несколько часов, после чего они умирали. А сейчас были развернуты еще паруса, подхватившие легкий бриз. Золотистыми горами, плывущими по морю, были корабли: способ их изготовления был утерян даже самими мельнибонийцами, которые вообще многое позабыли из того, чем искусно владели раньше. Легко было понять, как люди Молодых Королевств ненавидели Мельнибон и его изобретения, потому что, действительно, казалось: боевые барки принадлежат какой-то другой расе, чужой, более мудрой. И сейчас эти барки легко догоняли несчастные скорлупки, видневшиеся на горизонте.

«Сын Пайара» ушел далеко вперед от остальных кораблей и наладил свои катапульты задолго до того, как на других барках заметили неприятеля. Потные рабы беспрекословно заливали в бронзовые шары огненную начинку из вискозы с помощью длинных стержней, оканчивающихся небольшим ковшом. Они мрачно блестели в предрассветных сумерках.

Несколько рабов вскарабкалось по трапу на мостик, неся вино и еду на платиновых тарелках для трех Повелителей Драконов, которые не уходили с мостика с тех пор, как началась погоня. У Эльрика не было сил даже поест, но он взял большой кубок желтого вина и осушил его. Это был крепкий напиток, и он несколько оживил его.

Он налил себе второй кубок и выпил его так же быстро, как и первый. Потом поднял голову. До зари осталось совсем немного. Пурпурная линия света уже виднелась на горизонте.

— При первом появлении солнца, — сказал Эльрик, — зажем наши шары.

— Я отдам приказ, — сказал Магум Колим, вытирая губы и откладывая кость с остатками мяса.

Он ушел с мостика. Эльрик слышал, как он тяжело спускается по трапу. В ту же минуту альбинос почувствовал, что его теперь окружают одни враги. Что-то странное было в поведении Магума Колима в продолжение разговора Эльрика с принцем Иркано. Эльрик попытался выкинуть из головы эти никчемные мысли. Но слабость, сомнение, откровенная насмешка со стороны двоюродного брата, — все это усиливало в нем чувство одиночества, чувство того, что он в мире один, без друзей. Даже Каймориль и Дайвим Твар были, в конце концов, мельнибонийцами и не понимали тех странных причин, которые толкали его на определенные действия. Может, ему следовало бы вообще отринуть все мельнибонийское и уйти бродить по свету, как солдату фортуны: служа всякому, кому потребуется его помощь?

Тусклым красным полукругом солнце показалось над черной линией далекой воды. С передних палуб флагмана раздались выстрелы катапульта, послышался удаляющийся звук, похожий на стон, и, казалось, сразу дюжина метеоров вспыхнула в небе, высвечивая пять галер, которые находились не более, чем в тридцати корпусах корабля впереди.

Эльрик увидел, как вспыхнули две ближайшие галеры, но три оставшиеся принялись вычерчивать зигзаги, избегая огненных шаров, которые опускались на воду и довольно долгое время горели на поверхности, а потом, так и не затухнув, опускались в морскую глубину.

Было подготовлено еще много огненных шаров, и Эльрик услышал, как Иркано кричит с другой стороны мостика, приказывая рабам пошевеливаться. Затем убежавшие корабли изменили тактику и, разойдясь в разные стороны, поплыли к «Сыну Пайара» точно так же, как это было сделано раньше в морском лабиринте. Эльрик восхищался не только их отвагой, но и искусством, с которым они маневрировали, и той быстротой, с которой они пришли к единственному логическому, хотя и безнадежному, решению.

Когда корабли южан повернули, солнце было за их кормой. Три смелых силуэта приближались к мельнибонийскому кораблю, а море постепенно покрывалось красным светом восходящего солнца, как бы предвещая предстоящее кровопролитие.

Флагманский корабль произвел еще один залп огненными шарами, и ведущая галера попыталась свернуть с курса, чтобы избежать попадания, но две пылающие сферы опустились на ее палубу, и вскоре весь корабль был объят пламенем. Горящие люди, как факелы, медленно падали в воду. Они умирали, но горящий корабль продолжал идти вперёд: кто-то успел закрепить штурвал в одном положении, направив галеру на «Сына Пайара». С громким стуком ударились она о

золотой борт барки, и часть ее огня перекинулась на палубу, где находились катапульты. Огромный чан, содержащий исходный продукт для огненных шаров, немедленно занялся огнем, и тут же к нему сбежались люди со всего корабля, пытаясь потушить огонь. Эльрик ухмыльнулся, увидев, что сделали варвары. Возможно, эта галера нарочно подставила себя под удар. Сейчас основные силы флагманского корабля были заняты тушением пожара, в то время как две оставшиеся галеры южан подплыли с двух сторон, закинули абордажные крючья и полезли на палубу.

— Следить за бортами! — закричал Эльрик через долгое время после того, как мог бы предупредить свою команду. — Варвары атакуют!

Он увидел, как Ирган резко повернулся, одним взглядом оценил обстановку и кинулся вниз по трапу.

— Оставайтесь на месте, милорд император! — крикнул он, пробегая мимо Эльрика. — Вы слишком явно устали для битвы.

Эльрик призвал остатки своих сил и с трудом пошел за ним, чтобы помочь защитить корабль.

Варвары знали, что они все равно проиграли, они дрались не за свою жизнь, они дрались за свою гордость. Они хотели, чтобы до того, как подспеют остальные барки золоченого флота, погиб хотя бы один мельнибонийский корабль.

На палубе Эльрик оказался лицом к лицу сразу с двумя высокими варварами, каждый из которых был вооружен кривой саблей и небольшим продолговатым щитом. Он хотел броситься на них, но доспехи, щит и меч неожиданно оказались невыносимым грузом. Он поднял щит, но опоздал. Две сабли ударили по его шлему практически одновременно. Он все-таки прыгнул вперед, проткнув одному из нападающих руку, а второго ударил щитом. Но снова кривая сабля лязгнула по его нагрудной пластине, и он потерял равновесие.

Над кораблем висел удушающий дым, было нестерпимо жарко, со всех сторон раздавались звуки битвы. Эльрик отчаянно махнул мечом и почувствовал, как он пронзил чье-то тело. Один из противников, хрипя, упал и подкатился Эльрику под ноги. Кровь фонтаном била из его горла. Споткнувшись об убитого им человека, Эльрик упал. Когда второй варвар кинулся вперед, чтобы прикончить поверженного альбиноса, Эльрик поднял меч, пронзив его насквозь. Варвар упал на Эльрика, который даже не почувствовал этого, потому что потерял сознание от чрезмерности усилий, которые ему пришлось сделать. Не в первый раз его кровь, не обогащенная снадобьями, подводила его.

Он очнулся, когда почувствовал на губах вкус соли. Эль-

рик решил, что это кровь, но это была всего-навсего морская вода. Волна прокатилась по палубе и мгновенно привела его в чувство. Он попытался выбраться из-под мертвого тела, навалившегося на него, и услышал голос, который сразу узнал. Эльрик чуть повернул голову и открыл глаза.

Над ним стоял принц Иркиан. Он весь сиял от радости, увидев положение, в котором находился Эльрик. Черный дым все еще мешал видеть небо, но звуки битвы утихли.

— Мы... Мы победили, брат? — с трудом проговорил Эльрик.

— Да, все варвары мертвы. Мы поворачиваем к Имриру.

Эльрик почувствовал облегчение. Если ему не удастся вовремя добраться до снадобий, он умрет. Облегчение его было таким очевидным, что Иркиан снова рассмеялся.

— Хорошо, что битва была недолгой, сир, иначе мы остались бы без предводителя.

— Помоги мне, брат, — Эльрик ненавидел себя за то, что ему приходится просить помощи у принца Иркиана, но у него не было другого выхода. Он вытянул вперед руку. — Я достаточно хорошо себя чувствую, чтобы проверить состояние корабля.

Иркиан сделал шаг, намереваясь принять протянутую руку, но заколебался, все еще ухмыляясь.

— Но, милорд, я не могу с этим согласиться. Вы ведь умрете еще до того, как корабль повернет домой, к востоку.

— Чувшь. Даже без своих лекарств я могу прожить достаточно долго. Хотя движения доставляют мне некоторые затруднения. Помоги мне, Иркиан, я приказываю тебе.

— Ты ничего не можешь мне приказать, Эльрик. Здесь я император, понятно? — Он больше не улыбался.

— Будь осторожен, брат. Я не обращаю внимания на твои предательские речи, но другие этого не потерпят. И тогда мне придется...

Иркиан перешагнул через Эльрика и подошел к перилам. В этом месте при необходимости спускали парадный трап, и фальшборт был закреплен болтами. Иркиан медленно вывернул болты и скинул секцию ограждения в воду.

Попытки Эльрика освободиться стали сильнее. Но он ничего не мог сделать.

Иркиан же, казалось, обрел какие-то невиданные силы. Он с легкостью поднял труп варвара, лежащий на Эльрике, отбросив его в сторону.

— Иркиан, это неблагоприятно с твоей стороны.

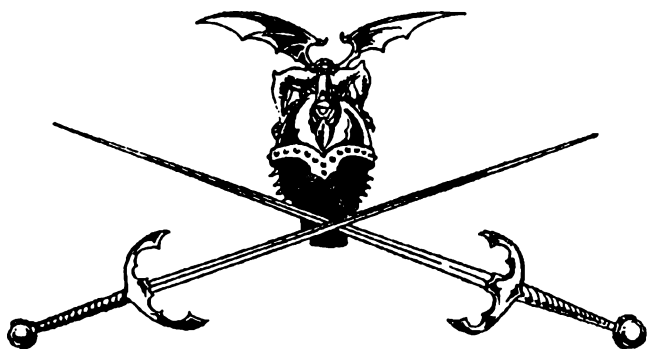
— Ты сам знаешь, брат, что я никогда не отличался осторожностью. — Иркиан вогнал мысок своего сапога между досками Эльрика и досками палубы и с силой толкнул его.

Эльрик перекатился к промежутку в ограждении. Он видел, как внизу под ним колышется черная вода.

— Прощай, Эльрик. На Рубиновом Троне будет сидеть настоящий мельнибониец. И кто знает, может быть, он все-таки сделает Каймориль своей королевой? Такие вещи в нашей стране уже случались...

И Эльрик почувствовал, что он падает вниз, бьется о воду и тонет, потому что тяжелые доспехи неудержимо тянут его ко дну.

Последние слова Иркана звенят в его сознании, как плеск волн о борта золотой барки.

КНИГА ВТОРАЯ

ЗЕРКАЛО ПАМЯТИ

«Меньше, чем когда-либо
уверенный в себе и своей судьбе,
король-альбинос вынужден применить
волшебные силы, понимая,
что этим он приводит в действие
другие силы, куда более могущественные,
которые могут помешать ему прожить жизнь так,
как ему хотелось бы. Надо покончить
с прежней жизнью, старыми привычками.
Надо начинать править, став жестоким.
Но даже в жестокости он будет другим...»

ГЛАВА 1

Эльрик шел ко дну, пытаясь задержать дыхание как можно дольше. У него не было сил всплыть на поверхность, чтобы его, может быть, заметил Магум Колим или один из верных ему людей.

Рев воды в его ушах постепенно перешел в слабый шепот,

так что казалось: с ним разговаривают тихие голоса — голоса духов воды, с которыми в детстве он завязал нечто вроде дружбы. Боль в легких исчезла, глаза перестал застилать мутный туман, ему пока залось, что он видит лицо отца, Каймориль и даже Иркана. Глупый Ирган, он считает себя мельнибонийцем, но не понимает, что у него нет главной черты расы — хитрости. Он безжалостен и прямолинеен, как варвары Молодых Королевств, которых так презирает.

Эльрик чувствовал почти признательность к своему двоюродному брату. Жизнь его кончилась. Конфликты, раздражающие душу, не будут его больше беспокоить. Страхи и муки, любовь и ненависть — все осталось позади, а впереди ждало забвение. Когда последний пузырек воздуха вышел из его легких, он отдал себя морю, Страаше, Повелителю Духов, бывшему когда-то другом мельнибонийского народа. И едва он сделал это, то вспомнил старое заклинание, которое проносили его предки, призывая Страашу. Слова сами возникли в умирающем мозгу.

Нам волны моря — родная мать,
Вскормившая нас, плеснув водой.
Небо над нами звенит как сталь,
И первый должен последним стать.
Родитель рода, морской король,
Прошу, помоги мне, прошу, не оставь.
С тобой мы крови одной, ведь соль
В твоих и наших жилах течет.
Страаша, темный король волны,
Так помоги мне, прошу, помоги.

Эти слова имели либо старое, чисто символическое значение, либо относились к какому-то периоду мельнибонийской истории, о котором Эльрик когда-то читал. Они мало что значили, но почему-то эхом звучали в сознании, пока его тело все глубже уходило в зele ную бездну. Даже когда полная темнота окутала его, а легкие на наполнились водой, слова эти шепотом проносились над темной сферой его мозга. Даже странно было, что он, уже мертвый, непрерывно слышал их ритм...

Казалось, прошло очень много времени, когда глаза его открылись, и вокруг себя он увидел колеблющуюся воду, а сквозь нее — огромные нечеткие фигуры, плывущие к нему. Оказывается, умирая, он видел сны... У фигуры, скользящей впереди, была бирюзовая борода, колышущиеся голубые волосы и бледно-зеленая кожа. Казалось, он был сделан из самого моря, а голос его, когда он заговорил, напоминал рокот морского прибоя. Он улыбнулся.

— Страаша ответил на твой призыв, смертный. Наши судьбы связаны. Что я могу сделать, чтобы, помогая тебе, помочь себе самому?

Рот Эльрика наполнился водой, тем не менее он был в состоянии говорить. При желании это могло служить доказательством того, что он видел сон.

— Король Страаша, ты похож на картину в башне Д'Арпутна, в библиотеке. В детстве я видел ее.

Морской король вытянул зеленую руку.

— Да, это я. Ты звал меня. Ты нуждаешься в помощи. Мы почитаем древний договор с твоим народом.

— Нет. Я ведь не хотел вызывать тебя. Заклинание пришло на ум, когда я умирал. Я счастлив, что утонул, король Страаша.

— Этого не может быть. Если твой разум призвал нас, значит, ты хочешь жить. Мы поможем тебе.

Борода короля Страаши развевалась по течению, и его глубокие зеленые глаза смотрели мягко, почти нежно, когда он разглядывал альбиноса.

Эльрик закрыл глаза и сказал:

— Я сплю. Я обманываю себя фантазиями и глупой надеждой, он чувствовал, что больше не может дышать. — Но если все это происходит на самом деле, старый друг, и ты действительно хочешь помочь, тогда мне как можно скорее следует попасть в Мельнибон, чтобы я мог посчитаться с узурпатором Ирканом и спасти Каймориль.

Это единственное, о чем я сожалею: о тех муках, которые предстоит вынести Каймориль, если ее брат станет императором Мельнибона.

— Это все, что ты просишь у Духов Вод? — в голосе короля Страаши прозвучало разочарование.

— Я не прошу даже этого. Я просто говорю, чего хотел бы, если бы все, что сейчас происходит, было на самом деле... Нет, на самом деле, сейчас я умру.

— Это не так, лорд Эльрик, потому что судьбы наши переплетены, и я знаю, что тебе еще не время умирать. Следовательно, я помогу тебе и сделаю то, что ты просил.

Эльрик удивился реалистичности своей фантазии. Он сказал себе:

— Какой страшной пытке я себя подвергаю. Надо все-таки признать, что я мертв, а не пытаться выжить.

— Твое время не пришло. — Мягкие руки морского короля подхватили его и понесли над лесом розовых кораллов. Эльрик почувствовал, что вода больше не наполняет его легкие и желудок, он снова мог дышать. В самом ли деле он попал в легендарное измерение, заселенное духами-элементами,

духами стихий — измерение, которое всегда пересекалось с измерением Земли?

В большой круглой пещере, переливающейся жемчужным светом, они, наконец, остановились. Король Страаша положил Эльрика на красивый коралловый песок, который, казалось, пружинил при каждом прикосновении. Когда Страаша двигался, ласковый шум прибоя, который неумолчно слышал Эльрик, становился громче. Страаша сел на трон из молочно-белого нефрита и удивленно и ласково посмотрел на Эльрика.

Эльрик все еще был слаб, но дышал легко, с наслаждением втягивая насыщенный влагой воздух. Как будто морская вода очистила все плохое. Он мыслил четко и ясно. Теперь он не был уверен, что все это ему приснилось.

— Я с трудом понимаю, почему ты спас меня, король Страаша, — пробормотал он, не поднимаясь с песка.

— Мы услышали рунное заклинание на этом измерении и пришли. Вот и все.

— Я думал, одного заклинания недостаточно. Я всегда считал, что при этом надо выполнять какие-то ритуалы, петь особым голосом... По крайней мере, раньше всегда так делали.

— Может быть, необходимость заменяет любые ритуалы, хоть ты и говоришь, что хотел умереть. На самом деле это не так, иначе твоё заклинание никогда не дошло бы до нас так быстро, и мы не услышали бы его так ясно. Когда ты отдохнешь, я сделаю то, о чем ты просил.

С большим трудом Эльрик поднялся и сел.

— Ты говорил, что судьбы наши переплетены. Значит, ты знаешь мою судьбу?

— Немного знаю, лорд Эльрик. Наш мир стареет. Когда-то духи стихий обладали большим могуществом в вашем измерении, и народ Мельнибона разделил с ними это могущество. Но сейчас наши силы слабеют... Хотя что-то меняется. Многие признаки указывают, что Повелители Высших Измерений опять заинтересовались вашим миром.

Может быть, они боятся, что люди Молодых Королевств окончательно забудут их. А может, появление Молодых Королевств грозит наступлением новой эры, в которой богам не будет места...

— Больше ты ничего не знаешь?

— Я больше ничего не могу сказать тебе, сын моих старых друзей, кроме одного — ты будешь счастливее, если покоишься своей судьбе.

— Мне кажется, я понимаю, о чем ты говоришь, король Страаша, — вздохнул Эльрик. — Я попробую последовать твоему совету.

— А теперь, когда ты отдохнул, пора возвращаться. Ко-

роль поднялся с нефритового трона, подплыл к Эльрику и поднял его на свои сильные зеленые руки.

— Мы встретимся еще раз, прежде чем кончится твой срок, Эльрик. Надеюсь, мне удастся помочь тебе еще раз. Помни, мои братья — духи воздуха и огня — тоже будут помогать тебе. Помни зверей — они тоже могут быть полезны, не надо относиться к ним недоверчиво. И почаще вспоминай Повелителей Высших Измерений, но знай, за их дары всегда приходится платить...

Это были последние слова, которые Эльрик услышал от Страши.

Потом они выбирались по узким туннелям этого другого измерения, с фантастической скоростью проносясь над розовыми кораллами, так что Эльрик даже не понял, в какой момент они вернулись в волны его родного моря.

ГЛАВА 2

Странные облака закрывали небо, солнце лишь изредка показывалось между ними — громадное, тяжелое и красное. Золотые барки возвращались по черным морским водам, следуя за побывавшим в переделке флагманом «Сын Пайара», который едва двигался вперед, с мертвыми рабами на веслах, обгоревшими парусами на мачтах, за копченными бортом и палубами — и новым императором на заваленном обломками мостике. Он был единственным человеком во всем флоте, который радовался от души. Теперь его вымпел полоскался на грот-мачте, он не терял времени даром и тут же объявил Эльрика убитым в сражении, а себя — наследником трона Мельнибона. Для Иркана это странное небо было предзнаменованием того, что вернулись старые времена и Остров Драконов обретет свою былую силу.

Адмирал Магум Колим, который всегда любил Эльрика, глядя на волны, думал, не лучше ли поступить с Ирканом так, как, по подозрению адмирала, он поступил с Эльриком. Дайвим Твар стоял у борта своего корабля «Удовлетворенная радость Тэрали» и тоже смотрел на волны, но видел в них предзнаменование беды. Он скорбел об Эльрике и строил планы мести принцу Иркану, если будет доказано, что тот убил брата с целью захватить Рубиновый Трон.

На горизонте появился Мельнибон, тоскливый неровный силуэт, черное чудовище, плещущееся в море, призывающее своих моряков назад, к горячечным удовольствиям и наслаждениям Города Мечты.

Огромные скалы — центральные ворота в морской лабиринт — были открыты. Золотые корабли вошли в серую сы-

ростью лабиринта, где еще плавали обломки судов варваров. Фонари с мачт освещали белые трупы, попадавшие под весла.

Золотые барки величественно проходили над обломками, но на их бортах не слышалось веселых криков, потому что они несли с собой весть о смерти императора, погибшего в бою. В следующую ночь и все семь ночей подряд Дикие Танцы Мельнибона будут исполняться на улицах. Снадобья, зелье и заклинания помогут никому не спать, потому что ни один мельнибониец, будь он стар или млад, не имел права спать, пока оплакивали императора. Обнаженные Повели тели Драконов будут ходить по всему городу, насилуя каждую молодую женщину, которая попадется им по пути, наполняя ее чрево своим семенем, потому что таков был обычай: когда умирает император, молодые дворяне должны зачать как можно больше детей благородной крови. Музыкальные рабы будут печально петь с вершины каждой башни. Много рабов будет убито, и некоторые из них съедены.

Одна из башен будет разрушена, а за семь дней воздвигнут новую. Башня эта будет названа «Эльрик VIII» в честь альбиноса-императора, убитого на море, защищавшего Мельнибон против южных пиратов.

Убитого на море и унесенного волнами. Это было не очень хорошим знаком и означало, что Эльрик умер и будет служить Пайаре, имеющему щупальца, Шептуну Страшных Тайн, Повелителю Хаоса, который командовал флотом Хаоса — мертвыми кораблями, мертвыми матросами, от начала и до конца времени, — а это была не та судьба, которая должна быть уготована императору Мельнибона. Да, но и после свершения ритуалов мы будем еще долго его оплакивать, думал Дайвим Твар. Он любил Эльрика, несмотря на то, что в глубине души не был согласен с тем, как тот управляет Островом Драконов. Втайне он отправится сегодня в Драконьи Пещеры и будет оплакивать Эльрика там, потому что после его смерти драконы остались единственными существами, которых он любил. А затем Дайвим Твар подумал о Каймориль, которая дожидалась возвращения Эльрика.

Корабли стали появляться из лабиринта в сумерках. Набережная была пуста, за исключением Каймориль и ее охраны.

Хотя флагманский корабль последним прошел через лабиринт, остальным баркам пришлось ждать, пока он не смакует и не встанет у причала первым. Если бы не старые традиции, Дайвим Твар сошел бы со своего корабля, поговорил бы с Каймориль, увел бы ее с набережной и рассказал об обстоятельствах смерти Эльрика. Но это было невозможно. Еще до того, как «Удовлетворенная радость Терали» бросила якорь, трап «Сына Пайара» был спущен, и император Иркан,

сияя от гордости, сошел по нему, подняв руки в триумфальном салюте своей сестре, которая, как ясно было видно даже с большого расстояния, скользила взглядом по всем кораблям в поисках своего любимого.

Внезапно Каймориль все поняла и посмотрела на Иркана, пытаясь прочесть, в какой мере он был виновен в гибели императора либо Ирган позволил банде южных пиратов скопом напасть на Эльрика, либо убил его собственной рукой.

Она знала своего брата и прекрасно поняла выражение его лица. Он лучился самодовольством, как бывало всякий раз, когда он собственноручно совершал преступление. Ненависть появилась в ее глазах, наполненных слезами, она откинула назад голову и закричала в злое небо:

— Ирган убил его! — Ее охранники вздрогнули.

Капитан удивленно спросил:

— Миледи?

— Он мертв — и его убил брат. Схватите принца Иркана и убейте его, капитан. — С несчастным выражением лица капитан скрестил руки на груди, отказываясь выполнять это распоряжение. Молодой солдат, менее искушенный в дворцовых интригах, выхватил меч, пробормотав:

— Я убью его, принцесса, если таково ваше желание.

Капитан бросил на него предостерегающий взгляд, но солдат не обратил на это никакого внимания. Теперь уже и двое других солдат выхватили мечи из ножен. Тогда Ирган, в развевающемся красном плаще, в драконьем шлеме, выступил вперед и провозгласил:

— Теперь Ирган — император!

— Нет! — вскричала его сестра. — Эльрик! Эльрик, где ты!

— Служит новому господину! Прежний император мертв! Его мертвые руки вертят штурвал корабля Хаоса, сестра. Его мертвые глаза ничего не видят. Его мертвые уши слышат только удары хлыста Пайара, а его мертвое тело не чувствует ничего, кроме этих ударов. Эльрик утонул и сейчас покоится на дне.

— Убийца! Предатель! — Каймориль зарыдала. Капитан, человек практичный, низким голосом сказал своим воинам:

— Оружие из ножен, щенки, и салютуйте новому императору!

Только молодой солдат, который любил Каймориль, не повиновался этому приказу.

— Но он убил императора! Так сказала миледи!

— Ну и что? Сейчас Ирган — император. На колени, мальчишка, иначе ты умрешь.

Молодой солдат дико вскрикнул и кинулся на Иркана, который отступил на шаг, пытаясь вытащить меч из-под тяжелого плаща.

Принц не ожидал нападения.

Но капитан оказался еще быстрее, он выхватил меч и ударил молодого солдата в спину. Тот упал бездыханным у ног Иркана.

Такое поведение капитана могло быть прямой демонстрацией могущества принца, и Ирган, сияя от радости, смотрел на труп у своих ног. Капитан упал на одно колено, держа окровавленный меч.

— Милорд император! — сказал он.

— Ты показал истинную преданность, капитан.

— Я предан Рубиновому Трону.

— Правильно, капитан, правильно.

Каймориль вздрогнула от горя и ненависти, но ее ярость была бессильной. Она знала, что теперь у нее не осталось друзей. Она была второй, кто упал у ног Иркана, ибо потеряла сознание.

— Поднимите ее, — сказал Ирган охране. — Отнесите ее в башню и проследите, чтобы она там оставалась. Два стражника должны находиться при ней неотлучно, потому что она может замыслить предательство Рубинового Трона.

Капитан поклонился и сделал знак своим людям, чтобы они повиновались.

— Да, милорд, все будет исполнено.

Ирган оглянулся на труп молодого воина, улыбнувшись.

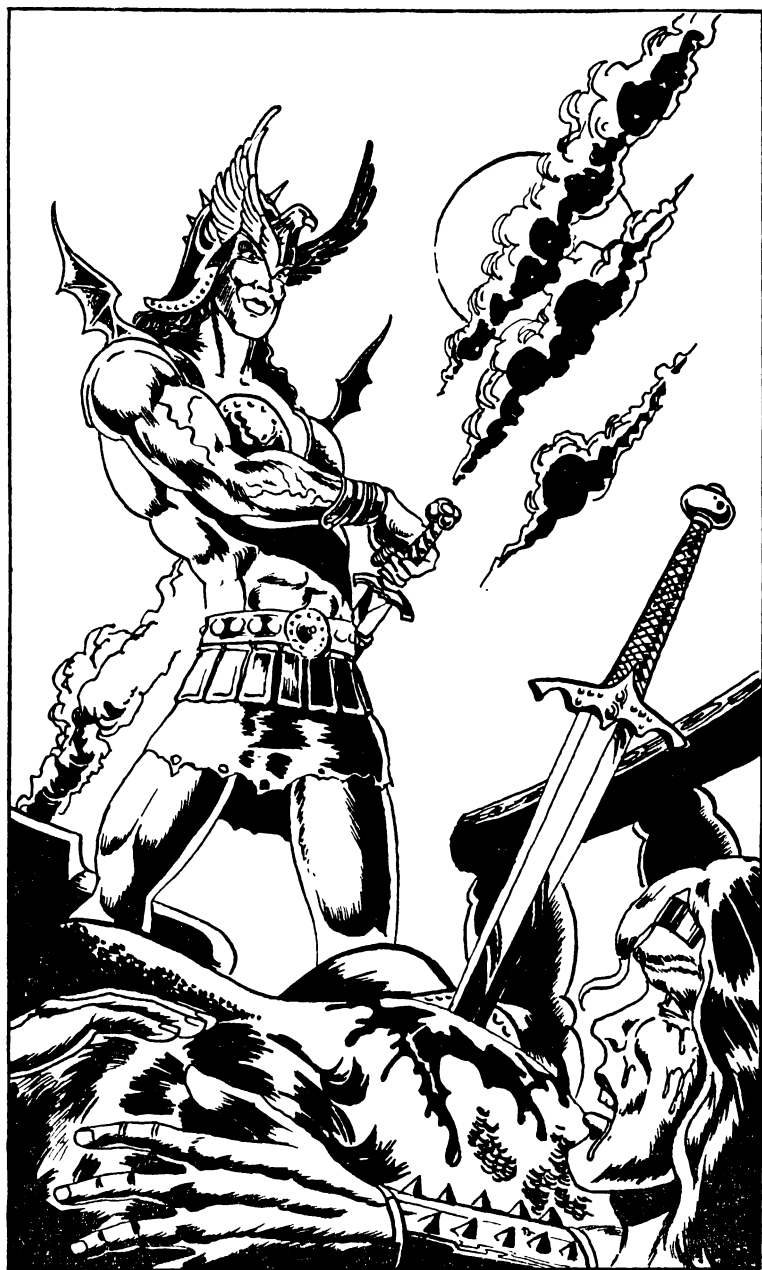
— А это скормите ее рабам, чтобы он и мертвый служил ей.

Капитан улыбнулся, оценив эту шутку. Он уже чувствовал, как хорошо иметь на троне Мельнибона истинного императора, такого, который знал, как поступать с врагами, и который принимал беспрекословную преданность как нечто должное. Капитан думал о тех хороших временах, которые теперь ожидают Мельнибон.

Золотые барки и воины Имрира вновь будут бороздить моря, внушая ужас варварам Молодых Королевств. Мысленно капитан уже грабил города Ильмиора и Джадмара: Лормир, Аргимилиар и Пикарайд.

Может, его даже сделают губернатором, скажем, острова Пурпурных Башен. Какие изощренные пытки придумает он этим выскочкам, адмиралам морских эскадр, в особенности графу Смиоргану Лысому, который пытался сделать свой остров соперником Мельнибона в торговле.

Следуя за солдатами, которые несли бесчувственную Каймориль обратно в ее дворец, капитан посмотрел на нее и вдруг понял, что это тело пробуждает в нем страсть. Ирган вознаграждает его за преданность, в этом не могло быть никаких сомнений... Несмотря на холодный ветер, капитан взмок. Он сам будет охранять принцессу Каймориль, вероятно, это будет очень приятно...

Ступая во главе армии, Ирман направился к башне Д'Арпутна, Башне Императоров, внутри которой находился Рубиновый Трон. Он предпочел сделать вид, что не замечает присланных ему носилок, и шел пешком, чтобы насладиться каждой минутой своего торжества. Он приближался к башне, как идут на свидание с любимой женщиной, нежно и неторопливо, потому что знал: теперь она принадлежит ему.

Он оглянулся вокруг. Солдаты шли следом. Их возглавляли Дайвим Твар и Магум Колим. Все низко кланялись ему. Даже вьючных животных заставляли становиться на колени, когда он проходил мимо.

Он чувствовал вкус власти, как чувствуют вкус нежнейшего плода.

Он вдыхал воздух полной грудью — теперь даже воздух принадлежал ему. Весь Имрир, весь Мельнибон!

Как он расшевелит их! Всех! Какой ужас вселит в людей Земли!

Какой страх! Почти ничего не видя вокруг, он вошел в башню. Он заколебался у дверей, ведущих в Тронный Зал... Стены, знамена, древние трофеи — все это принадлежало ему. Тронный Зал был сейчас пуст, но скоро в нем будут празднования. Ведь сколько времени прошло, как эти стены в последний раз видели кровь, вдыхали ее запах. Теперь он позволил глазам задержаться на ступеньках, ведущих к Рубиновому Трону, но тут он услышал изумленный вскрик Дайвима Твара, невольно поднял глаза и... У него отвисла челюсть, глаза расширились от изумления.

— Иллюзия!

— Привидение, — Дайвим Твар не скрывал своего удовлетворения.

— Кошунство! — Ирман сделал несколько спотыкающихся шагов вперед, указывая негнущимся пальцем на сутулую фигуру, неподвижно сидящую на троне. — Он мой! Мой!.. — Человек на троне даже не ответил. — Сгинь! Этот трон принадлежит Ирману! Сейчас я император!

— Человек или дух на троне не сделал ни одного движения, казалось, он даже не мигает. — Кто ты? За что ты угрожаешь мне?

Капошон упал назад и открыл белое, как березовая кора, лицо.

Красные глаза холодно смотрели вниз, на визжащее, спотыкающееся существо, бредущее к трону.

— Ты мертв, Эльрик! Я знаю, ты мертв! — Легкая улыбка тронула губы привидения. — Ты утонул! Пайар владеет твоей душой!

— Власть в море принадлежит не ему одному. Почему ты убил меня, брат?

— Потому что я должен быть императором! — вся осторожность покинула Иркана. — Ты был недостаточно силен, недостаточно жесток!

— Тебе не кажется, что это плохая шутка, брат?

— Сгинь! Мертвый император не может править!

— Посмотрим, — беззаботно ответил Эльрик и сделал знак Дайвиму Твару и солдатам.

ГЛАВА 3

— **В**от теперь я буду править так, как тебе хотелось бы, брат, — Эльрик смотрел, как солдаты Дайвима Твара окружили узурпатора, схватили его за руки, отняли оружие.

Иркан тяжело дышал. Он дико оглядывался вокруг, надеясь найти хоть какую-нибудь поддержку в окружающих его воинах, но они смотрели на него либо безразлично, либо с неприкрытым презрением.

— И ты, принц Иркан, будешь первым, кто испытает это на се бе. Ты доволен?

Иркан опустил голову. Он задрожал.

— Говори, брат, — рассмеялся Эльрик.

— Пусть Ариох и все повелители Ада мучают тебя вечно! — закричал Иркан. Он откинул голову назад, глаза его бешено вращались, на губах появилась пена. — Ариох! Ариох! Прокляни этого ничтожного альбиноса! Ариох! Уничтожь его или смотри, как гибель приходит в Мельнибон!

Эльрик смеялся.

— Ариох не слышит тебя. Повелители Хаоса почти не имеют власти на нашей Земле. Требуется куда более сильное волшебство, чем твои глупые заклинания, чтобы помочь тебе, как помогали они нашим предкам. А сейчас, Иркан, скажи мне, где леди Каймориль?

Но Иркан хранил угрюмое молчание.

— Она в своей башне, мой император, — сказал Магум Колим.

— Приспешник Иркана отвел ее туда, — сказал Дайвим Твар, капитан собственной охраны Каймориль. Он убил солдата, который попытался защитить свою госпожу от Иркана. Может быть, принцесса Каймориль находится в опасности, милорд.

— Тогда быстро идите в башню. Возьми с собой отряд моих солдат. Приведите ко мне Каймориль и этого капитана.

— А Иркан, милорд? — спросил Дайвим Твар.

— Пусть он останется здесь, пока не вернется его сестра. — Иркан поднял голову и оглянулся вокруг. Сейчас он

казался маленьким, удивленным и испуганным ребенком. Лицо его не выражало больше ни страха, ни ненависти, и Эльрик вновь почувствовал, как внутри у него растет симпатия к брату. Но он подавил в себе это чувство.

— Ты можешь быть доволен, брат, что несколько часов мог наслаждаться титулом императора Мельнибона.

Иркан спросил тихим удивленным голосом:

— Как ты спасся? Ты ведь не мог даже пошевелиться от слабости, а доспехи должны были быстро утащить тебя на дно. Это нечестно, Эльрик. Ты должен был утонуть.

Эльрик пожал плечами.

— У меня и в море есть друзья. Они признают мою королевскую кровь и мое право быть императором, даже если ты их не признаешь.

Иркан постарался не выказать своего удивления. Его уважение к Эльрику сильно возросло так же, как и его ненависть к императору-альбиносу.

— Друзья?

— Вот именно, — ответил Эльрик с усмешкой.

— Я... Я думаю, что ты поклялся никогда не пробовать своих сил в колдовстве.

— Но ты ведь считал, что такая клятва недостойна настоящего мельнибонийского монарха, разве нет? Ну, что ж, сейчас я согласен с тобой. Видишь ли, Иркан, в конце концов, ты можешь считать, что выиграл эту битву.

Сузив глаза, Иркан уставился на Эльрика, пытаясь разгадать тайный смысл этих слов.

— Ты призовешь обратно Повелителей Хаоса?

— Ни один волшебник, каким бы могуществом он ни обладал, не может призвать ни одного Повелителя Хаоса, или, если уж на то пошло, Повелителя Закона, если они сами не захотят быть вызванными. Ты это знаешь. Ты должен это знать, Иркан. Разве ты сам не пытался это сделать? И ведь Ариох не явился к тебе, разве не так?

И не принес в дар то, о чем ты мечтал, — два черных меча?

— Ты и это знаешь?

— Раньше не знал, но догадывался. Теперь знаю. — Иркан попытался что-то сказать, но слова, казалось, застряли у него в горле, столько злости накопилось у него на Эльрика. В конце концов какой-то звериный рев сорвался с его уст, и несколько мгновений он изо всех сил боролся с крепко державшими его стражниками.

Неожиданно вернулся Дайвим Тварс с Каймориль. Девушка была бледна, но улыбалась. Она почти вбежала в Тронный Зал:

— Эльрик!

— Каймориль! С тобой все в порядке? — Она бросила быстрый взгляд на ненавистного капитана своей стражи, которого ввели вслед за ними. Отвращение явно выразилось на ее лице. Затем она покачала головой.

— Да. Со мной все в порядке. — Капитан стражи дрожал от ужаса.

Он умоляюще смотрел на Иркана, как бы надеясь, что тот поможет ему, но Иркани не отрывал взгляда от пола.

— Подведите его ближе, — Эльрик указал рукой на капитана.

Его подтащили к подножию лестницы, на вершине которой стоял Рубиновый Трон. Капитан застонал.

— Ты, трусливый предатель, — сказал Эльрик, — у Иркани хватило смелости пытаться убить меня. Твое же тщеславие ограничилось тем, что ты хотел стать одним из его псов. И ради этого ты предал свою госпожу и убил одного из своих людей. Как твое имя?

Капитану никак не удавалось заговорить, но в конце концов он выдал из себя шепотом:

— Вальгарик... Что я мог сделать? Я служу Рубиновому Трону, кто бы ни сидел на нем.

— Итак, предатель утверждает, что им двигало только чувство преданности. Я так не думаю.

— Это так, милорд! Только так! — капитан даже взвыл. Он упал на колени.

— Убейте меня быстро! Не наказывайте меня больше! —

Первым импульсом Эльрика было удовлетворить просьбу этого человека, но затем вспомнил выражение лица Каймориль, когда она глядела на капитана. Он знал: ему надлежит всем по казать, что настала новая пора его правления. И сделать это он должен был на примере капитана Вальгарика. Поэтому Эльрик отрицательно покачал головой.

— Нет, я накажу тебя. Сегодня вечером ты умрешь здесь согласно традициям Мельнибона, в то время как мои дворяне будут праздновать наступление новой эры в управлении нашим госу дарством.

Вальгарик начал рыдать. Затем взял себя в руки и поднялся на ноги — вновь настоящим мельнибонийцем. Он низко поклонился и отступил на шаг, где был снова схвачен стражниками. Эльрик продолжал:

— Я должен подумать, как мне лучше соединить твою судьбу с судьбой того, кому ты надеялся преданно служить. Как ты убил молодого воина, который кинулся защищать Каймориль?

— Я зарубил его мечом. Это был чистый удар. Всего один.

— Что стало с трупом?

— Принц Иркан велел мне скормить его рабам принцессы Каймориль.

— Понимаю. Очень хорошо. Принц Иркан, ты можешь присоединиться сегодня вечером к нашему пиру, во время которого капитан Вальгарик развлечет нас своей смертью.

Лицо Иркана стало почти таким же белым, как у Эльрика.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Маленькие кусочки мяса капитана Вальгарика, которые искусно отрежет наш доктор Шутка, будут твоим блюдом на этом пиру.

Ты можешь приказать, как тебе приготовить это мясо. Я не думаю, что тебе захочется есть его сырым, брат.

Даже Дайвим Твар удивился такому решению Эльрика. Конечно, это было в истинно мельнибонийском духе и могло сойти за улучшенный вариант идеи самого принца Иркана, но это было так непохоже на Эльрика — или, по крайней мере, непохоже на того Эльрика, которого он знал до сих пор.

Услышав свою судьбу, капитан Вальгарик издал дикий вопль ужаса, глядя на принца Иркана, как будто узурпатор уже ел кусочки его плоти. Иркан отвернулся, но плечи его тряслись.

— Пир начнется в полночь. До этого времени содержать Иркана в башне.

После того, как принца Иркана и капитана Вальгарика увели, Дайвим Твар и Каймориль подошли и встали рядом с Эльриком, который откинулся назад и с горечью смотрел вдаль. Дайвим Твар сказал:

— Это то, чего они оба заслуживают.

— Это жестоко, но умно, — сказала Каймориль.

— Да, — прошептал Эльрик, — так поступил бы и мой отец. Так поступил бы и Иркан, если бы мы с ним поменялись ролями. Я всего лишь следую установившимся традициям. Я никогда больше не скажу, что принадлежу только себе. Я останусь, пока не умру, слугой Рубинового Трона, как служил ему Вальгарик, если верить его утверждениям.

— А разве не можешь ты убить их быстро? — спросила Каймориль. — Ты ведь знаешь, я прошу за брата не потому, что он мне брат. Я ненавижу его больше всех на свете. Но если ты будешь следовать своему плану, это может погубить тебя, Эльрик.

— Ну и что? Пусть погубит... Я буду всего лишь следовать моим безумным предкам, стану марионеткой традиций и уложений, танцующей на веревочках, которые были свиты еще десять тысяч лет назад.

— Может быть, если ты выплывешься... — начал было Дайвим Твар.

— Я чувствую, что не смогу спать много ночей... Твой

брат не умрет, Каймориль. После наказания, когда он съест капитана Вальгарика, я отправлю его в ссылку. Он поедет в Молодые Королевства, один, но ему будет разрешено взять с собой оружие. В землях варваров он сможет добыть себе для жизни все, чего заслуживает. Думаю, это не такое уж суровое наказание.

— Оно слишком мягкое, — сказала Каймориль. — Лучше бы ты убил его. Не давай ему возможность придумать новый заговор.

— Я не боюсь его заговоров, — Эльрик с трудом поднялся на ноги. — Теперь я бы хотел, чтобы все покинули меня, мне нужно подумать. Но можете вернуться за час до полуночи.

— Я вернусь в свою башню и приготовлюсь к пиру, — сказала Каймориль. Она легко поцеловала Эльрика в бледный лоб. Он поднял голову. Любовь и нежность к ней читались на его лице. Он протянул руку и дотронулся до ее волос, до ее щеки.

— Помни, я люблю тебя, Эльрик.

— Я провожу тебя домой, так будет безопаснее, — сказал ей Дайвим Твар.

— И ты должна выбрать себе нового капитана охраны. Могу я помочь тебе в этом?

— Я буду признательна за помощь, Дайвим Твар.

Эльрик остался один.

Рука, которую он иногда поднимал к голове, слегка дрожала, и в его странных красных глазах застыло мучительное выражение. Потом он сошел с возвышения и, опустив голову, медленно двинулся в свои апартаменты в сопровождении охраны. Он заколебался у дверей, которые открывались на лестницу, ведущую в библиотеку. Инстинктивно

Эльрик искал утешения и забвения в знании, но в эту минуту почему-то ненавидел свои книги и манускрипты. Он упрекал их за рассуждения о морали и справедливости, он упрекал их за чувства вины и отчаяния, которые сейчас переполняли его. Поэтому он прошел мимо и направился в свои покои. Но даже любимые комнаты не принесли ему облегчения.

Обставленные просто и сдержанно, они не соответствовали вкусам мельнибонийцев, которые, за исключением его отца, находили радость в ярких красках и витиеватой отделке. Он опустился на диван, стоящий у окна, откуда открывался вид на весь город.

Через некоторое время вошли слуги и доложили, что придворные оповещены и собираются на пир. Он приказал им обрядить себя в желтые цвета Мельнибона и приготовить шлем в форме дракона. Когда Эльрик вернулся в Тронный Зал, то услышал громкие приветственные крики, куда более

восторженные, чем ему приходилось слышать до сих пор. Он уселся на Рубиновый Трон, глядя на столы. Был принесен отдельный столик и поставлен перед ним, а также два кресла, потому что Дайвим Твар и Каймориль должны сидеть рядом с ним. Но где же они? Где Иркин и Вальгарик? Доктор Шутка уже накалял свои сковородки, проверял и затачивал ножи. Но никто не притрагивался к пище, потому что первым приступал к трапезе император.

Эльрик сделал знак командиру стражи.

— Принцесса Каймориль и Дайвим Твар прибыли?

— Нет, милорд.

Каймориль опаздывала очень редко, Дайвим Твар не опаздывал никогда. Может, им не так уж нравилось то, что должно было произойти.

— А где пленники?

— За ними послали, милорд. — Доктор Шутка поднял голову. А затем Эльрик услышал какой-то звук. Он был похож на стон. Эльрик прислушался. Теперь этот стон слышали и другие. Вскоре тишина наступила в зале, а стон становился все громче и громче. Затем двери сразу распахнулись, и в них влетел Дайвим Твар, окровавленный, в разодранной одежде. За ним в зал вкатилась туманная волна переливающихся темно-красных и голубых цветов. И этот туман стонал.

Эльрик вскочил с трона, ударом ноги отбросил столик и кинулся к другу. Стонущий туман все глубже пробирался в зал.

— Дайвим Твар, что это за волшебство? — Лицо Повелителя Драконов было искажено ужасом, он с трудом выговорил: — Это волшебство Иркина. Он создал этот стонущий туман, который помог ему бежать. Я преследовал его по городу, но туман обволакивал меня, и я потерял направление.

— Где Каймориль?

— Он забрал ее с собой, Эльрик. Вальгарик тоже с ним и еще сотня преданных ему воинов.

— Тогда — в погоню.

— Ты ничего не сделаешь против стонущего тумана... — Действительно, туман уже клубился по всему залу. Эльрик попытался развеять его пассами, но туман лишь сгустился, и яркие, жгущие глаза цвета заставили императора зажмуриться. Он попытался пробежать сквозь цветистую мглу, но туман не отставал от него.

Среди охов и стонов Эльрик различал слабый голос:

— ЭЛЬРИК СЛАБ. ЭЛЬРИК ГЛУП. ЭЛЬРИК ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ.

— Каймориль! — закричал он. Радужные цвета тумана нарисовали перед ним лицо Каймориль, которое издевалось над ним и медленно старело, пока он не увидел на нем мор-

щины, обвисшую кожу, потом череп с остатками гниющего мяса. Он закрыл глаза, но образ остался перед ним.

— КАЙМОРИЛЬ... — шептал туман. — КАЙМОРИЛЬ... Чем больше Эльриком овладевало отчаяние, тем слабее он становился. Он закричал, призывая Дайвима Твара, но в ответ услышал только издевательское эхо, как тогда, когда звал Каймориль. Он сжал губы и пошел вперед... Казалось, прошли часы, прежде чем стоны стихли.

Открыв глаза, он увидел, что туман поредел. Но ноги его подогнулись, и Эльрик упал лицом вниз на первую ступеньку лестницы, ведущей к Рубиновому Трону. Он не послушал совета Каймориль, и она оказалась в опасности. Последняя мысль Эльрика была очень простой: «Я не достоин жить».

ГЛАВА 4

Когда он пришел в себя, то послал за Дайвимом Тваром. Он требовал известий. Но Дайвим Твар больше ничего не мог ему сказать.

Иркан призвал на помощь волшебные силы, и в этом Повелитель Драконов мало что смыслил.

— Должно быть, у него были какие-то магические средства, чтобы бежать с острова, потому что он не уплыл на корабле.

— Ты должен его найти. Высылай хоть тысячу отрядов, хоть каждого мельнибонийца, обыщи весь мир, если это нужно, но найди мне Каймориль! Заставь проснуться драконов — делай все, что хочешь!

— Все, о чем ты говоришь, сделано... Кроме одного — Каймориль я не нашел.

Прошел месяц, имрирские воины промаршировали по всем Молодым Королевствам в поисках принца-ренегата.

«Я думал о себе куда больше, чем о Каймориль, да еще называл это моралью, — думал Эльрик, получая неутешительные рапорты. Я играл чувствами, а вовсе не справедливостью».

Прошел второй месяц, и имрирские драконы полетели на юг и восток, запад и север. Но, хотя они пролетели горы, леса, моря, равнины и, не желая того, вселили ужас во многих городах, они не нашли и признаков Иркана и его банды.

«Судить самого себя можно только по поступкам, — думал Эльрик. — Я смотрел на то, что делал, а не на то, что хотел сделать или думал, что хочу сделать. А все, что я сделал, было, в сущности, глупым и никчемным и принесло только горе. Иркан не зря презирал меня. Может, я ненавидел его за эту правоту».

Прошло четыре месяца. Волшебство Иркана оказалось таким сильным, что никто не видел его или не помнил об этой встрече. К тому времени Эльрик понемногу уже переборол свои горестные, болезненные мысли. Усталые солдаты стали возвращаться в Мельнибон.

Но когда почти исчезли надежда и вера у остальных, решимость Эльрика лишь усилилась. Он сделал себя сильным физически и выносливым умственно, поэкспериментировав с новыми травами. Он много занимался в библиотеке, читая и перечитывая рукописи, написанные высоким языком Мельнибона, старинным языком волшебства, с помощью которого предки Эльрика могли сноситься со сверхъестественными существами. И, наконец, был удовлетворен, посчитав, что изучил их, хотя то, что иногда читал, заставляло его серьезно думать о правильности принятого решения. И когда он решил, что все понял, с помощью наркотических трав проспал три дня и три ночи, не просыпаясь.

Проснувшись, Эльрик решил, что готов. Он велел всем рабам и слугам уйти, а стражникам приказал никого не впускать в его покои, каким бы срочным ни было дело. В подвальное помещение, из которого заранее убрали всю мебель, принес из библиотеки давно выбранную рукопись, положил ее на середину комнаты, сел на пол и стал думать.

После пятичасовой медитации Эльрик взял кисть, кувшинчик с чернилами и начал разрисовывать стены и пол сложными узорами и символами, некоторые из которых были настолько запутанными, что их линии сливались, образуя почти нечитаемую сеть узоров. Когда все было готово, Эльрик лег в самом центре огромного рунного знака, лицом вниз, положив одну руку на рукопись, а другую, с акто рийским камнем, ладонью вверх.

Эльрик послал свою мысль по извилистой логической тропинке сквозь бесконечные равнины идей, через горы символов, все дальше и дальше, выговаривая слова, которые даже из просвещенных мельнибонийцев мало кто узнал бы. Каждый их звук леденил кровь, и тело Эльрика начало болеть, но он заставил себя продолжать, хотя время от времени с его губ срывался непроизвольный стон. Одно из слов повторялось чаще других. Это слово — Ариох.

Ариох был демоном — покровителем предков Эльрика, одним из самых могущественных Повелителей Хаоса, который был также известен под именем Валета Мечей, Повелителя Седьмой Тьмы, Повелителя Высшего Ада и под многими другими именами.

— Ариох! — К Ариоху взывал Ирган, призывая Повелителя Хаоса проклясть Эльрика. На Ариоха Ирган уповал в

надежде добыть себе Рубиновый Трон. И именно Ариох был хранителем двух Черных Мечей — клинков неземного происхождения и бесконечного могущества, которыми не раз пользовались правители Мельнибона.

— Ариох, я призываю тебя! — Ритмы рунных заклинаний вырывались теперь из горла Эльрика с хрипом и болью. Но мысль его достигла того измерения, на котором обитал Ариох. Теперь он мысленно искал самого Ариоха.

— Ариох! Эльрик из Мельнибона вызывает тебя! — Эльрик увидел глаз, который смотрел, казалось, ему в душу. Потом было уже два глаза. — Ариох! Мой Повелитель Хаоса! Помоги мне! — Медленно опустились огромные веки, и глаза исчезли. — О, Ариох! Услышь меня! Помоги мне, и я стану служить тебе!

Силуэт, ничем не напоминающий человека, возник перед ним, его черная голова медленно повернулась, но лица на ней не было.

Вокруг нее сверкнул красный ореол... Внезапно и это видение исчезло.

В полном изнеможении Эльрик позволил своей мысли возвратиться в измерение Земли. Губы его не произносили заклинаний, не называли древних рун и имен. В полной тишине он лежал на полу подвального зала и не мог шевельнуться от слабости. Он был убежден, что ничего не вышло.

Внезапно раздался звук... С трудом поднял он голову. В воздухе кружила муха. Самая обычная, ничем не отличающаяся от таких же, но она пролетала точно по линиям рун, начертанных Эльриком.

Потом она села на один рунный знак, на другой. Должно быть, она влетела в окно, подумал Эльрик. Он почувствовал раздражение.

Муха села Эльрику на лоб. Останавливаясь и потирая передние лапки, она поползла по лицу Эльрика. Он вздрогнул от омерзения, но у него не осталось сил даже на то, чтобы смахнуть или прихлопнуть ее. Затем она взлетела и, громко жужжа, стала летать перед самым его носом. И тут он увидел глаза этого насекомого... Это были глаза, которые он видел в том, другом измерении. Постепенно он начал осознавать, что муха эта не была обычной. Присмотревшись, он заметил у нее лицо, с чертами, отдаленно напоминающими человеческие. Муха улыбалась ему.

Хриплым голосом, едва разлепив спекшиеся губы, Эльрик произнес:

— Ариох? — И прекрасный юноша появился на том месте, где только что жужжала муха. И он заговорил прекрасным — мягким и ласковым — голосом. На нем был плащ, который

больше всего был похож на жидкий драгоценный камень, который тем не менее не ослеплял Эльрика, потому что из него, казалось, не исходило света. На поясе юноши висел изящный тонкий меч, но на голове не было шлема, лишь круг красного огня. Глаза у него были старыми и очень мудрыми. Но взгляд был холодным и бесконечно злым.

— Эльрик, — больше юноша не произнес ни слова, но и этого оказалось достаточно, чтобы император мог подняться на колени.

Снова прозвучало:

— Эльрик. — На этот раз его переполняла энергия. Теперь, когда он стоял, было видно, что юноша выше его. Он глядел сверху вниз на императора Мельнибона и улыбался так же, как улыбалась муха.

— Ты единственный, кто пригоден для службы Ариоху. Много времени прошло с тех пор, как меня приглашали в это измерение, но теперь, когда я здесь, я помогу тебе, Эльрик. Я стану твоим покровителем. Я буду защищать тебя и дам тебе силу, неисчерпаемую силу.

— Как я должен служить тебе, герцог Ариох? — Эльрик сделал чудовищное усилие, чтобы взять себя в руки, потому что сердце его наполнилось ужасом при словах Ариоха.

— Пока ты можешь служить мне, исполняя собственный замысел.

Позже придет время, когда ты послужишь и моим планам. Сейчас я ничего от тебя не требую, кроме присяги на верность. Эльрик заколебался.

— Ты должен присягнуть, — рассудительно произнес Ариох, или я не смогу помочь тебе рассчитаться с Ирканом и вернуть Каймориль.

— Я клянусь служить тебе. — Эльрика внезапно переполнил огонь экстатического счастья, он задрожал и упал на колени.

— Тогда могу сказать, что время от времени ты можешь вызывать меня, и я буду приходить, если в этом будет необходимость. Я собираюсь являться в той форме, которую сочту для себя удобной, или безо всякой формы, если мне так захочется. А сейчас можешь задать мне один вопрос.

— Мне нужны ответы на два вопроса.

— На твой первый вопрос я ответить не могу, вернее, не хочу.

Теперь ты должен всегда помнить, что поклялся служить мне.

— Тогда мой вопрос — где Иркан?

— На юге, в стране варваров. С помощью волшебства ему удалось встать во главе земель двух больших наций — Ойн и Иу. Он набирает и готовит солдат, чтобы идти в поход

против Мельнибона, потому что знает — твои силы рассеяны на поиски его особы.

— Как ему удалось спрятаться?

— Он не спрятался. Но ему удалось добыть себе Зеркало Памяти. В этом зеркале заключена память миллионов — всех, кто когда-либо смотрел в него. Любому человеку, пришедшему в Ойн и Иу, или приплывшему в их общую столицу морем, показывают зеркало, и он забывает о том, что должен сообщить тебе о принце Ирконе. Это лучший способ скрыть свое местопребывание.

— Хорошо бы разбить это зеркало, — Эльрик нахмурился. — Что тогда произойдет?

Ариох поднял прекрасную руку.

— Я ответил на вопросы, которые, должен признать, являлись частью одного вопроса. Но я отвечать не буду. Может быть, в твоих интересах будет уничтожить это зеркало, но лучше придумай другой способ, чтобы нейтрализовать его, потому что, хочу напомнить тебе, оно содержит память миллионов, и некоторые находятся у него в плену тысячи лет. Сейчас я должен идти. А ты отправляйся в земли Ойн и Иу, до которых от Имрира несколько недель пути. Лучше всего добираться туда на Корабле-Через-Море-И-Сушу. Прощай, Эльрик.

Муха некоторое время жужжала у стены, прежде чем исчезла.

Эльрик выбежал из комнаты, призывая своих генералов.

ГЛАВА 5

Эльрик мерил шагами галерею, с которой открывался прекрасный вид на город. Было утро, но солнце скрылось за тяжелыми облаками, которые низко нависли над башнями. Жизнь Имрира продолжалась на лицах так же, как и раньше, разве что солдат было меньше, потому что многие не вернулись домой из бесплодных поисков и долго еще не вернутся.

— Сколько драконов осталось в пещерах?

Дайвим Твар облокотился на парапет галереи и смотрел вниз на улицы. У него было усталое лицо.

— Два. Понадобится много времени, чтобы разбудить их, но и тогда я не уверен, что мы сможем их использовать. А что это за Корабль-Через-Море-И-Сушу, о котором говорил Ариох?

— Я читал о нем в Серебряной Рукописи и других книгах. Это волшебный корабль. На нем плавали мельнибонийские герои до того, как был создан Мельнибон и завоевана империя. Но где он находится и сохранился ли по сию пору, я не знаю.

— Кто может знать об этом? — Дайвим Твар выпрямился и скрестил руки на груди.

— Ариох. Но не захотел отвечать на мой вопрос, — Эльрик пожал плечами.

— А твои друзья, Духи Воды? Разве они не обещали тебе помочь? Уж кто-кто, а они должны знать о кораблях все.

Эльрик нахмурился, и морщины, недавно появившиеся на его лице, стали глубже.

— Да, Страаша может знать. Но мне очень не хочется обращаться к ним за помощью. Духи Стихий не такие могущественные существа, как Повелители Хаоса. Мне не хотелось бы никакого волшебства, если этого можно избежать, Дайвим Твар.

— Но ты — волшебник, Эльрик. Совсем недавно ты доказал, что тебе под силу самые трудные заклинания, с помощью которых можно вызвать Повелителя Хаоса. И ты все еще колеблешься? Ты уже решился на колдовство, чтобы преследовать Иркана. Жребий брошен!

— Ты не можешь понять, какое физическое и умственное напряжение...

— Я могу понять, милорд. Я твой друг и совсем не хочу, чтобы ты чувствовал какую-нибудь боль. Но все же...

— Существует такое препятствие, как физическое здоровье, Дайвим Твар, — напомнил другу Эльрик. — Сколько времени я смогу поддерживать его сверхсильными снадобьями? Да, они дают энергию, но истощают организм. Я могу умереть до того, как найду Каймориль.

— Тогда я умолкаю.

Эльрик сделал шаг и положил белую руку на плечо Дайвима Твара.

— Но что мне терять, в конце концов?

Нет, ты прав. Я трус, потому что колеблюсь, когда на карту поставлена жизнь Каймориль. Я повторяю свои прежние глупости, которые и послужили причиной нашего нынешнего положения. Да, я это сделаю. Ты пойдешь со мной к океану?

— Пойду. — Дайвим Твар почувствовал, что на его плечи тоже ложится груз ответственности, которую принял на себя Эльрик. Для мельнибонийца это было странное чувство, и Дайвим Твар понял, что оно ему совсем не по душе.

В последний раз Эльрик проезжал по этим местам вместе с Каймориль. Казалось, с тех пор прошли века. Какой он был глупец, считая, что счастье может длиться вечно. Он направлялся к знакомым скалам и морю за ними. Шел легкий дождь. В Мельнибон пришла зима.

Они оставили лошадей наверху и спустились на берег. Над

водой, не более чем в пяти корпусах корабля от берега, висел туман. Он был неподвижным, как твердая стена, и Дайвиму Твару показалось, что они попали в какой-то чужой мир, где тонули все звуки, где жили души злобных самоубийц, которым ничего не стоило расправиться с ними. Хруст гальки под их ногами казался неприлично громким.

— Сейчас, — прошептал Эльрик. Казалось, он не замечал тоскливого и мрачного окружения. — Нужно вспомнить руны, которые так легко пришли ко мне, когда я тонул.

Он отошел от Дайвима Твара к берегу, где холодные волны набегали на песок. Потом сел, скрестив ноги. Глаза его стали неподвижными.

Дайвиму Твару показалось, что рослый император стал меньше и превратился в ранимого ребенка. Сердце Дайвима Твара дрогнуло от жалости, но он знал, что им нельзя отказываться от магии, если они хотят быстро найти земли Ойн и Иу.

Эльрик поднял голову — так собака поднимает морду, воя на луну. И когда странные, леденящие душу слова стали срывать с его губ, стало ясно, что даже если Дайвим Твар попробует отговорить его, Эльрик все равно не услышит.

Дайвим Твар и сам был далеко не новичком в Высоком Языке. Как мельнибонийский дворянин, он учил его в детстве. Но слова, которые произносил Эльрик, показались ему совершенно чужими, потому что император произносил заклинание с непривычными ударениями, выпевая их с мелодикой от тяжелого баса до высокого фальцета.

Неприятно было слышать, как такие звуки исходили из горла смертного человека, и теперь Дайвим Твар понял, почему Эльрику так не хотелось использовать свои колдовские способности. Хоть он и был мельнибонийцем, Повелителем Драконых Пещер, Дайвим Твар сделал несколько шагов назад, к скалам, чтобы наблюдать за Эльриком от туда. Долго длилось это пение. Дождь пошел сильнее, зашуршав по начисто отмытой, блестящей гальке. Еще заметнее звук дождя был у спокойной черной воды. Дайвим Твар поежился и плотнее закутался в плащ.

— Страаша... Страаша... Страаша...

Дождь аккомпанировал слоам, которые были уже не словами, а просто звуками — так мог бы свистеть ветер или шипеть прибой.

— Страаша...

Дайвиму Твару все сильнее хотелось подойти к Эльрику и сказать, чтобы он остановился, что они придумают какой-то другой способ добраться до Ойн и Иу.

— Страаша! — откровенная боль зазвучала в крике.

Дайвим Твар все-таки решился окликнуть Эльрика, но почувствовал, что не может раскрыть рта.

— СТРААША!

По какой-то причине рунное заклинание не действовало, хотя Эльрик напрягал все свои силы, чтобы вызвать духа. Тем не менее Повелитель Драконьих Пещер ничего не мог сделать — его язык прилип к гортани, ноги примерзли к земле. Он смотрел на туман. Это только показалось, или туман действительно приблизился к берегу? И какой странный зеленый оттенок он приобрел?

В воде началось какое-то волнение. Галька заскрипела под ударами прибоя, туман отступил. Неясные огоньки заиграли в воздухе, и Дайвиму Твару почудилось, что он видит сверкающий силуэт огромной фигуры, возникающей из моря. Он понял, что колдовство Эльрика удалось. Фигура заговорила, и голос ее напомнил Дайвиму Твару плеск волн под дружеским солнцем.

— Мы, Духи Стихий, встревожены, Эльрик. Ходят слухи, что ты пригласил Повелителей Хаоса в наше измерение. Мы никогда не любили их. Тем не менее я знаю, если ты так поступил, то в этом была твоя судьба. И потому не держу на тебя зла.

— Я был вынужден, король Страаша. Если тебе не хочется помогать мне, я больше не побеспокою тебя.

— Я помогу тебе, хотя сейчас это значительно сложнее не из-за того, что произойдет в ближайшем будущем, а из-за того, что должно произойти через много лет. Теперь говори, какая помощь тебе нужна?

— Знаешь ли ты что-нибудь о Корабле-Через-Море-И-Сушу? Мне необходимо найти этот корабль, я должен исполнить клятву и разыскать Каймориль.

— Я знаю этот корабль, потому что он мой. Гром пытался присвоить его, но он мой.

— Гром, Повелитель Земли?

— Гром, Повелитель всей Земли, что Под Корнями. И всего, что живет под ними. Мой брат Гром... Давным-давно, даже по счету времени духов, мы с Громом построили этот корабль, чтобы путешествовать по Земле и Воде, когда нам придет в голову такая забава. Но мы поссорились — будь проклята наша глупость! Произошли землетрясения, извержения вулканов, тайфуны и битва духов всех стихий.

В результате старые континенты исчезли, а на их месте возникли новые. Мы не первый раз бились друг с другом, но, надеюсь, в последний. Когда мы поняли, что едва не уничтожили друг друга, то заключили мир. Я отдал Грому часть своих владений, а он отдал мне этот корабль. Но отдал с большой неохотой, и поэтому по морю он плавает куда лучше,

чем по земле, так как слуги Грома мешают его движению. Тем не менее, если этот корабль может принести тебе пользу, ты можешь взять его.

— Благодарю тебя, но где мне найти его?

— Он приплывет сам. А сейчас я устал, потому что чем дальше я от своего измерения, тем труднее мне поддерживать материальную форму. Прощай, Эльрик, и будь осторожен. Ты обладаешь значительно большей силой, чем думаешь, и многие постараются воспользоваться ею для своих недобрых целей.

— Должен ли я ждать Корабль здесь?

— Нет... — голос морского короля затихал, форма его начала колебаться. Серый туман пополз обратно на то место, где мелькали огоньки. Море стало спокойным. — Жди в своей башне. Он приплывет...

Несколько слабых набежавших волн лизнули гальку, и опять все стало спокойным, будто короля Водных Духов здесь никогда и не было. Дайвим Твар протер глаза. Медленно, с трудом пошел он к тому месту, где сидел Эльрик. Он наклонился и протянул ему руку.

Эльрик поднял голову и удивленно посмотрел на него.

— А, Дайвим Твар. Сколько времени прошло?

— Несколько часов, Эльрик. Скоро стемнеет, нам лучше вернуться.

С помощью Дайвима Твара Эльрик встал на ноги.

— Да, — прошептал он задумчиво, — морской король сказал...

— Я слышал все, Эльрик. Я слышал его совет и предостережение. И ты должен прислушаться к ним. Мне не очень нравится то, что он сказал об этом корабле. Как и все волшебное, он имеет свои недостатки наряду с достоинствами, как нож с двумя лезвиями, который ты поднимаешь, чтобы поразить врага, но можешь заколоть и себя.

— Что делать, ведь это волшебство. Ты сам заставил меня прибегнуть к нему, мой друг.

— Да, — сказал Дайвим Твар. Они пошли к лошадям. — Да, я не забыл этого, милорд император.

Эльрик слабо улыбнулся и прикоснулся к руке друга.

— Не беспокойся. Заклинания позади, и теперь у нас есть корабль, который быстро доставит к Иркану, в земли Ойн и Иу.

— Будем надеяться.

Они подошли к лошадям, и Дайвим Твар насухо вытер их бока.

— Мне жаль, что мы истощили драконов без всякой пользы. С эскадроном моих зверей мы многое могли бы сделать

против Иркана и без всякой магии. А как хорошо было бы опять лететь в небесах, как мы не раз летали, когда были молодыми.

— Когда вернем Каймориль домой, мы так и сделаем, обещаю тебе, — Эльрик тяжело прыгнул в седло белого скакуна. — Ты будешь трубить в Драконию Рог, наши братья-драконы услышат его, а я спою песню Повелителей Драконов. И мы будем парить высоко в небе на Огнедышащем и брате его Быстрокрылом. Ах, какие дни наступят тогда в Мельнибоне, мы позволим Молодым Королевствам развиваться, как они захотят, и позаботимся, чтобы они не мешали нам делать то, что хочется.

Дайвим Твар сжал уздечку своего коня. Но лицо его было хмурым.

— Будем молиться, чтобы такой день наступил, милорд. Меня не оставляет предчувствие, что дни Имрира сочтены и моя жизнь тоже скоро кончится.

— Глупости, Дайвим Твар, ты переживешь меня. В этом можешь не сомневаться, хоть ты и старше.

Когда они понеслись галопом в сгущающихся сумерках, Дайвим Твар сказал:

— У меня есть два сына. Ты знаешь об этом, Эльрик?

— Ты никогда не говорил мне.

— Они от разных матерей. Я так и не выбрал, на которой из них жениться.

— Я рад за тебя.

— Они хорошие мельнибонийцы.

— Почему ты говоришь мне об этом, Дайвим Твар?

— Потому, что я люблю их, и мне хочется, чтобы они испытали все удовольствия, которые может дать им Остров Драконов.

— Почему бы этому не быть?

— Не знаю, — Дайвим Твар пристально посмотрел на Эльрика. — Я хочу сказать, что ответственность за будущее моих сыновей ложится на тебя, друг.

— На меня?

— Насколько я разобрался в том, что говорил Дух Воды, твои решения определяют судьбу Острова Драконов. Я хочу, чтобы ты не забывал о моих сыновьях, Эльрик.

— Хорошо. Я уверен, что из них вырастут настоящие Повелители Драконов, и один из них станет Повелителем Драконых Пещер.

— Мне кажется, ты не совсем понял, что я имел в виду, милорд.

Эльрик посмотрел на друга и покачал головой.

— Я понял все, что ты хотел сказать. Но я думаю, ты

судилъ меня поспешно, если боишься, что мои действия угрожают Мельнибону и всем, кто его представляет.

— Тогда прости меня, — Дайвим Твар опустил голову, но холодное выражение его глаз не изменилось.

В Имрире они переоделись, выпили горячего вина и велели принести себе ужин. Эльрик, несмотря на слабость, был в прекрасном расположении духа, чего не было многие последние месяцы. И все же что-то не совсем понятное скрывалось за его нарочитой веселостью и оживленностью. «По крайней мере, — подумал Дайвим Твар, — теперь все определено, и скоро мы доберемся до Иркана». Опасности, которые ждали их, были неизвестны и неизмеримы, но сейчас об этом не хотелось ни думать, ни говорить.

Эльрик много рассуждал о том, что им понадобится для путешествия в загадочные земли Ойн и Иу, высказывал предположения о возможностях Корабля-Через-Море-И-Сушу, прикидывал, сколько людей понадобится, чтобы управлять им, и какие запасы следует с собой взять.

Когда Эльрик отправился спать, Дайвим Твар, желая ему покойной ночи, испытал почти отцовское чувство, как тогда, когда слушал заклипания. Может, потому он и заговорил о своих сыновьях с Эльриком? Он думал об Эльрике, как о маленьком ребенке, которого надо во что бы то ни стало оградить от неожиданной опасности, которая вместо радости принесет только горе. Эльрик мог упрекать себя за все, что произошло с Ирканом и Каймориль, но Дайвим Твар задумался, не был ли и он виновен во всем происшедшем? Возможно, ему следовало как-то подействовать на решения императора?

Ничего не придумав, в истинно мельнибонийском духе он попытался подавить все сомнения, они казались ему бессмысленными.

Только одного правила следовало придерживаться — искать наслаждения там, где только возможно. Но всегда ли было так в Мельнибоне?

Он снова задумался: не течет ли в жилах Эльрика скорее свежая, чем старая, испорченная десятью тысячелетиями власти кровь? Не является ли он новым воплощением одного из своих далеких предков?

Всегда ли мельнибонийцы думали и заботились только об удовольствиях? И вновь он заставил себя отвлечься от этих мыслей. Да и какой смысл задавать вопросы, на которые нет ответа? Мир — это мир, человек — это человек.

Прежде, чем отправиться спать, он навестил обеих любовниц, разбудил их и попросил показать ему сыновей, Дайви-ма Слорма и Дайви-ма Мава. Когда мальчиков, заспанных и удивленных, привели, он долго смотрел на них, прежде чем

отправил обратно в кровати. Он не сказал ни слова ни одному из них, лишь хмурился, потирал лицо, качал головой, а когда их увели, сказал Ниопале и Сарамале, удивленным не меньше детей:

— Завтра же их отведут в Драконьи Пещеры и начнут обучать искусству.

— Так скоро, Дайвим Твар? — спросила Ниопала.

— Да. Боюсь, времени осталось мало, — он не стал объяснять своих слов, потому что и сам точно не знал, что имел в виду. Но ощущение угрозы преследовало его, не прекращаясь ни на секунду.

Наутро Дайвим Твар нашел императора на галерее. Эльрик мерил ее нетерпеливыми шагами, спрашивая у всех слуг, не появился ли у берега неизвестный корабль. Слуги почтительно просили его хотя бы описать этот корабль, чтобы знать, что искать, но он лишь неуверенно сказал, что корабль может появиться не в море, а прямо на земле. Он был в доспехах, и Дайвиму было ясно, что Эльрик начал при нимать еще более эффективные снадобья.

Красные глаза его сверкали горячей жизненной силой, речь была быстра, а движения фантастически энергичными.

— Хорошо ли ты чувствуешь себя сегодня, милорд?

— Я в прекрасном настроении, спасибо, Дайвим, — он улыбнулся. — Хотя я чувствовал бы себя еще лучше, если бы Корабль-Сквозь-Сушу-И-Море уже стоял в гавани. — Он подошел к балюстраде, вглядываясь в море, потом на сушу.

— Где он может быть?

Жаль, что король Страаша не сказал, когда и где он придет.

— С этим я согласен. — Дайвим Твар еще ничего не ел, поэтому подошел к столу, на котором стояли блюда с завтраком императора.

Было ясно, что Эльрик ни к чему не притронулся. Дайвим Твар подумал, не оказали ли травы губительное действие на рассудок друга?

Такое могло быть, уж слишком в больших количествах император принимал свои снадобья за последнее время. Из равновесия его рассудок могли вывести также опасения за Каймориль, ненависть к Иркану и многое другое.

— Не лучше ли будет по-настоящему отдохнуть, ми лорд, ожидая корабль? — предложил он, глядя на Эльрика и вытирая губы.

— Это было бы неплохо, но я не могу. Я должен ходить, двигаться, не могу успокоиться, пока не отомщу Иркану, пока не найду Каймориль.

— Прекрасно тебя понимаю, но все же...

Смех Эльрика был слишком громким и быстрым.

— Ты кудахчешь надо мной, совсем как Тэнглбоунз. А две няньки даже для императора — слишком много, Дайвим Твар.

С большим трудом Дайвим Твар заставил себя улыбнуться.

— Ты прав. Ну, что ж, остается только молиться, чтобы этот волшебный корабль... Что это? — он указал в глубь острова. — Мне показалось, по лесу что-то движется. Будто ветер ходит по деревьям. Но ведь нет ни дуновения...

Эльрик посмотрел в указанном направлении.

— Интересно...

Затем они увидели, как лес расступился, вернсе, разошлась сама земля и перед городом появились паруса, которые блестили и переливались под утренним солнцем. Мачты медленно и торжественно выплывали из покрытой лесом тверди.

— Я думаю, это и есть корабль, милорд.

— Да, мой корабль. Ступай, отдай приказание, в полдень мы отплываем из Имрира.

ГЛАВА 6

Корабль был высок и изящен. Его поручни, мачты и палубы были искусно вырезаны из дерева, и это явно не было работой людей.

Хоть он не был покрашен, само дерево было естественного голубого, черного, белого и дымно-красного цвета. Борта напоминали цвет морских водорослей, а по отполированным палубам проходили жилы, похожие на корни деревьев. Паруса на трех высоких мачтах были такими же большими, белыми и легкими, как облака в хороший летний день. Корабль радовал глаз, нельзя было не восхищаться им, он казался настолько гармоничным, что даже самый придирчивый моряк назвал бы его совершенным. Эльрик не мог найти лучшего судна, чтобы плыть к опасностям, грозящим в землях Ойн и Иу.

Корабль мягко плыл по земле, как по поверхности спокойной реки, и земля под его килем шуршала, словно на какое-то время превращаясь в воду. И все же, когда он уплывал дальше, земля становилась такой же, как всегда. Вот почему качались деревья, когда между ними проплывал этот корабль, раздвигаясь перед его килем, направленным на Имрир.

Корабль-Сквозь-Море-И-Сушу не был особенно большим. Он выглядел значительно меньше, чем мельнибонийская боевая барка, и лишь чуть больше, чем варварская галера.

Когда корабль остановился, все заметили, что его трап

был опущен на землю. Таким образом, все было готово для путешествия.

Эльрик, упершись руками в бока, смотрел на подарок короля Страаши. Из ворот рабы уже переносили на корабль провизию и вооружение. Тем временем Дайвим Твар собирал воинов, указывая им места во время экспедиции. Воинов было не так уж много, и только часть их можно было взять с собой, потому что остальные должны были остаться под командой Магума Колима для обороны города. Хотя было маловероятно, что варвары нападут на Мельнибон, осторожность была нелишней, тем более что принц Иркиан поклялся завоевать Имрир. По какой-то странной причине, которую никто из окружающих так и не мог понять, Дайвим Твар попросил вызваться добровольцев — и вызвались ветераны. Он сколотил специальный отряд из этих людей, которые, как думали окружающие, не могли принести никакой пользы.

Но так как пользы от них не ждали и при обороне города, офицеры не возражали. Эти люди взойшли на борт первыми.

Последним по трапу взобрался Эльрик. Он шел медленно, тяжело ступая, — гордая фигура в черных доспехах. Взойдя на палубу, он повернулся, отсалютовал городу и приказал поднять трап.

Дайвим Твар ждал его на мостике. Повелитель Драконьих Пещер снял боевую перчатку рукой, привыкшей к оружию, поглаживал дерево.

— Этот корабль сделан не для войны, Эльрик. Мне бы не хотелось, чтобы его повредили.

— Как можно его повредить? — Эльрик пожал плечами, глядя, как имрирцы карабкаются по мачтам и ставят паруса. — Разве Страаша допустит его гибель? Или Гром? Не бойся за корабль, друг. Бойся за себя и за исход нашего предприятия. Сейчас давай посмотрим карты. Помня предупреждение Страаши насчет его брата Грома, я думаю, нам лучше плыть по морю, насколько это возможно. Здесь, он указал на западное побережье Лормира, — зайдем в порт, чтобы пополнить запасы и узнать все, что можно, о землях Ойн и Иу.

— Мало кто ходил дальше Лормира. Говорят, край земли находится недалеко от его южной границы. — Дайвим Твар нахмурился. — Скажи, а не может это все быть просто ловушкой? Ловушкой Ариоха?

Что, если он помогает Иркиану, и мы пускаемся в экспедицию, в которой нас ждет гибель?

— Я думал об этом. У нас нет выбора, мы вынуждены доверять Ариоху.

— Да, ты прав, — Дайвим Твар иронически улыбнулся. — И еще одна мысль пришла мне в голову. Как двигается этот корабль? Я не вижу якорей, которые мы могли бы поднять, а на земле нет волн, по которым мы могли бы пуститься в поход... Смотри, ветер наполняет паруса.

Так и было. Паруса надулись, мачты скрипнули. Эльрик распростер руки.

— Возможно, мы просто должны сказать ему, предложил он, — Корабль, мы готовы к отплытию. — Эльрик получил большое удовольствие, глядя на ошеломленное лицо друга, когда несильным рывком корабль тронулся с места. Он плыл плавно, как по спокойному морю. Дайвим Твар инстинктивно схватился за поручень, вскрикнув:

— Мы плывем на городскую стену! — Эльрик подошел к центру мостика, где находился большой рычаг, горизонтально прикрепленный к валу, уходящему в палубу. Он ухватился за рычаг, как иной хватается за весло, и сдвинул его чуть к себе. Корабль повернул на другую часть стены. Эльрик изо всех сил налег на рычаг, корабль сильно наклонился, но все-таки заскользил в нужном направлении. Эльрик восхищенно рассмеялся.

— Вот видишь, Дайвим Твар, как все легко. Надо было всего лишь немного пораскинуть мозгами!

— Я бы предпочел, — Дайвим Твар с подозрением покопился на румпель, — лететь на драконах. По крайней мере, они звери, и их можно понять. А вся эта магия беспокоит меня.

— Не такие слова надлежит произносить дворянину из Мельнибона! — Эльрик с удовольствием перекрикивал свист ветра в снастях, скрип мачт и шуршание земли под килем.

— Может, и так, но эти слова точно выражают то, что я чувствую, когда стою здесь, рядом с тобой, милорд.

Эльрик бросил на друга удивленный взгляд, улыбнулся и пошел вниз, чтобы найти офицера, которому он мог бы объяснить, как управлять кораблем.

Корабль быстро проплыл мимо скал, взбираясь на покрытые травой холмы, сквозь леса, раздвигая деревья. Он двигался, как низко летящий ястреб, который старается держаться поближе к земле, но летит вперед с огромной скоростью и в поисках добычи меняет курс чуть заметным движением крыла. Солдаты собрались на палубе, удивляясь такому быстрому ходу.

Верзила-боцман, казалось, оставался единственным человеком, которого не поражал чудо-корабль. Он вел себя так же, как если бы находился на борту боевой барки. Рулевой,

которого выбрал Эльрик, напротив, был немного испуган и управлял кораблем с ошибками. Было заметно, будто он все время ожидает, что корабль разобьется о скалу или застрянет в деревьях. Он все время облизывал губы и вытирал пот со лба. И все же он был хорошим рулевым и привыкал к управлению кораблем, хотя движения его долго еще оставались слишком быстрыми.

От скорости корабля захватывало дух — они плыли быстрее, чем могла скакать самая резвая лошадь, быстрее, чем любимые драконы Дайвима Твара. Это доставляло удовольствие, которое явно читалось на лицах имрирцев.

Смех Эльрика звучал по всему кораблю, и его настроение передалось многим.

— Если предполагается, что Гром пытается нас остановить, то интересно, с какой скоростью мы поплывем по воде? — крикнул он.

У Дайвима Твара настроение тоже поднялось. Он улыбался, когда ответил другу:

— Скоро нас снесет в море, тогда и посмотрим!

Как бы в ответ на их разговор, корабль вздрогнул и стал раскачиваться, словно попал в сильное встречное течение. Рулевой побледнел и налег на румпель изо всех сил. Раздался страшный крик, и с грот-мачты свалился матрос. Затем корабль качнулся еще раз и поплыл дальше, как ни в чем не бывало.

Эльрик подошел к упавшему матросу. Веселое настроение улетучилось, он сжал руки в черных перчатках. Его красные глаза сверкнули, а губы дрогнули в нервической усмешке.

— Какой я глупец, что испытываю терпение богов! Теперь, хотя корабль двигался почти так же быстро, как прежде, что-то цеплялось за днище, подданные Грома мешали ему, как в море мешают водоросли. Эльрик почувствовал, что в воздухе тоже что-то переменялось. По-другому шептали деревья, мимо которых они проносились, по-другому шелестели трава и кусты, не так качались цветы там, где они проплывали, по-другому, тяжело, надвигались скалы и медленнее стал подъем на холмы. Он знал, что так проявляется присутствие Грома Подземного, Грома Земли под Корнями, Грома, который желал обладать тем, что принадлежало ему и брату его Страаше, кораблем, который был построен, как знак единства между ними, и за который когда-то они вели войну.

Гром очень хотел получить обратно Корабль-Сквозь-Море-И-Сушу, и Эльрик, глядя на черную землю, почувствовал страх.

ГЛАВА 7

Наконец, хотя земля и цеплялась за их киль, они добрались до моря, скользнули в воду, и скорость сразу возросла. Мельнибон остался далеко позади, и они уже видели тяжелые облака пара, которые висели над Кипящим Морем. Эльрик считал, что не стоит рисковать в этих водах, даже обладая волшебным кораблем, поэтому судно повернули к берегу Лормира, самому приятному и наименее воинственному из всех Молодых Королевств, к порту Рамазан на западном берегу. Вполне могло оказаться, что южные варвары, с которыми они недавно дрались, были из Лормира, и тогда следовало зайти в другой порт. Но Эльрик был убежден, что напавшие на них южане пришли с юго-западной части континента, с побережья, расположенного за Пикарайдом. Лормириане, управляемые осторожным королем толстым Фаданом, вряд ли присоединились к такому рейду, если бы им не заплатили заранее, гарантировав поступления в казну в случае как победы, так и неудачи.

Эльрик отдал распоряжение, чтобы с кораблем обращались, как с самым обыкновенным морским судном, и направил его в порт. Тем не менее он привлекал внимание обитателей порта, так как команда его состояла из мельнибонийцев. Их не любили в Молодых Королевствах, но боялись. Поэтому, по крайней мере внешне, с Эльриком и его людьми обращались с уважением и подали относительно хорошую пищу и вино в той гостинице, куда они зашли.

Это была самая большая гостиница порта с пышным названием «Дом Уходящего в Море». Ее хозяин раньше был рыбаком, довольно хорошо знавшим южные берега. Он, несомненно, знал страны Ойн и Иу, но говорил о них без всякого уважения.

— Вы думаете, они готовятся к войне, милорд? — он поднял брови, глядя на Эльрика, потом покачал головой. — Тогда, должно быть, это война против воробьев. Ойн и Иу можно не считать за нации. Их единственный приличный город называется Доз-Кам, и они считают, что он принадлежит двум государствам, потому что разделен рекой Ар. Что же до остальных, то они необразованы и суеверны, даже рыбаки не годятся в солдаты.

— Ты ничего не слышал о мельнибонийском ренегате, который завоевал Ойн и Иу и пытается собрать там армию? — Дайвим Твар облокотился о стойку бара рядом с Эльриком и неторопливо прихлебывал вино из тяжелого кубка. — Имя этого ренегата — Иркиан.

— Так вы его ищете? — хозяин гостиницы оживился. — Ссора между принцами Дракона? Вот это да!

— Это наше дело, — высокомерно ответил Эльрик.

— Конечно, господа.

— Ты ничего не знаешь о большом зеркале, которое лишает людей памяти? — спросил Дайвим Твар.

— Волшебное зеркало? — хозяин откинул голову назад и расхохотался. — Сомневаюсь, что во всех землях Ойне или Иу найдется хоть одно обычное зеркало! Нет, милорд, боюсь, вы ошибаетесь, ожидая оттуда угрозы.

— Ты, несомненно, прав, — Эльрик посмотрел на кубок с вином, из которого не сделал ни одного глотка. — Но из предосторожности мы должны проверить. Думаю, это и в интересах Лормира, если мы найдем то, что ищем, и вовремя предупредим вас.

— Не бойтесь за Лормир. Мы справимся с любой попыткой нападения с той стороны. Но если вы действительно хотите убедиться в правоте моих слов, вам следует плыть вдоль берега в течение месяца, пока не достигните большой бухты. В нее впадает река Ар, а на берегах расположен Доз-Кам, прямо-таки сказать, грязноватый город, если учесть, что он является столицей двух государств. Его обитатели жадны, продажны и заражны, но, к счастью, очень ленивы и вряд ли причинят вам беспокойство, в особенности если при вас будут мечи. Там вы поймете, что этот народ не представляет опасности, разве что кто-нибудь окажется достаточно близко, чтобы подцепить блох.

Хозяин расхохотался над своей шуткой. Потом, все еще посмеиваясь, он добавил:

— Даже их флот состоит из дюжины грязных лодок, на которых никто не рискует отходить от берега дальше, чем на сотню ярдов, потому что из них все время приходится вычерпывать воду.

— Ну что же... — Эльрик отодвинул кубок и положил на стойку мельнибонийский слиток серебра.

— Мне будет трудно отсчитать сдачу, — с сожалением сказал хозяин гостиницы.

— Оставь ее себе, — спокойно ответил Эльрик.

— О, я благодарен вам, милорд. Не согласитесь ли вы провести ночь в моем заведении? Могу предложить лучшие постели во всем Рамазане.

— Нет, мы переночуем на борту, чтобы утром пуститься в путь.

— Хозяин посмотрел, как они уходят, потом по привычке попробовал на зуб серебро. Ему показалось, что оно имеет какой-то странный привкус. Он повертел его в пальцах. Мог-

до ли мельнибонийское серебро быть ядовитым для лормирца? Нет, решил он, лучше не рисковать. Отложив слиток отдельно от остальных денег, чтобы при первой возможности избавиться от него, он взял в руки кубки с вином. И хоть терпеть не мог убытков, он решил, на всякий случай, выбросить и эти кубки.

Корабль-Сквозь-Море-И-Сушу доплыл до бухты в полдень следующего дня и лег в дрейф. Город с небольшой гаванью закрывал тропический лес, который рос на берегу. Эльрик и Дайвим Твар высадились на берег в лодке и вошли в лес. Они решили вести себя осторожно и побольше узнать о Доз-Каме. Немного в стороне от гавани возвышался холм, на вершине которого росли высокие деревья.

Друзья поднялись на вершину холма, и выбрали такое дерево, по которому было легко забраться наверх. Эльрик обхватил руками ствол и с помощью ног добрался до сучьев, достаточно толстых, чтобы они могли выдержать его вес. Тем временем Дайвим Твар карабкался по соседнему дереву, и вскоре оба увидели город Доз-Кам.

Сам город выглядел маленьким, грязным и нищим.

Несомненно, это было главной причиной, по которой Иркиан выбрал его. Ойн и Иу легко захватила бы даже сотня имрирских солдат, не считая волшебства, которым мог воспользоваться принц. И город никому не был нужен, вернее, никто не обращал на него внимания, что обеспечивало скрытность всех последующих действий узурпатора. Да, Иркиан выбрал хорошо.

Но хозяин гостиницы ошибался относительно флота Доз-Кама.

Даже с того неудобного места, на котором находились Эльрик и Дайвим Твар, можно было видеть больше тридцати превосходных боевых кораблей, стоявших у причалов вверх по реке. Но и корабли заинтересовали наблюдателей куда меньше, чем предмет, который сверкал, как еще одно солнце. Между вершинами двух гигантских колонн, на поперечной оси, над городом висело огромное круглое зеркало в раме. Как и тот корабль, на котором приплыли сюда люди Эльрика, оно не могло быть сделано людьми. Не было сомнения, что это

Зеркало Памяти. Каждый, кто бы ни входил в речной порт, по не искоренимому людскому любопытству должен был поднять голову, чтобы увидеть свое отражение в этом удивительном зеркале, и... мгновенно забывал все, что связывало его с остальным миром.

— Мне кажется, милорд, мы без последствий видим зеркало только потому, что оно нацелено на устье реки. Но,

обращаю твое внимание, Эльрик, его нельзя повернуть назад, в глубь страны. Да в этом и нет нужды, потому что кто, кроме местных жителей, наверняка уже завоеванных Иркано, может прийти в столицу из пустыни?

— Я понял, Дайвим Твар. Ты хочешь, чтобы мы использовали особые качества нашего корабля и ...

— Проплыли по земле до Доз-Кама и ударили нашими ветеранами, не обращая внимания на союзников Иркана. Будем искать только принца и остальных предателей. Это может удастся, Эльрик. Вор ведемся в город, схватим Иркана, освободим Каймориль, а затем ско рее отплывем обратно.

— Так как у нас все равно мало людей для лобовой атаки, это единственное, что мы можем сделать. Преимущество внезапного нападения будет потеряно, если с первого раза у нас ничего не получится. Конечно, можно еще попытаться проникнуть в город ночью и застать Иркана и Каймориль одних, но тогда мы не воспользуемся нашим мощным оружием — Кораблем-Сквозь-Море-И-Сушу. Думаю, твой план лучше, Дайвим Твар. Давай выведем наш корабль на сушу и будем надеяться, что Грому понадобится время, чтобы нас обнаружить — я все больше беспокоюсь, что он всерьез захочет отнять у нас корабль.

Эльрик начал спускаться на землю. Вновь стоя на верхней палубе своего прекрасного корабля, он приказал рулевому повернуть его к земле. Под одним только нижним парусом корабль изящно заскользил по мелководью, затем заскрипел по берегу, и вот он уже плывет сквозь кустарники и деревья, которые послушно раздвигались перед ним. Удивленные птицы кричали и свистели, а мелкие животные замирали, в изумлении глядя на корабль, который сворачивал только перед самыми толстыми стволами деревьев.

Таким образом они попали в землю Ойн, которая лежала к северу от реки Ар, разделявшей Ойн и Иу. Ойн был страной почти сплошных джунглей и бесплодных равнин, на которых жители собирали скудные урожаи, потому что боялись леса и не желали входить в него, хотя, может быть, именно в нем заключались истинные богатства страны.

Корабль перебрался через равнину, и вскоре они увидели перед собой большое озеро. Дайвим Твар взглянул на грубо начерченную карту, которую приобрел в Рамазане, предложил повернуть на юг и приблизиться к Доз-Каму, описав широкий полукруг. Эльрик согласился, и корабль начал поворот. В эту минуту земля опять начала дрожать, и огромные волны покрытой травой земли стали подниматься так высоко, что даже с мостика трудно было удерживать выбранное направление. Корабль кидало вверх-вниз, качало из стороны в

сторону. Еще двое имрирцев упали с мачт и разбились о палубу. Боцман прокричал, надсаживая глотку, чтобы моряки привязывались, иначе всех смоеет. Волнение происходило в полной тишине, которая пугала моряков больше, чем шум настоящей бури, и все его слышали.

— Всем, кто свободен от вахты, немедленно сойти вниз! — Эльрик обмотал вокруг поручня шарф, другой конец которого привязал к руке. Дайвим Твар использовал для этой же цели ремень. Их так швыряло на валах из земли, что Эльрику казалось — в его теле сейчас сломается каждая косточка. Корабль протестующе скрипел, едва выдерживая напряжения этой бури. С трудом дыша, Дайвим Твар спросил:

— Неужели это дело рук Грома, Эльрик? Или это волшебство Иркана?

— Нет, Ирган здесь ни при чем. Это Гром. И я не знаю заклинаний против Грома, который, может быть, самый могущественный из королей Стихий.

— Но ведь он нарушает договор с братом?

— Думаю, это не совсем так. Король Страаша предупредил нас, что нечто в этом роде может произойти. Остается только надеяться, что король Гром истощит свою энергию, а корабль выстоит, как обычно бывает в шторме на море.

— Это куда хуже, чем обычный шторм, Эльрик!

Эльрик кивнул, но ничего не ответил, потому что палуба наклонилась под сумасшедшим углом, и ему пришлось уцепиться за поручни обеими руками, чтобы хоть как-то удержаться на ногах. Теперь тишины не было. До путешественников донесся нарастающий гул, похожий на смех какого-то гиганта.

— Король Гром! — закричал Эльрик, — не трогай нас! Мы не сделали тебе ничего плохого!

Но смех становился все явственней, и от него весь корабль дрожал, как лист на ветру, а земля стала лопаться пузырями и падала вокруг них огромными комьями. Деревья, холмы и скалы понеслись навстречу кораблю и отступили лишь в последний момент, едва не поглотив их, лишь потому, что Гром, вне всякого сомнения, хотел получить свой корабль в целости и сохранности. Эльрик вновь закричал:

— Гром! Ты никогда не ссорился со смертными! Проси у нас, чего хочешь, но взамен выполни нашу просьбу!

Эльрик кричал все, что приходило ему на ум. На самом деле, он питал мало надежды, что его услышит бог Земли, а если даже и услышит, то вряд ли захочет отвечать. Но ничего другого и не оставалось.

— ГРОМ! ГРОМ! ГРОМ! Выслушай меня! — Единствен-

ным ответом ему послужил еще более сильный смех, от которого дрожал каждый нерв людей, находящихся на этом корабле.

Земля вздымалась все выше и выше, опускалась все сильнее и сильнее, а корабль швыряло и крутило, как щепку, пока Эльрик вообще не потерял всякое чувство направления.

— КОРОЛЬ ГРОМ! Неужели ты убьешь тех, кто никогда не причинял тебе никакого вреда?

И тогда вздымающаяся земля стала опадать, и скоро корабль застыл в полном спокойствии. Огромная коричневая фигура появилась рядом с ним, возвышаясь над всеми деревьями, глядя сверху вниз.

Эта фигура была цвета земной почвы и похожа на утес. Ее волосы и борода были цвета травы, глаза блестели, как золотая руда, зубы из белоснежного мрамора выдавали улыбку, ноги напоминали корни, а кожа была покрыта мелкими зелеными побегами. И от нее шел тяжелый прелый запах. Одним словом, это был король Гром, Повелитель Духов Земли. Он принюхался и нахмурился, а потом сказал немного хриплым и тяжелым голосом:

— Мне нужен мой корабль.

— Корабль не принадлежит нам, мы не можем отдать его, король Гром, — сказал Эльрик.

Капризные нотки в голосе Грома усилились.

— Мне нужен мой корабль. Я хочу его. Он мой.

— Какую он может принести тебе пользу, король Гром?

— При чем тут польза? Он мой, мой!

Эльрик с отчаянием сказал: — Этот корабль принадлежит твоему брату, королю Страаше. Он дал тебе часть своих владений, а ты разрешил ему присвоить этот корабль. Такое у вас было условие.

— Не знаю ни о каких условиях. Корабль мой!

— Но ты же догадываешься, что король Страаша вернет себе те земли, которые отдал за него, если ты заберешь корабль.

— Я хочу свой корабль, — огромная фигура сдвинулась с места, с нее посыпались комья земли, громко ударяясь о землю и палубу.

— Тогда тебе придется убить нас, чтобы получить его, — сказал Эльрик.

— Убить? Гром не убивает смертных. Он никого не убивает.

Гром строит. Гром дает жизнь...

— Ты уже убил трех наших спутников. Трое смертных мертвы, король Гром, из-за того, что ты поднял бурю на земле, — возразил Эльрик.

Огромные брови Грома сошлись на переносице, и он шумно поскреб свой затылок.

— Гром не убивает, — опять повторил он.

— Король Гром убил, — возразил Эльрик. — И не раз.

— Но я хочу свой корабль.

— Этот корабль нам одолжил твой брат. Мы не можем отдать его тебе. Кроме того, мы плывем на нем с определенной целью. Могу добавить, с благородной целью.

— Я не знаю ничего ни о какой цели... И вы мне тоже безразличны. Я хочу мой корабль. Брат не смел одалживать его. Я почти забыл о нем, но теперь вспомнил и хочу его.

— Не примешь ли вместо корабля, — внезапно спросил Дайвим Твар, — другой дар?

Гром покачал своей чудовищной головой.

— Как может смертный дать мне что-нибудь? Ведь смертные всегда только берут от меня. Они крадут мои кости и мою кровь.

Можете ли вы отдать мне все, что украли все смертные?

— Значит, нет ничего такого, что мы могли бы тебе предложить? — спросил Эльрик.

Гром закрыл глаза.

— Благородные металлы? Драгоценности? — Предложил Дайвим Твар. — У нас много сокровищ в Мельнибоне.

— У меня самого их целая куча.

Эльрик в отчаянии пожал плечами.

— Как можем мы договориться с богом, Дайвим? Чего может желать король всей Земли? Больше солнца? Больше дождя? Но этого мы ему дать не в состоянии.

— Я очень грубый бог, если я вообще бог. Но я не хотел убивать ваших товарищей. Отдайте мне тела убитых. Похороните их в моей земле.

— И это все, что ты от нас требуешь?

— По-моему, это очень много.

— И за это ты позволишь нам уплыть?

— Можете плыть, — проворчал Гром, — но только по воде. Не знаю, с какой стати разрешать вам плавать по земле. Да, можете доплыть вон до того озера, но после этого корабль будет обладать только свойствами, которыми наделил его мой брат Страаша. Никогда больше он не пересечет моих владений.

— Но, король Гром, нам необходим этот корабль. У нас неотложное дело. Мы должны доплыть до города, — Эльрик указал в направлении Доз-Кама.

— Вы можете доплыть до озера, но после этого корабль будет плавать только по воде. А теперь отдайте мне то, что я просил.

Эльрик вызвал боцмана, который все-таки удивился, когда увидел короля Грома.

— Принеси тела трех мертвых матросов.

Тела были принесены.

Гром вытянул вперед огромную земляную руку и легко поднял их.

— Я благодарю вас, — проворчал он. — Прощайте.

И он стал опускаться в землю, сливаться с ней, пока, наконец, не исчез.

А затем корабль поплыл сам собой, без вмешательства рулевого и без всяких команд. Он шел по направлению к озеру, совершая последнее путешествие по земле.

— Вот так нарушились наши планы, — сказал Эльрик.

Дайвим Твар смотрел на приближающееся озеро.

— Да, не получилось. Боюсь, Эльрик, чтобы выполнить задуманное, тебе не обойтись без колдовства.

Эльрик глубоко вздохнул.

— Наверное, ты прав.

ГЛАВА 8

Принц Иркан был доволен, все шло хорошо. С плоской крыши своего дома — трехэтажного, самого красивого в Доз-Каме здания — он смотрел на гавань и на свой флот. Каждый корабль, который приходил в Доз-Кам, удавалось легко захватить, едва его команда смотрела в большое зеркало, установленное на колоннах над городом. Демоны построили эти колонны, и принц Иркан заплатил им за работу душами тех в Ойн и Иу, кто оказал ему сопротивление.

Теперь ему оставалось выполнить самое последнее желание, а затем он и его новые последователи окажутся на пути в Мельнибон. Он повернулся и заговорил с сестрой. Каймориль лежала на деревянной скамейке, невидящими глазами глядя в небо, одетая в жалкие лохмотья того платья, которое было на ней, когда Иркан похитил ее из башни.

— Посмотри на наш флот, Каймориль! Пока золотые барки рассеяны по всему свету, мы спокойно войдем в Имрир и объявим этот город нашим. Эльрик не сможет сопротивляться нам. Он так легко попадает в мои ловушки. Он дурак! И ты, глупая, любила его.

Каймориль не отвечала. В течение всех этих месяцев Иркан добавлял наркотики в ее пищу и питье и сделал ее такой слабой, каким бывал Эльрик, если долго не принимал своих снадобий. Лицо Каймориль было отрешенным и усталым, но вся ее красота оставалась. Собственные эксперименты Ирка-

на и опробование тех волшебных приемов, которыми он обладал, сделали из него человека нервного и раздражительно-го. Глаза его горели лихорадочным, темным пламенем, но он совершенно перестал обращать внимание на свой вид. Как будто жалкий город Доз-Кам оказал влияние на них обоих и заразил каждого своей болезнью.

— Но не бойся за свое будущее, сестра, — усмехнулся Иркиан. — Ты все равно станешь императрицей и сядешь на Рубиновый Трон рядом с императором. Только этим императором стану я, после того как Эльрик много дней подряд будет умирать, и смерть его будет КУДА БОЛЕЕ ИЗОБРЕТАТЕЛЬНОЙ, чем та, которую он мне придумал.

Голос Каймориль зазвучал глухо, словно издалека. Заговорив, она даже не повернула головы.

— Ты безумен, Иркиан.

— Безумен? Брось, сестра, разве употребит настоящий мельнибониец такое слово? Мы, мельнибонийцы, никого не считаем ни нормальным, ни безумным. Человек таков, каков есть. Что он делает, то делает. Наверное, ты слишком долго прожила в Молодых Королевствах и стала судить так же, как они. Но мы это скоро исправим. С триумфом вернемся мы на Остров Драконов, и ты все это за будешь, как будто тебя заставили заглянуть в Зеркало Памяти, он дернулся и нервно посмотрел вверх, словно ожидал, что зеркало самопроизвольно повернется к нему.

Каймориль закрыла глаза. Дыхание ее было очень замедленным.

Она стойчески переносила весь этот кошмар, убежденная, что рано или поздно Эльрик спасет ее. Эта надежда была для нее всем, и только она удерживала ее от того, чтобы покончить с собой. Как только она поймет, что надеяться больше не на что, она тут же умрет, раз и навсегда разделившись со всеми ужасами этого мира.

— Я рассказывал тебе, что вчерашней ночью мне все удалось? Я вызывал демонов, Каймориль. Таких могущественных, злых демонов! Я узнал от них все, что мне нужно было знать! И я, наконец, открыл Врата Теней! Скоро я войду в них и найду все, что искал. Я стану самым могущественным из смертных на Земле!

Он уже говорил все это несколько раз утром. Она чувствовала себя такой усталой, что хотела спать. Она сказала, тщательно выговаривая каждое слово:

— Я ненавижу тебя, Иркиан.

— Но скоро ты полюбишь меня, сестра. Скоро!

— Эльрик придет...

— Эльрик! Ха! Он сидит и бездельничает в своей башне

и ждет новостей, которые никогда до него не дойдут, пока я сам не принесу их.

— Эльрик придет, — сказала она. Иركان зарычал. Вошла девушка-ойнянка, она принесла ему вино.

Иركان схватил кубок и стал жадно пить. Затем он плюнул вином в девушку, которая попятилась, вся дрожа. Он поднял кубок вверх, и, опрокинув его, вылил вино на белую пыль крыши.

— Вот это — жидкая кровь Эльрика. Вот так и она вытечет из его жил!

Но Каймориль его не слушала, она вспоминала своего любимого. Иركان швырнул кубок в голову служанки, но девушка давно научилась уклоняться от таких ударов. Поклонившись, она прошептала:

— Благодарю вас, лорд-демон.

— Лорд-демон! — расхохотался Иركان, его настроение улучшилось. — Твой народ прав, называя меня так, потому что я правлю больше над демонами, чем над людьми. Мое могущество возрастает с каждым днем!

Служанка поспешила уйти, чтобы принести еще вина. Она знала, что он потребует его через несколько минут. Иركان отвернулся от Каймориль и посмотрел на доказательство своего могущества, но пока он в который раз за это утро пересчитывал свои корабли, с противоположного конца города донесся какой-то непривычный шум.

Может, это ойняне и иуты затеяли драку друг с другом? Где же, в таком случае, имирские центурионы? Где капитан Вальгарик? Неторопливо он подошел к противоположному краю крыши и посмотрел на улицы.

— Огонь? — пробормотал он. Странное зрелище представало перед ним. Некоторые улицы, казалось, были охвачены пожаром, но это был не обычный огонь. Какие-то огненные шары почти бесшумно плыли по воздуху, поджигая ветхие соломенные крыши, деревья, кусты — все, что легко воспламенялось.

Сначала Иركان подумал, что был небрежен, и какое-то его заклинание обернулось против него самого, но затем у реки увидел странный корабль — творение неописуемой красоты и изящества.

Только тогда он понял, что на него напали. Но кто? В городе просто нечего было грабить. Вот если это имирцы... Нет, не может быть.

— Немедленно повернуть Зеркало памяти против врагов! — проревел он.

— Ты был слишком самоуверен, Иركان. Эльрик пришел. — Каймориль приподнялась с трудом, но она улыбалась.

— Эльрик? Чуть! Просто несколько варваров-пиратов из Молодых Королевств. Как только они окажутся в центре города, мы применим против них Зеркало Памяти, — он побежал к люку и начал спускаться по лестнице.

— Капитан Вальгарик, где ты?

Вальгарик появился почти сразу, он был мокрым от пота. В руке его был меч, хотя чистое лезвие показывало, что он еще не дрался.

— Приготовь Зеркало памяти, Вальгарик. Поверни его против нападающих.

— Но, милорд, мы можем...

— Поспеш! Делай так, как я приказываю! Скоро мы прибавим этих варваров к уже набранным войскам или, в крайнем случае, к рабам.

— Варваров, милорд? Разве варвары могут повелевать духами огня? А эти шары, которым мы пытаемся противостоять, вызваны духами огня. И его, как огонь, нельзя убить.

— Огонь можно убить водой. Простой водой, капитан Вальгарик, разве ты забыл?

— Принц, мы пытались поливать шары водой, но она просто не стала выливаться из наших бадей. Какой-то могущественный волшебник командует этой атакой. И ему подвластны духи огня и воды одновременно.

— Ты сошел с ума, капитан, — твердо сказал Ирман. — Приготовь Зеркало памяти и больше не смей говорить глупости.

Вальгарик облизнул пересохшие губы.

— Слушаюсь, милорд, — он низко поклонился и пошел выполнять распоряжение.

Вновь Ирман поднялся на крышу и посмотрел на улицы Доз-Кама.

Теперь стало видно, что за огненными шарами шли какие-то люди, которые дрались с его солдатами. Но принц никак не мог рассмотреть их гербы.

— Наслаждайтесь своей мнимой победой, — ухмыльнулся Ирман, — потому что скоро Зеркало памяти поглотит ваш рассудок и вы станете мои рабами.

— Это Эльрик, — спокойно сказала Каймориль. Она улыбнулась.

— Эльрик идет, чтобы отомстить.

— Даже если это так, — фыркнул Ирман. — здесь меня он уже не застанет, я найду способ избежать нежелательной встречи. А вот тебя он обнаружит в таком состоянии, которое вряд ли доставит ему удовольствие. Но все эти рассуждения нелепы — это не Эльрик. Это какой-нибудь грубый шаман из восточных степей. И скоро он будет в полной моей власти.

Пошатываясь, Каймориль подошла к краю крыши и посмотрела вниз.

— Эльрик, — холодно сказала она. — Я вижу его шлем.

— ЧТО?! — Там, на улицах, имрирцы бились с имрирцами, в этом больше не оставалось никаких сомнений. Люди Иркана отступали. И во главе атакующих можно было разглядеть черный драконий шлем, такой, какой носил лишь один мельнибониец. И при желании можно было увидеть и меч Эльрика, который когда-то принадлежал Эрлу Оубеку из Маладора.

Он поднимался и падал, и лезвие его было красным от крови. Ирган застонал.

— Эльрик, как мы недооцениваем друг друга. Что за проклятье лежит на нас?

Каймориль откинула назад волосы, она разругалась.

— Разве я не говорила, что он придет, брат?

Ирган резко повернулся к ней.

— Да, он явился сюда, и мое Зеркало лишит его памяти, отнимет рассудок, он станет моим рабом, слепо принимая на веру все, что я скажу ему. Это даже слаще, чем я хотел, сестра! — он посмотрел вверх и в ту же секунду быстро закрыл глаза руками, понимая, какую ошибку чуть было не совершил.

— Вниз, в дом! Зеркало поворачивается!

Раздался тяжелый скрип поворотного механизма, зазвенели цепи, и ужасное Зеркало Памяти обратилось своей гибельной поверхностью к улицам города.

— Пройдет совсем немного времени, и Эльрик с его людьми окажется в моей коллекции. Какая ирония судьбы! — он схватил сестру за руку и повел ее с крыши.

— Сам Эльрик поможет мне атаковать Имрир. Он станет уничтожать собственных генералов! Он сам себя лишит Рубинового Трона!

— Неужели ты думаешь, Эльрик не знает о Зеркале Памяти, брат? — презрительно спросила Каймориль.

— Но противостоять ему он не сможет. Либо его убьют, либо он должен будет открыть глаза. — он огляделся. — Где Вальгарик?

Вальгарик вбежал в комнату.

— Зеркало повернуто, милорд, но боюсь, оно окажет влияние и на наших людей тоже.

— Ну что с того, что наши люди тоже попадут под его влияние?

Мы быстро расскажем все, что им надлежит знать, и это же сделаем с нашими врагами. Ты стал слишком нервным, капитан.

— Но их ведет Эльрик.

— Но у него ТОЖЕ есть глаза, хоть они и похожи на красные камни. С ним произойдет то же самое, что со всеми.

На улицах Эльрик, Дайвим Твар и их имрирцы уверенно продвигались вперед, тесня противника. Атакующие практически не потеряли ни одного человека, в то время как на улицах валялось много убитых ойян и иутов вместе с их имрирскими ренегатами-командирами. Духи огня, которых Эльрик с трудом уговорил помочь себе, стали исчезать — им трудно было так долго находиться в этом измерении, но необходимое преимущество было достигнуто. Теперь уже не возникало вопроса: кто выиграет битву — на реке горели все ко рабли противника.

Дайвим Твар первым заметил, что большое зеркало стало пово рачиваться на улицы. Он затрубил в свой боевой рожок и отдал при каз пропустить вперед отряд, который еще не вступал в сражение.

— Теперь вы должны вести нас! — вскричал он, опуская свой шлем так, что ничего увидеть было невозможно.

Эльрик тоже опустил свой шлем. Звуки битвы продолжались, потому что теперь вперед пошел отряд ветеранов, которых они взяли с собой из Имрира. Под их дружным натиском защитники отступили еще дальше. Имрирцы, идущие впереди, не опускали на глаза свои шлемы.

Эльрик молился, чтоб его план удался.

Иркан осторожно выглянул сквозь щелку в тяжелой занавеске и раздраженным тоном спросил:

— Вальгарик? Они все еще дерутся. В чем дело? Разве Зеркало не опущено?

— Должно быть опущено, милорд.

— Тогда посмотри сам, имрирцы наступают, а наши люди попадают под действие Зеркала. Что случилось, Вальгарик?

Капитан втянул воздух, не разжимая зубов, на его лице появилось удивление, когда он посмотрел вниз.

— Они слепы и дерутся на ощупь, по звуку, по запаху... Они слепые, милорд император, но ведут за собой Эльрика и его воинов, чьи шлемы наглухо закрыты.

— Слепы? — тон у Иркана был ровный, как будто он никак не мог осознать, в чем дело. — СЛЕПЫЕ?

— Да. Слепые воины, солдаты, раненные в предыдущих сражениях, но тем не менее прекрасные бойцы. Так Эльрик побеждает наше Зеркало, милорд.

— Нет! Не-ет! — Казалось, Иркана поразила приступ безумия. — Эльрик не умен, нет! Какой-то могущественный демон подсказал ему эту мысль.

— Возможно, милорд. Но это значит, что его демоны более могущественны, чем те, которые помогают вам?

— Могущественнее моих не существует на свете! О, если бы я только мог призвать сейчас хотя бы одного из них! Но я затратил все силы, чтобы открыть Врата Теней. Я должен был предвидеть... Нет, этого никто не мог предвидеть. Ох, Эльрик! Я уничтожу тебя, когда рунные мечи будут в моих руках! — затем Ирган нахмурился, вспышка бешенства проходила. — Но как он мог угадать? Кто подсказал ему, если не сам Ариох? Нет, у него не может быть такого могущества, чтобы вызвать Ариоха. Даже я не смог вызвать его.

А затем, как бы в ответ на свои предположения, он услышал боевую песню Эльрика, звучавшую совсем неподалеку. И слова этой песни ответили ему на все его вопросы:

— Ариох! Кровь и души для моего повелителя!

— Значит, мне необходимо иметь рунные мечи. Я должен пройти сквозь Врата Теней. Там у меня все еще есть союзники — сверхъестественные союзники, которые, надеюсь, легко справятся с Эльриком, если в этом возникнет необходимость. Но мне нужно время, — его речь стала совсем неразборчивой.

Вальгарик все еще смотрел в окно.

— Они подошли совсем близко, — сказал капитан.

— Совсем близко, Ирган, — Каймориль улыбнулась. — Так кто же из вас двоих дурак? Эльрик или ты?

— Молчи! Я думаю... Я думаю! — он мерил шагами комнату. Внезапно он хитро посмотрел на Каймориль, прежде чем перевести взгляд на Вальгарика.

— Капитан, ты должен уничтожить Зеркало Памяти.

— Это единственное наше оружие, милорд!

— Но разве оно не стало бесполезным?

— Да.

— Уничтожь его, и оно вновь послужит нам, — Ирган указал на дверь. — Иди и разбей Зеркало.

— Но, принц Ирган... Император, разве это не лишит нас защиты?

— Делай, что тебе приказали, или ты умрешь!

— Как я могу его уничтожить, милорд?

— Мечом. Ты должен взобраться на колонну, но только позади его отражающей поверхности. Потом, не глядя, ты должен изо всех сил ударить... Оно разобьется легко. Ты ведь знаешь, сколько преосторожностей нам приходилось соблюдать, чтобы оно не разбилось случайно.

— Это все, что я должен сделать?

— Сделай это, и я освобожу тебя от службы мне. Ты

можешь идти, куда хочешь, и делать все, что тебе вздумается.

— Разве ты не пойдешь войной на Мельнибон?

— Конечно, нет. Я открыл другой способ захватить Остров Драконов. — Вальгарик пожал плечами. Выражение его лица вдруг явно подсказало, что по-настоящему он никогда не верил в этот план Иркана. Но что ему еще оставалось делать, как не следовать за принцем, когда на родном острове его ожидали ужасные пытки? С поникшей головой капитан отправился выполнять распоряжение Иркана.

— А сейчас, Каймориль... — Ирган гнусно ухмыльнулся и крепко сжал плечи сестры. — Сейчас я подготовлю тебя к приходу Эльрика.

ГЛАВА 9

Один из слепых воинов вскричал:

— Они стоят неподвижно и позволяют разрубать себя пополам, не сходя с места. Почему так?

— Зеркало украло их рассудок, — Эльрик повернулся на голос воина. — Теперь води нас в какое-нибудь здание, где мы уже не сможем видеть Зеркало.

Когда слепые воины почти без помех привели остальной отряд в какое-то помещение, оно показалось Эльрику, поднявшему шлем, по хожим на караван-сарай и было достаточно велико, чтобы вместить все их силы. Эльрик закрыл дверь.

— Чтобы найти Иркана, — сказал Дайвим Твар, — надо допросить одного из пленных солдат.

— От этих будет мало толку, мой друг, — напомнил ему Эльрик.

— Они потеряли память, вообще ничего не помнят. Лучше сами осторожно посмотрим; нет ли поблизости дворца, в котором мог бы жить Ирган.

Дайвим Твар осторожно выглянул наружу.

— Да, рядом стоит дом, больше остальных, и я вижу внутри какое-то движение, как будто там собирается отряд уцелевших воинов.

Похоже на то, что это дом Иркана. Его легко будет захватить.

Эльрик посмотрел из-за его плеча.

— Похоже, ты прав. Ирган там, но надо поспешить, пока он не решился убить Каймориль. Надо объяснить нашим слепым воинам, по каким улицам и мимо каких домов им надо провести нас.

— Что это? Какой странный звук? — Один из слепых ветеранов поднял голову. — Как звук гонга.

— Я тоже слышу, — сказал другой ветеран. Теперь услышал и Эльрик — зловещий звон, который исходил откуда-то сверху, с неба.

— Зеркало! — Дайвим Твар посмотрел наверх. — Может быть, у Зеркала Памяти есть еще какое-то свойство, о котором мы не знаем?

— Возможно, — Эльрик попытался вспомнить, что говорил ему Ариох, но тот рассказывал о Зеркале Памяти довольно путано. Он ничего не говорил о других его свойствах, о способности издавать звуки, наполняющие весь город, об этом звоне, как будто... Кто-то разбивает зеркало! Но зачем?

Звук усилился, пытался что-то подсказать ему, как будто Зеркало, которое его издавало, было живым.

— Может, Иركان мертв, и колдовство умирает вместе с ним, — начал было Дайвим Твар. А затем он замолчал и застонал. Звон стал резким до боли в ушах.

И тогда Эльрик понял. Он закрыл уши руками в боевых перчатках. Воспоминания, заключенные в Зеркале Памяти — они втекали в его мозг. Если Зеркало разбить, освободив воспоминания людей, которые смотрели в него за века, возможно, тысячелетия... А многие, кто посмотрел в него, не были смертными, возможно, в Зеркале хранились и воспоминания зверей... И сейчас все эти воспоминания искали себе место в сознании имрицев.

Крики людей слышались уже по всему городу. Но они не обрели места в сознании капитана Вальгарика, предателя

Имрира, который поскользнулся, слезая с большой колонны, и упал вместе с осколками Зеркала вниз, на землю.

Но Эльрик не слышал его предсмертного крика, не слышал, как его тело ударилось о скат какой-то крыши, а потом свалилось на улицу, где лежало, изломанное, окровавленное, рядом со острыми обломками волшебного стекла.

Эльрик лежал на каменном полу караван-сарая и извивался, как извивались все его товарищи, пытаясь выкинуть из головы миллионы воспоминаний, которые ему не принадлежали, о войнах и путешествиях, о родственниках, которые были не его родственниками, о мужчинах, женщинах и детях, о животных, кораблях и городах, о битвах, насилии, любви, страхах и желаниях. Эти воспоминания боролись за обладание его мозгом, угрожая лишить его собственного сознания и памяти, сделать другим человеком. Когда Эльрик, зажимая уши, боролся за себя, он все время повторял одно и то же слово:

— Эльрик! Эльрик! Эльрик!.. — И постепенно, с усилием,

равное которому ему пришлось прилагать лишь однажды, когда он совершал вызывание Ариоха в измерение Земли, ему удалось вытеснить все, что не было Эльриком, и стать самим собой. Дрожа от слабости, он отнял руки от головы и мог больше не выкрикивать свое имя. Затем он встал и огляделся вокруг.

Более двух третей его солдат были мертвы. Многие ослепли или сошли с ума. Большой боцман был мертв, его расширенные глаза уставились в пространство, губы перекосились в безмолвном крике, правая глазница разодрана — он пытался вырвать у себя глаз. Трупы лежали в неестественных, непривычных позах. Многие из них в припадке дикой муки испражнялись под себя, других вырвало, не которые просто разбили головы о стены. Только пятеро, включая Эльрика, сохранили свою память. Дайвим Твар был жив, но в его блуждающих глазах Эльрик не мог найти ни искорки сознания.

— Дайвим Твар, — Эльрик положил руку на плечо друга. — Дайвим Твар! Повелитель Драконьих Пещер поднял голову. Не сразу его блуждающий взор нашел взгляд Эльрика. В глазах Дайвима Твара светился опыт нескольких тысячелетий, но медленно из этой невозможной глубины чужих судеб и чужого опыта всплыло выражение, которое Эльрик так привык встречать в этих глазах, — иронию и сдержанный, грубоватый юмор.

— Я жив? Ну и ну!

— Ты удивишься этому еще больше, когда узнаешь, как мало нас осталось.

Когда они вышли из караван-сарая, так как бояться Зеркала больше не было необходимости, то увидели, что Эльрик был прав гораздо больше, чем подозревал, — улицы были завалены трупами. Но даже смерть не стерла с лиц безмолвной теперь мольбы о помощи.

Эльрик старался не глядеть на них, шагая вперед. Его желание отомстить стало еще больше. Они дошли до дома, который заметили раньше. Дверь была распахнута настежь, и здесь первый этаж был забит трупами. Нигде не было видно и признаков принца Иркана.

Эльрик, Дайвим Твар и четыре остальных воина пошли вверх по лестнице, мимо других трупов. Там они нашли Каймориль.

Она лежала на диване и была абсолютно голой. На ее коже были нарисованы рунные знаки, и даже сами руны были непристойными. Она с трудом подняла тяжелые веки и не узнала их. Эльрик подбежал к ней, обнял, подхватил на руки. Тело ее было странно холодным.

— Он... Он заставил меня спать... Волшебный сон... из которого... только он может пробудить меня... — она зевнула. Я заставляла себя не спать...так долго...заставляла силой, пото му...что придет Эльрик...

— Эльрик здесь, — мягко сказал он. — Я Эльрик, Каймориль.

— Эльрик? — Она напряглась. — Ты? Тогда найди Иркана...

Только он... может разбудить меня...

— Где он? — лицо Эльрика стало жестким, глаза его сверкнули. — Где?

— ...за двумя черными мечами... Рунными мечами наших предков...

— Меч Печали и Буреносец, — хмуро сказал Эльрик. — Они прокляты... Но куда он скрылся, Каймориль? Как ему удалось уйти от нас?

— Через... Врата Теней. Он открыл их... заключил самое страшное соглашение с демонами, и... в той комнате... — Каймориль спала, уютно свернувшись в клубочек на руках Эльрика. Ее лицо было спокойным.

Эльрик смотрел, как Дайвим Твар пересек комнату с мечом в руке и распахнул дверь. Он ничего не увидел, в комнате было темно. Ужасный запах, который вырвался оттуда, заставил даже Дайвима Твара отступить на несколько шагов. Но Эльрик увидел какой-то блеск в этой темноте.

— Да, вне всякого сомнения, Ириан открыл Врата Теней и прошел под ними в какое-то пространство между измерениями. Но в какое? Я никогда этого не узнаю — их бесчисленное множество. О, Ариох, много бы я отдал, чтобы последовать за ним!

— Тогда ты последуешь за ним, — раздался в его голове нежный, печальный голос.

Сначала Эльрик подумал, что слышит отголоски чужих воспоминаний, которые задержались в его сознании, но потом понял, что это действительно говорит Ариох.

— Удали своих людей, я хочу поговорить с тобой, — сказал Ариох. Эльрик заколебался. Он хотел остаться один, но не с Ариохом, а с Каймориль, и ему хотелось плакать. Слезы уже текли из его красных глаз.

— То, что я тебе скажу, вернет Каймориль к жизни, поможет победить Иркана и сделает тебя самым могущественным из смертных.

Эльрик посмотрел на Дайвима Твара и остальных людей.

— Оставь меня на несколько минут одного. И найдите какую-нибудь девушку, которая могла бы прислуживать Каймориль.

— Конечно, — Дайвим Твар сделал знак, и все вышли, закрыв дверь. Ариох вновь был в образе прекрасного юноши и стоял в той же небрежной позе, что и раньше, у двери, которая только что закрылась. Улыбка его была дружелюбной и открытой. Только древние глаза выдавали в нем бессмертного бога.

— Пришло время искать черные мечи, Эльрик. Хочу предупредить тебя: обладая рунными мечами, Иركان станет настолько могущественным, что сможет уничтожить мир, даже не осознав, что произошло. Твой двоюродный брат пошел на страшный риск, ступив под Врата Теней, в мир, лежащий за ними. Если он захватит мечи до того, как их найдешь ты, это конец и тебе, и Каймориль, и Молодым Королевствам и, возможно, приведет к разрушению Мельнибона. Я помогу тебе войти в мир между измерениями, чтобы ты нашел там два рунных меча-близнеца.

Эльрик недоверчиво сказал:

— Меня часто предупреждали о той опасности, которая грозит каждому, кто ими владеет. Я думаю, следует поискать другую возможность сохранить мир, милорд Ариох.

— Другой возможности нет. Если ты не завладеешь мечами, их получит Иركان. С Мечом Печали в одной руке и Буреносцем в другой он будет неуязвим, потому что мечи эти дают тому, кто ими владеет, силу, несокрушимую силу. — Ариох помолчал. — Ты должен сделать то, что я сказал. Это в твоих интересах.

— И в твоих тоже, милорд Ариох?

— Да, и в моих. Я не бескорыстен.

— Я растерян, — Эльрик покачал головой. — Слишком много произошло в последнее время. Я подозреваю, вы, боги, просто играете нами.

— Вместе с теми, кто желает служить им, боги служат Судьбе.

— Мне это не нравится. Остановить Иркана — одно, стать таким же тщеславным, как он, и получить черные мечи — совсем другое.

— Такова твоя Судьба.

— А разве я не могу изменить свою Судьбу?

— Не больше, чем я, — Ариох покачал головой.

Эльрик нежно погладил волосы спящей Каймориль.

— Я люблю ее. Эта девушка — единственное, что я хочу от жизни.

— Но тебе никогда не удастся разбудить ее, если Иركان найдет мечи раньше тебя.

— Как я могу найти эти мечи?

— Войти во Врата Теней. Я сделал так, что они останутся

открытыми, хотя Иркин считает, что закрыл их. Там ты должен искать Туннель Под Болотом, который ведет в Пульсирующую Пещеру. В этой Пещере есть комната, где хранятся рунные мечи. Они лежат там с тех пор, как твой предок отказался от них.

— Почему же он отказался от них?

— Я думаю, не хватило мужества.

— Мужества для чего?

— Для самого себя и своих потомков.

— Ты говоришь загадками, милорд Ариох.

— Так говорим все мы, Повелители Высших Миров. А теперь поспеши, даже я не могу держать Врата Теней открытыми очень долго.

— Хорошо. Я иду.

И Ариох немедленно исчез. Хриплым надломленным голосом позвал Эльрик Дайвима Твара. Тот тут же вошел.

— Эльрик, что здесь произошло? Ты выглядишь...

— Сейчас я последую за Иркином, Дайвим Твар. Ты должен вернуться в Мельнибон с Каймориль и теми из наших людей, кто остался в живых. Если я не вернусь, ты объявишь ее императрицей. Если она все еще будет спать, ты должен будешь править как регент, пока она не проснется.

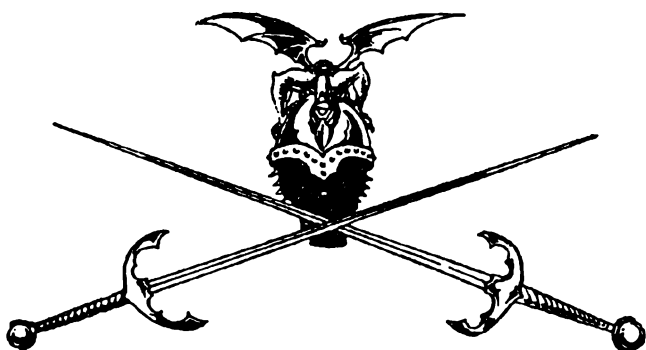
Дайвим Твар мягко сказал:

— Ты сам-то знаешь, что делаешь, Эльрик?

Эльрик покачал головой.

— Нет, Дайвим Твар. Не знаю. — Он нежно укрыл спящую девушку узорным покрывалом, поцеловал ее в лоб и, спотыкаясь, отправился в другую комнату, где его ждали Врата Теней.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ЧЕРНЫЕ КЛИНКИ

«Назад пути не было. Судьба Эльрика была предопределена и не могла стать другой, как не могли стать другими два адских меча, выкованные миллионы лет назад. Мог ли он свернуть, предаться отчаянию и бессильно погибнуть? Или путь его был предопределен с колыбели? Был ли он проклят на тысячу инкарнаций, чтобы не знать почти ничего, кроме печалей и вечной борьбы, — вечный Герой, стремящийся к неизвестной цели?»

ГЛАВА 1

Эльрик сделал шаг и очутился в мире теней. Он повернулся, но дверь, в которую он вошел, стала тенью и исчезла. Старый меч Оубека был у него в руке, черный шлем и черные доспехи защищали его — только эти предметы были ему знакомы, потому что земля, на которой он очутился, была

темной и мрачной, как будто он попал в огромную пещеру, стены и потолок которой были не видны, но чувствовались, давя со всех сторон. Он пожалел о том, что подчинился своему демону-покровителю Ариоху и прошел сквозь Врата Теней. Но жалеть о чем бы то ни было сейчас было уже бесполезно.

Иркана нигде не было. Либо он приготовил себе лошадь, прежде чем попасть сюда, или, скорее всего, вошел в этот мир под другим углом. Это могло произойти и не по его воле, в книгах было написано, что все измерения медленно вращаются относительно друг друга, поэтому, войдя в то же измерение в другое время, можно было оказаться в другом месте, и оказаться ближе или дальше от их общей цели.

Сильно пахло солью, настолько сильно, что трудно было дышать. Создавалось впечатление, что он шел под поверхностью моря, хотя и мог каким-то образом дышать водой. Это же, скорее всего, объясняло то, что он не мог видеть далеко ни в одном направлении, что здесь было так много смутных, размытых теней, что небо похоже на вуаль, за которой спрятался свод пещеры.

Возможно, вон там, к востоку, были горы, — если он правильно разобрался в сторонах света, — а к западу — нечто, похожее на лес. Без солнца, звезд и луны было трудно правильно определить расстояние. Он стоял на каменистой равнине, по которой гулял холодный, пронизывающий ветер, раздувающий его плащ мягким крылом.

Примерно в сотне шагов росло несколько коротких деревьев без листьев. Повсюду в других местах равнина была гладкой, за исключением большой скалы, возвышающейся за деревьями. Это был мир, из которого, казалось, было высосано все живое. Вероятно, где-то поблизости и произошла битва между Законом и Хаосом, в результате которой все было уничтожено. Много ли было таких измерений, как это?

Эльрик задумался. И на мгновение его переполнил страх за судьбу его, такого богатого мира. Он тут же постарался забыть эти мысли, встряхнулся и пошел к деревьям и виднеющейся за лесом скале.

Он дошел до деревьев. Его плащ задел за одну из веток. Она тут же сломалась и мгновенно превратилась в пепел, который развеял ветер.

Подойдя к скале, он услышал какой-то звук, который исходил из камня. Эльрик замедлил шаг и положил руку на рукоять меча. Звучание было негромким и ритмичным. Он пристально смотрел на скалу, пытаясь, несмотря на тьму, определить его природу.

Все прекратилось. Затем снова возникло, но теперь звук был совсем иным — мягкое шуршание и легкие шаги... И вновь тишина.

Эльрик отступил на шаг и вытащил меч Оубека. Первый звук, который он слышал в этом измерении, был, скорее всего, храпом спящего человека. То, что он услышал потом, означало: человек проснулся и готов к нападению.

— Я Эльрик из Мельнибона. Я здесь посторонний, — громко сказал Эльрик.

В ту же секунду стрела пролетела мимо его шлема на расстоянии нескольких дюймов. Он кинулся в сторону, жалея, что здесь нет укрытия, за исключением скалы, за которой прятался лучник.

Из-за скалы послышался твердый и мужественный голос.

— Эта стрела не для того, чтобы убить или ранить тебя. Я лишь хотел показать тебе свое искусство, если ты захочешь атаковать меня. Хватит с меня демонов в этом злосчастном мире, я сытими по горло! Тем более таких ужасных, как ты, Белолицый.

— Я смертный, — сказал Эльрик, выпрямляясь.

— Ты говорил о Мельнибоне. Я слышал об этом Острове Драконов.

— Тогда ты слышал о Мельнибоне не очень много. Я смертный, такой же, как и все мои земляки. Только невежа может считать, что мы — демоны.

— Но я отнюдь не невежа, друг мой. Я Воин-Священник из Пума, рожденный в касте наследник всего ее знания. До недавнего времени сами боги Хаоса были моими покровителями. Затем я отказался служить им, и они сослали меня в это измерение. Возможно, та же судьба постигла и тебя, потому что, насколько я помню, народ Мельнибона тоже служит Хаосу, верно?

— Верно. Я знаю Пум. Это государство не нанесено на карту, но расположено за Поющей Пустыней, дальше самого Эльвера. Это одно из самых старейших Молодых Королевств.

— Все так, хотя я и готов поспорить в мелочах — восточные государства не нанесены на карту разве что варварами запада. Значит, и ты сослан, как я.

— Нет, я ищу одну вещь. Когда мои поиски будут закончены, я вернусь в свой мир.

— Ты говоришь «вернусь»? Это интересно, мой белолицый друг.

Я думал, что возвращение отсюда невозможно.

— Может, ты и прав. Но это значит, что меня обманули. Если у тебя не хватило сил найти дорогу в другое измерение, возможно, у меня тоже ничего не получится.

— Сил? У меня вообще нет никаких сил с тех пор, как я отказался служить Хаосу. Ну, так что, друг, намереваешься ты биться со мной или нет?

— Во всем этом измерении находится лишь один человек,

с которым я собираюсь биться, и он — не ты, Воин-Священник из Пума.

Эльрик вложил меч в ножны, и в тот же самый момент из-за камня выступил человек, вкладывая в красный колчан стрелу с красным оперением.

— Меня зовут Ракир. Но называют меня Красным Лучником, потому что, как ты можешь видеть, я люблю красную одежду. Это одна из привычек Воинов-Священников из Пума — выбирать и носить одежды только одного цвета. У меня все еще осталась преданность старым традициям.

На нем была красная кожаная куртка, красные ботинки и красная шапочка с воткнутым в нее красным пером. В руке он держал красный лук, и рукоять его меча сияла рубиново-красным светом. Лицо его, худое, с резкими чертами, было обветренным и загорелым. Несмотря на высокий рост и худобу, под красной тканью его одежды перекачивались мускулы. В глазах его застыло насмешливое выражение, с которым этот человек привык встречать все неприятности жизни, а по лицу его можно было сказать, что он испытал немало.

— Странное место для поисков чего бы то ни было, ты не находишь? — сказал Красный Лучник, оглядывая Эльрика с головы до ног и с ног до головы. — Но я заключу с тобой договор, если захочешь.

— Если это справедливый договор, Лучник, то я приму его, потому что ты, кажется, знаешь куда больше об этом мире, чем я.

— Ну что ж, дело обстоит совсем просто. Ты хочешь что-то здесь найти и потом покинуть этот мир, а мне здесь вообще делать нечего, я хочу просто уйти. Если я помогу тебе в твоих поисках, возьмешь ли ты меня с собой, когда отправишься в наш мир?

— Такой договор был бы справедливым, но я не могу обещать того, чего не знаю. Я могу сказать только одно: если окажется возможным взять тебя в наш мир, независимо, до или после того, как я закончу свои поиски, я это сделаю.

— Это разумно. А теперь скажи, что ты ищешь?

— Я ищу два меча, выкованные много тысяч лет назад бессмертными. Ими воевали мои предки, но потом почему-то отказались от них и поместили в это измерение. Они большие, тяжелые и черные, на их лезвиях выбиты загадочные руны. Мне сказали, что я найду их в Пульсирующей Пещере, куда можно попасть через Туннель Под Болотом. Ты слышал когда-нибудь о таких местах?

— Нет, и о двух черных мечах я тоже не слышал. — Ракир потер свой костлявый подбородок. — Хотя припоминаю, что кое-что читал о них в одной из книг Пума. Кажется, то, что я читал, не привело меня в восторг.

— Эти мечи — легенда. Многие книги упоминают о них, почти всегда загадочно и непонятно. Говорят, что на свете есть один том, в котором содержится история всех мечей и всех воинов, которые владели ими в прошлом и будут владеть в будущем. Это безвременная книга, в которой содержится само время. Некоторые называют ее «Хроникой Черных Мечей». Говорят, некоторым воинам удавалось вычитать в ней свою судьбу.

— Об этом я тоже ничего не знаю. В Пуме такой книги нет. Боюсь, друг Эльрик, нам придется идти с тобой в город Амирон и задать эти твои вопросы кому-нибудь из местных.

— В этом измерении есть город?

— Да. Я жил в нем, правда, недолго. Но с другом на пару можно попытаться выдержать его подольше.

— Чем Амирон тебе не угодил?

— Его жители несчастливы. Вернее, они угнетены сами и угнетают остальных, потому что, видишь ли, все они либо ссыльные, либо беглые, либо путешествующие из других измерений. Они сбились с пути, и им не удалось вернуться. Никто не живет в Амироне по своей воле.

— Настоящий город Проклятых.

— Да, так сказал бы поэт, — Ракир иронически подмигнул Эльрику. — Но иногда я думаю, все города такие.

— Какова же природа этого измерения, где, насколько я могу видеть, нет ни звезд, ни луны, ни солнца? Когда я сюда попал, мне показалось, что я в огромной подводной пещере.

— Действительно, такая теория существует, будто мы находимся в сфере, погребенной под непомерными толщами скалы. Другие говорят, что это измерение — будущее нашей Земли, то будущее, когда наша вселенная погибнет. Да стоит ли перечислять? Я слышал тысячи теорий во время пребывания в Амироне. И все они, как мне казалось, одинаково убедительны, каждая кажется правильной. А почему бы и нет? Есть люди, которые верят в то, что все на свете — ложь.

А есть, наоборот, что все на свете — правда.

Теперь настала очередь Эльрика, он заметил:

— Значит, ты не только лучник, но и философ, друг Ракир из Пума?

Ракир рассмеялся.

— Именно размышления ослабили мою преданность Повелителям Хаоса, и я оказался здесь. Я слышал, что на свете есть город под названием Танелорн, который иногда можно обнаружить на изменчивых берегах Поющей Пустыни. Если когда-нибудь я вернусь в наш мир, друг Эльрик, я отправлюсь на поиски этого города, потому что, как я также слышал, в нем можно обрести покой. Тогда все мои рассуждения станут

незначительными. Люди там счастливы потому, что живут в Танелорне.

— Можно им только позавидовать.

— Да, — вздохнул Ракир. — Но, возможно, он меня разочарует.

Легенды иногда лучше оставлять в покое, попытки обращаться с ними по-другому редко приводят к удаче. Пойдем, Амирон находится там.

Два человека, потерявших свои дома и свою землю, хотя и по разным причинам, пошли по сумеречной, пустынной и каменистой равнине.

ГЛАВА 2

Когда впереди показался Амирон, Эльрик решил, что такого он еще никогда не видел. По сравнению с Амироном Доз-Кам казался самым чистым и самым красивым городом, какой только можно себе представить. Амирон располагался в небольшой долине, над которой висел густой туман.

Здания в городе большей частью были разрушены, а на развалинах стояли хижины и палатки. Некоторые из архитектурных стилей, которые угадывались в строениях, были знакомы Эльрику, а некоторые казались совсем чужими. Ни одно из зданий не походило на другое. Тут были избушки, коттеджи, дворцы, башни и форты, квадратные виллы и деревянные домики с резным орнаментом. Были тут и строения, походившие на бесформенную скалу, но имевшие вход с улицы. Ни один из домов не выглядел красивым под этим мрачным небом. То тут, то там горели красные огни костров, прибавляя дыма к уже висевшей над городом завесе. Когда Эльрик и Ракир дошли до окраины, они почувствовали в воздухе разнообразные запахи.

— Скорее наглость, чем гордость — отличительное качество жителей Амирона, — сказал Ракир, сморщив свой орлиный нос. — Если после всего, что произошло, у них вообще остались какие-либо качества.

Эльрик осторожно ступал по отбросам, сваленным на улице. На стенах зданий плясали тени.

— Может, тут есть какая-нибудь гостиница, в которой мы можем расспросить о Туннеле Под Болотом?

— Гостиниц тут нет. Каждый обитатель старается водить компанию только с самим собой.

— Тогда нам нужна городская площадь, где собирается народ.

— В этом городе нет площадей, нет центра. Каждый житель, или группа жителей, строит свое жилище там, где им нравится или где есть место. Они появились здесь из разных

времен, отсюда неразбериха, беспорядок и та странность, которую чувствуешь, глядя на многие из этих домов. Отсюда и грязь, и безнадежность, и одичание большинства людей.

— Как же они живут?

— Стараются не трогать друг друга. Некоторые торгуют с демонами, время от времени навещающими Амирон.

— Демоны?

— Да. А самые храбрые охотятся на крыс, которые живут в пещерах под городом.

— Что это за демоны?

— Низшие слуги Хаоса, которым требуется то, что могут дать им жители Амирона, — души, дети, хотя здесь рождаются немногие. Ты сам можешь представить, что еще, если знаешь, что демоны требуют от волшебников.

— Да, я могу себе представить. Значит, слуги Хаоса распоряжаются здесь, как заглагорассудится.

— Не уверен, что все так просто. Но несомненно, что здесь демонам куда легче путешествовать, чем в нашем измерении.

— Ты видел кого-нибудь из демонов?

— Да. Они выглядят, как обычные животные. Большие, глупые и могущественные. Многие из них были людьми, до того как заключили договор с Хаосом.

Эльрик почувствовал, что ему не совсем по душе слова Ракира.

— Неужели такова судьба тех, кто заключает договор с Хаосом? — спросил он.

— Ты должен сам знать, если пришел из Мельнибона. Я знаю, что в Пуме редко так бывает. Но мне кажется, чем выше ставка, тем более тонкие изменения происходят в человеке, когда Хаос подчиняет его себе.

— Где же мы спросим о Туннеле Под Болотом? — вздохнул Эльрик.

— Тут был один старик... — начал Ракир, но внезапно за его спиной раздалось какое-то хрюканье, и он замолчал.

Лицо с клыками появилось из тени развалин.

— Ты кто? — спросил Эльрик, положив руку на рукоять меча.

— Свинья, — сказала лицо с клыками. Эльрик не понял, нанесли ли ему оскорбление, или это существо ответило на его вопрос. Еще две клыкастые хари появились из темноты.

— Свинья, — сказала второе лицо.

— Свинья, — сказала третье.

— Змея, — сказал голос позади Эльрика и Ракира. Эльрик повернулся. Перед ним стоял высокий юноша. Там, где должна была находиться его голова, свернувшись, лежали десятка полтора змей.

Голова каждой змеи смотрела на Эльрика. Мелькали их язычки, в одно и то же мгновение пасти их открылись и вновь произнесли одно слово:

— Змея.

— Штука, — произнес другой голос.

Эльрик посмотрел в том направлении и, вскрикнув, выхватил меч, чувствуя, как к его горлу подступает тошнота. Затем Свиньи, Змея и Штука разом напали на них. Ракир взял лук, вытащил стрелу из колчана и молниеносно выстрелил. У него хватило времени, чтобы застрелить еще одну Свинью, но затем он бросил лук и выхватил меч. Спина к спине стали они с Эльриком, защищаясь против демонов. Змея оказалась неприятным противником с ее пятнадцатью головами, они шипели и хлопали челюстями, из которых стекал яд. Штука все время меняла свою форму, появлялись то рука, то лицо — бесформенная масса плоти надвигалась на них все ближе.

— Штука! — кричало это создание.

Эльрик, увернувшись от клыков, ударил Свинью в сердце, но промахнулся и почувствовал, как меч вошел в легкое. Свинья, обливаясь кровью, попятилась и упала в лужу нечистот. Штука достала откуда-то копье, и Эльрику с трудом удалось отбиться от него. Ракир дрался со Змеей, но оба демона все ближе подбирались к людям, рассчитывая прикончить их. Более половины голов Змеи лежало, извиваясь, на земле, когда Эльрику удалось отрубить одну из рук Штуки, но у демона все еще были наготове три других руки. Казалось, он был создан не из одного, а нескольких существ.

На мгновение Эльрик подумал, не сделает ли договор с Ариохом и его таким же бесформенным чудовищем. Но разве он уже не был чудовищем? Разве не принимали его простые люди за демона?

Эти соображение придало ему сил. Он закричал:

— Эльрик!

— Штука! — ответил его противник, поддерживая себя тем, что считал главным в своем существовании.

От удара меча Оубека еще одна рука демона отлетела прочь.

Еще одна секира полетела в Эльрика, уклонившегося от удара, еще одно копье ударило по шлему с такой силой, что на мгновение он потерял равновесие и толкнул Ракира в спину. Из-за этого Ракир промахнулся, и его чуть было не ужали сразу четыре головы. Но он увернулся и сумел остаться в прежней позиции. Эльрик ударил по отростку Штуки, который держал копье, и увидел, как он отваливается, но потом вновь вырастает. Тошнота опять подступила к горлу.

Одним выпадом он пронзил демона своим длинным мечом, и существо завизжало:

— Штука! Штука! Штука! — Эльрик нанес еще удар, четыре меча и два копья мелькнули в воздухе, отражая меч Оубека.

— Это работа Иркана, — сказал Эльрик, — в этом нет сомнений. Он понял, что я последую за ним, и решил остановить меня, наняв демонов.

Сквозь сжатые зубы он с ненавистью произнес.

— Если, конечно, это не сам Ирган! Скажи, Штука, ты ведь не мой брат Ирган?

— Штука... — на этот раз голос был почти спокойным. Шпаги и копья мелькали в воздухе, но теперь они не так агрессивно нападали на Эльрика.

— Или, может, ты мой старый испытанный друг?

— Штука... — существо явно ослабевало.

Эльрик ударил еще раз в бесформенную массу. Густая кровь брызнула и потекла по его доспехам. Эльрик никак не мог понять, почему ему вдруг стало так легко биться с демоном.

— Сейчас! — услышался голос сверху, над их головами. — Быстро!

Эльрик поднял глаза и увидел красное лицо, белую бороду и взмах руки.

— Не смотри на меня, глупец! Бей! — Эльрик обхватил двумя руками рукоять тяжелого меча и опустил его изовсех сил на чудовище, которое стонало, плакало и тихим голосом произнесло «Фрэнк», прежде чем испустило дух.

В тот же самый момент Ракир отсек оставшиеся змеиные головы, и этот демон тоже упал бездыханным.

Седой старичок спустился к ним с полуразрушенной арки.

— Волшебство Ниуна все еще действует даже здесь, а? Я слышал, как этот высокий созвал своих друзей-демонов и велел им напасть на вас. Мне показалось нечестным, что пятеро нападут на двоих, поэтому я уселся на эту стену и извлек из нее немало демонической силы. Я все еще могу, еще могу... Сейчас эта сила во мне, по крайней мере, большая ее часть, и я чувствую себя значительно лучше, чем за много последних лун, если они существуют.

— Оно сказала «Фрэнк», — сказал Эльрик. — Как ты думаешь, это было его имя до того, как он обратился в это?

— Может быть, — сказал Ниун. — А вы не из Амирона, хотя этого красного я видел здесь раньше.

— А я видел тебя, — с улыбкой ответил Ракир. Он вытер кровь Змеи со своего меча, используя одну из ее отрубленных голов. — Ты Ниун, Который Знал Все.

— Да, Который Знал Все, но который сейчас знает очень мало.

Скоро вообще все забуду. Тогда я смогу вернуться из этой ужасной ссылки. Такой договор я заключил с Орландом из Распорядителей. Я дурак, который пожелал знать все, и любопытство привело меня к этому Орланду. Он и послал меня сюда, чтобы я мог забыть. Как это печально, но я еще помню кое-что и знаю то, что должен забыть. Например, знаю, что вы ищете Черные Мечи. Ты Эльрик из Мельнибона, и я знаю, что с тобой будет.

— Ты знаешь мою судьбу? — заволновался Эльрик. — Скажи мне, Ниун, Который Знал Все.

Ниун открыл рот, но потом захлопнул его и твердо сжал губы.

— Нет, — сказал он. — Я забыл.

Эльрик сделал движение, собираясь схватить старика, и крикнул:

— Ты помнишь, я вижу, что ты помнишь!

— Я забыл, — Ниун опустил голову.

Ракир взял Эльрика за руку.

— Он забыл, Эльрик.

— Но ты помнишь, — кивнул Эльрик и спросил: — Где находится Туннель Под Болотом?

— Да. Само Болото лежит совсем недалеко от Амирона. Идите вон в том направлении. Потом ищите памятник в виде орла, вырезанного из черного мрамора. У его основания вход в Туннель.

Ниун, как попугай, повторил еще раз сказанное, а потом поднял голову, и его лицо посветлело.

— О чем я только что вам говорил?

— Ты говорил нам, как дойти до входа в Туннель Под Болотом.

— Вот как? — Ниун прихлопнул своими старыми ладонями.

Прекрасно. Это я тоже забыл. А вы кто?

— Нас тоже лучше забыть, — ответил Ракир с мягкой улыбкой. — Прощай, Ниун, и спасибо тебе.

— Спасибо? За что?

— За то, что ты помнишь, и за то, что ты забыл. — Они пошли через Амирон, изредка привлекая к себе взгляд какого-нибудь любопытного, стараясь как можно реже вдыхать отвратительный воздух.

— Я думаю, что в этом проклятом измерении можно заводить только Ниуну, — сказал Ракир.

— А мне его жаль, — сказал Эльрик.

— Почему?

— Мне кажется, когда он забудет все, он может также забыть и то, что ему позволено покинуть Амирон.

Ракир рассмеялся и хлопнул Эльрика по его закованному в доспехи плечу.

— Ты — мрачный товарищ, друг Эльрик. Скажи, ты никогда не надеешься на лучшее?

— Боюсь, что никогда, — ответил Эльрик, чуть улыбнувшись.

ГЛАВА 3

Они шагали по этому печальному и мрачному миру, пока, наконец, не дошли до болота. Черные, острые, как гвозди, растения поднимались с его поверхности. В тумане виднелся и огромный черный предмет, который мог быть только тем самым монументом, о котором говорил Ниун.

— Памятник, — Ракир остановился. — Он стоит в болоте, и к нему не ведет ни одной тропинки. Вот так загадка, а, друг Эльрик?

Эльрик осторожно ступил на самый край хлюпающей грязи. Он почувствовал, что ногу охватил холод, и она начинает тонуть. Он выдернул ногу с немалым трудом.

— Тропинка должна быть, — сказал Ракир. — Иначе как прошел твой брат?

Эльрик оглянулся и пожал плечами.

— Кто знает? Он может путешествовать в компании с демонами, для которых болото — не препятствие. Внезапно Эльрик понял, что сидит на сыром камне. Запах, идущий от болота, лишал его сил. Он чувствовал слабость. Действие снадобий, которые он принял перед тем, как пройти через Врата Теней, кончалось.

Ракир встал рядом с ним. Он улыбнулся мужественно и немного сочувственно.

— Так что ж, сэр Волшебник, разве ты не можешь позвать кого-нибудь?

— Я ничего не знаю о вызывании мелких демонов. У Иркана были книги, рукописи, заклинания, с помощью которых он общался с миром демонов. Придется нам поискать самую обычную тропинку, если мы хотим попасть в туннель, Ракир.

Ракир вытащил из кармана красный платок и вытер лоб, потом протянул руку, помог Эльрику встать и пошел по самому краю болота. Прошло не так уж мало времени, прежде чем им удалось отыскать дорожку из черного мрамора.

— Я подозреваю, это ложный путь, уловка, чтобы завести нас в болото навсегда, — сказал Ракир, когда они стояли и смотрели на скользкий мрамор. — Но что нам терять?

— Пойдем, — Эльрик осторожно двинулся вперед. В руке он держал связку горящего тростника. Этот факел освещал путь неприятным желтым светом и сильно дымил, но это было лучше, чем ничего.

Ракир пробовал ногой каждую плиту. Он не выпускал свой лук и насвистывал какую-то сложную мелодию. Его соотечественник сразу узнал бы в ней «Песню Сына Героя Высшего Ада, Который Собирается Пожертвовать Своей Жизнью», популярную в Пуме, особенно среди Воинов-Священников.

Эльрика этот свист раздражал и отвлекал, но он ничего не говорил, потому что все силы тратил на то, чтобы удержать равновесие на скользкой поверхности, которая к тому же слегка качалась, как настоящая болотная гать.

Они прошли полпути к памятнику, когда стали различать его форму — огромный орел с добычей, сделанный из того же черного мрамора, что и дорожка. Эльрику монумент напомнил гробницу. Не был ли похоронен здесь какой-нибудь древний герой? Или монумент построен для Черных Мечей, которые похоронены под ним, чтобы никогда больше не могли они попасть в мир, чтобы никогда больше не забирали души людей?

Мраморный путь качнулся сильнее. Эльрик попытался выпрямиться, но поскользнулся. Его факел заметался из стороны в сторону. Эльрик оступился, потерял равновесие и полетел в болото. Тут же его ноги увязли по колено. Он начал тонуть, но каким-то чудом не выпустил факела, и при этом жалком свете увидел наклонившегося к нему Ракира.

— Эльрик?

— Я здесь, Ракир.

— Ты тонешь?

— Да, болото затягивает меня.

— Ты можешь лечь плашмя?

— Я могу, но ноги схвачены прочно. — Эльрик увяз уже по грудь, грязная жижа сдавила его со всех сторон.

Внезапно что-то, взвизгнув, промчалось перед ним. Эльрик с трудом подавил страх, который накатил на него.

— Боюсь, здесь мое путешествие окончено, друг Ракир.

— Что? С какой стати мне лишаться возможности убраться из этого мира? Ты, наверно, считаешь меня совсем уж бескорыстным, друг Эльрик. Ну-ка...

Ракир лег на живот и протянул руку Эльрику. Теперь они оба были в вонючей слизи и оба дрожали от холода.

Ракир все тянулся и тянулся, а Эльрик наклонялся вперед, как только мог, чтобы достать протянутую руку. Но с каждой секундой его тело все глубже погружалось в топь. Тогда Ракир снял лук и протянул его вперед.

— Хватайся, Эльрик. Дотянешься? Напрягая каждый мускул.

Эльрик с трудом ухватился за древко.

— А сейчас... ах!

Ракир слишком далеко потянулся вперед, его ноги тоже заскользили, дорожка качнулась еще сильнее. Он откинул одну руку назад, ухватившись за край мраморных плит с противоположной стороны, и напрягся, подтягивая к себе крепко зажатый лук.

— Давай, Эльрик! Помогай! — Эльрик почувствовал, что с хлопанием и чавканьем жига начинает отпускать его. Полотно дорожки качалось, как сумасшедшее, орлиное лицо Ракира было от напряжения таким же бледным, как у Эльрика...

А затем Эльрик, весь в слизи, добрался до мраморных плит и выполз на них, так и не выпустив из рук горящего факела. Он лежал, хватая ртом воздух. Ракир тоже тяжело дышал, но он засмеялся.

— Что за рыбку я поймал! Могу спорить, что такой большой в этом болоте еще никому не доводилось ловить.

— Я благодарю тебя, Ракир, Красный Лучник. Я благодарю тебя, Воин-Священник из Пума. Я обязан тебе жизнью, — сказал Эльрик. И клянусь, удачлив ли я буду в своем деле или нет, я использую все свое могущество, чтобы провести тебя через Врата Теней в тот мир, из которого мы оба пришли.

— Ты мужчина, Эльрик из Мельнибона, — спокойно ответил Ракир. — Поэтому я спас тебя. Слишком мало настоящих мужчин в любом из миров, — он пожал плечами и усмехнулся. — А сейчас я предлагаю продолжить наш путь на четвереньках. Может, это и не солидно, но, по крайней мере, безопаснее. К тому же ползти нам осталось совсем немного.

Эльрик кивнул. Прошло совсем немного времени, и они доползли до небольшого, покрытого мхом островка, на котором стоял Памятник Орла. Он был огромный, тяжелый и возвышался над ними, как сгустившаяся тьма небес. У его фундамента они увидели низенькую дверь, и она была открыта.

— Ловушка? — задумчиво спросил Ракир.

— Или Иркин считает, что мы погибли в Амироне?

Эльрик сорвал пук травы и, как мог, попытался оттереть себя от слизи.

— Хватит гадать. Пошли.

Сначала они оказались в небольшой комнатке. Эльрик поднял повыше свой факел и при его слабом свете увидел еще одну дверь.

Больше они ничего не заметили — лишь черные мраморные стены, и полная тишина.

Ни один из них не произнес ни слова. За второй дверью обнаружили ступеньки. Эльрик пошел вперед, спускаясь в полную темноту, пока ступеньки не кончились, и он увидел вход в узкий туннель. Стены здесь были настолько неправильной и причудливой формы, что скорее туннель сделала природа, чем человеческие руки.

Капли воды регулярно падали на пол, вызывая громкое эхо впереди.

Эльрик услышал, как Ракир откашлялся.

— Вне всякого сомнения, это тот самый туннель. И, естественно, он идет под болотом, — сказал Ракир.

Эльрик почувствовал, что Ракиру так же не хочется входить в этот туннель, как и ему самому. Он стоял, высоко подняв факел, прислушиваясь к каплям, падающим на пол, пытаясь понять, нет ли где-нибудь других звуков.

А затем он пересилил себя и заставил шагнуть вперед. Внезапно туннель наполнился ревом, который мог быть иллюзией или каким-нибудь странным эхом. Позади он слышал шаги Ракира. Он вытащил из ножен меч Оубека, и так же внезапно рев стих. Теперь Эльрик слышал собственное хриплое дыхание, которое заглушало много жество других самых разнообразных звуков.

В туннеле было тепло. Пол слегка пружинил под ногами, соленый запах был таким же сильным, как наверху. Но теперь стены туннеля были гладкими, и по ним прошла мелкая дрожь. Ракир вскрикнул, когда тоже понял природу этого туннеля.

— Он как живая плоть, — прошептал Воин-Священник из Пума. — Как живая плоть!

Эльрик не ответил. Все его внимание было сконцентрировано на том, чтобы идти вперед. Ужас волнами захлестывал его, он дрожал.

Он был мокрым от пота, и ноги едва держали его. Руки настолько ослабли, что еле удерживали меч, чтобы он не упал на пол. И что-то шевельнулось в его памяти, что-то такое, к чему он боялся даже прислушаться. Был ли он здесь раньше? Его тошнило, но он с тем же упорством шел вперед. Мягкое ритмичное жужжание становилось все громче. И тогда они увидели, что находятся в тупике. Но в середине стены, которой кончался туннель, было небольшое, почти круглое отверстие. Ракир прошептал:

— Туннель кончился, а выхода нет.

Пульсировало выходное отверстие.

— Пульсирующая Пещера, — прошептал Эльрик.

— Но отверстие в этой стене слишком мало, чтобы человек мог в него пролезть, Эльрик, — сказал Ракир.

— Нет... — Эльрик сунул меч в ножны и протянул факел Ракиру, а затем, прежде чем Воин-Священник смог остановить его, бросился головой вперед. И отверстие расступилось, расширилось, а потом опять сжалось до прежних размеров. Ракир остался с другой стороны.

Эльрик поднялся на ноги. Слабый розовый свет исходил от стен, а впереди виднелось второе отверстие, чуть больше первого.

Воздух и здесь был теплым, очень тяжелым для дыхания и соленым.

Эльрик почти задыхался в нем. В голове у него гудело, тело ломило от усталости, он едва мог действовать и соображать, но пошел дальше. Оттолкнувшись негнущимися ногами, он хотел уже броситься в следующее отверстие, но его остановил крик:

— Эльрик! — Позади него стоял Ракир, бледный и потный.

Эльрик облизнул сухие губы и с трудом выдавил:

— Ракир. Тебе не следовало идти за мной.

— Я ведь сказал, что помогу.

— Да. Но...

— Значит, помогу.

У Эльрика не было сил, чтобы спорить, он просто кивнул, раздвинул руками мягкие стенки второго отверстия и увидел, что оно вело в пещеру, круглые стены которой дрожали и пульсировали гораздо сильнее. А в самом центре пещеры, в воздухе, ничем не поддерживаемые, висели два черных меча. Два совершенно одинаковых, огромных, красивых и черных, как сажа, меча. А внизу, под ними, пожирая их глазами, с хищным выражением стоял принц Иркан из Мельни бона. Он протягивал к ним руки и беззвучно шевелил губами. И сам Эльрик способен был сказать лишь одно слово, когда пробрался сквозь отверстие и выпрямился, качаясь на дрожащем полу. Он сказал:

— Нет!

Иркан повернулся к нему, его черты исказил ужас. Увидев Эльрика, он зарычал, с его губ тоже сорвалось одно лишь слово, в которое он вложил всю свою ненависть:

— Нет!

С большим усилием вытащил Эльрик из ножен меч Оубека. Но он казался ему слишком тяжелым, тянул руку вниз, он не смог даже поднять его, так что острие не отрывалось от пола. Эльрик тяжело дышал, стараясь набрать в грудь как можно больше этого тяжелого, душного воздуха. Зрение его начало туманиться, Иркан становился неясной тенью. Только два черных меча висели холодно и спокойно в центре

круглой пещеры. Эльрик почувствовал, как сзади него появился Ракир.

— Иркэн, — сказал Эльрик после долгого молчания. — Эти мечи — мои.

Иркэн улыбнулся и потянулся к мечам. Какой-то странный, стонущий звук прозвучал в пещере. От каждого клинка исходило слабое черное сияние. Эльрик увидел выкованные на них руны и почувствовал страх.

Ракир натянул тетеву до плеча, прицелившись в принца Иркэна.

— Если он должен умереть, Эльрик, только скажи мне.

— Убей его, — сказал Эльрик.

И Ракир спустил тетеву. Но стрела полетела очень медленно, а затем просто повисла между лучником и принцем. Иркэн повернулся, на губах его играла злобная усмешка.

— Оружие смертных здесь бесполезно.

— Должно быть, он прав, — Эльрик обратился к Ракиру. — И твоя жизнь здесь в опасности. Ступай назад.

— Нет, я останусь и помогу тебе.

— Ты ничем не можешь помочь. Ты только помешаешь, если останешься. Иди!

С большой неохотой Красный Лучник закинул лук за спину и ушел.

— А сейчас, Иркэн, мы сами должны решить этот спор. Ты и я.

ГЛАВА 4

И тогда Меч Печали и Буреносец слетели с того места, на котором провисели так долго. Буреносец сам влетел в правую руку Эльрика, Меч Печали — в правую руку Иркэна.

Два человека стояли на противоположных концах Пульсирующей Пещеры и с удивлением смотрели друг на друга и на мечи, которые держали в руках. Мечи пели. Голоса были слабыми, но их ясно можно было слышать. Эльрик с легкостью поднял огромный меч, поворачивая его то так, то этак, восхищаясь его неземной красотой.

— Буреносец, — сказал он. Внезапно у него возникло такое ощущение, что он родился заново, и этот рунный меч родился вместе с ним. Как будто они никогда не расставались.

— Буреносец!

Меч нежно застонал и еще тверже устроился в его руке.

— Буреносец! — вскричал Эльрик и бросился на Иркэна.

— Буреносец!

И тут он опять почувствовал страх, великий страх — он

был полон им до краев. В то же время страх вызвал в нем странное чувство удовольствия, сладкую жажду, необходимость биться с братом и убить его, вонзить меч в сердце Иркана. Отомстить. Пролить кровь. Послать его душу в ад.

И сейчас же, перекрывая голоса мечей и ровный гул пещеры, прозвучал громкий крик Иркана:

— Меч Печали!

Меч Печали поднялся вверх, чтобы отразить удар Буреносца, и сразу сделал выпад против Эльрика. Император отскочил и ударил Буреносцем сбоку. Иркани сумел блокировать его, но ему пришлось отступить. Следующий выпад Буреносца заставил его снова отойти на шаг.

И следующий, и еще один! Если Эльрик и Иркани были фехтовальщиками примерно равного класса, то и мечи были одинаковыми. И каждый из них имел собственную волю, хоть и служил человеку. Звяканье металла о металл переросло в дикую звонкую песню, которую пели мечи, радостную песню, как будто они были счастливы, что могут биться, как встарь, хотя бы один против другого.

Эльрик почти не видел своего двоюродного брата, лишь иногда мелькало сквозь завесу стали его темное дикое лицо. Внимание Эльрика поглотили два черных меча, потому что, казалось, они бились сами, и ставкой была жизнь одного из бойцов, а возможно, и обоих.

Соперничество Эльрика с Иркани было пустым звуком по сравнению с соперничеством мечей, которые искрились от удовольствия, сравнивая, кто из них сильнее. Это наблюдение заставило Эльрика обдумать свою ненависть к Иркани. Да, он убьет Иркана, но не по воле меча, пусть даже не менее могущественной, а по собственному желанию. Нельзя целиком отдаваться во власть черным мечам.

Острые Меча Печали мелькнуло у его глаз, и Буреносец поднялся, чтобы отразить удар. Он чуть не опоздал, потому что Эльрик всей своей волей боролся с волей своего меча. Буреносец метнулся к горлу Иркани, которое осталось открытым на долю мгновения. Возможно, мечу даже удался бы этот удар, но Эльрик оттащил его, пощадив брата. Буреносец почти взвыл от негодования, как собака, которой не дали укунить грабителя.

Эльрик заговорил сквозь сжатые зубы:

— Я не буду твоей марионеткой, рунный меч. Если нам суждено быть вместе, если мы связаны одной судьбой, мы должны уже сейчас научиться понимать друг друга.

Меч некоторое время колебался, потом перестал биться, его захват в руке Эльрика ослабел. Тут же ему пришлось защищаться против молниеносной атаки Меча Печали, ко-

торый, в свою очередь, мгновенно почувствовал свое преимущество.

И тогда Эльрик ощутил, как поток свежей энергии вливается через его правую руку, расходясь по всему телу. Да, вот что мог делать этот меч. С ним он не нуждался ни в каких травах и снадобьях, с ним он никогда больше не будет слабым. Теперь он может путешествовать один, никого и ничего не боясь. Казалось, меч сам подсказал ему эти мысли.

А что нужно мечу взамен? Почти сразу же он это узнал. Меч передал ему это без всяких слов. Буреносцу нужны битвы, сражения, потому что в этом был смысл его существования. И Буреносец должен убивать, потому что в этом черпал энергию — в жизнях и душах людей.

Эльрик заколебался, и в тот же миг Ирман закричал и кинулся на него, так что удар Меча Печали пришелся по шлему, и Эльрик был отброшен назад. Он упал, увидев, что Ирман поднимает обеими руками меч, чтобы разрубить его доспехи.

Эльрика охватило отчаяние, что душа его будет выпита Мечом Печали, а сила его перейдет к принцу Иркану. Он резко, как только мог, откатился в сторону и поднялся на одно колено. Потом поднял Буреносца, держась одной рукой в перчатке за ее лезвие, другой — за рукоять, чтобы отразить мощный удар, который готовил принц Ирман.

От этого удара два черных меча застонали, и черное сияние полилось с них, как кровь льется из человека, пронзенного стрелами. Эльрик, все еще стоя на колене, был оттеснен каким-то непонятным ему образом от этого черного сияния. Задыхавшись, он огляделся по сторонам, потому что принц непонятным образом исчез.

И тогда Эльрик понял, что Буреносец опять говорит с ним.

Если он не хочет умереть от Меча Печали, он должен принять его условие. Эльрик твердо сказал:

— Я не убью его, чтобы доставить тебе удовольствие!

Сквозь черное сияние вновь появился Ирман.

Он кричал, стонал и размахивал своим рунным мечом. И вновь Буре носец сам бросился в бой, и вновь Эльрику едва удалось удержать его. И все-таки Ирман получил рану. Буреносец нетерпеливо задрожал в руке Эльрика.

— Ты не будешь моим господином, — твердо сказал он. Лишь тогда Буреносец понял и стал спокойнее, покорившись неизбежному.

Эльрик рассмеялся при мысли о том, что сейчас он покорил рунный меч, и начиная с этого момента будет его господином, а меч будет делать только то, что он прикажет.

— А сейчас мы разоружим Иркана, не убив его, — Эльрик поднялся на ноги. Буреносец взвился вверх с такой быстро-

той, на которую не способна даже тонкая боевая рапира. Он сделал фехт, парировал встречный удар и пошел в атаку. Иркин, который уже не ухмылялся в предвкушении победы, попятился, лицо его исказила ненависть. Теперь Буреносец подчинялся приказам Эльрика. Он делал те движения, которые хотел Эльрик, лишь чуть-чуть убыстряя их. Иркин и Меч Печали были не довольны таким поворотом событий. Меч Печали зазвенел, удивляясь поведению своего брата. Эльрик ударил Иркина по руке с мечом, рассек одежду, кожу, мышцы, затронул кость. Кровь потекла потоком, покрывая рукоять рунного меча. Он сразу стал очень скользким, Иркин едва удерживал его. Тогда он взял его двумя руками, но даже так был не в состоянии крепко удерживать оружие.

Эльрик тоже взял Буреносца двумя руками. Неземная, нечеловеческая сила вливалась в него. Мощнейшим ударом опустил меч на брата у самой рукояти. Рунный меч вылетел из рук Иркина. Эльрик улыбнулся. Он победил волю своего меча, а потом и его брата. Меч Печали упал у стены и остался лежать неподвижно. Внезапно стон вырвался у пораженного меча, высокий, звенящий крик наполнил

Пульсирующую Пещеру. Темнота стала обволакивать блеск розового света, который струился со стен, пока не покрывала все.

Когда свет загорелся вновь, Эльрик увидел у своих ног ножны.

Они были черными, как и сам меч. Потом Эльрик увидел Иркина.

Принц стоял на коленях, и глаза его искали Меч Печали, с испугом останавливаясь на Эльрике. Он понимал, что сейчас будет убит.

Безнадежным голосом Иркин сказал:

— Меч Печали? — зная, что сейчас должен умереть.

— Твоего меча здесь нет, — спокойно сказал Эльрик. Тогда Иркин бросился к выходу из пещеры. Но выход сжался до размеров монеты. Иркин заплакал. Буреносец задрожал, им овладела жажда, он хотел выпить душу Иркина.

— Можешь убить меня, Эльрик, — быстро заговорил Иркин, — но только не этим рунным мечом. Я сделаю все, что ты пожелаешь. Я согласен принять любые пытки, но только не это.

— Мы с тобой жертвы игры, в которую играют боги, демоны и живые мечи. Они хотят, чтобы один из нас был мертв. Я подозреваю, они хотят, чтобы сейчас умер ты, а не я. И именно по этой причине я не убью тебя здесь, — он поднял ножны, вложил в них Буреносца, и в то же мгновение меч успокоился.

Эльрик снял свои старые ножны, оглянулся в поисках меча Оубека, но его тоже нигде не было видно. Он положил левую руку на рукоять Буреносца и не без жалости посмотрел на человека, который был его братом.

— Ты жалок, Ирккан, но разве в этом твоя вина? — Ирккан изумленно посмотрел на него. — Я думаю, если бы твои желания исполнялись, ты не был бы так жалок, брат.

Ирккан поднялся с колен. В его глазах появился проблеск надежды. Эльрик улыбнулся и глубоко вздохнул.

— Ты должен разбудить Каймориль из ее волшебного за-
бытья.

— Ты победил, Эльрик, — сказал Ирккан. — Я разбуджу ее. Я попытаюсь...

— Ты что, не можешь снять собственное заклинание?

— Мы не можем уйти из Пульсирующей Пещеры. Время кончилось...

— Что ты хочешь сказать?

— Я не думал, что ты последуешь за мной. А затем решил, что смогу легко убить тебя. А сейчас время кончилось. Долго держать вход открытым трудно. Он впустит любого, кто хочет проникнуть в Пульсирующую Пещеру, но не выпустит ни одного после того, как сила заклинания иссякнет. Я бы многое дал, чтобы узнать это заклинание.

— Ты и так уже много что дал, только не известно, за что, Эльрик подошел к выходу и посмотрел в него. Ракир ждал с другой стороны.

— Ракир, похоже, мы с братом попали в ловушку. Выход не желает выпустить нас, — Эльрик потрогал влажный, теплый материал стены. Она не поддавалась ни на миллиметр. — Ты можешь вползти к нам или попытаться уйти.

— Не такая уж хорошая судьба ждет меня, если я уйду. А что предпримите вы?

— Я попробую вызвать моего покровителя.

— Повелителя Хаоса? — Ракир скорчил кислую мину.

— Вот именно. Я говорю об Ариохе.

— Ариох, вот как? Не думаю, что он придет в восторг при виде ренегата из Пумы.

— Так что ты выбираешь? — Ракир шагнул вперед. Эльрик отступил. В отверстие пролезла голова Ракира, потом плечи, потом все остальное. Отверстие опять мгновенно закрылось. Ракир встал на ноги и отстегнул лук, погла живая перевязь, на которой тот висел.

— Я с самого начала согласился разделить твою судьбу, поставил на карту все, чтобы только удрать из этого измерения. — Увидев Ирккана, он с изумлением посмотрел на Эльрика. — Твой брат все еще жив?

— Да.

— Вот это да, вот это милосердие!

— Возможно, это простое упрямство. Я не желаю убивать его потому, что какие-то силы используют нас, как пешек. Повелители Высших Измерений еще не полностью завладели мною, да этого никогда и не произойдет, если у меня останется хоть немного сил, чтобы противостоять им.

— Я не разделяю твоих взглядов, — ухмыльнулся Ракир, — Я вижу на твоем поясе один из черных мечей. Разве он не может пробить нам дорогу?

— Нет, — сказал Иркин, сидя у стены. — Ничто не может разрушить эту субстанцию.

— Я верю тебе на слово, — ответил Эльрик, — потому что не собираюсь часто вытаскивать этот меч из ножен. Сначала я должен научиться контролировать его.

— Значит, необходимо вызвать Ариоха, — вздохнул Ракир.

— Если получится, — ответил Эльрик.

— Очевидно, он тут же уничтожит меня, — Ракир с надеждой глядел на Эльрика, желая услышать опровержение. Эльрик вздохнул.

— Может, мне удастся заключить с ним договор. К тому же это многое прояснит и для меня, так что стоит попытаться, — с этими словами он отвернулся от Ракира и Иркина. Он успокоился, потом послал мысль через огромные пространства, через сложнейшие лабиринты измерений, воззвав:

— Ариох! Помоги мне! — Что-то зашевелилось в тех измерениях, куда проник его зов. — Ариох! — Он понял, что его слышат. — Ариох! — Ариох услышал. Эльрик знал, что Ариох услышал его.

Ракир закричал, закричал даже Иркин.

Эльрик повернулся и увидел, что у стены появилось нечто неопределимо мерзкое и отвратительное. Оно было черным, дурно пахло и шевелилось. Форма его была абсолютно чужой. Это и был Ариох? Как же так? Ариох был прекрасен.

Но, возможно, подумал Эльрик, это и есть его истинная форма? В этом измерении, в этой странной пещере Ариох не мог обмануть тех, кто смотрел на него. Но затем жуткое существо исчезло, и прекрасный юноша с древними глазами уже смотрел на трех смертных.

— Ты честно заслужил этот меч, Эльрик, — Ариох не обращал внимания на остальных. — Я поздравляю тебя. Но ты пощадил брата.

— Почему?

— Причин много. Но для простоты скажу, что он должен остаться в живых, чтобы разбудить Каймориль.

По лицу Ариоха скользнула усмешка, и Эльрик понял, что избежал расставленной ему ловушки. Если бы он убил Иркана, Каймориль никогда не проснулась бы.

— А что здесь делает этот маленький предатель? — Ариох холодно посмотрел на Ракира, который старался, как только мог, вернуть ему этот взгляд.

— Он — мой друг. Я заключил с ним договор: если он поможет мне найти Черный Меч, я заберу его обратно на Землю.

— Это невозможно. Ракир находится здесь в изгнании. Такова кара.

— Он вернется со мной, — сказал Эльрик, отстегивая ножны и вытягивая меч перед собой. — Или я не возьму с собой меч. Если и это не поможет, мы останемся здесь навсегда, все трое.

— Это неразумно, Эльрик. Подумай о своих обязанностях.

— Я все обдумал. Таково мое решение. — На лице Ариоха появился отблеск волнения или гнева. — Ты должен взять меч. Такова твоя судьба. — Я так и понял. Этот меч могу носить только я один. Ты не можешь владеть им, Ариох, иначе давно забрал бы его. Только я или другой смертный вроде меня могут вынести его из Пульсирующей Пещеры.

Разве это не так?

— Ты умен, Эльрик из Мельнибона, — Ариох говорил с ироническим восхищением. — И ты вполне подходишь для службы Хаосу. Хорошо, предатель может идти с тобой. Но я хочу предупредить его, чтобы он был осторожен в словах и поступках. Повелители Хаоса обычно не прощают...

Ракир ответил хриплым от волнения голосом:

— Я это знаю, милорд Ариох. — Ариох не обратил на лучника ровно никакого внимания, будто бы его и не существовало.

— Этот человек из Пума, в конце концов, не так уж и важен. Невелика птица. И если ты хочешь пощадить жизнь Иркана, то быть по сему. Это мало что меняет. Много всяких неожиданностей и непредвиденных событий может вместить чья-то судьба, но результат не изменится и цель будет достигнута.

— Вот и прекрасно, — сказал Эльрик. — Выведи нас отсюда.

— Куда?

— Как это куда? Конечно, в Мельнибон, если тебе не трудно.

С улыбкой, почти нежной, поглядел Ариох сверху вниз на Эльрика.

— Ты, действительно, самый забавный из всех моих рабов.

Внезапно все закружилось, послышался звук, напоминающий рев моря. На людей накатила отвратительная тошнота, как бывает при сильной качке. И они оказались ...в тронном зале Имрира. Зал был пуст, только в одном его углу клубилось, исчезая, облако черного дыма.

Ракир пересек зал и осторожно сел на первую ступень лестницы, ведущей к Рубиновому Трону. Иркин и Эльрик стояли на месте, глядя в глаза друг другу. Затем Эльрик рассмеялся, хлопнув себя по бедру, по ножнам своего меча.

— А сейчас, брат, ты должен выполнить свое обещание. Затем у меня есть к тебе одно предложение.

— Совсем, как на базаре, — заметил Ракир, тщательно исследуя, не помялось ли красное перо на его красной шляпе. — Сплошная торговля!

ГЛАВА 5

Иркин отошел от постели сестры. Он выглядел измученным, когда заговорил, стало ясно, что и дух его тоже изможден.

— Сделано, — сказал он, потом повернулся и посмотрел в окно на башни Имрира, на гавань, где стояли золотые барки рядом с кораблем, который король Страаша одолжил Эльрику. — Она проснется через минуту, — рассеянно добавил Иркин.

Дайвим Твар и Ракир вопросительно посмотрели на Эльрика, который стоял на коленях перед постелью Каймориль. Ее лицо приобретало все более умиротворенное выражение. На какое-то ужасное мгновение Эльрик заподозрил, что принц Иркин обманул его и убил Каймориль. Но внезапно ее веки дрогнули, глаза открылись. Она увидела Эльрика и улыбнулась.

— Эльрик! Сбылись мои сны! Ты в безопасности?

— В полной, Каймориль. Так же, как и ты.

— Иркин?

— Это он разбудил тебя.

— Но ты поклялся убить его.

— Я также попал под влияние волшебства, как и ты. Мои мысли спутались. Они и сейчас еще не пришли в норму. Но Иркин теперь переменялся. Я победил его. Он не сомневается больше в моем могу ществе. И уже не жаждет власти.

— Ты милосерден, Эльрик, — она откинула со своего лица волосы цвета воронова крыла.

Эльрик обменялся взглядом с Ракиром.

— Может, мной движет не милосердие. Может, это чувство следует называть чувством дружбы. Дружбы с Ирканом.

— Дружбы? Неужели ты можешь...

— Оба мы смертные, оба оказались жертвами той игры, в которую играют Повелители Высших Измерений. Я не хочу ненавидеть таких, как я сам, вот почему я простил Иркана.

— Это и называется милосердием, — ответила Каймориль.

Иркан вдруг зашатался и слабым голосом попросил разрешения удалиться.

Эльрику показалось, что он заметил странное выражение в глазах своего двоюродного брата. Но, может, это было всего лишь отчаяние из-за того, что ему приходится переносить такие оскорбления. Он кивнул. Иркан вышел, мягко закрыв за собой дверь.

Дайвим Твар предупредил:

— Не доверяй Иркану ни в чем, Эльрик. Он опять предаст тебя.

Повелитель Драконых Пещер был встревожен.

— Нет, — сказал Эльрик. — Он не боится меня, но боится меча, который я ношу на поясе.

— Тебе тоже следует бояться этого меча.

— Нет. Я — повелитель этого меча. — Дайвим Твар хотел было что-то ответить, но лишь печально покачал головой, поклонился и вместе с Ракиром вышел из комнаты, оставив Эльрика и Каймориль вдвоем.

Каймориль обняла Эльрика и прижала к себе. Они поцеловались и заплакали.

Всю неделю в Мельнибоне был праздник. Почти все корабли, солдаты и драконы вернулись домой, и Эльрик тоже вернулся, доказав свое право на правление государством, так что все странности его характера — самым странным было то, что он пощадил Иркана, — принимались подданными, как должное.

В Тронном Зале состоялся бал, самый прекрасный из тех, которые только помнили придворные. Эльрик танцевал с Каймориль, принимая самое живое участие во всех развлечениях. Лишь Иркан не танцевал, оставаясь в темном углу под галереей, на которой пели рабы. Ракир танцевал с несколькими мельнибонийскими дамами и о чем-то перешептывался с ними, причем дамы принимали его благосклонно, потому что он был героем Мельнибона. Дайвим Твар тоже танцевал, хотя глаза его немного мрачнели, когда он видел принца Иркана. А после роскошного пира Эльрик заговорил с Каймориль.

— Будешь ли ты моей императрицей, Каймориль?

— Ты ведь знаешь много лет, что я выйду за тебя замуж, разве не так?

— Значит, ты согласна стать моей женой?

— Да, — Она засмеялась, решив, что он шутит.

— Но не императрицей? По крайней мере, на год?

— Что ты хочешь сказать, милорд?

— Я должен уехать из Мельнибона на год, Каймориль. То, что я узнал за последние несколько месяцев, заставляет меня отправиться в Молодые Королевства. Нужно посмотреть, как другие нации и государства ведут свои дела. Потому что и Мельнибон должен измениться, если мы хотим, чтобы наше государство выжило. Оно должно стать силой в этом мире, но доброй силой, ведь мы все еще обладаем большим могуществом.

— Доброй силой? — она была удивлена, и в ее голосе слышались тревожные нотки. — Мельнибон никогда не выступал ни за добро, ни за зло, он заботился лишь о своем процветании и удовольствиях.

— Я позабочусь, чтобы все переменялось.

— Ты хочешь все изменить?

— Пока я хочу просто путешествовать по миру и только потом решу, есть ли в этом необходимость. Повелители Высших Измерений слишком сильны в этом мире. Хотя они и предоставили мне в последнее время помощь и покровительство, я боюсь их. Я предпочел бы, если это возможно, чтобы люди сами разобрались в своих проблемах.

— И ты уедешь? — в глазах ее стояли слезы. — Когда?

— Завтра, вместе с Ракиром. Мы сядем на корабль короля Страаши и отправимся на Остров Пурпурных Городов, где у Ракира есть друзья. Ты поедешь с нами?

— Я не могу представить...я не могу...ох, Эльрик, зачем отравлять счастье, которое у нас с тобой сейчас есть?

— Потому что я чувствую, как оно непрочное, пока мы не узнаем, что представляем собой на самом деле.

— Тогда ты можешь узнать это, но один. Потому что я не хочу снова путешествовать.

— Ты не поедешь со мной?

— Это невозможно. Я... я мельнибонийка, — она вздохнула. Я люблю тебя, Эльрик.

Эльрик был печален, но знал, что принял правильное решение.

Если он не уедет, то очень скоро станет беспокойным и, может быть, будет смотреть на Каймориль, как на своего врага, поймавшего его в ловушку.

— Тогда ты будешь править, как императрица, пока я не вернусь.

— Нет, Эльрик, я не возьму такую ответственность.

— Тогда кто? Дайвим Твар?

— Я знаю его. Он тоже не захочет иметь столько власти. Магум Колим больше подойдет.

— Нет.

— Тогда ты должен остаться, Эльрик.

Но взгляд Эльрика уже обегал толпу придворных, собравшихся внизу. Этот взгляд остановился на одинокой фигуре, сидящей под галерей, на которой пели рабы. И Эльрик произнес, улыбнувшись:

— Тогда правителем должен быть Иркани.

Каймориль в ужасе вскочила.

— Нет, Эльрик! Он отнимет у тебя власть!

— Не думаю. К тому же это будет только справедливо — он единственный, кто хотел быть императором. Сейчас ему представится возможность править в течение года. Если он будет править хорошо, я подумаю, не отказаться ли мне от трона в его пользу. Если плохо, это докажет раз и навсегда, что он зря стремился к этой цели.

— Эльрик, я люблю тебя, но ты поступаешь глупо, даже преступно, доверяясь Иркани еще раз.

— Нет, — просто ответил он. — Я не глупец. Я всего-навсего лишь Эльрик. Я ничего не могу с этим поделать, Каймориль.

— Я люблю Эльрика! Но Эльрик обречен! Все мы обречены, если ты не останешься!

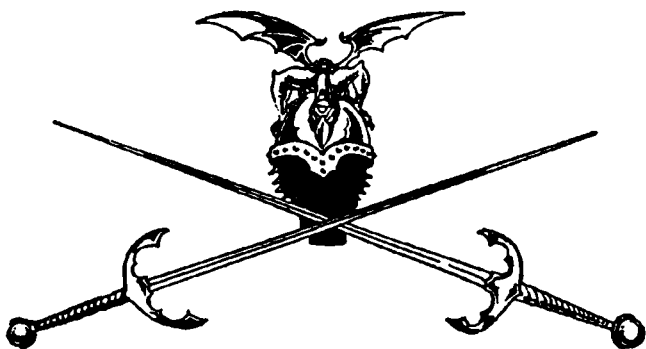
— Не могу. Во имя моей любви к тебе, не могу. —

Она встала и заплакала, не зная, что ей делать.

— А я — Каймориль. Ты погубишь нас обоих. Ты погубишь нас всех, Эльрик.

— Нет. Я создам нечто лучшее, чем старый Мельнибон. Когда я вернусь, мы поженимся и будем жить долго и счастливо, Каймориль.

В этих словах Эльрик солгал дважды. Первый раз солгал о принце Иркани. Второй раз, давая обещание Каймориль. И эти две неправды предопределили судьбу Эльрика, потому что только в самом важном в нашей жизни мы лжем убедительно.

ЭПИЛОГ

Был такой порт под названием Меньи, один из самых дружелюбных и веселых среди Пурпурных Городов. Как и все остальные города на этом острове, он был построен из пурпурного камня, поэтому города и получили такое название. Дома покрывали красные крыши, а в гавани стояли корабли с цветными парусами. Когда Эльрик и Ракир ранним утром сошли на берег, несколько матросов возвращались на свои корабли.

Прекрасный корабль короля Страаши не зашел в гавань. Чтобы добраться до города, они воспользовались шлюпкой. На причале они обернулись и долго любовались своим кораблем. Они приплыли на нем вдвоем, без команды, и в море корабль вел себя превосходно.

— Итак, я должен искать покой и мифический Танелорн, — сказал Ракир, издеваясь над самим собой. Он потянулся и зевнул, кол чан со стрелами качнулся за его плечом.

Эльрик был одет в простые одежды, как мог бы одеться любой искатель счастья в Молодых Королевствах. Он был спокоен и улыбался солнцу. Самым прекрасным из всего был его рунный черный меч. С тех пор как он пристегнул его ножны к своему поясу, он совсем не нуждался в лекарственных снадобьях.

— А я должен искать знания в этих землях, — сказал Эльрик. — Я должен принести эти знания в Мельнибон, когда минет год. Как я хотел бы, чтобы Каймориль была здесь, со мной, но я понимаю, почему она не захотела путешествовать.

— А когда пройдет год, ты вернешься? — спросил Ракир.

— Она притягивает меня назад! — Эльрик рассмеялся.

Единственное, чего я боюсь, что отступлю и вернусь прежде, чем исполнится мое желание.

— Я бы хотел пойти с тобой, — сказал Ракир, — потому что путешествовал по всем землям и могу быть таким же хорошим проводником, как и в измерениях между мирами. Но я поклялся найти Танелори, хотя и не знаю, существует ли он на самом деле.

— Я надеюсь, ты его найдешь, Воин-Священник из Пума.

— Я больше никогда им не буду, — глаза Ракира расширились от изумления.

— Посмотри скорее — твой корабль!

Эльрик обернулся и увидел, как корабль, который когда-то назывался

Кораблем-Через-Море-И-Сушу, тонул. Король Страаша забирал его обратно.

— По крайней мере, духи стихий — мои друзья, — сказал Эльрик. — Но я боюсь, что их могущество ослабевает вместе с ослаблением могущества Мельнибона. Несмотря на то, что всех нас, жителей Острова Драконов, люди Молодых Королевств считают злыми, у нас очень много общего с характерами Воздуха, Земли, Огня и Воды.

Глядя, как мачты корабля исчезают под водой, Ракир сказал:

— Завидую, что у тебя есть такие друзья, Эльрик. Ты можешь доверять им.

— Да.

Ракир посмотрел на рунный меч, висевший на боку Эльрика.

— Но ты поступишь мудро, если больше никому и ничему не будешь доверять.

Эльрик рассмеялся.

— Не бойся за меня, Ракир, я сам себе хозяин — по крайней мере, на один год. И потом, я — хозяин этого меча!

Меч чуть шевельнулся, когда он твердой рукой взялся за его рукоятку, другой рукой хлопнув Ракира по спине. Он рассмеялся и потрянул головой, так что его белые волосы раздул ветер. Он поднял свои красные глаза к небу и сказал:

— Я буду новым человеком, когда вернусь в Мельнибон.

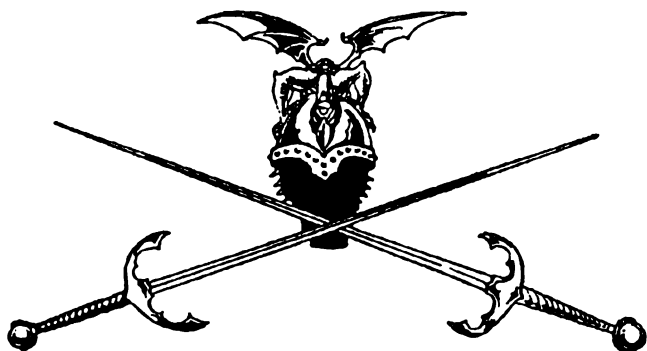
КОНЕЦ

НЕСУЩИЙ БУРЮ

КНИГА ПЕРВАЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ МЕРТВОГО БОГА

ПРОЛОГ

Это было время, когда происходили великие переселения на Земле и над ней, когда судьба людей и богов ковалась на наковальне Судьбы, когда были затеяны чудовищные войны и совершались всевозможные подвиги. Это началось в то время, когда пришел век Молодых Королевств, век Героев. И величайший из этих героев был гонимый богом авантюрист, носящий меч из песен, к которому сам испытывал отвращение.

Его имя было Эльрик из Мельнибона, король развалин, повелитель рассеянной расы, которая когда-то правила древним миром. Эльрик — колдун и меченосец, убийца своих людей, грабитель своего народа, белолицый и беловолосый альбинос, последний в своем роду.

Эльрик, который превратил Каарлаак в Плачущую Пустыню и взял жену, с которой не нашел отдохновения от мук.

Эльрик, который нес в себе большую судьбу, чем мог предположить, теперь жил в Каарлааке с Зарозинией, его женой, и сон его одной мрачной ночью в месяц Ветренницы был потревожен темным сновидением...

ГЛАВА 1

Над вздыбленной землей летели огромные тучи, и молнии били в землю, рассекая темноту ночи, расщепляя деревья надвое, поджигая крыши, которые трещали и разрушались.

Темный лес дрожал от ударов. Шесть нечеловеческих сгорбленных фигур вышли из-под деревьев, остановились, оглядываясь по сторонам и вдаль — в контуры города за низким холмом. Это был город с крепкими стенами и стройными шпилями, грациозными башнями и куполами — у него было название, которое знал предводитель. Каарлаак у Плачущей Пустыни назывался он.

Неестественного происхождения шторм был зловещим. Он стонал вокруг Каарлаака, когда эти фигуры прокрались сквозь открытые ворота и прошли через сумрак к изысканному дворцу, где спал Эльрик. Предводитель поднял боевой топор, зажатый когтистой рукой. Существа подошли и остановились, вглядываясь в город, который стоял на холме, окруженный душистыми садами. Земля задрожала, когда молния хлестнула ее, и гром раскатился по взбаламученному небу.

— Хаос помогает нам в этом деле, — проворчал предводитель. — Смотрите, охранники погрузились в волшебный сон, войти будет просто.

Он сказал правду. Какие-то сверхъестественные силы сработали, и стражники, охраняющие дворец Эльрика, уснули, опустившись на землю, их храп вторил грому. Слуги Хаоса прокрались мимо лежащих охранников, на главный двор, а оттуда в затемненный дворец. Они безошибочно поднялись по винтовым лестницам и тихо двинулись вдоль мрачных коридоров. Через некоторое время они добрались до покоев, где Эльрик и его жена спали беспокойным сном.

Когда предводитель положил руку на дверь, послышался голос из комнаты:

— Что это? Что за исчадья ада нарушают мой покой?

— Он видит нас! — отчетливо прошептало одно из существ.

— Нет, — сказал предводитель, — он спит, но такого чародея, как Эльрик, не так-то просто усыпить. Мы лучше поспешим и сделаем свое дело сейчас, если он проснется, это будет труднее.

Он повернул ручку, дверь открылась. Он приподнял свой топор. За кроватью, застеленной шелковым бельем, молния разрезала ночь, осветив белое лицо альбиноса рядом с головой его темноволосой жены.

Когда слуги Хаоса вошли в спальню, он приподнялся на локтях, его красные глаза открылись, и он посмотрел на них. Секунду глаза казались совсем остекленевшими, затем он выкрикнул:

— Убирайтесь, создания моих снов!

Предводитель прыгнул вперед, выругавшись, что ему не было приказано убить этого человека. Он угрожающе поднял топор.

— Твоя стража не может тебе помочь!

Эльрик вскочил с кровати и схватил существо за запястье, его лицо приблизилось к клыкастой морде. Он был не очень силен, как все альбиносы, и нуждался в магии, которая давала ему силу. Но он так быстро двигался, что вырвал боевой топор из руки существа и сильно ударил его между глаз. Рыча, предводитель повалился назад, но его спутники прыгнули на Эльрика. Их было пять, огромные бугры мускулов перекатывались под их мохнатыми шкурами.

Эльрик успел расколоть череп одному из нападавших, но остальные обхватили его. Пол и нападавшие слуги Хаоса были забрызганы кровью и мозгами убитого, Эльрик задыхался от зловония... Он все-таки сумел вырвать руку и обрушил топор на ключицу другого. Затем он почувствовал, как его схватили за ноги, повалили. Он попытался подняться, но лапы нападающих уже крепко держали его, чей-то кулак, в котором не было оружия, мелькнул перед глазами, и от удара он потерял сознание.

Отдаленный гром и молнии еще нарушали тишину ночи, когда он очнулся с разламывающейся от боли головой и поднялся на ноги, опираясь на кровать. Обвел комнату мутным взглядом. Зарозинии не было. На полу спальни коченел труп существа, которое он убил. Его жена была похищена.

Нетвердым шагом он подошел к двери и распахнул ее, скликав стражу, но никто ему не ответил.

Его рунный меч Буреносец висел в городском арсенале, и нужно было время, чтобы его взять. Его горло сжимали боль и гнев, когда он бежал вниз по лестнице и коридорам, пытаясь уразуметь значение происшедшего.

Над дворцом все еще гремел гром, клубилась черная ночь. Дворец казался покинутым, и ему внезапно показалось, что он совершенно один, что его все бросили. Но когда он выбежал на главный двор и увидел бесчувственных стражей, он понял, что тут замешана магия. Тогда он побежал вниз, через ворота,

через сады, в город. Нигде не было никаких признаков существ, похитивших его жену.

Куда они делись? Он поднял глаза к небу, и его белое лицо иказила гримаса ненависти, хотя сам он не заметил этого. Почему они забрали ее? У него были враги, он знал это, но никто из них не мог обратиться за помощью к магии. Кто, кроме его самого, с помощью колдовства может сделать так, чтобы небеса ходили ходуном, а весь город беспробудно спал.

К дому повелителя Воашуна, главного сенатора Каарлаака и отца Зарозинии, Эльрик подбежал, задыхаясь, как волк. Он ударил кулаками в дверь, выкрикнув:

— Откройте! Это Эльрик! Скорее!

Двери открылись, он вбежал в них. Повелитель Воашун уже сходил вниз по ступенькам, его глаза были заспанными, но смотрел он внимательно и твердо.

— Что случилось, Эльрик?

— Собери воинов, Зарозиния похищена. Ее взяли демоны, и они могут быть уже далеко, но если они ходят по этой земле, мы попробуем найти их.

Лицо повелителя Воашуна дрогнуло, он стал отдавать приказы.

— Я должен войти в арсенал, — продолжал Эльрик, — мне нужен Буреносец.

— Но ты отверг лезвие страха с его пагубной для тебя силой! — тихо напомнил ему Воашун.

Эльрик нетерпеливо ответил:

— Это нужно ради Зарозинии. Я должен взять Буреносец, чтобы вернуть ее. Быстрее, давай ключи!

Повелитель Воашун принес ключи и повел Эльрика в арсенал, где оружие и доспехи, которыми владели его предки, висели без употребления. Через пыльные палаты Эльрик широким шагом прошел к нише, в которой, казалось, находилось что-то живое.

Он узнал тихие стоны большого черного боевого меча, как только протянул руку, чтобы взять его. Меч был тяжел, но идеально уравновешен — громадный двуручный меч с гладким нешироким лезвием, на котором у рукояти были выгравированы мистические руны. Никто, даже Эльрик, не знал, что они означают.

— Снова я должен брать тебя, Буреносец, — сказал Эльрик, пристегивая ножны к талии. — Должен сказать, мы крепко повязаны, может быть, ничто, кроме смерти, нас не разъединит.

С этими словами он взял клинок и широким шагом вышел из арсенала. Во дворе конная стража уже ожидала его приказаний. Встав перед ними, он вытащил меч. Черное сияние

меча легло на белое лицо Эльрика, такое же белое, как кость. Он смотрел на всадников.

— Мы погонимся за демонами этой ночи. Ищите их в лесу и на равнине, ищите внимательно, присматриваясь ко всему необычному. Каждый из вас должен знать — от его старания зависит жизнь и судьба принцессы! Возможно, ее похитители обладают сверхъестественными силами, которые помогли им ускользнуть, но в этом я не уверен. Так идите и ищите хорошо!

Всю дождливую ночь они искали, но не смогли найти жену Эльрика, не нашли даже следов ее похитителей. А когда на утреннем, чисто вымытом ливнем небе появилось Солнце, без результата вернулся последний отряд. К тому времени Эльрик был полон сил и любви к жизни, которыми снабдил его меч.

— Повелитель Эльрик, мы должны прекратить поиск, или дневной свет может принести нам ключ к разгадке? — спросил один.

Эльрик с каменным лицом сидел у ворот города, глядя вдаль. Даже после вопроса командира одного из поисковых отрядов ничто не отразилось на его лице.

— Он не слышит тебя, — прошептал другой.

Неожиданно Эльрик повернул голову к стражникам, терпеливо ожидающим приказов у городских стен, и холодно сказал:

— У меня было время поразмыслить. Теперь я знаю, что должен искать жену с помощью магии. Ступайте, вы ничего не сможете сделать.

Затем он вернулся во дворец, зная, что есть один путь, чтобы узнать, куда исчезла Зарозиния. Это был способ, который он не любил, но его необходимо было использовать.

Эльрик прошел в спальню, запер дверь и пристально поглядел на мертвое существо. Труп все еще лежал здесь, но боевой топор, которым он был убит, забрали его товарищи.

Эльрик подготовил тело, закрыл ставни на окнах, так что свет не попадал в комнату, и зажег огонь под жаровней. Пламя быстро нагрело медную тарелку. Эльрик подошел к маленькому ящичку у окна, взял мешочек, вынул из него пучок сухих трав и сжег их на жаровне так, что комната наполнилась дымом и резким, неприятным запахом. Затем он встал над трупом и начал петь заклинания на старом языке Мельнибона. Это пение, едва похожее на человеческую речь, поднималось, опускалось и вновь поднималось до пронзительного крика.

Жаровня разливала неровный красноватый свет, гротескные тени клубов дыма плыли по комнате. Труп на полу

начал шевелиться. Его изуродованная голова задвигалась из стороны в сторону. Эльрик вытащил рунный меч и выставил перед собой, обхватив его рукоять двумя руками.

— Восстань, бездушный! — приказал он. Медленно, двигаясь толчками, существо поднялось и показало когтистым пальцем на Эльрика, а остекленевшие глаза существа глядели как будто в глубь его.

— Я здесь, — прошептало оно, — по велению. Думаю, что ты не сможешь избежать своей судьбы, Эльрик из Мельнибона. Ты убил меня. Я существо Хаоса. И мои хозяева отомстят за меня.

— Каким образом?

— Ты предназначен быть жертвой. И скоро узнаешь остальное.

— Расскажи мне, убитый, кто послал тебя украсть мою жену? Кто отправил тебя сюда? Куда вы унесли ее?

— Три вопроса, Повелитель Эльрик. Требуется три ответа. Ты знаешь, что мертвые, которые поднялись с помощью колдовства, не могут отвечать прямо?

— Конечно, но ответь мне так, как можешь.

— Тогда слушай хорошенько, потому что я могу ответить только раз, а затем должен вернуться в нижние сферы, где превращусь в ничто. Слушай:

— Там, за морем, зреет битва.

Кровь зальет все поле брани.

Если преданный сородич

С Эльриком пойти решится,

Взяв с собою меч волшебный,

Близнеца того, что носит

На бедре могучий Эльрик.

В место, проклятое родом

Человеческим навеки,

В дом того, кому не должно

Было и на свет родиться.

И тогда, возможно, сделка

Состоится. И возможно,

Эльрику вернут супругу.

После этого существо повалилось на пол и больше не двигалось. Эльрик подошел к окну и открыл ставни. Он привык к загадочным стихам-предсказаниям, но их трудно было разгадывать. Дневной свет залил комнату. ТАМ ЗА МОРЕМ... Есть много морей. Он отложил меч, сел на кресло у кровати, которую слуги еще не привели в порядок, и стал думать. После долгих размышлений, он вспомнил рассказ путешест-

венника, который пришел в Каарлаак из Таркеша, города за Бледным морем.

Путешественник рассказывал, что на Западном континенте правители земли Дхариджор и другие народы запада поссорились. Возникло подозрение, что Дхариджор нарушил договор, который заключил с другими королевствами, подписав соглашение с Теократом из Чаши Звона. Чаша Звона была страшным островом, где господствовала аристократия воинов-колдунов. Там когда-то жил и старый враг Эльрика — Селеб Каарн, пока не пал от Черного Меча. Их столицу Хвамгаарла называли городом Кричащих Статуй до тех пор, пока местные жители не перестали контактировать с окружающим миром, что произошло совсем недавно. Честолюбивый Ягрин Лерн, став новым Теократом, начал искать союзников против народов Молодых Королевств. Путешественник говорил, что вылазки воинов-колдунов стали более дерзкими и уверенными. Это доказывало, что Дхариджор и Чаша Звона действительно вступили в военный союз.

Сейчас Эльрик добавил к этой информации недавние новости о том, что Юишиана — королева сопредельного с Дхариджором государства, завербовала Дайвима Слорма и его имррирских наемников. Дайвим Слорм был родственником Эльрика. Это означало, что с Дхариджором будет война.

Факты увязывались с предсказанием существа из Хаоса. Эльрик понял, что ему следует готовиться к путешествию.

— Сейчас не время для грусти, — говорил он себе, зашнуровывая черный стеганный жилет. — Действовать необходимо быстро. — Держа рунный меч перед собой, он пристально посмотрел сквозь него в пространство, и произнес:

— Я клянусь теми, кто создал этот меч. Похитители, будь они люди или бессмертные, умрут страшной смертью. Слушай меня, Ариорх! Это моя клятва!

Его слова не нашли ответа, и Эльрик почувствовал, что Ариорх — его покровитель из Хаоса — не услышал его клятву или услышал, но она не произвела на него впечатление.

Эльрик вышел из спальни, в которой плотным облаком висела тяжесть смерти. Ему сразу подвели коня.

ГЛАВА 2

Бледное море было холодным, угрюмым и свирепым морем, но корабли предпочитали идти из Илмиора в Джаркор через него, а не подвергаться сверхъестественным опасностям более короткого пути через пролив Хаоса, в котором кипели вечные штормы и обитали злобные морские чудовища.

На палубе Илмиорианской шхуны стоял Эльрик, закутанный в плащ, дрожа от холода, и печально смотрел в закрытое тучами небо. Капитан, коренастый человек с синими веселыми глазами, подошел к нему. В его руках была чаша с горячим вином. Он протянул чашу Эльрику.

— Спасибо, — сказал Эльрик. Он сделал глоток вина. — Как скоро мы будем в порту Банарва?

Капитан поднял воротник куртки.

— Мы увидим полуостров Таркеш перед закатом. — Банарва был одним из крупнейших портов Таркеша. — Удивительно, как спокойно прошло наше плавание, когда война между королевствами запада уже началась. И Джариджор и Чаша Звона в последнее время пиратствовали во всю. Я думаю, скоро у них каждый лакей станет солдатом.

Эльрик кивнул, хотя обсуждение пиратства не заинтересовало его. Высадившись холодным вечером в порту Банарва, Эльрик увидел, что война действительно пришла на земли Молодых Королевств. Жители Банарвы рассказали ему, что все люди на Западном континенте вооружились. В Муррхне был ранен в крыло летающий человек. Из Джаркора пришло известие, что Белые Леопарды — гвардия Юишианы — бежали из Дхариджоры, хотя Дайвим Слорм и его наемники ожидали их в северных районах.

Дхариджор был сильным королевством, и Чаша Звона была грозным соперником, так как много веков культивировала оккультные знания, особенно военные его формы. Следующим по силе за Дхариджором стоял Джаркор, но он даже со своими союзниками Таркешем, Муррхном и Шазаром — не был так силен, как те, кто грозил безопасности Молодых Королевств.

Все, с кем говорил Эльрик, были уверены, что уже несколько лет Дхариджор искал лишь удобного предлога, чтобы начать войну против соседей, усиленно подготавливая армию к завоеваниям. Те, кто говорил с Эльриком об этом, ни в чем не были уверены.

Улицы Банарвы были полны солдатами, лошадьми и тягловыми волами для транспортировки армейских обозов. Всю гавань заполнили боевые корабли, найти квартиру было трудно, остановиться в гостинице невозможно, провиант был конфискован армией. Подобная картина наблюдалась на всем западном побережье континента.

Он провел ночь в Банарве, а утром нанял хорошую лошадь и поскакал через редкие степи в Джаркор.

Эльрик ехал по разодранным войной землям, его красные глаза горели бешеным гневом при виде жестоких разрушений, которые он видел. Хотя он сам много лет жил мечом и

совершил немало убийств, он не любил бессмысленность подобных войн, не любил людей, убивающих друг друга по непонятным им причинам. На свой лад он был идеалистом.

Его предков — он знал — приводили в восторг войны Молодых Королевств. Наблюдая издали, они считали себя выше их, выше трясины чувств и эмоций, в которой барахтались эти люди, потому что десять тысяч лет императоры Мельнибона правили этим миром, правили без совести и морали. Но Эльрик, последний из императоров, был не такой, как они. Он был способен на жестокость и злое колдовство, умел любить или ненавидеть сильнее, чем его предки. Наверное, это и стало причиной его разрыва с родиной, причиной путешествий по всему свету. В Мельнибоне не оказалось никого, кто разделял его чувства. Именно из-за этих сил — любви и ненависти — он стал бороться со своим двоюродным братом Иркано, который похитил Каймориль, нареченную Эльрика, и пытался узурпировать власть в королевстве Мельнибон, находящемся на острове Драконов, последней территории Светлой, ныне павшей Империи. С помощью пиратского флота Эльрик стер Имрриг разрушил Город Мечты и заставил рассеяться расу, основавшую его, так что последние из уцелевших скитались теперь по всему свету, продавая свое оружие тому, кто больше заплатит. Любовь и ненависть: они привели его к убийству Иркана, заслужившего свою смерть, и случайному убийству Каймориль. Любовь и ненависть. Они клокотали в нем, когда горький дым пожараищ разъедал ему горло, когда он проезжал мимо толп обезумевших от горя беженцев, когда он слышал жуткие рассказы о грабежах джарджорских воинов, проникших в эту часть Таркеша и не встретивших практически никакого сопротивления войск короля Хирлана Таркешского, чьи главные силы сосредоточились на севере и готовились к главной битве.

Теперь Эльрик ехал вдоль Западных Болот недалеко от джаркорских границ. В лучшие времена здесь жили лесовики и землевладельцы. В лучшие времена здесь были леса и поля. Но теперь леса почернели и выгорели, а урожай на полях погиб.

Так он оказался в сгоревшем лесу, где стволы деревьев, холодные и черные от гари, мрачными силуэтами врезались в серое, клубящееся тучами небо. Он накинул на голову капюшон, тяжелая черная ткань закрыла его лицо, и поскакал по дороге в поисках хоть какого-нибудь пристанища. Скоро он выехал на голую, иссеченную дождями равнину, которая простерлась перед ним, как чужое измерение. В стороне от дороги, на опушке сгоревшего леса стояла жалкая лачуга, напоминающая скорее нору, чем жилище человека.

Но едва подъехав к ней, он услышал: — ЛОРД ЭЛЬРИК!

Удивившись, что его узнали, он повернулся к назвавшему его голосу и откинул капюшон. Оборванная фигура появилась из лачуги. Он спешил, подошел ближе и увидел, что перед ним древняя старуха.

— Ты знаешь мое имя?

— Легенды о тебе рассказывают повсюду в Молодых Королевствах. Кто не сможет узнать твое белое лицо и твой волшебный меч?

— Возможно, ты могла узнать меня по тем рассказам, которые слышала раньше. Но откуда ты знаешь Высокий Язык Мельнибона? Эльрик обдуманно употребил грубый общий язык.

— Все, кто практикуется в черном колдовстве, употребляют Высокий Язык. А тот, кто знал его, не должен забывать. Ты побудешь со мной, как гость?

Эльрик посмотрел на лачугу и тряхнул головой. Он был брезгливым. Старуха улыбнулась и, сделав передразнивающий поклон, сказала на общем языке:

— Итак, могущественный повелитель пренебрегает достоинствами моего бедного дома. Но, возможно, он спросит, как огонь, который бушевал в этом лесу, не повредил мне?

— Конечно, — сказал Эльрик, — это интересная загадка.

Ведьма сделала шаг к нему. — Солдаты пришли не более месяца назад из Чаши Звона. Это были Дьявольские Всадники. Охотничьи тигры бежали перед их отрядом. Они грабили деревни и жгли деревья, так что те, кто убежал от них, теперь не могут питаться даже грибами и ягодами. Я жила в этом лесу всю жизнь, занимаясь помаленьку магией и пророчествовала для крестьян. Но когда я увидела стену пламени, я выкрикнула имя демона, которое знала — существа Хаоса, которого прежде никогда не отважилась бы вызвать. Он пришел.

— Спаси меня, — крикнула я.

— Что ты дашь в обмен за свою жизнь? — спросил демон.

— Все, что угодно, — ответила я.

— Тогда сообщи послание моих повелителей, — сказал он, Эльрику из Мельнибона, едущего по этой дороге. Скажи, что человека королевского рода он найдет в Секюапорисе. Если Эльрик любит свою жену и сделает все как надо, его жена вернется. Итак, я передала тебе слова, как и должна была сделать.

— Благодарю, — сказал Эльрик. — А что ты пожертвовала той силе, которая привела к тебе демона?

— Мою душу, конечно. Но это старо и не очень ценно. Ад не хуже, чем эта жизнь.

— Если бы ты сгорела в пожаре, твоя душа была бы спасена.

— Я хочу жить, — сказала колдунья, улыбнувшись. — Жить хорошо. Моя жизнь, возможно, грязна, но она моя, и я ее люблю. Теперь, мой господин, не смею задерживать тебя.

Колдунья подняла руку, прощаясь, когда Эльрик поехал прочь. Он недоумевал по поводу всего услышанного, но обрел надежду. Его жена была жива и невредима. Но что за сделка будет заключена перед тем, как он получит ее обратно?

Он погнал лошадь галопом, направляясь в Секюапорис — небольшой город в Джаркоре. И долго он слышал сзади хихиканье несчастной ведьмы.

Хотя Эльрик не очень заботился о безопасности, ему удалось избежать встречи с разбойничьими бандами, которых много появилось на этой равнине, некогда золотых пшеничных землях Секюа, одной из богатейших провинций Джаркора. На другой день он въехал в низкие ворота города, который остался едва ли не единственным не подвергнувшимся разграблению островком в море войны и смерти. Здесь он обнаружил те же приготовления к войне, что и на побережье, и узнал то, что так его интересовало.

Имррирские наемники, руководимые Дайвимом Слормом, двоюродным братом Эльрика и сыном Дайвима Твара, старого друга Эльрика, должны были на следующий день прибыть в город.

Между Эльриком и имррирцами была вражда, так как именно Эльрик разрушил Город Мечты и заставил их стать наемниками. Но времена острой ненависти прошли, так случилось, что дважды он и имррирцы сражались на одной стороне. Однажды он даже был их предводителем, справедливым и выполняющим традиции, которые были еще сильны в старой расе. И можно было надеяться, что никаких неприятностей не случится и на этот раз. Эльрику осталось лишь молиться Ариоху, чтобы Дайвим Слорм действительно знал место, где находится его жена.

В полдень следующего дня наемники пришли в город. Эльрик встретил их у городских ворот. Имррирские воины устали после долгого марша, который к тому же стал труднее из-за трофеев, которые они захватили в Шазаре и Болотах Мглы, до того как были наняты Юишианой. Они отличались от рас тонкими, мягкими волосами, ниспадавшими на плечи, и знаменитыми мельнибонийскими тканями одежды — золотыми, синими, зелеными, отливающими нежным блеском. У них были длинные пики, выше человеческого роста. Они надмен-

но сидели в седлах, убежденные в своем превосходстве над другими смертными, и по сути являлись, как и Эльрик, не совсем людьми.

Эльрик поехал навстречу Дайвиму Слорму, своей мрачной одеждой резко отличаясь от остальных мельнибонийцев. На нем была куртка с высоким воротником из стеганой кожи, стянутая широким поясом, на котором висел Буреносец. Его молочно-белые волосы удерживала лента черного бархата, его бриджи и сапоги тоже были черные.

Дайвим Слорм, увидев его, махнул рукой.

— Эльрик! Значит, предзнаменование было правдой?

— Что за предзнаменование?

— Твое птичье имя Сокол, насколько я помню? У мельнибонийцев был обычай отождествлять новорожденных детей с птицами. Таким образом Эльрик был соколом — птицей охоты.

— О чем ты говоришь, брат, — нетерпеливо спросил Эльрик.

— Сокол произнес загадочное послание. Когда мы дрались у Болот Мглы, он прилетел и сел на мое плечо. Он сказал, что в Секюапорисе я встречу своего короля. Потом стало известно, что в этом городе мы должны соединиться с армией королевы Юишианы и принять участие в битве. А что ты делаешь здесь, кузен?

— Я снял для тебя комнату в гостинице, — ответил Эльрик. — Располагайся, а потом, я расскажу тебе все. Я нуждаюсь в помощи, кузен, но также, кажется, могу оказать помощь и тебе. Зарозиния похищена демонами. И я чувствую, что война и это похищение как-то связаны в игре, которая здесь началась.

— Тогда быстрее в гостиницу, меня снедает любопытство. Сначала сокол и предзнаменование, потом война, а теперь еще похищение и наша встреча. Более чем достаточно для хорошего разговора!

Имррирцы уже расходились по вымощенным булыжником улицам. Их было немного, едва ли сотня воинов, но они стоили тысяч, потому что слишком долго вели жизнь закаленных бойцов и привыкли дорого продавать свои жизни. Эльрик подождал, пока Дайвим Слорм расположился в гостинице, а потом рассказал все, что знал.

Перед тем, как сказать Эльрику, что он думает по поводу всего происшедшего, Дайвим Слорм несколько минут пил маленькими глотками заказанное вино. Наконец он отставил чашу и поднял на Эльрика глаза.

— Я чувствую костями, что мы марионетки в какой-то борьбе между богами. Все мы, целиком — наши кровь, плоть

и желания, все в этом деле взвешено и уже, боюсь, оценено. Но все же следует быть осторожными, мы еще не все знаем.

— В том-то и дело, — сказал нетерпеливо Эльрик. — Я требую вернуть мою жену. Но я не имею понятия, почему мы должны заключать какую-то сделку, чтобы ее вернули? Можно, конечно, предположить, что ее захватили, чтобы заставить нас встретиться, но этого можно было добиться проще. Как бы там ни было, если это знак, посланный какими-то силами, нам следует быть готовыми, чтобы потом, когда мы поймем все точнее, действовать по собственной воле.

— Разумно, — согласился Дайвим Слорм. — И я с тобой. — Он улыбнулся и добавил. — Нравится мне это или нет, но приходится вступить в игру.

— Где находится основная часть армия Дхариджора и Чаши Звона? — спросил Эльрик. — Я слышал, они соединились

— Их место до сих пор неопределено. Предстоящая битва решит, кто будет править западными землями. Я выступил на стороне Юишианы, не только потому, что они атакуют нас. Мне кажется, если извращенные повелители Чаши Звона добьются успеха, они принесут тиранию, а это будет угрожать безопасности всего мира. Это печально, но и Мельнибон когда-то рассматривали как такую же проблему. — Он улыбнулся. — В любом случае, мне не нравятся эти колдуны. Они стремятся превзойти Светлую Империю.

— Конечно, — сказал Эльрик. — Они — островная культура, как когда-то были и мы. Они колдуны и воины, как и наши предки. Но их колдовство еще менее здоровое, чем наше. Мои и твои предки совершали ужасные поступки, конечно, но не выходили за рамки человеческого естества. А эти... они извращают человеческую сущность своего и чужих народов. Я надеюсь, что когда-то будет другая Светлая Империя, если будут найдены новые силы для развития. Время неумолимо наколдовывает упадок всему, что мы знали и чем пользовались. Возможно, человек уже ищет новое предназначения для себя.

— Наши познания очень стары, — согласился Дайвим Слорм. Настолько стары, что мы не будем соответствовать новому миру. Наша логика и учение соответствуют лишь прошлому...

— Да, это так, — сказал Эльрик. — Но раз это так, попробуем побродить по миру, пока еще можем.

Они выпили в унылой тишине. В мыслях они все еще философствовали. Эльрик думал о том, что встало между ним и женой, и боялся, что с ней может что-нибудь случиться. Эта девушка была молода и уязвима. Этой молодостью, как лекарством, она помогала ему избегать размышлений о собст-

венном роковом предназначении, а ее хрупкость облегчала грусть. Но теперь тревоги следовало забыть, нужно было думать о предстоящей битве и о соколе, которого видел и с которым говорил Дайвим Слорм.

Итак, должна разразиться битва между силами Юишианы и Саросто из Дхариджора и Ягрин Лерна из Чаши Звона. Даже если он обнаружит Зарозинию до того, как разразится битва, он все равно примет в ней участие. Он мог погибнуть, но решил, что лучше действовать по предзнаменованию — иначе даже та легкая надежда увидеть жену вновь, которая у него была, могла исчезнуть. Эльрик посмотрел на кузена.

— Я пойду с тобой и буду драться среди имррирцев. Надеюсь, Юишиана не откажется от моих услуг в битве против Теократа и его союзников.

Дайвим Слорм кивнул.

— Мы будем биться не за Юишиану. Гибель всех наций, среди которых мы можем существовать, будет там ставкой...

ГЛАВА 3

Десять людей ехали на колеснице вниз с черных гор, извергавших синее и алое пламя и трясущихся в спазмах разрушений.

В каждом измерении силы природы были разорваны и восстали. Земля менялась. Эти десять ужасных людей знали, почему это происходит. Они знали, каким образом их знания соединяются с миром.

Ночь была багряной, и утром солнце висело над горами кровавым шаром. Горячий пепел все время сыпался на соломенные крыши, и в долинах горели дома.

Сепириту, возница колесницы, увидел крестьян — испуганный сброд — они были похожи на муравьев, чей домик был разрыт. Он повернулся к человеку в синей броне, стоящему позади него, и улыбнулся.

— Видишь, они бегут, брат — сказал он. — Великолепно сработало это колдовство!

— Оно было хорошо сделано, — согласился его брат. Из-за грохота вулкана он должен был кричать.

Затем Сепириту посерьезнел, его глаза сузились. Он хлестнул свою пару лошадей бичом из бычьей кожи так, что кровь брызнула из их серо-черных боков и они понеслись галопом.

Один человек в деревне увидел Десять издалека. Он закричал, предупреждая остальных:

— Они принесли огонь с гор! Бегите, прячьтесь! Люди вулкана проснулись! Они пришли! Десять проснулись, осуществилось пророчество — это конец света!

Горы исторгли новую порцию горячей лавы, и этот человек был сражен — он загорелся, как факел, и умер. Он умер бесполезно, так как ни он, ни другие жители деревни Десять не интересовали.

Колесница Сепириту и его братьев с грохотом прокатила по грубой улице, копыта их лошадей прогремели, как рев вулкана. Позади них гремели горы.

— В Нихрейн! — крикнул Сепириту. — Быстрее, брат, нам надо много сделать. Клинок, возможно, еще не перенесен из Лимбо, и пара людей может помочь донести его до Ксаниавы.

Радость наполнила его, когда он увидел дрожащую землю и услышал, как хлынул огонь из скалы позади него. Его черное тело блестело, отражая яркое пламя гор. Лошади несли раскачивающуюся колесницу с дикой скоростью. Иногда они казались летящими над землей.

Скорее всего, они ехали на конях Нихрейна, где, как известно, удавалось выводить очень сильных животных.

Они промчались по ущелью вверх, к пропасти Нихрейна древнего города, дома Десяти, в который они не возвращались уже две тысячи лет.

Сепириту успокоился. Он и его братья несли ужасную ответственность, хотя не служили ни богам, ни людям — они были людьми Судьбы и таким образом вызывали страх знаниями.

Столетия они спали в своей горной палате, находящейся в сердце бездействующего вулкана. Жара или холод не беспокоили их. Лишь извержение вулкана прервало их сон, и они знали, что время пришло — время, которое они ждали.

Поэтому Сепириту пел от радости. Позже он и его братья совершат свое последнее действие. Оно было связано с двумя мельнибонийцами, двумя выжившими членами королевской линии Светлой Империи.

Сепириту знал их жизнь — они не смогли бы жить, если бы не существовало общей схемы. Но Судьбы их не укладывались в предназначение. Таким образом они обманывали Судьбу, настолько велика была их сила. Верша свой путь, эти фавориты Судьбы создавали практически новую расу людей. Но их рабочими инструментами были также демоны и чудовища.

Это делало последнее действие Десяти сложной задачей. Но сначала — в Нихрейн! В разрушенный город, чтобы поймать там нить Судьбы в свою превосходную сеть.

Палатки королевы Юишианы и ее приближенных стояли тесным рядом в рощице у холмов. Деревья давали укрытия. Чтобы не выдавать их позиций, не горели даже лагерные

костры. Не было слышно песен великой армии, все было тихо. Разведчики держали под надзором всю округу и высматривали шпионов.

Но Эльрика и его имррирцев не окликнули, когда они въехали, потому что альбиноса и его людей было легко узнать. И всем было хорошо известно, что страшный мельнибониец и его наемники решили помочь Юишиане.

Эльрик сказал кузену:

— Мне лучше сразу выразить соболезнования королеве Юишиане, не вспоминая старых дразг. Не хочу, чтобы она знала о похищении моей жены, иначе она сможет попытаться помешать мне. Мы скажем, что я прибыл помочь ей из дружбы.

Кузен кивнул. Эльрик оставил его заниматься обустройством лагеря, в сам направился в палатку Юишианы, где его с нетерпением ждала королева. Когда он вошел, в его глазах светилось едва заметное выражение чего-то приятного, что было в прошлом.

У королевы было тяжелое, некогда чувственное лицо, на котором стали появляться первые признаки возраста. Грудь ее была больше, а бедра — шире, чем это помнил Эльрик. Она сидела в высоком походном кресле, и на столе перед ней были разложены карты, свитки документов. Сбоку стояла походная чернильница и стаканчик с очиненными перьями.

— Доброе утро, Волк, — сказала она, улыбаясь одновременно язвительно и вызывающе. — Разведчики доложили, что имррирцы идут сюда, но то, что ты будешь с ними — самая приятная неожиданность за последнее время. Ты оставил молоденькую жену и решил вернуться к истинно мужским удовольствиям — войне?

— Нет, — сказал он, сняв тяжелый дорожный плащ и бросив его на скамью. — Доброе утро, Юишиана. Ты не изменилась. Я подозревал, что Селеб Каарна дал тебе глоток Воды Вечной Жизни перед тем, как я убил его.

— Может быть. Так ты женился?

— Конечно, — сказал он. Тогда королева встала со своего кресла и подошла к нему так близко, что он почувствовал тепло ее тела.

— Я разочарована. — Она пожала плечами. Когда-то они были любовниками, несмотря на то, что на Эльрике была вина за смерть ее брата, которая произошла на пути в Имррир. Но смерть Дармита из Джаркора возвела ее на трон, и она, как честолюбивая женщина, не очень грустила о брате.

Эльрику хотелось поговорить о войне.

— Я вижу, ты готовишься к большему, чем просто стычки;

сказал он. — Каковы твои силы и каковы твои шансы на победу?

— Ну, прежде всего, мои Белые Леопарды, — сказала она. — Пять сотен отборных воинов, которые бегают так же быстро, как лошади, сильны, как горные коты, и свирепы, как кровавые акулы. Они обучены убийству и убивают всех, кого встречают. Кроме этого у меня есть другие отряды — пехота и кавалерия, несколько отрядов, в каждом из которых по восемьдесят Лордов. Лучшая кавалерия из Сказхара — дикие люди, но умелые бойцы, они хорошо дисциплинированы. Таркеш прислал немного людей, хотя, я предполагаю, король Нилран не меньше моего нуждается в людях для защиты южных земель. Тем не менее от него пришли почти тысяча пятьсот воинов и несколько сотен горцев из Таркеша. К этому можно добавить шесть сотен пограничной стражи. Крепостные рабы также готовы к бою, но они проживут до первой атаки.

Эльрик кивнул. Это была обычная военная тактика.

— А что у противника?

— Мы имеем перевес в числе, но у них есть Дьявольские Всадники и охотничьи тигры. Этих зверей держат в клетках и отлично охраняют, мои шпионы ничего о них не могут сообщить.

— Я слышал, что люди Муррхна прилетели сюда. Хорошо, что вам удалось выгнать их из гнезд.

— Если мы проиграем битву, — сказала она степенно, — Хаос поглотит Землю и будет повелевать на ней. Все прорицатели сходятся на этом. А в Шазаре говорят, что после победы Ягрин Лерн станет орудием повелителей Хаоса. Мы не только сражаемся за нашу Землю, Эльрик, мы сражаемся за человеческую расу!

— Тогда, я надеюсь, мы победим, — ответил он.

Эльрик стоял среди капитанов, которые смотрели на продвижение армии. Дайвим Слорм стоял рядом в золотисто-белой рубашке без доспехов. В присутствии чужаков его манеры были уверенными и высокомерными.

Перед офицерами маршировали низкие темнолицые люди Таркеша в толстой броне с черными смазанными салом волосами и бородами. Их сменили полуголые крылатые люди Муррхна. С задумчивыми глазами и ястребиными лицами, с огромными крыльями за спиной они выглядели полными достоинства и мало разговаривали даже между собой. Шазарианские воины шли в одинаковых серых, коричневых или черных куртках и покрытой патиной броне. За ними шли Белые Леопарды Юишианы — длинноногие, тяжелые темнокожие люди с белокурыми волосами, завязанными в узел на бычьих

шеях. Их серебряные доспехи несли эмблему леопардов — альбиносов, чем-то похожих на Эльрика, поднявшихся на задние лапы в боевом неистовстве.

Время битвы приближалось...

В сером рассвете обе армии сходились, маршируя с противоположных концов широкой долины, лежащей между лесистыми холмами.

Армия Чаши Звона и Дхариджора двигалась, как поток черного металла. Эльрик смотрел, как они приближаются. Кузен, стоя сбоку, сказал:

— Смотри, вон Саросто — слева, и Ягрин Лерн — справа!

Союзные вожди командовали своими армиями. Знамена из черных шелков шелестели над их шлемами. Ягрин Лерн носил алые доспехи, которые даже его оружие делали похожим на пламя. На шлеме Теократа был Треугольный крест Чаши Звона, придающий ему сходство с морскими людьми. Оружие Саросто было тусклым, темно-желтым, украшенным гербами со Звездами Дхариджора, над которыми был расколотый меч, который, как говорила история, носил предок Саросто — Агарн из города Строителей.

За передовыми отрядами шли Дьявольские Всадники на своих шестиногих конях-пресмыкающихся, выведенных в давние времена. Смуглые и сосредоточенные, с выразительными тонкими лицами, они носили длинные кривые сабли, которые висели обнаженные на их поясах. Между всадниками шли сотни охотничьих тигров, обученных, как собаки. Из пасти у тигров торчали клыки, которыми они могли разорвать человека пополам. Союзная армия приближалась. Эльрик уже мог видеть верха таинственных повозокклеток, о которых много говорили, но никто не знал, что скрывалось за их брезентовыми пологами.

— Похоже, что в них находятся какие-то существа, обученные для боя, — высказал он предположение. Ему никто не ответил. Юишиана отдала приказ. Стрелы гудящим в полете облаком полетели на первую волну пехоты. Офицеры заняли места во главе своих частей. Необходимость рисковать собственной жизнью злила Эльрика, но он решил в любом случае до конца сыграть свою партию.

Главные силы кавалерии двигались за пехотой, атакуя с флангов и окружая врага, насколько возможно. Бронзовотелые шазариане выстроились с одной стороны одетых в яркие ткани имррирцев. Таркешцы в голубом вооружении с белыми перьями на красном фоне, пурпурные и белые уланы с золотым оружием оказались с другой стороны. Эльрик приказал начать движение наемников, но фланги шли быстрее, потому что Белые Леопарды двинулись в атаку

бегом. Королева ехала позади своих знамен, позади первой фаланги рыцарей.

Первые стрелы уже достигали неприятельских рядов, застучали по их шлемам, иногда с глухим звуком вонзаясь в плоть.

Боевые крики раздались с обеих сторон. Эльрик довольно легко пробился к Ягрину Лерну и нанес первый удар. Теократ отбил Буреносец огненно-красным круглым щитом, доказывая, что он мог устоять против колдовского оружия.

Лицо Ягрина Лерна дернулось в злобной усмешке, когда он узнал Эльрика.

— Сейчас я сильнее тебя, Белолицый. Я знаю твою судьбу.

— Многим людям казалось, что они знают ее лучше, чем я, ответил Эльрик. — Тем важнее мне одолеть тебя, чтобы силой выпытать этот секрет.

— Я не отвечу! Не я повелеваю этим измерением!

— Может быть и так!

Они обменивались ударами, которые не причиняли противнику никакого вреда — бойцы были равны по силам. Эльрик почувствовал движение в своей руке, почувствовал борьбу. Меч адского кузнеца должен был рубить металл, но сейчас не мог справиться с алым оружием Теократа. В правой руке Лерна был огромный боевой топор, которым он нанес удар в голову лошади противника. Эльрик заставил свою лошадь рвануться в сторону, избегая удара, и тут же сам ударил в пластину на животе Лерна. Рунное лезвие вскрикнуло, но не пробило ее. Боевой топор взлетел снова, Эльрик был вынужден отвести меч, чтобы отбить удар, но вместо защиты бесильно зашатался, едва удерживаясь в седле, не в силах даже поднять меч.

Лерн ударил снова и расколол череп лошади Эльрика. Она упала на колени. Хлынула кровь, лошадь умерла.

Задыхаясь от ярости, Эльрик быстро поднялся и подготовился к атаке Ягрина Лерна. Но, к его удивлению, Теократ покосился от него в гущу битвы.

— Твою печальную жизнь отберу не я, Белолицый! Это сделают другие силы. Если останешься в живых, когда мы победим тогда потребуем твоей смерти.

Бессильный, недоумевающий Эльрик ничего не мог подделать. Он осмотрелся и увидел дхариджорскую верховую лошадь, голова и передняя часть тела которой были защищены желточерными доспехами. Лишившись всадника, она выбежала из гущи схватки.

Он схватив свисающие поводья, поставил ногу в стремя и вскочил в седло, которое показалось ему очень неудобным.

Привстав в стременах, Эльрик поскакал туда, где увидел штандарт имррирских наемников.

Он прорубался к своим, убивая то Дьявольских всадников, то охотничьих тигров, которые набрасывались на него, оскалив клыки, то великолепно вооруженных воинов из Дхариджора, то двух пехотинцев, которые пытались стащить его с лошади алебардами.

Армия Юишианы сражалась храбро, но неорганизованно. Необходимо было перегруппироваться, чтобы действия ее отрядов стали более эффективными.

— Отзови кавалерию! — закричал Эльрик. — Отзови назад ка валерию!

Молодой герольд бросил взгляд назад. Ему приходилось нелегко, сразу два Дьявольских Всадника атаковали его с разных сторон. Он даже не успел понять, что происходит. Он отвлекся и тут же был зарублен одним из Дьявольских Всадников. Он еще пронзительно кричал, когда враги добивали его, пока не упал под копыта коней.

Выругавшись, Эльрик подскакал ближе и разрубил одного из атакующих от плеча до седла. Другой Всадник обернулся только для того, чтобы встретить острие меча. Он умер, громко крича, пока меч пил его душу.

Теперь герольд был истоптанной копытами, искромсанной саблями бесформенной грудой. Но Эльрик наклонился в седле и дернул окровавленный рог, разорвав неширокий ремень. Поднес его к губам и заиграл сигнал нового маневра. Мельком он заметил повернувшихся к нему всадников. Внезапно знамя Джаркора стало падать, знаменосец был убит или тяжело ранен. Эльрик подскакал, схватил древко яркого штандарта и, с боевым знаменем в одной руке и придерживая рог другой, попытался собрать рассеявшиеся войска.

Медленно, но неуклонно кавалерия собиралась вокруг него. Сейчас у Эльрика была только одна мысль — убить этих двоих, смерть которых может принести победу и спасти королевство.

Затем он выдул из рога длинный, воющий звук. Тотчас в ответ ему раздался сухой, тяжелый шелест — люди Муррхна неслись по воздуху.

Увидев это, враги стали открывать дверцы таинственных клеток. Эльрик застонал от отчаяния. Жуткие крики предшествовали появлению гигантских сов, поднимающихся в небо, давно вымерших даже в Муррхне — стране, где они некогда обитали. Союзная армия подготовилась даже к атаке с воздуха.

Совы были древними врагами людей Муррхна, и крылатые

люди с яростью атаковали их. Трупы людей и сов стали падать вниз, давая пехоту и кавалерию.

Тем временем Эльрик и окружившие его Белые Леопарды проложили путь сквозь строй врагов и присоединились к Дайвиму Слорму и имррирцам, таркешской кавалерии и сотне выживших шазариан. Посмотрев вверх, Эльрик увидел, что большинство гигантских сов было убито, но людей из Мурхна было немного. Те из них, кто остался жив, кружили в небе, уклоняясь от битвы.

Эльрик окликнул Дайвима Слорма, выкрикнув:

— Саросто и Ягрин Лерн выиграли!

Кузен поднял свой длинный меч и взглядом дал понять, что согласен с Эльриком.

— И все-таки мы еще можем изменить свои судьбы, — ответил он.

— Жизнь Зарозинии важнее для меня, чем все остальное! — крикнул Эльрик.

Тем временем союзная армия смяла Эльрика и его людей. Он получил удар в верхнюю часть шлема и понял, что кровь заливает ему лицо. Но все-таки снова и снова он поднимал меч, с отчаянием рубясь в передних рядах.

Чем больше Буреносец убивал атакующих Эльрика противников, тем сильнее становился, выпивая их души, вливая силу в своего господина...

Внезапно ряды атакующих расступились, и вперед бросились охотничьи тигры Чаши Звона. Глаза их горели, с клыков текла слюна, смешанная с кровью их жертв. Их лапы с огромными, острыми когтями тоже были в крови.

Лошади пронзительно заржали, многие из людей Эльрика бросились назад. Даже таркешские рыцари побежали с поля боя, за ними стал неумолимо отступать отряд жаркориан на быстрых конях. Немногочисленные оставшиеся в живых всадники шазариан ничего не могли предпринять, потому что были рассеяны по долине, в которой враги уже торжествовали победу. Вскоре только Эльрик, его имррирские воины и около сорока Белых Леопардов сражались против союзных сил.

Эльрик поднял рог и протрубил отступление. Потом он и Дайвим Слорм повели своих людей по долине. Белые Леопарды сражались до последнего. Юишиана сказала, что они знают, как убивать. Очевидно, они также знали, как умирать.

Неожиданно на другом конце долины, который должен был оставаться открытым, появились отряды противника. Это были свежие, еще не вступавшие в битву части. Путь к отступлению был закрыт.

Тогда Эльрик погнал свою лошадь вверх по холму, имррирцы следовали за ним. Это было спасением, потому что

дхариджорцы уже неслись навстречу своим основным силам, убивая всех, кто пытался спастись бегством.

Эльрик въехал на вершину холма, за ним следовали Дайвим Слорм и горстка имррирцев. Битва была проиграна. Минимальный перевес зла победил, и на века ужас поселился на западных землях Молодых Королевств.

Несколько дней спустя Эльрик, Дайвим Слорм, два имррирца и таркешский офицер, тяжело раненный в бок, захвативший в бою лошадь, с трудом ехали на едва шагающих усталых лошадях к горной цепи из острых пиков, которые чернели на фоне красного вечернего неба.

Они не разговаривали уже несколько часов. Таркешский офицер, очевидно, умирал, но они ничего не могли сделать. Он догадывался о близкой смерти, ни на что не надеялся, просто ехал с ними, пока были силы. Для таркешца он был высок, довольно твердо сидел в седле, алая клякса на боку казалось просто пятном грязи, тем более, что голубой металл его шлема и доспехов были забрызганы кровью врага, как и у остальных всадников. На бледном лице выступал острый нос, но глаза были закрыты от сильной боли, которую он испытывал. Хотя им хотелось быстрее добраться до гор, где они были бы в относительной безопасности, они не подгоняли лошадей из уважения к человеку, который так упорно боролся за жизнь.

Пришла ночь, гигантская луна поднялась над горами. На чистом небе ярко горели звезды. Они надеялись, что достигнут гор прежде, чем охотничьи тигры обнаружат их следы.

Эльрик был в мрачном настроении. Некоторое время завоеватели из Дхариджора и Чаши Звона будут заняты укреплением новых границ. Но потом их могущество начнет угрожать безопасности других народов Южного и Западного континентов.

Это покрывало тьмой судьбу мира. Кроме того, теперь Эльрик не представлял, где ему искать Зарозинию. Он вспомнил пророчество, часть которого уже сбылась. Но это была меньшая часть. Если они и дальше будут двигаться в том же направлении, то попадут в малонаселенные земли по ту сторону Джаркора. Был ли это путь его судьбы? Был ли здесь похититель его жены? «Там, за морем зреет битва. Кровь зальет все поле брани...»

Может быть, не вся кровь пролилась? И что за меч-близнец, который родственник Эльрика должен нести? Кто тот, кому не следовало жить?

Возможно, ответ был впереди в горах. В свете луны они въехали в ущелье и довольно скоро обнаружили пещеру, в которой можно было устроить относительно безопасный ночлег.

Утром Эльрик проснулся от звука, идущего снаружи, из ущелья. Он мгновенно вытащил меч и прокрался к выходу из пещеры. То, что он увидел, заставило его опустить меч. Он даже позвал человека, который шел по ущелью.

— Сюда, герольд! Мы друзья! Человек был одним из герольдов Юишианы. Его одежда была изорвана, броня помята. Он был без меча, без шлема — юноша с худым и усталым лицом. Он облегченно вздохнул, когда узнал Эльрика.

— Меня зовут Орозн. Милорд Эльрик, они говорили, что вы погибли.

— Хорошо. Это делает преследование маловероятным. Входи.

Теперь проснулся Слорм. Раненый умер ночью. Герольд зевнул и ткнул пальцем в труп.

— Если мы в ближайшее время не найдем пищу, у меня возникнет желание съесть вашего мертвого друга.

Герольд посмотрел на Эльрика, ожидая ответа на свою шутку, но, увидев его лицо, смутился и пошел подальше в пещеру.

Эльрик присел у входа на камень.

— Какие у тебя новости?

— Плохие новости, милорд. В Шазаре и Таркеше большие разрушения. Сталь и огонь побеждают эти народы. Мы завоеваны. Лишь очень маленькие отряды, вроде вашего, пытаются выстоять против врага, но скоро их сопротивление будет сломлено. Многие наши люди поговаривают о переходе на сторону врага. Такое вот отчаянное время пришло.

Эльрик кивнул.

— Где видно, чтоб завоеватель прощал побежденных, доверив ему оружие? Что с королевой Юишианой?

— Она погибла, мой повелитель. В доспехах простого рыцаря она билась, пока ее не разорвали на куски атакующие. Саросто взял ее голову на хранение и поместил с другими своими трофеями рукой Конрада, его брата, который выступил против него, глазам Пеника из Наргессера, который поднял свою армию против него в провинции. Теоократ Лерн приказал, чтобы всех пленных пытали до смерти и вешали на цепях по дорогам, как предупреждение против восстания. Они безбожники, милорд!

Эльрик крепко сжал губы, когда услышал это. Теперь было ясно, что надо ехать на Запад и что завоеватели скоро начнут его искать. Он повернулся к кузену. Его имррийская рубашка превратилась в тряпку, а левую руку покрывала сплошная корка засохшей крови.

— Наша судьба лежит на Западе, — сказал он тихо.

— Тогда поспешим, — ответил тот. — Иначе я боюсь, что мы погибнем в этом путешествии.

— Я понял кое-что, — сказал Эльрик, вспоминая свою схватку с Лерном. — Ягрин Лерн наверняка встречался с похитителями моей жены. И если он не пытался выручить ее, я отомщу.

— А пока, — сказал Дайвим Слорм, — давай поторопимся на Запад.

ГЛАВА 4

Они скакали по лесу весь день, избегая многочисленные охотничьи отряды, посланные завоевателями. Вечером оба имррица ушли, а герольд повернул на юг, чтобы нести свои мрачные новости дальше. Эльрик и его кузен были рады расстаться с ним, он был черезчур шумным и болтливым. На следующий день они оказались в лабиринте черных скал.

На черных камнях появился снег. Он делал тропинки скользкими и опасными. А вечером они вышли на место, где горы расступались, открывая широкую долину. Они с трудом стали спускаться по склону. Их следы на белом снегу были похожи на черные шрамы, дыхание лошадей становилось облачками пара.

Тогда-то они и заметили приближающегося к ним всадника. Одиноким всадник не представлял опасности, они остановились, поджидая его. К их удивлению, это был Орозн, одетый в новую одежду из волчьих шкур и на свежей лошади. Герольд приветствовал их дружеским жестом.

— Я искал вас обоих. Вы пошли более трудным путем, чем я.

— Откуда ты? — спросил Эльрик. Лицо юноши осунулось, кости, казалось, проступили через тонкую кожу. Он походил на волка в этих шкурах, даже его глаза светились.

— Здесь недалеко селение. Пойдемте, я провожу вас.

Они последовали за ним. Низкое солнце заливало скалы алым светом. Когда они достигли небольшой еловой рощи на другой стороне долины, наступила ночь. Орозн ввел их в рощу. И сейчас же из темноты раздались пронзительные крики. На них напала дюжина смуглых людей. Их одежда выдавала воинов Чаши Звона. Герольд привел их в засаду.

Эльрик поднял свою лошадь на дыбы.

— Орозн! Ты предал нас!

Герольд уже скакал прочь, бросив единственный взгляд назад. Эльрику показалось, что на лице у него застыло выражение гнева и жалости. Но рассмотреть как следует Эльрик

не успел Орозн быстро отвернулся и съехал вниз с покрытого влажным мхом холма во тьму ночи.

Эльрик поднял меч и отбил удар оббитой медью булавы. Его меч скользнул дальше и отсек пальцы атакующего. Островитянин завизжал, но Эльрик и Дайвим Слорм были окружены. Пока они сражались, Буреносец тихо и безжалостно пел о смерти.

Они очень ослабели за последние дни, даже злобы Буреносца было недостаточно, чтобы сделать Эльрика сильным. Он внезапно испугался, что его судьба может закончиться пленением. Он чувствовал, что этих воинов не было в пророчестве. Он не хотел умирать.

Даже то, что они решили сражаться, возможно, было ошибкой.

— Ариох! — крикнул он, взывая к демону-богу Мельнибона. Ариох! Помоги мне! Кровь и душу за твою помощь!

Но помощи не было. Тем временем Дайвим Слорм воткнул свой длинный меч в горло одного из нападавших. Другой воин бросился на него, но получил несколько рубящих ударов и вынужден был отступить. Дайвим Слорм крикнул:

— Почему мы взываем к богу, который оставил нас?

— Возможно, он решил, что наше время прошло! — крикнул Эльрик, пока его меч пил душу вражеского воина.

Они сражались, едва справляясь с противником, как вдруг новый звук привлек их внимание — стук приближающейся колесницы и тихие стоны.

Затем из темноты появились темнокожие люди с красивыми и необычными лицами. Плащи из лисьего меха развевались у них за спинами, открывая полуголые тела. Их дротики быстро покончили со всеми воинами Чаши Звона.

Эльрик вложил меч в ножны, раздумывая, остаться или пуститься в бегство.

— Это он, Белолицый! — крикнул черный возница, увидев Эльрика. Колесница подкатила, высокие лошади били ногами и фыркали. Эльрик подъехал к ним.

— Благодарю, — сказал он, почти падая с коня от усталости. — Но кто вы? И откуда знаете меня?

Предводитель одернул лисью накидку на обнаженной груди и улыбнулся тонкими губами.

— Мое имя Сепириту. О тебе мы знаем тысячи лет. Ты — Эльрик, последний император Мельнибона, не так ли?

— Это правда.

— А ты, — Сепириту повернулся к Дайвиму Слорму, — двоюродный брат Эльрика. Вы — последние, в чьих жилах течет кровь императоров Мельнибона.

— Да, — согласился Дайвим Слорм, в его глазах было любопытство.

— Мы просим вас проехать с нами, чтобы исполнилось пророчество.

— Вы похитители Зарозинии? — Эльрик достал меч. Сепиристу качнул головой.

— Но мы знаем и скажем тебе, где она.

— Сперва скажи, кто ты, — потребовал Эльрик. Сепиристу слегка улыбнулся.

— Я надеюсь, ты кое-что знаешь о нас. Твои предки и наши люди дружили в ранние годы Светлой Империи. — Он сделал паузу перед тем, как продолжить. — Вы слышали в легендах, возможно, имррирских, о Десяти из горы? Десяти, которые спят в огненной горе?

— Да, — кивнул Эльрик, — я знаю вас по описанию. Но там говорится, что вы спите. Как вы выбрались?

— Мы выехали из-за извержения вулкана, который бездействовал две тысячи лет. Движение в природе и на земле происходит все время, и так будет всегда. Мы знали, что пришло наше время, время проснуться. Мы — слуги Судьбы, и наша миссия связана с твоей судьбой. Мы несем послание от похитителей Зарозинии. Ты вернешься с нами в бездну Нихрейна, чтобы узнать все.

Эльрик подумал, а потом поднял свое белое лицо и сказал:

— Я требую мести, Сепиристу. Но если вы сможете сказать мне, где Зарозиния, я еду с вами.

— Тогда едем, — черный гигант дернул поводья лошади и повернул колесницу.

Путешествие в бездну Нихрейна заняло день и ночь. Наконец они добрались до огромной трещины в горах, которую избегали все — о ней ходили самые жуткие легенды, которые знали все, кто жил в горах. Повелители Нихрейна без колебаний направили колесницу вниз, в темные глубины.

На глубине полумили света уже не было, но они видели дорогу благодаря горящим факелам, которые освещали часть твердой скалы и высеченных на ней фресок. Стены коридора, по которому они ехали, были покрыты высеченными в незапамятные времена знаками и фресками. Когда они проехали еще дальше, они увидели город Нихрейна, который много веков не видел ни один человек сверху, но который упоминался в старинных песнях и всегда внушал страх. Последние из Нихранов жили здесь — Десять людей старой расы, более старой, чем мельнибонийцы, их история насчитывала двадцать тысяч лет.

Каменное небо над городом поддерживали колонны, вырубленные из цельных скал. Между ними стояли гигантские

статуи. Огромные, связанные сложной сетью переходов балконы нависали над площадями города. Они проехали на колеснице через внушительные ворота и оказались в пещере, которая имела более привычный вид даже по мнению имррирцев. Здесь появились рабы, которые так же, как и их хозяева, спали тысячелетним сном, но пробудились, когда это было необходимо. Они не очень даже походили на людей, которых знал Эльрик.

Сепириту передал вожжи рабу и сошел с колесницы. Эльрик и Дайвим Слорм тоже спешили, бросая вокруг опасливые взгляды.

Сепириту сказал:

— Сейчас — в мои палаты, и там я сообщу вам то, что вы желаете знать и что вы можете сделать.

Сепириту проводил их по галерее в большую комнату, уставленную черными скульптурами. В огромном камине пылали целые бревна, бросая на стены неверные блики света. Сепириту разместился перед огнем на вырезанном из тяжелых эбонитовых плит стуле и предложил гостям сесть на два таких же стула. Затем он пристально оглядел зал, возможно, вспоминая его историю.

Немного сердясь и не скрывая этого, Эльрик напомнил:

— Прости, Сепириту, но ты обещал нам что-то рассказать.

— Да, — сказал Сепириту. — Но я так много должен сказать, что мне надо сделать паузу, чтобы собраться с мыслями. — Он молчал довольно долго, потом поудобнее устроился на стуле и приготовился рассказывать.

— Мы знаем, где ваша жена, — сказал он. — И знаем, что она невредима. С ней ничего не случится, пока она будет нужна для того, чтобы получить то, что у вас есть.

— Расскажи мне всю историю, — холодно попросил Эльрик.

— Мы были друзьями с вашими предками, Эльрик. И мы друзья с тем, кто их сменил и забыл, какой меч он носит.

Эльрик был озадачен. Годами он пытался освободиться от рунного меча, но это никогда не получалось. Все его усилия были напрасны, и он вынужден был пользоваться Буреносцем, покорившись неизбежному. И хотя меч давал ему жизненную силу, но от этого Эльрик мог вполне отказаться, а пользоваться старым своим способом — травами и другими снадобьями.

— Вы избавились бы от своего меча, Эльрик? — спросил Сепириту.

— Конечно, если бы знать как.

— Тогда послушайте меня. Мы знаем, кто и для чего выковал этот меч. Точнее, эти мечи. Они были сделаны для

особых целей и особыми людьми. Только мельнибонийцы могли носить их, и только особы, принадлежащие королевскому дому.

— Но на какое-то особое назначение мечей в мельнибонийских историях нет даже намека, — ответил Эльрик, наклоняясь вперед.

— Некоторые секреты хорошо охранялись, — сказал спокойно Сепириту. — Эти мечи были выкованы для уничтожения существ, которые послужили началом. Среди них были Мертвые Боги.

— Мертвые Боги... Но вы должны знать, что они погибли много веков назад.

— «Погибли» — вы сказали? Да, в терминах человека они погибли. На самом же деле, они выбрали смерть, чтобы освободиться от материального существования, и опустили свое жизненное естество в темноту вечности, в те дни это казалось им разумным поступком, они были полны страха.

Эльрик не знал, для чего Сепириту говорит это, но слушал внимательно.

— Один из них вернулся, — сказал Сепириту.

— Почему?

— Любой ценой ему нужно получить две вещи. Они — источник постоянной угрозы для него, а также для его сородичей. Где бы они ни были, эти две вещи могут им повредить.

— Что это?

— Два меча — рунный и колдовской — Меч Печали и Буреносец.

— Этот? — Эльрик потрогал свой меч. — Почему боги боятся его? А также другого, которым на Лимбо дрался мой двоюродный брат Иркиан, которого я убил много лет назад? Он потерян.

— Мы взяли его — он часть предназначения Судьбы. И держим его здесь, в Нихране. Мечи были выкованы твоими предками, которые выгнали Мертвых Богов. Эти кузнецы были вынуждены сражаться злом против зла, хотя служили не Хаосу, а Закону. Они выковали мечи по нескольким причинам, но освободить мир от Мертвых Богов была одна из них!

— А другие причины?

— Это ты узнаешь со временем. Пока не все в твоей судьбе будет тебе раскрыто. Мы не должны открывать другие причины, пока не настало время. У тебя опасная судьба, Эльрик, и я не завидую тебе.

— А какое послание есть у вас? — нетерпеливо спросил Эльрик.

— Теократ Ягрин Лерн дал возможность одному из Мертвых Богов вернуться на Землю. Он же собрал для него свиту. Кто-то из этих новоявленных демонов и похитил твою жену.

Эльрик почувствовал отчаяние. Был ли он действительно настолько силен, чтобы выступить против них?

— Почему? — прошептал он.

— Дарнизхаан знает, что значит для тебя Зарозиния. Он хочет обменять ее на два меча. Мы в этом деле только вестники. Мы можем отдать меч, который хранили, Дайвиму Слорму, ведь вы оба принадлежите королевской линии. Условия Дарнизхаана просты. Если вы не отдадите ему мечи, угрожающие его существованию, он сошлет Зарозинию на Лимбо. Она погибнет, но это не будет смерть, которая известна людям — она будет умирать вечность.

— Что случится, если я соглашусь?

— Тогда все Мертвые Боги вернутся. Только сила мечей удерживает их от искушения вернуться.

— А что случится, если вернутся Мертвые Боги?

— Даже без Мертвых Богов Хаос угрожает завоевать планету, но если Мертвые Боги будут с ним, он будет абсолютно непобедим. И это случится сразу. Зло войдет в мир. Хаос погрузит Землю в зловоние, ужас и разрушение.

— Вы надеялись на победу армии Юишианы и разгром Саросто и Ягрин Лерна?

— Точно. У Ягрин Лерна договор со своими повелителями Хаоса, не только с Мертвыми Богами. Хаос боится планов Судьбы на ближайшее будущее Земли и стремится стать доминирующим на этой планете. Повелители Хаоса и так достаточно сильны, без помощи Мертвых Богов. Дарнизхаан должен быть уничтожен.

— У меня нет выбора, Сепириту. Если я отдам Буреносца, я, вероятно, выживу с помощью трав и всего остального. Но если я не отдам Зарозинию, тогда Хаос выступит во всей своей полноте, и на моей совести опять буду ужасные преступления.

— Вы должны выбрать решение.

Эльрик думал долго и наконец сказал:

— Принесите другой меч.

Когда принесли меч, который почти не отличался от Буреносца, Сепириту сказал:

— Итак, Эльрик, пророчество сбылось, вот — Меч Печали.

— Да, вот близнец того, что я ношу на бедре. Но последняя часть пророчества — куда мы должны идти?

— Хотя Мертвый Бог и силы Хаоса знают, что мы владели Мечом Печали, они не знают, кому мы на самом деле служим. Судьба, как я уже говорил тебе, меняет вид Земли. Но она может ошибаться, и мы видим, что сейчас Судьба обманывается. А что касается твоей судьбы, то, что бы ты ни решил,

мы должны будем рассказать тебе о ней, когда на обратном пути ты вернешься в Нихрейн.

— Ты хочешь, чтоб я вернулся?

— Да.

— Дай мне Меч Печали, — быстро сказал Эльрик.

Сепириту отдал меч, и Эльрик, стоя с двумя близнецами в руках, некоторое время взвешивал их. Оба меча, казалось, стонали от силы, переполнявшей их, так что ему казалось, в его тело вливается твердое, неукротимое пламя.

— Я вспомнил, как держал их обоих. Их сила больше, чем я представлял. Если соединить силы, мы сможем использовать их против Мертвых Богов. — Он нахмурился, но не более чем на мгновение, и пристально посмотрел на Сепириту. — Теперь ты скажи мне, где Дарнизхаан?

— Долина Ксейнав в Муррхне!

Эльрик передал Меч Печали Дайвиму Слорму.

— Что ты выберешь? — спросил его Сепириту.

— Кто знает? — ответил Эльрик с горьким весельем. Возможно, это будет путь победы над Мертвым Богом. — Эльрик подумал немного и добавил: — Но я скажу тебе, Сепириту, — если мне представится удобный случай, Бог будет сожалеть о том, что вернулся домой. Он не учел эмоции, именуемой ненавистью. А ненависть Эльрика из Мельнибона и его меча Буреносца могут разрушить мир.

Сепириту встал со своего стула, его брови поднялись:

— Это Боги, Эльрик. Может ли что-либо разрушить Богов?

ГЛАВА 5

Эльрик ехал, похожий на ворона, худой и прямой, на массивном коне Нихрейна. Его мрачное лицо было похоже на маску, но малиновые глаза горели, как угли в глазных впадинах. Ветер трепал его волосы, но он сидел прямо, глядя вперед и держа ладонь на рукояти Буреносца.

Дайвим Слорм, который нес Меч Печали с гордостью, временами чувствовал, что его лезвие обращалось к своему брату. Тогда он вздрагивал, а представив, что может меч сотворить с ним, убирал свою руку подальше от оружия, как только мог.

Границы Муррхна охранял отряд дхариджорских наемников. Заметив Эльрика и Дайвима Слорма, разезд завоевателей направился к ним. Это были сильные воины самого угрожающего вида. Черные плюмажи их шлемов раскачивались в такт бега их коней, широкие ремни скрипели, металл кляцкал. Предводителем оказался косоглазый, агрессивный увалень с топором на поясе.

Эльрик остановил лошадь, кошачьим движением вытащил Буреносец. Дайвим Слорм проделал то же самое, глядя на смеющихся людей. Он был удивлен тем, как легко меч выскочил из ножен.

Затем без предупреждения Эльрик набросился на противника. Он ударил быстро и умело, рассек предводителя от плеча до живота. Потом одним рывком освободил оружие и тряхнул мечом так, что небольшие брызги крови разлетелись во все стороны. Предводитель отряда наемников даже не понял сначала, что произошло. Потом он закричал и повалился с коня, запутавшись одной ногой в стремянах.

Буреносец громко замурлыкал от удовольствия, и Эльрик вновь пустил свое оружие в ход. Против Черного Меча эти расслабленные вояки, привыкшие больше к грабегам, чем к схваткам, имели очень мало шансов.

Дайвим Слорм не привык к ощущению, которое давал Меч Печали, он пытался действовать им, как обычным мечом, но тот отказывался от этой помощи, сам наносил удары куда лучше хозяина. Слорм впервые ощутил необыкновенное чувство силы, исходящее мечом, которое вливалось в него вместе с холодом. Действительно, предки должны были пользоваться в битвах чем-то похожим на это оружие.

Стычка закончилась быстро. На земле остались только трупы.

Путники прибыли на землю Муррхна.

Не отвечая кузену на его редкие, случайные вопросы, Эльрик думал об относительности времени, о своем прошлом, настоящем и будущем и обо всем в целом. Он был подозрителен к модели, которая сложилась у него в голове, и не доверял ей. Для него жизнь была хаосом, где господствовал случай, где все было непредсказуемо. Жизнь была иллюзией разумности, и нужны были незаурядные способности, чтобы увидеть ее узоры.

Он знал, что физически и физиологически нуждается в этом мече. Это было признание его слабости, отсутствия уверенности в себе, но имело и философскую причину. Он думал о себе реально.

Черной ночью, когда бушевал злобный ветер, они приехали в долину Ксейнав. И тогда все — небо, земля, воздух — изменилось, путники не сразу поняли, что зазвучала тяжелая, пульсирующая музыка. Казалось, зазвенели гигантские струны. Тогда белолицый поехал на эти звуки.

Навстречу путешественникам ехали всадники в мантиях с капюшоном, у каждого был меч с тремя разделяющимися концами, и каждый из них ухмылялся. Музыка следовала за ними и становилась все громче. Эльрик видел в жизни много

ужасов, видел такое, что могло свести с ума обычного человека, но в этих всадниках было что-то, потрясшее его больше, чем многое из пережитого им. Это были люди, обычные люди, но люди, захваченные сатанинским духом.

Приготовившись защищаться, Эльрик и Дайвим Слорм достали мечи и остановили лошадей. Но люди, скачущие, как лавина, и музыка, которая следовала за ними, промчались мимо по направлению к Джаркору.

Потом Эльрик услышал удары ветра, хотя, может быть, это были крики. И они увидели, что всадники поскакали дальше, оставив позади двух женщин из господствующей в Муррхне расы. Вид этих женщин не понравился Эльрику — их крылья были начисто отрублены. Они не обратили внимания на двух всадников и ушли в ночь. Их глаза были пусты, а лица казались лицами душевнобольных.

— Что случилось, Эльрик? — спросил Дайвим Слорм, перекладывая меч из руки в руку, чтобы лучше управлять беспокойно рвущейся лошадью.

— Я не знаю, что происходит там, где правит вернувшийся Мертвый Бог.

Ночь была наполнена движением и ужасом.

— Вперед! — Эльрик хлопнул своего скакуна мечом и погнал его галопом. Борясь со страхом, он гнал лошадь в этой ужасной ночи.

Громкий смех оглушил их, когда они проехали между холмами в долине Ксейнав. Долина была черной, как смоль, и холмы вокруг нее казались часовыми. Друзья замедлили бег лошадей, так как почти теряли сознание от музыки. Эльрик позвал брата, в этом реве он не был уверен, что они не разъехались. Вновь раздался смех — безумный грохот, от которого тряслась земля. Так могло быть, если бы планета плясала в безумном веселье.

Эльрик не удивился, если бы этот путь оказался западной, которую подстроил Мертвый Бог. Что доказывало, что Зарозиния была здесь? Почему он доверился Сепириту?

Но затем высоко в небе появилась гигантская фигура. Руки на бедрах, светящееся золотом лицо обезьяны, смеющееся, но наполненное странным достоинством и диким величием. Это и был он — Дарнизхаан, Мертвый Бог!

— Эльрик!

— Дарнизхаан! — крикнул Эльрик, подняв голову, пристально вглядываясь в лицо Мертвого Бога. Сейчас он не чувствовал страха. — Я пришел за своей женой!

У ног бога кружили прислужники с толстыми широкими губами и бледными лицами, в конусообразных шляпах и безумием в глазах. Они хихикали, пронзительно визжали и жа-

лись к свету, исходящему от гротескного и прекрасного тела Мертвого Бога.

— Ты пришел просить, чтобы я не сделал ее смерть вечной?

Эльрик не показал своей ненависти.

— Я пришел требовать, а не просить. Я могу убить тебя, возможно, это будет самое разумное...

Мертвый Бог улыбнулся почти с жалостью.

— Скорее всего, ты сам погибнешь, Эльрик. Ты анахронизм. Твое время прошло.

— Говори о себе, Дарнизхаан.

— Я могу уничтожить тебя.

— Но не сделаешь этого, — без ненависти начал Эльрик, чувствуя, что они оба — он и Мертвый Бог — представляли время, которое прошло, но также были частью и нового мира.

— Тогда я убью ее, — сказал Мертвый Бог. — Я могу сделать это безнаказанно.

— Где она?!

От мощного смеха Мертвого Бога затряслась долина.

— Было время, когда Мельнибонийцы не думали о звериных расах, новых расах, которые образовали Молодые Королевства. Что? Ты спариваешься с животными, король Мельнибона? Где твоя кровь, твоя жестокая и чистая кровь? Где прославленная злоба? Где зло, Эльрик?

Эльрик почувствовал странную раздвоенность, когда вспомнил предков, императоров-колдунов Острова Драконов. Он понимал, что Мертвый Бог намеренно пробуждает в нем сомнения, и с усилием отказался додумывать до конца эту мысль. Он крикнул:

— Новое время пришло на землю!

— Нет, Эльрик! Все, что случилось — знак моего мира. Светает, и скоро в утреннем свете пронесется жизнь, похожая на смерть. Земная история начиналась неровно. Ты, твои предки, и эти люди новой расы — вы ничто, — прелюдия истории. Вы забудете настоящую историю в мире грядущем. Мы завоюем Землю, удерживая ее от Повелителей Закона, от Судьбы, от Космического Равновесия, — мы можем жить, но для этого ты должен отдать мне мечи.

— Я пришел сюда, — ровно сказал Эльрик, — заключить сделку или сразиться за свою жену.

— Ты не понимаешь, — расхохотался Мертвый Бог. — Мы все люди и боги — марионетки перед началом настоящей игры. Не нужно сражаться со мной. Насколько я знаю, мы — части одной Судьбы. Мы сражаемся с другими. Это так, Эльрик, — в прошлом, настоящем и будущем!

Эльрик потрянул головой.

— Я хочу вернуть свою жену, и твои загадки не имеют к этому никакого отношения.

Мертвый Бог засмеялся вновь.

— Ты не получишь женщину, если я не получу мечи. Ты не понимаешь их свойств. Они сделаны не только для того, чтобы убить или изгнать нас. Их создали, чтобы разрушить мир, который мы знаем. И ты, Эльрик, будешь ответственным за возникновение мира, который придет за тобой.

— Я рад этому, — ответил Эльрик.

Дайвим Слорм сейчас не понимал Эльрика. Аргументы Мертвого Бога казались убедительными. Дарнизхаан встряхнулся так, что золотой свет стал ярче и светлее.

— Когда у меня будут мечи, мы не будем ни о чем спорить, — сказал он нетерпеливо.

— Ты думаешь, — Эльрика был упрям, — я хочу, чтобы обо мне помнили? Помнили о зле и разрушениях? Помнили о человеке с бессильной кровью в жилах, о человеке, которого называли убийцей друзей, убийцей женщин и другими подобными именами?

Теперь Мертвый Бог говорил почти с ужасом:

— Эльрик, ты обманываешься, ты должен быть с нами. Только Повелители Хаоса могут установить власть, при которой мы выживем.

— Я не боюсь! Где моя жена? — Эльрик больше не хотел слушать и понимать Мертвого Бога. Он должен, всего лишь, спасти Зарозинию.

— Я отдам мечи, — сказал он, — но хочу, чтобы мне вернули мою жену.

— Очень хорошо. — Мертвый Бог с облегчением улыбнулся. Лучше мы будем хранить мечи в их подлинной форме в измерении, далеком от Земли. Если они останутся у тебя, тогда развитие неизбежно начнется снова. Звери станут управлять Землей, и наступят века сумрака. Мы не хотим, чтобы это произошло.

Эльрик крикнул:

— Для бога ты говоришь слишком много. Возьми мечи и верни мне жену.

По знаку Мертвого Бога несколько слуг бросились куда-то в темноту. Он ждал. Наконец они вернулись и принесли Зарозинию. Они посадили ее на землю, и Эльрик с болью увидел, что она почти не понимает того, что происходило вокруг нее.

— Зарозиния!

Ее взгляд долго выискивал того, кто позвал ее. Увидев Эльрика, она попробовала подняться на ноги, но слуги держали ее, хихикая.

Мертвый Бог протянул вперед пылающие руки.

— Мечи!

Эльрик и Дайвим Слорм положили мечи на его ладони.

Мертвый Бог выпрямился и взревел от радости. Зарозинию отпустили, и она побежала к мужу, плача и дрожа. Эльрик обнял ее, стараясь успокоиться.

Затем повернулся к Дайвим Слорму и сказал:

— Давай посмотрим, сработает ли наш план, кузен! — Эльрик начал: — Буреносец! Кера насолемо, глара...

Буреносец стал биться в руке Дарнизхаана. Дайвим Слорм также позвал Меч Печали на древнем языке Мельнибона, мистическом, колдовском языке, который употреблялся в рунных письменах. Так призывали демонов в Мельнибоне десять тысячелетий истории Города Мечты.

Мечи старались вернуться назад, их форма менялась, иногда они становились немного похожими на человека, иногда — на зверя, некоторое время они были ни на что не похожи.

Мертвый Бог тоже боролся. Сначала он пытался не выпустить их из рук, потом, когда понял, что не может удержать эти меняющиеся формы, попытался измениться сам. Но было поздно. Мечи успели повернуться к нему остриями и постепенно становились все свободнее. Он боролся против них, отводил их в сторону, но они уже кружили в воздухе, визжа и атакуя его со злобной силой. Тогда, по команде Эльрика Буреносец рубанул Бога и, задержавшись лишь на мгновение, Меч Печали повторил удар. Раны, которые они наносили Мертвому Богу, были ужасны, если бы он не был сверхъестественным существом, он давно должен был бы умереть.

— Эльрик! — кричал он. — Эльрик, ты не знаешь, что делаешь! Останови их, останови! Выслушай, что я расскажу тебе!

Но Эльрик с ненавистью и диким торжеством приказывал мечам погружаться в тело Мертвого Бога, пока его золотой свет не начал тускнеть. Его слуги бросились врассыпную, их повелитель был обречен. Каким-то образом Мертвый Бог собрался с силами и попытался ударить людей, но боль, которую он испытывал, не позволила ему даже дотянуться до них. Наконец его тело стало разваливаться под ударами мечей. Клочки его плоти разлетались в стороны и уносились прочь, растворяясь в ночи.

— Дураки! Уничтожая меня, вы убиваете себя!

Но Эльрик не слушал. С мрачным торжеством он следил, как мечи развеивают остатки Мертвого Бога, и потом, с утробным урчанием довольных животных, возвращаются назад, в руки своих хозяев.

Эльрик быстро, с внезапной дрожью, убрал в ножны Буреносец. Потом помог своей жене сесть позади него на коня и поскакал назад. В долине Ксейнав стояла тишина.

ГЛАВА 6

Три человека, согнувшись в седлах от усталости, достигли бездны Нихрейна через день. Они съехали вниз в темные глубины подземного города и были встречены Сепириту.

— Хорошо, Эльрик, — сказал он, чуть-чуть улыбаясь.

Эльрик помог Зарозинии слезть с коня, потом повернулся к Сепириту.

— Я не совсем доволен, — сказал он мрачно, — хотя и спас свою жену. Я хочу поговорить с тобой, Сепириту, без свидетелей.

Сепириту кивнул: — Когда вы поужинаете, мы поговорим одни.

Братьев Сепириту не было. Он объяснил их отсутствие, когда привел путешественников в палату.

— Слуги Судьбы, они призваны в другие измерения, где смогут наблюдать несколько отличное от нашего будущее Земли, и принесут информацию, которая многое определит здесь.

Они поели в полном молчании. Потом Зарозиния и Дайвим Слорм ушли, оставив их одних.

Огонь пылал в огромном камине. Эльрик и Сепириту долго сидели на эбонитовых стульях, ничего не говоря друг другу. Потом Эльрик рассказал Сепириту все, что произошло в долине Ксейнав, и пересказал все слова Мертвого Бога. Они казались ему правдой.

Когда он закончил, Сепириту кивнул.

— Это так, — сказал он, — Дарнизхаан говорил правду. Даже скорее так — он говорил больше правды, чем понимал.

— Ты думаешь, скоро все мы перестанем существовать? А что будет с нашими мыслями, легендами, традициями?

— Они тоже уйдут из этого мира.

— Но почему? Это кажется несправедливым.

— Кто спрашивает меня о справедливости в мире?

Эльрик улыбнулся. Овладевшие им подозрения подтвердились.

— Конечно, я не ожидал, что все будет справедливо, но пере черкнуть жизнь тех, кто ни в чем не виноват?

— Но так будет, — сказал Сепириту. — Справедливость не бывает сама по себе, ее можно извлечь лишь из существующего Хаоса. Человек родился в несправедливом мире, но он понимает это, и поэтому может создать новый мир.

— Я согласен, — сказал Эльрик. — Но если нам всем суждено умереть, зачем тогда все наши муки, страдания и усилия наших предков?

— Ну, кто-то все-таки останется и унаследует кое-что от нас. Но от большей части нашего мира — освободится.

— От чего именно?

— Земля свободится от магических сил Хаоса.

— Ты хочешь сказать, мир освободится от колдовства?

— Хаос и колдовство не будут господствовать в мире будущего, как в нашем мире.

— Тогда за это стоит бороться, Сепириту, — сказал Эльрик с облегчением.

— Но все-таки, какую роль играют в этом мире рунные мечи?

— Они имеют два предназначения. Одна — освободить мир от великого превосходства колдовского зла...

— Но они — сами зло!

— Они используют зло против зла — это так. Но придут дни, когда силы справедливости одолеют их зло, потому что оно не способно победить ничего, кроме худшего зла. Это совсем другое, Эльрик. Все, что я сейчас могу сказать — мы должны бороться.

— А второе предназначение мечей?

— Их окончательная цель — разрушить этот мир.

Эльрик вскочил.

— Нет, Сепириту, я не верю. Возможно, это новое преступление будет на моей совести?

— Это не преступление, просто такова природа вещей. Время Светлой Империи, даже время Молодых Королевств, подходит к концу. Хаос сформировал эту Землю, и Хаос правил на ней многие тысячелетия. Но теперь человек положит конец этому правлению.

— Мои предки поклонялись силам Хаоса. Мой демон-покровитель Ариох — Герцог Хаоса!

— Это было. Но в каком-то поколении твои предки усомнились в Хаосе, и теперь ты служишь Хаосу, но не предан ему. Ты можешь управлять силами Хаоса, уже не подчиняясь им. В то же время, ты можешь ослабить Хаос — потому что знаешь его свойства и особенности. Если бы твоя раса поклонялась Повелителям Закона, они первые принесли бы в этот мир частицу доброты. Люди Молодых Королевств унаследовали бы ее и укрепили. Конечно, Хаос пока сильнее. Буреносец и Меч Печали древнее, чем моя и твоя расы. Но новая история приведет к появлению новых людей, хотя сначала они будут более похожи на зверей. И когда это произойдет, Земля будет вращаться в мире, лишенном колдовских сил Хаоса.

— Так вот что Дарнизхаан имел в виду, когда сказал, что мы — марионетки перед настоящим началом истории... — Эльрик глубоко вздохнул. Ему не нравилась ответственность, лежащая на нем.

Сепириту сказал мягко:

— Эльрик из Мельнибона, до сих пор ты жил без цели, метался, не знал что делать, не так ли? Теперь ты знаешь свое место, как бы не было тебе тяжело.

— Пожалуй, — согласился Эльрик, легко улыбаясь.

— И учти, — сказал Сепириту. — Твоя цель — цель судьбы. Разрушив все, ты, последний из императорской династии Мельнибона, выполнишь свою работу по созданию времени, которое последует за этим. Да, мир покроет тьма, океаны закипят, и леса выгорят до корней, горячая лава польется из тысячи гор, а ветры обретут злобу. Войны, чудовищные, превосходящие всякое понимание не только людей, но и Богов, охватят все континенты. Всем людям Земли будет казаться, что Хаос окончательно и навеки победил. Но это и будет победа — для тебя одного, для тебя и твоего Буреносца.

— Я согласен сыграть свою партию, — сказал Эльрик. — Но что будет с Зарозинией, со мной, с нашими странами?

Сепириту сказал:

— Скоро все армии выступят против сил Чаши Звона. И тогда ты сможешь дать отдых своей Судьбе.

— Я хочу заплатить Теократу за все боли и унижения, которые он причинил мне. Хотя, возможно, не он составил план похищения Зарозинии, но он замешан в этом, и его смерть будет медленной.

— Тогда действуй быстрее, каждый час позволяет Теократу укрепить свою империю.

— Ну что же, прощай, — сказал Эльрик. — Я знаю, мы встретимся снова, Сепириту, но, надеюсь, это будет в более спокойные времена.

Трое ехали на восток, вперед к морскому берегу Таркеша, где надеялись найти корабль, который перевез бы их через Бледное море в Илмиор, и затем они добрались бы до Каарлаака в Плачущей Пустыне. Они ехали на своих нихрейнианских конях через опустошенный войной край, не обращая внимание на опасности.

Эльрик и Зарозиния обменивались быстрыми взглядами, но ничего не говорили. Она уже догадалась, что по возвращению в Каарлаак у них будет не много времени до следующего расставания. Она видела, что он печален, и печалилась вместе с ним, не понимая его целей, только зная, что черный меч будет еще долго висеть у него на бедре. Она знала, что ей будет не хватать его, но ей придется с этим примириться.

Однажды с вершины холма они увидели черный и густой дым, текущий с равнин Тораунза, некогда прекрасных, а сейчас совершенно обезлюдевших. Дайвим Слорм сжал кулаки и негромко сказал:

— Эльрик, мы должны отомстить Теократу и его банде.

Эльрик ответил: — Конечно, — и быстро взглянул на Зарозинию, глаза которой были опущены.

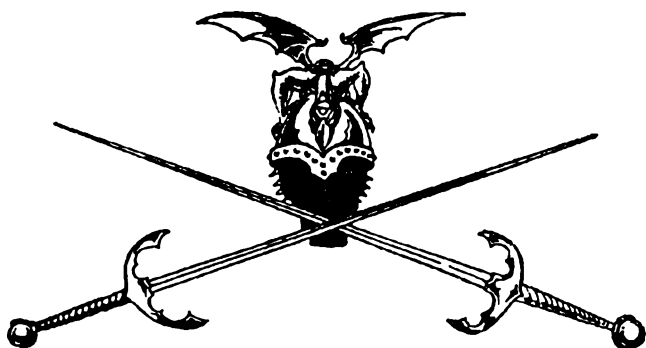
Теперь западные земли от Таркеша до Муррхна находились в рабстве Хаоса. Были ли правдой слова о последней войне, после которой Закон, а не Хаос будет доминировать в будущем? Силы Закона были слабы и разрозненны. Смогут ли они разрушить на Земле великих Повелителей Зла? Что за Рог Судьбы затрубит предвестником в ночи?

Сепириту, несомненно, знал. Но не сказал, когда придет это время. А пока в мире решались привычные проблемы. Земли на Востоке готовились к войне. Морские Повелители Лиловых Портов искали помощь, Короли Южных Болот нападали на Западный континент.

Отчасти Эльрик был рад своей миссии. Но в то же время ему не хотелось служить орудием против Молодых Королевств, не хотелось предавать смерти память об эпохе Светлой Империи, жители которой были его предками и господствовали на Земле десять тысяч лет.

Неожиданно в воздухе появился резкий запах соли, слышались крики чаек, и путешественники выехали к морю, которое как и миллионы лет назад катило беспокойные волны туда, где горизонт, казалось, сливался с небом.

С радостным криком он хлопнул по боку коня и поскакал вперед.

КНИГА ВТОРАЯ

БРАТСТВО ЧЕРНЫХ МЕЧЕЙ

В которой Меч Печали возвращается,
чтобы решить спор между
Эльриком и Богами Хаоса...

ГЛАВА 1

Однажды собрались вместе король и военачальники в мирном городе Каарлааке в Илмиоре, на краю Плачущей Пустыни.

Они собрались не на пышную церемонию. Они пришли с угрюмыми лицами, спешно отозвавшись на призыв Эльрика, который жил неподалеку от Каарлаака со своей недавно спасенной женой Зарозинией. Зал, куда их пригласили, был велик. Прежние правители Каарлаака планировали в нем войны. С этой же целью Эльрик использовал его и сейчас.

Освещенная колеблющимся светом факелов громадная карта мира лежала перед подиумом, на котором стоял Эльрик. На

ней были три главных континента — Восточный, Западный и Южный. Западный континент, на котором находились Джаркор, Дхариджор, Шазар, Таркеш, Муррхна и остров Чаша Звона, был залит темной краской, потому что все эти земли были захвачены Империей Чаша Звона в союзе с Дхариджором, которая теперь угрожала и безопасности Каарлаака.

Некоторые из людей, стоящих перед Эльриком, были изгнаны с завоеванных земель, но таких было немного. Было также несколько имррирских родственников Эльрика, которые участвовали в Битве на Секюа и были рассеяны с основной массой армии, которая пыталась сопротивляться мощи дьявольского союза. Главой жутких имррирцев остался Дайвим Слорм. На его поясе вложенный в прочные ножны висел Меч Печали, двойник того, что носил Эльрик.

Здесь были также и Монтан, Лорд Лормира, стоящий рядом с дружественными правителями из Южноземелья — Джернедом из Филкора, Хозелом из Аргимилиара и Колтаком из Пикарайда, одетые в разукрашенную сталь, бархат, шелк и шерсть.

Морские Лорды с Острова Пурпурных Городов были в менее пестрых одеждах, в шлемах и нагрудниках из бронзовых пластин, кожаных куртках, брюках и сапогах из прекрасно выделанной кожи, а также с массивными палашами на боках. Лица у них были скрыты длинными вьющимися бородами.

Все эти короли и Морские Лорды, как один, чуть наклонившись, внимательно и подозрительно глядели на Эльрика, который когда-то успешно отбил набег их предшественников на Имррир, хотя это позволило передать власть и троны многим из тех, кто сейчас стоял перед ним.

В другой группе находились короли той части восточного континента, которая лежала западнее пустыни Вздохов и Плачущей Пустыни.

За этими бесплодными пространствами располагались земли королевства Ешмира, Чангшан и Окара, но ни у кого из присутствующих не было контакта с той частью мира, и выгода от них была невелика.

Позади всех стоял человек с темными красными волосами, друг Эльрика Мунглум из Эльвира, искатель приключений с Востока.

Регент Вилмира, дядя десятимесячного короля, возглавлял последнюю группу, состоявшую из сенаторов городов-государств, составляющих Илмиор. Одетый в красное лучник Ракир представлял город Танелорн. Были также разные торговые Принцы из городов, находящихся под управлением Вилмира, как протектораты.

Это обширное собрание представляло основные силы ми-

ра. Но будет ли оно способно, размышлял Эльрик, уничтожить угрозу, набирающую силы на Западе? Его белое лицо альбиноса было строгим, его горящие красные глаза беспокоили тех, кого он просил прибыть сюда.

— Как вы уже знаете, Лорды, опасность со стороны Чаши Звона и Дхариджора по-видимому не ограничивается Западным континентом, они алчут большего. Хотя прошло только два месяца после их победы, они уже построили и оснастили огромный, хорошо вооруженный флот.

Он бросил быстрый взгляд на морских лордов Пурпурных городов, королей Южного континента.

— Мы на Востоке, как мне кажется, недооценили опасность их ближайших планов, и если сейчас не объединимся, они могут завоевать южные Морские районы, а затем захватить города Востока. Мы должны создать союз, который сможет противостоять их усилиям.

— Как тебе удалось узнать их планы, Эльрик? — Голос принадлежал Хозелу из Аргимиллиара, человеку с гордым лицом, которое иногда искажала молниеносная судорога — он был потомком дюжины кровосмесительных союзов.

— Шпионы, беглецы и сверхъестественные силы — они все подтверждают это.

— Даже без этих сообщений мы можем быть уверены, что это действительно их планы, — проворчал Карган Остроглазый, представитель Морских Лордов. Он смотрел прямо в лицо Хозела с чувством, близким к презрению. — Ягрин Лерн из Чаши Звона вполне может подыскать себе союзников из южан. Там есть такие, кто готов преклонить колени перед иноземными завоевателями при угрозе потерять власть и сокровища.

Хозел холодно улыбнулся Каргану.

— Есть такие, чья подозрительность может заставить их сидеть сложа руки, пока не станет слишком поздно.

Эльрик поспешно вмешался, пытаясь погасить готовую вспыхнуть вражду между упрямыми Морскими Лордами и их более податливыми соседями.

— Но самое худшее, что они могут сделать с нами — это внести раздор в наши ряды, братья. Хозел, прими мои уверения в том, что я говорю правду, и что моя информация точна.

Монтан, Лорд Лормира, старик с седыми бровями и бородой, сказал надменно:

— Вы на Севере и на Востоке слабы. Мы, на Юге, сильны. Почему мы должны предоставлять наши корабли для защиты вашего побережья? Я не могу согласиться с твоей логикой, Эльрик.

— Я думаю, мы не будем возвращаться к прежним спорам,

сказал Эльрик, еле сдерживая гнев. Чувство вины за прежние поступки мучило его.

— Конечно, — добавил Карган, — люди, которые не могут забыть прошлое, не смогут планировать и будущее. Я считаю логику Эльрика безупречной.

— Ваши торговцы всегда очень небрежны с кораблями, а также лживы, когда льстят вам. Вот почему вы завидуете нашим богатствам. — Молодой Джернед из Филкхора улыбнулся в редкую бороду, глядя вверх. Карган возмутился.

— Вы раздулись от выгоды, извлеченной из нашего пота! Боги! Разве можно верить южанам?

Эльрик хотел прервать его, но сам был прерван Хозелом, который нетерпеливо сказал:

— Теократ, кажется, действительно готовит первую атаку на Востоке. Причина — Восток слаб. Восточные территории ближе к его берегам и поэтому более доступны. Вот почему он не хочет рисковать своими силами, посылая их против сильного Юга?

— Его корабли, — сказал Эльрик хладнокровно, — защищены магией, и расстояния для них несущественны. Вот потому, что Юг богат и имеет запасы металлов, пищи...

— Вы думаете, мы уже готовим измену?! — Хозел пристально взглянул на Эльрика, потом на Каргана. — Тогда почему мы первыми прибыли сюда?

— Я не говорил этого, — торопливо сказал Эльрик. — А Карган высказал свои соображения, это право каждого. Успокойся, мы ДОЛЖНЫ объединиться — или падем перед могучей армией и сверхъестественными силами новой империи.

— Что скажете, господа? — Хозел повернулся к другим монархам Юга. — Можем мы отдать им наши корабли и войска защищать их побережье так же, как наше?

— Никогда, — произнес Джернед. — Пусть Ягрин Лерн истратит на них свою энергию. Затем, когда он обратит взор на Юг, он уже будет ослаблен, и мы легко справимся с ним.

— Глупцы! — яростно воскликнул Эльрик. — Или мы вместе или мы все погибнем! Лорды Хаоса за Теократа. Если не объединиться — он преуспеет во всем, а это значит, что все мы будем подвергнуты ужасу всеобщей анархии, по всей Земле! Человеческая раса под угрозой!

Хозел уставился на Эльрика тяжелым взглядом и ухмыльнулся.

— Тогда пусть человеческая раса сама защищается, а не пользуется услугами военачальника-нечеловека. Как всем хорошо известно, жители Мельнибона — не вполне люди...

— Может быть, это так, — Эльрик опустил голову, и, подняв тонкую белую руку, указал на Хозела. Король вздрогнул

и ясно почувствовал его правоту. — Но я знаю больше, чем было сказано, Хозел из Аргимилиара. Я знаю, что люди Молодых Королевств — всего лишь первая проба Богов, слепок, предшествующий появлению расы настоящих людей. Так же, как и мы предшествовали вам. И я знаю, если мы не победим Ягрина Лерна и его демонических союзников, люди будут сметены с планеты, и их судьба ужасна.

Хозел сглотнул и заговорил, его голос прерывался.

— Я уже слышал подобную чепуху на базарах, Эльрик. Люди с безумными глазами, как у тебя, обычно и пророчествуют о катастрофах, которые никогда в действительности не происходят. Мы не позволяем им появляться у нас в Аргимилиаре. Мы их поджариваем, палец за пальцем, дюйм за дюймом — до тех пор, пока они не признают, что их пророчества — ложь. Возможно, у нас и будет удобный случай, чтобы доказать, что и твое, так сказать, предвиденье...

Он резко повернулся и быстро пошел из зала. Некоторое время остальные монархи Юга нерешительно смотрели ему вслед.

Эльрик настойчиво произнес:

— Не нужно следовать за ним, лорды. Я клянусь жизнью, что мои слова — чистая правда!

Джернед заговорил негромко, как бы для себя:

— Это мало что значит. Подобные утверждения были всегда. Мунглум вплотную подошел к Эльрику и прошептал:

— Они не верят.

Эльрик кивнул. Повернувшись к королям Юга, он сказал:

— Знайте, хотя вы сейчас не хотите заключать союз, придет день, когда вы пожалеете о своем упрямстве. Я был оскорблен в своем дворце, были оскорблены мои друзья, но... Когда придет время, и вы постигните глубину своего заблуждения, то мы, клянусь, придем вам на помощь, если это будет в наших силах! А сейчас вон!

Ошеломленные южане вышли из зала в полной тишине. Эльрик повернулся к Каргану Остроглазому.

— Каково ваше решение, Морской Лорд?

— Мы с тобой, — сказал Карган просто. — Мой брат Смирган Балхид всегда хорошо отзывался о тебе. Я вспоминаю эти слова прежде слухов, вызванных его смертью, когда ты командовал им. Кроме того, — тут он широко улыбнулся, — такова уж наша природа, если южные слабаки решили что-то делать по-своему, мы всегда оказываемся на другой стороне. Считай, что Пурпурные Города в союзе с тобой, и наши корабли — тоже, хотя их и меньше, чем в объединенном южном флоте. Но это прекрасные боевые корабли, отлично подготовленные для ведения войны.

— Я должен предупредить тебя, что без помощи Юга у нас немного шансов, — мрачно произнес Эльрик.

— Сомневаюсь, что они могли бы добавить что-либо, кроме лжи и страсти к мелочным распрям, — заметил Карган. — Есть ли у тебя какое-нибудь колдовство, которое может нам помочь?

— Я собираюсь заняться этим завтра, — ответил Эльрик. Потом, если будет нужно, Мунглум и я, сопровождаемые моим кузеном Дайвимом Слормом, отправимся на Остров Колдунов, что неподалеку от Мельнибона. Там, среди отшельников, практикующих Белое Искусство, я надеюсь установить контакт с Богами Закона. Я, как ты знаешь, поклялся бороться с Хаосом, и в последнее время все чаще замечаю, что демон-покровитель лишил меня своего благорасположения.

После некоторого молчания он закончил:

— Сейчас Белые Боги слабы, обессилены, как и мы на земле, возрастанием мощи Богов Хаоса. Поэтому дозваться до них непросто. Отшельники помогут мне в этом.

Карган кивнул.

— Некоторые из колдунов в наших Пурпурных Городах, связаны с духами тьмы.

Эльрик нахмурился.

— Я согласен с тобой. Наше положение настолько неустойчиво, что мы должны принимать любую помощь — от сил тьмы или света. Я чувствую, что среди Повелителей Хаоса также есть разногласия, насколько далеко они могут зайти — ведь моя сила также происходит из Хаоса. Клинок, висящий у меня на бедре, двойник того, что носит Дайвим Слорм, и оба являются злом.

— Я понял тебя, — отрубил Карган, но было ясно, что это не так. Не существовало человека, способного полностью понять Эльрика и разделить его судьбу.

Оргон, названный брат Каргана, сказал прямо:

— Мы в таком тяжелом положении, что возникает вопрос есть ли кто-нибудь из королей, на кого можно полностью положиться?

Эльрик посмотрел на Дайвима Слорма и улыбнулся.

— Вот мой самый верный союзник. Об этом деле он знает столько же, сколько и я. Мы с ним всегда обсуждаем наши планы.

— Отлично. Завтра мы поговорим с ним, как вам лучше добраться до Острова Колдунов.

Морские Лорды удалились. Теперь, впервые за все время заговорил регент Вилмира. Голос его был ясным и спокойным.

— Мы уже посоветовались с твоим родственником, Эльрик. Мы также знаем вас, как умных военачальников. Вил-

мир имел случай убедиться в этом во время войны в Бакшаане и на других наших территориях. У нас, мне кажется, имеется хорошая возможность покончить с нашими старыми счетами. — Он повернулся к Торговым Принцам, ища поддержку, и те кивнули в знак согласия.

— Хорошо, — сказал Эльрик. Он обратился к худому лучнику Ракиру, своему старому другу, легенды о похождениях которого не уступали легендам об Эльрике. — Ты пришел, как представитель Танелорна. Уже не в первый раз мы будем бороться с Богами Хаоса плечом к плечу.

— Именно, — кивнул Ракир. — Но сейчас мы можем предложить тебе только свою воинскую верность.

— Мы будем вам признательны за это.

Прием был закончен. Советоваться с сенаторами Каарлаака не имело смысла, поскольку задолго до приезда остальных правителей с ними все было решено.

Также все было ясно с небольшой колонией чернолицых людей, которые бежали с Запада в поисках убежища. Их возглавлял Вири-Сек, крылатый юноша из Муррхны, последний из своего рода — остальные члены правящей семьи были уничтожены совами Ягрина Лерна.

Эльрик подошел к окну зала совещаний, и посмотрел вдаль. Сразу за стенами Каарлаака раскинулось море палаток и шатров, меж которых лениво ходили воины. Сейчас, Эльрик знал это, надменные Лорды Юга выдергивали из земли древки своих стягов и укладывали шатры, не глядя в сторону покрытых шрамами бойцов Шазара, Джаркора и Таркеша, которые смотрели на них с недоумением. Это выражение на усталых лицах ветеранов должно было бы заставить Южан изменить свое решение, но рассчитывать на это было нельзя.

Эльрик вздохнул и вернулся к остальным, обступившим огромную карту мира, покрытую темным пятном.

— Сейчас закрашена только четвертая часть, — тихо сказал он Мунглуму. — Но пятно будет ползти все дальше и все быстрее, пока, возможно, не поглотит всех.

— Мы поставим на его пути плотину, — ответил Мунглум с деланным весельем. — Но твоя жена должна побыть с тобой, прежде чем мы уедем, Эльрик. Иди-ка лучше к ней, и пусть речи вашими будут светлыми!

ГЛАВА 2

Двумя ночами позднее они стояли на пристани города Ядмира, и холодный ветер заметал их следы.

— Он там, — сказал Эльрик, указывая на маленький бот, который раскачивали и подбрасывали бурные волны.

— Очень маленький, — сказал Мунглум озабоченно. — Похоже, он строился не для моря.

— Он держится на воде лучше, чем корабль в сильный шторм. — Эльрик пошел вниз по железным ступеням. — К тому же, — добавил он, пока Мунглум осторожно нащупывал ногой ступеньку под собой, — он не привлечет внимания ни одного вражеского корабля. — Он прыгнул, и бот безумно закачался под ним. Эльрик удержался, схватил веревку и подтянул бот так, чтобы Мунглум смог легко ступить в него.

Маленький нахальный житель востока запустил руку в копну своих рыжих волос и уставился на бурное небо.

— Отвратительная погода для этого времени года, — заметил он. — Это трудно понять. За время дороги от Каарлаака нас испытали все виды непогоды — снежные бури, грозы, град и ураганный ветер, обжигающий как огонь. Ходили слухи, что в Баакшаане выпал кровавый дождь, а раскаленные металлические шары сыпались с неба в Западном Вилмире. А что ты скажешь о невероятном землетрясении в Ядмире за несколько часов до нашего прибытия? Кажется, природа сходит с ума.

— Ты не далек от истины, — угрюмо обронил Эльрик, отвязав лодку. — Сможем ли мы поднять парус и лечь на курс?

— Что ты задумал? — Мунглум начал натягивать парус. Тот, раскрываясь, бил его по лицу, и голос Мунглума прерывался. Орды Ягрина Лерна еще не достигли этой части мира.

— И все-равно зловещие силы природы разбужены Хаосом. Хотя мы испытываем лишь последствия того, что происходит на Западе, тебе и эта погода кажется необычной. А теперь представь себе, что устроит Хаос, когда он полностью восторжествует в этой части мира!

— Странно, что ты еще на что-то рассчитываешь в этой борьбе! — С этими словами Мунглум закрепил парус, и ветер погнал маленькое суденышко к выходу из бухты. Когда они миновали маяки, пламя которых трепетало на холодном ветру, Эльрик выбрал шкот, направив лодку на юго-восток, вдоль Вилморского полуострова. Ключья облаков неслись по небу, их гнал неестественно резкий, холодный ветер. Брызги летели ему в лицо, но он не обращал на них внимания. Он молчал.

Мунглум догадывался о причинах плохого настроения друга. Несколько лет назад они путешествовали по миру вместе, позднее, когда Эльрик стал жить близ родного города своей жены, Каарлаака, Мунглум пристал к отряду, патрулирующему Южные торговые пути в глубине страны. Но он немедленно вернулся, когда Эльрик позвал его, и теперь, когда лодка уносила их к опасным приключениям, испытывал знакомое чувство возбуждения, много раз пережитое им, ког-

да они вступали в конфликт со сверхъестественными силами, которые так сильно влияли на судьбу Эльрика. Он давно пришел к выводу, что его судьба связана с Эльриком, и чувствовал это самой сердцевиной своего существа.

Была ли их смерть близка? Он думал над этим, когда возился с парусом, бившимся в порывах ветра. Подспудно он чувствовал, что теперь только деяния людей могут противодействовать напору созданий Хаоса.

Сам Эльрик ни о чем не размышлял. Его поиски помощи Белых Лордов вполне могли не принести результатов, но он решил не думать над этим, пока не выяснит больше подробностей.

Рассвет пришел, выбелив горизонт, открыв пространство серой воды без каких-либо признаков земли. Ветер стал спокойней, потеплело, шафранные и алые полосы облаков в небе напоминали дым погребального костра. Вскоре стало жарко под прямыми лучами солнца, тем более, что ветер совсем стих, и парус еле-еле тянул их, хотя море тяжело ворочалось мертвой зыбью под килем лодки.

Внезапно морская поверхность забурлила, будто под ней скрывалось нечто живое, бьющееся в вязком кошмаре сна. Эльрик почувствовал, что румпель движется свободно, не встречая сопротивления обтекающей бот воды. Попробовать управлять ботом в таких условиях было бесполезно. Лодка словно повисла в нематериальном пространстве, даже брызг не было. Все вокруг стало нереальным, Эльрик чувствовал, что если он попытается заговорить, даже это ему не удастся.

Неподалеку они слышали низкое гудение, которое поднялось, превращаясь в пронзительный визг, внезапно неведомая сила вытолкнула бот из воды и тут же бросила вниз, в огромную впадину между волнами. Вокруг них была только голубая и серебряная вода, которая, как стена из металла, оплывая и переливаясь, двинулись на них.

Эльрик, вцепившись в румпель, заорал:

— Держись крепче, Мунглум! Держись или пропадешь! Теплая вода под ними издала громкий стонущий звук, и они стали проседать, будто их придавила исполинская ладонь. Казалось, они будут опускаться до тех пор, пока их не потопит это нарастающее давление. Потом их снова выбросило наверх, и снова стало топить. Эльрик сквозь бурлящую поверхность воды увидел три горы, которые вырастали, извергая лаву и пламя. Бот, наполовину залитый водой, швыряло и бросало, они чувствовали бешеные удары по корпусу, но беспорядочное движение воды все ближе подталкивало их к вулканам.

Эльрик, налегая на румпель изо всех сил, попытался отвести суденышко от огнедышащих гор. Это оказалось страшно

трудно, но в конце концов они оказались на изрядном расстоянии от места извержения.

Эльрик посмотрел на Мунглума. Тот был бледен, но старался подтянуть парус так, чтобы поймать хоть какой-нибудь ветер, который отогнал бы их от вулканов. Солнце над ними, казалось, лопнуло, и они могли видеть лишь тысячи огненных осколков.

— Это проделки Хаоса, — сказал Эльрик срывающимся голосом, — и всего лишь проба нашей настойчивости. Предлагаю, что он еще может натворить!

— Они прознали наши планы! — Глаза Мунглума были раскрыты так широко, что сквозь них, казалось, без труда можно было увидеть внутреннюю поверхность затылка.

— Может, и так.

Скоро все успокоилось, солнце стало почти как всегда. Сверившись с компасом, они обнаружили, что ушли далеко в сторону от намеченного курса. Эльрик собрался сначала плыть на Мельнибон, к Острову Драконов и избежать Драконово Море, лежащее севернее, поскольку хорошо знал, что в его пучине не перевелись еще громадные морские чудовища. Но теперь, если они будут продолжать свой путь, то попадут прямо в Чашу Звона! И тем не менее необходимо добраться прямо до Острова Колдунов.

Океан успокоился, но теперь вода была так горяча, что каждая капля, попадавшая на кожу, обжигала. На поверхности стали возникать пузыри. Это выглядело, как если бы они плыли в гигантском котле с кипятком. Мертвые рыбы и существа, напоминающие рептилий, плавали вокруг них вверх брюхом, как и большие клубки водорослей, затрудняющие продвижение лодки. Но попутный ветер стал дуть с завидной силой, и Мунглум расплылся в счастливой улыбке, когда тот наполнил их парус.

Через наполненные смертью воды они шли на северо-запад, к Острову Колдунов, а над океаном стали возникать облака пара, закрывая им обзор.

Часом позднее они оставили позади горячую воду и поплыли под ясным небом. Они дремали. За время, меньшее чем день, они достигли бы Острова Колдунов, но сейчас, преодолев встретившееся им препятствие, они были рады, что им удалось просто выжить.

Когда Эльрик открыл глаза, было уже темно. Моросил холодный дождь. Капли дождя делали воздух похожим на вязкое желе. Когда некоторые из них попали ему в рот, он с отвращением их выплюнул — у них был отвратительный, едкий вкус.

— Мунглум! — позвал он. — Который час, как ты думаешь?

Мунглум отозвался, в его сонном голосе звучало удивление:

— Не знаю. Трудно представить, что уже ночь! Эльрик подвигал румпель, но бот не реагировал. Он оглянулся по сторонам и ему показалось, что они плывут прямо по небу. Тускло светящийся газ окутывал их, так что они не могли видеть поверхность воды.

Он содрогнулся. Неужели они покинули измерение Земли? Где они плывут, через какие сверхъестественные моря?

Он почувствовал беспомощность, большую, чем когда боролся с вулканами. Капли желатинового дождя стали крупнее, грузно шлепая по доскам лодки, облепляя его одежду и белые волосы. Он извлек огниво, трут, и крошечный огонь фонаря скоро высветил полубезумные глаза Мунглума. Его лицо было искажено страхом. Эльрик никогда не видел своего друга таким испуганным, и то, что сам он остался относительно спокойным, привело его в хорошее настроение.

— Наше время истекло, — прошептал Мунглум, стуча зубами. — Боюсь, мы наконец умерли.

— Не болтай попусту, друг. Я слышал, потусторонняя жизнь совсем не такая.

Но про себя Эльрик подумал, что, может быть, Мунглум не так уж неправ. Лодка начала двигаться быстрее через газообразное море, подталкиваемая неуловимым ветром к какой-то неизвестной цели. Эльрик подумал, что Повелители Хаоса могут и не подозревать об их путешествии.

Маленький бот двигался все быстрее и быстрее, послышался знакомый плеск воды о борта, они вновь плыли по соленому морю. Некоторое время еще шел вязкий дождь, но вот и он остался позади.

Мунглум наблюдал, как мгла исчезает, уступая свету, и наконец они снова увидели знакомый океан.

— Что это было? И зачем? — спросил он.

Подавляя неуверенность, Эльрик сказал:

— Какое-то искажение в барьере, отделяющем реальность человечества от реальности Хаоса. Не спрашивай ни о чем. Наше счастье, что мы уцелели. Мы даже идем прежним курсом. — Он указал на горизонт, — а настоящий шторм, кажется, начинается вон там.

— Естественный шторм — не такая уж опасная штука, — пробурчал Мунглум и начал сворачивать парус. Когда море забурило, Эльрик приветствовал этот шторм — наконец восторжествовали естественные силы.

Дождь омывал их лица, ветер трепал их волосы, бот прыгал по волнам. Их несло на северо-восток, к завоеванным

Дхариджором берегам Шазара, почти перпендикулярно к нужному им курсу.

Суровая буря трепала их до тех пор, пока все мысли о сверхъестественных опасностях не были вымыты из их сознания, пока не заныли мускулы, и пока они не стали дрожать от холода, вымокнув насквозь.

Затем с ужасом Эльрик увидел пляшущие вершины скал, и Мунглум, определившись, закричал: — Змеиные Зубы!

Змеиные Зубы находились недалеко от Шазара и были одним из самых опасных мест для кораблей, занимающихся каботажной торговлей на Западе. Эльрик и Мунглум издавна видели их и раньше, но теперь шторм гнал их на скалы, и хотя они прилагали все силы, чтобы избежать крушения, казалось, они неминуемо будут выброшены на эти иззубренные утесы, где найдут смерть.

Волна подняла бот снизу, качнула и с неумолимой точностью направила на острую, покрытую водорослями гору. До каменной поверхности осталось несколько ярдов. Эльрик вцепился в борт лодки и, несмотря на грохот шторма, услышал крик Мунглума:

— ПРОЩАЙ!

Затем раздался треск раздираемых шпангоутов, иззубренный край скалы прошел мимо и остался в стороне. Волна накрыла его. Он боролся, пробиваясь к поверхности воды, чтобы глотнуть воздуха, прежде чем другая волна подхватит его бессильное тело.

Дающий жизнь рунный меч на поясе казался невероятной тяжестью. Эльрик попытался плыть к берегу, понимая, что если он и выживет, то попадет в руки врагов. Его шансы добраться до Белых Колдунов теперь стали пугающе малы.

ГЛАВА 3

Эльрик лежал, обессиленный, на холодной гальке, прислушиваясь к шелесту волн, стекающих меж камней.

Потом он услышал другой звук. Кто-то шел, направляясь к нему. В Шазаре это могли быть только враги. Он начал подниматься на ноги, расходуя последние силы. Он наполовину извлек Буреносец из ножен, прежде чем понял, что это Мунглум, шатающийся от слабости, но растягивающий рот до ушей.

— Ты жив! — Мунглум подхватил его под мышки, помог подняться. Эльрик встал, глядя на спокойное море и Змеиные Зубы вдаль.

— Да, мы живы, — сказал Эльрик. — Но сколько мы протянем в этой разоренной стране? Где-то, возможно, есть ко-

рабли, но для этого необходимо найти поселок или город, а там нас сразу узнают.

Мунглум покачал головой и ласково произнес:

— У тебя слишком мрачное настроение, друг. Будем благодарны судьбе за то, что жизнь продолжается.

— Да, живы, но, боюсь, до первой же стычке, — сказал Эльрик. — Ладно, отдохни, Мунглум, а я посторожу. Потом поменяемся. Раз уж мы попали в эту историю, потерять несколько часов — не страшно.

Мунглум не заставил себя просить дважды и немедленно уснул. Проснулся он гораздо более освеженный, хотя, лежа на голых камнях, он жестоко намял свои уши. Потом уснул Эльрик и спал до тех пор, пока не взошла луна.

После отдыха они побрели по редкой траве, росшей на берегу. Земля выглядела так, будто чудовищный кислотный ливень выжег ее, оставив лишь мокрые, черные стебли. Вспоминая степи этой части Шазара, заросшие травой по пояс, Эльрик ужаснулся этому безумному уничтожению.

Наступил день. В полдень небо затянули странные на вид низкие облака. И тут они увидели длинную цепочку людей, идущих в их сторону. Эльрик и Мунглум укрылись за небольшим холмом и стали внимательно их разглядывать. Среди людей не было вражеских солдат, только худые женщины и заморенные дети, перевязанные грязными тряпками мужчины и несколько весьма потрепанных конников. Это могли быть и остатки какого-нибудь разгромленного отряда партизан, выступившего против Чаша Звона.

— Я думаю, они нам не враги, — с жалостью пробормотал Эльрик. — Возможно, они расскажут что-нибудь, что поможет нам.

Они поднялись и направились к беженцам. Всадники быстро закрыли женщин и приготовили оружие. Но прежде, чем что-то случилось, из толпы закричали:

— Эльрик из Мельнибона! Эльрик, ты вернулся спасти нас?

— Я сам спасаюсь, друзья, — ответил он. — Мы попали в кораблекрушение во время путешествия за помощью для вас и всех, кто страдает под пятой Ягрина Лерна. Но пока мы не найдем другой корабль, наши шансы, увы, ничтожны.

— Каким путем вы плыли, Эльрик? — спросил невидимый собеседник.

— Мы правили к Острову Колдунов, надеясь найти там помощь Белых Лордов, — сказал Мунглум.

— Значит, вы двигались в неверном направлении.

Эльрик выпрямился и попытался увидеть своего собеседника в толпе.

— Кто говорит со мной?

Толпа раздвинулась, пропуская сутулого мужчину средних лет, опирающегося на палку. У него были длинные усы, украшавшие честное и располагающее лицо. Человек остановился прямо перед ними.

— Меня зовут Охада Провидец, я был известен в Диопедре как предсказатель. Но Диопедра погибла при разорении Шазара, и мне удалось убежать вместе с этими людьми, которые также все из Диопедры. У меня есть сообщение для тебя, Эльрик. Оно предназначено только для твоих ушей, и я сообщу его тебе единственному из людей, кто может помочь всем нам.

— Возможно, твое сообщение и есть причина нашего крушения, — Эльрик протянул ему руку. — Подойди и расскажи, что должен мне передать.

Мунглум отступил, а провидец подошел к Эльрику. Он, как и все жители Диопедры, ждал, когда же Охада кончит шептать Эльрику свое сообщение.

Эльрик слушал провидца с заметным волнением. Тем временем Охада говорил:

— Я принес тебе послание от того, кого зовут Сепириту. Он сказал, то, что тебе не удалось сделать, сделает он, но есть нечто, что должен сделать ты, потому что он этого не может сделать. Он велел тебе идти к Пещерному городу, и там он доскажет остальное.

— Сепириту! Как тебе удалось увидеть его?

— Тебе не нужно знать это. И еще Сепириту просил тебя побеспокоиться о том, чтобы Ягрин Лерн не узнал о вашей встрече.

— Если ты вел себя достаточно осторожно...

— Я выполнил поручение гораздо осторожнее, чем ты думаешь — от этого зависит большее, чем моя жизнь.

Эльрик кивнул:

— Спасибо, провидец. — Затем он обратился к всадникам: Нам нужна пара коней, самых лучших из тех, что у вас есть.

— Наши кони нам очень дороги, — произнес один покрытый боевыми шрамами воин. — Это все, что у нас есть.

— Мой друг и я должны передвигаться теперь очень быстро. Это и в ваших интересах. Подумай, что значит потеря пары коней, если сравнить ее с возможностью изгнать завоевателей из родного города?

Кнехт спешился, его примеру последовал человек справа от него. Они подвели коней к Эльрику и Мунглуму.

— Используй их как надо, Эльрик.

Эльрик взял поводья и прыгнул в седло.

— Что вы намерены делать теперь?

— Мы будем драться еще упорней, чем до этого.

— Не мудрее было бы поискать убежище в горах или в Туманных Болотах?

— Если бы ты чувствовал ужас правления Ягрин Лерна, то не сделал бы подобного предложения, — холодно ответил воин. — Хотя мы и не должны надеяться победить людей, вступивших в союз с силами, которые могут заставить горы волноваться, подобно океану, или обрушивать на нас потоки соленой воды с неба, или создавать зеленые облака, спускающиеся вниз, чтобы убивать таинственным образом наших детей, — мы будем делать все, что можно сделать!

— Так было во время нашего морского путешествия, — кивнул Эльрик.

— Я желаю вам долгой жизни для мести, друг. У меня самого счет к Ягрину Лерну и его прихвостням.

— Ты имеешь в виду короля Саросто из Дхариджора? — Улыбка скользнула по лицу воина. — К сожалению, Саросто отомстить уже не удастся — он был убит сразу после битвы при Секюа. Хотя это невозможно доказать, все знают, что его убили по приказу Теократа, который сейчас правит всем континентом. — Воин вздохнул. — Да и кто устоит против капитанов войска Ягрин Лерна?

— Кто эти капитаны?

— Он собрал всех Герцогов Ада. Что он думает об этом, я не знаю. Но мы думаем, что Ягрин Лерн умрет следующим, и Ад будет править всей Землей!

— Я надеюсь, нет, — мягко ответил Эльрик. — Я не могу отказаться от своей мести.

Воин пожал плечами.

— Тогда Ягрин Лерн будет править всем миром с герцогами Ада.

— Я надеюсь, мне удастся найти средство победить эту темную аристократию, я поклялся убить Ягрин Лерна, — сказал Эльрик. Его охватила волна теплого чувства к этим людям. Он направил лошадь к горам Джаркора, и Мунглум последовал за ним.

Их опасный путь к горам, в которых находился дом Сепириту, был ужасен. Как и рассказывал воин из Диопедры, земля, по которой они ехали, была мертва. Позднее Эльрик вспоминал глубокий ужас и отвратительные крики, звучавшие над бесплодной равниной, затканной темными красками — золотой, красной, синей и черной, которые являлись признаками власти Хаоса на Земле.

Эльрик рассказал Мунглуму о своей предыдущей встрече с Сепириту, и поведал ему кое-что из того, что Лорды Нихрейна упоминали о его предназначении как последнего из королевского рода Мельнибона, и о том, что Эльрик и Дайвим Слорм, владеющие клинками-братьями, способны уничтожить Хаос и подготовить мир к приходу эры Закона.

У гор Нихрейна, они увидели доказательства того, что правление Хаоса здесь не так полно, как в других частях континента. Сепириту и его девять черных братьев, последние из обитателей Нихрейна, все-таки владели какой-то силой, противодействующей Хаосу.

Через мрачные ущелья, прорезавшие горы, по опасным предательским тропинкам, пролежавшим по крутым склонам, по которым с грохотом скатывались камни, они проникли в сердце древних гор. И затем наконец они опустились в Нихрейн с его подземными дворцами, замками и крепостями, высеченными прямо в черном граните. Отрезанные от всего, кроме слабого солнечного света, они прятались в толще скал с древнейших времен.

Вниз по узкой тропе они вели своих коней, пока не достигли огромных ворот с высеченными фигурами титанов и полулюдей, так что Мунглум даже растерялся, потрясенный гением строителей древней расы, которые могли сочетать решение гигантской инженерной задачи с ее художественным совершенством.

В пещере, украшенной барельефами, изображающими сцены истории Нихрейна, их ждал Сепириту с приветливой улыбкой на губах эбеново-черного цвета.

— Здравствуй, Сепириту, — Эльрик спешил и передал поводья рабам, принявших коней. Мунглум последовал его примеру с неловкой осторожностью.

— Я очень рад, — Сепириту коснулся плеча Эльрика, — что перехватил тебя, когда ты отправился на Остров Колдунов за помощью Белых Лордов.

— Разве их помощь недоступна?

— Дело не в этом. Мы уже пытались вступить с ними в контакт с помощью магов-отшельников, но пока наши попытки были блокированы Хаосом. Но я не об этом. Для тебя есть работа, и не очень далеко от твоего дома. Пойдем в мои покои и подкрепимся. У нас есть вина, которые взбодрят тебя, и потом я поведаю тебе, какую задачу Судьба предлагает тебе решить сейчас.

Через три четверти часа, насытившись и в полной мере отдав должное винным подвалам Нихрейна, Эльрик поставил бокал на стол, указал на кувшин с вином и сказал:

— Человек может запросто стать наркоманом от такого напитка.

— Раз так, то я уже наркоман, — улыбнулся Мунглум, наливая себе еще один бокал.

— У нашего вина есть странное свойство. Оно доставляет удовольствие и снимает усталость, но оно очень крепкое, и некоторым людям, которые его пробуют, становится плохо.

Но все это в прошлом, наши запасы невелики, а виноград, из которого мы его делали, давно исчез из нашего измерения.

— Чудесный напиток, — сказал Мунглум, ставя бокал на стол.

— Когда-нибудь люди, завоевав мир для Закона, создадут подобное вино, только своими, более практичными методами, которые способны понять лучше, чем магию.

— Я сомневаюсь в этом, — засмеялся Мунглум.

Эльрик вздохнул.

— Если нам не повезет, то мы увидим Хаос, сорвавшийся с цепи, а Закон, очевидно, будет уничтожен навсегда, — сказал он грустно.

— Повезет ли нам, если победит Закон, а? — Сепириту налил себе вина, показывая этим, что он тоже, очевидно, подустал.

— Что ты имеешь в виду? — с удивлением спросил Мунглум.

Сепириту объяснил, что он и Эльрик борются с Хаосом, но сами в мире, в котором, как они надеются, будет править Закон, скорее всего, не найдут себе места.

Мунглум внимательно взглянул на Эльрика, гораздо лучше понимая теперь незавидное положение своего друга.

— Ты сказал, что есть работа для меня и моего меча? — нарушая воцарившееся молчание, спросил Эльрик. — В чем она состоит?

— У тебя уже нет сомнений в том, что Ягрин Лерн призвал Герцогов Ада и поставил их капитанами над своими людьми, чтобы с их помощью покорить все земли?

— Нет.

— Ты понимаешь значение этого? Ягрин Лерн пробил брешь в барьере, созданном Законом, который защищал нас от творений Хаоса. Насколько он расширит эту брешь, настолько возрастет его мощь. Это приведет к тому, что он соберет здесь такую силу Тьмы, которая никогда в прошлом не могла попасть в наше измерение. И Ариох один из них.

— Ариох!? — Этот Бог был покровителем Эльрика, главным в пантеоне Богов, которым поклонялись его предки. — Значит, сейчас я открыт и для Закона, и для Хаоса!

— Ты забыл еще одну силу — у тебя сейчас очень тесный магический союз с твоим мечом, — угрюмо произнес Сепириту, — и, возможно, с его братьями.

— Какими братьями? Ведь есть единственный Меч Печали, который принадлежит Дайвиму Слорму!

— Вспомни, я говорил тебе, что эти два меча есть лишь земное проявление их сверхъестественной сути, — спокойно произнес Сепириту.

— Да, я помню.

— Хорошо. Тогда я могу рассказать, что действительно представляет собой Буреносец в нашем измерении. Я знаю, как вызвать эти существа, но эти связи также созданы Хаосом, и поэтому контролировать их довольно трудно. Они могут быть послушны, но могут повернуться и против тебя. Буреносец, как ты, наверное, заметил, связан с тобой гораздо сильнее, чем с братьями, но их много, и всей мощи Буреносца может не хватить, чтобы защитить тебя от них.

— Почему я никогда не знал об этом?

— Но иногда ты призывал помощь, и помощь приходила.

— Ты хочешь сказать, эту помощь оказывали братья Буреносца?

— Именно. Это они приходили тебе на помощь. У них нет того, что ты и я называем «интеллектом». Поэтому они не столь сильно связаны с Хаосом, как его имеющие ум прислужники... Главное — они могут быть управляемы, но до определенной степени. И кто-то, кто имеет власть, подобную той, какую ты имеешь над Буреносцем, может иметь власть через его братьев и на самого Буреносца. Чтобы не лишиться их поддержки в самую нужную минуту, ты должен выучить руны, которые я сообщу тебе позднее.

— Ты все это говоришь, чтобы я сумел выполнить мое следующее задание?

— Да.

— Что я должен сделать?

— Уничтожить Герцогов Ада.

— Но это невозможно! Они — самая влиятельная сила из всех Повелителей Хаоса!

— Верно, но в твоих руках мощнейшее оружие, и его следует использовать. Вот твоя задача. Есть некоторые признаки, что Герцоги-Демоны хотят отнять власть у Ягрина Лерна. Он, дурак, еще не понял, что он — марионетка Хаоса, и думает, что может управлять такой сверхъестественной мощью, какую из себя представляют Герцоги Ада! Совершенно ясно, что именно с помощью этих друзей Ягрина Лерну удастся покорить Южноземелье с минимальными потерями людей. Без них он тоже может сделать это, но потребуются гораздо больше времени и усилий. А это даст нам отличную возможность как следует подготовиться к нападению на его главные владения, пока он будет занят на Юге.

Эльрик не стал расспрашивать Сепириту, как тот узнал о решении южан бороться с Ягрином Лерном в одиночку. Сепириту имел огромные возможности, это доказывал и случай с Охадом Провидцем.

— Я поклялся помочь Южноземелью, несмотря на их не-

желание выступить совместно с нами против Теократа, — сказал он спокойно.

— Ты гораздо вернее исполнишь эту клятву, уничтожив Герцогов Ада. Если, конечно, сможешь.

— Уничтожить Ариоха, и Балана, и Малука... — Эльрик прошептал их имена, опасаясь, что даже здесь и сейчас может вызвать их.

— Ариох всегда был неподходящим покровителем, — напомнил Мунглум. — Случалось, он отказывал тебе в помощи в прошлом, Эльрик.

— Потому что, — сказал Сепириту, — некоторым образом он уже знал, кто ты есть на самом деле, и собирался бороться с тобой в будущем.

Хотя вино освежило его, Эльрик почувствовал себя очень усталым. Напряжение в его сознании стало почти нестерпимым. Бороться с Богом его предков, которому они поклонялись тысячелетиями... Старая кровь была еще сильна в нем.

Сепириту встал и, обняв Эльрика за плечи, взглянул своими черными глазами в затуманенные и тлеющие красным огнем глаза Эльрика.

— Ты сам выбрал этот путь, вспомни.

Эльрик заставил себя успокоиться и кивнул.

— Да, и даже если бы я знал все это раньше, я выбрал бы этот путь. Я должен сделать это, но...

— Что?

— Не стоит особенно полагаться на мою верность, Сепириту.

Черный нихрейнианин вздохнул и ничего не ответил.

Позже он предложил Мунглуму идти спать, а затем сходил куда-то и вернулся с белой табличкой, на которой были выгравированы древние руны. Он протянул ее альбиносу, и тот посмотрел на нее, не поняв ни единого знака.

— Запомни заклинание, — мягко произнес Сепириту, — а потом уничтожь табличку. И знай — использовать его можно только в крайнем случае.

Эльрик собрался с духом и много раз произнес руническую надпись, постигая не только их произношение, но и сложную, ускользающую логику смыслов, которую он должен был утвердить в своем сознании.

После того, как Сепириту удовлетворенно кивнул, Эльрик позволил рабам отвести его в спальню. Но сон не шел к нему, и он промучился до следующего утра, так и не отдохнув как следует. Утром вновь пришли рабы и отвели его во двор, где его ждал оседланный конь для путешествия в Чашу Звона — место, где теберь обитали все Герцоги Ада.

ГЛАВА 4

Мимо разоренных замков Запада скакали Мунглум и Эльрик на нихрейнианских конях, которые, казалось, не нуждались в отдыхе и не испытывали страха. Эти кони определенно имели сверхъестественный источник выносливости. Сепириту объяснил им, что в действительности эти кони не имели полного материального существования в этом измерении. Это давало им возможность двигаться по воде и даже по воздуху.

Ужасные свидетельства войны были повсюду. Однажды они увидели буйную толпу отвратительных людей, разрушавших деревушку, выстроенную вокруг замка. Сама крепость уже горела, и горизонт, ограниченный горами, был затянут клубами дыма. Хотя грабители походили на людей, они проливали кровь с непринужденностью обитателей ада. Не вмешиваясь в бой, Эльрик и Мунглум увидели, что командовал нападавшими разлагающийся труп, который сидел на скелете лошади. Оживший мертвец был облачен в блестящие доспехи, а в руке держал пылающий меч.

Однажды их застиг туман, который имел запах крови. Они вынуждены были пересекать речку, наполненную смертью, проезжать по лесу цвета ржавчины, вынуждены были прятаться от облаков, имеющих форму чудовищ.

Неоднократно им попадались группы солдат со знаками и вооружением завоеванных наций, но развращенных и подкупленных Хаосом. Они дрались или избегали борьбы, в зависимости от обстоятельств, пока наконец не достигли утесов Джаркора и увидели море, которое следовало преодолеть, чтобы добраться до острова Чаша Звона, который, по слухам, стал настоящей Адовой землей.

Не задерживаясь на берегу, Эльрик направил своего коня к воде и заставил его ступить на мерно волнующуюся, свергающую гладь.

— Эльрик! — Мунглуму вторил подвывающий ветер. — Может, нам следует быть более осторожными?

— Осторожность? Разве она необходима, когда Герцоги Ада ясно понимают, что их бывшие слуги идут бороться с ними?

Мунглум скривил губы. Он не понимал, что Эльрик был в плену своей безумной древней крови. И его почти не успокаивало то, что Сепириту наложил одно из нескольких белых заклинаний, которые имел в своем распоряжении, на оба его меча.

Довольно скоро черный берег Чаши Звона проступил на горизонте. Вокруг этих обрывистых скал море билось с неистовой силой, как если бы нечто противоестественное было введено в его естество. Кроме того, вокруг острова, накрывая

его, стояло облако густой необычной мглы, пронизываемое бледными сполохами.

Они вступили в эту тьму. Нихрейнианские кони вонзили копыта в черный берег Чаши Звона — места, находящегося под властью черного духовенства, теократии, которая пыталась превзойти легендарных королей-колдунов блистательной Империи Мельнибона. Эльрик был последним из этих императоров и знал, что тайное искусство Мельнибона было естеством его предков, в отличие от этих людей, которые ввергли себя в услужение нечистой иерархии, едва ли понимая, на что они идут.

Сепириту заранее указал им направление, и они помчались через измятую, перекрученную землю прямо к столице — Хвамгаарлу, городу Кричащих Статуй. Чаша Звона оказалась островом зеленых обсидиановых гор, которые отбрасывали странные отблески, из-за чего скалы казались живыми.

Вскоре они увидели невысокую стену, прорезающую весь остров от горизонта до горизонта. Это была внешняя, самая далекая стена Хвамгаарла, отстоящая от города на многие и многие мили. Когда они подъехали к запертым воротам, облаченные в темные мантии стражники, певшие какую-то непривычную литургию, окружили их.

Эльрик не хотел терять время на пустяки и скомандовал: — Конь, вверх!

Нихрейнианский конь взмыл, оставив внизу потрясенных этим фантастическим прыжком солдат. Мунглум последовал примеру друга, его смех разлился, как пение птицы, когда они со свистом перелетали эту странную стену, ее башни и стражников.

Их дальнейший путь был свободен, видно, Ягрин Лерн пока не придумал, чем еще может их задержать.

Но когда до Города Кричащих Статуй оставалось не больше мили, земля под копытами стала корчиться, содрогаться и лопаться со страшным грохотом. Но это их не задержало, прыгающие на десятки ярдов нихрейнианские кони и не заметили этого препятствия.

Внезапно небо и горизонт затянула необъяснимая, тяжелая тьма, воздух содрогнулся, темноту прорезали полосы смоляной, блестящей черноты. Из трещин в земле стали возникать чудовищные фигуры.

Ястребоглавые львы пятнадцати футов длиной припадали брюхом к земле и крались к путешественникам, предвкушая добычу. Их оперенные гривы шуршали при движении. К сильному удивлению Мунглума Эльрик рассмеялся, он даже взглянул на друга с сомнением — уж не помутился ли при виде этих чудовищ разум у знаменитого воина? Но скоро

выяснилось, что Эльрик знал эти создания Хаоса, поскольку его предки часто обращались к ним для достижения своих целей еще много веков назад. Очевидно, Ягрин Лерн, открыв их для себя, поспешил использовать новых союзников, не вникая в подробности их истории.

Эльрик с пафосом проговорил древние слова, обращаясь к гигантским птицеподобным монстрам. Они замерли и стали растерянно оглядываться вокруг, их агрессивность заметно спала. Оперенные хвосты уже не бились судорожно, а всего лишь нервно подрагивали, когти не процарапывали борозды в жестком грунте, а ушли в мягкие подушечки лап. Эльрик и Мунглум без происшествий проехали мимо них, даже не притрагиваясь к оружию. И только тогда монотонный, но властный голос рывкнул с небес на Высоком Языке Мельнибона:

— Убейте их!

Один ястреболов нерешительно двинулся в погоню за путешественниками, другой, и лишь затем побежали все чудища.

— Быстрее! — скомандовал Эльрик коню, но тот, и не прибавляя маху, легко опережал не очень быстрых кошек.

Эльрик улыбнулся. Глубоко в тайниках его памяти хранились заклинания, которые он постигал еще ребенком. Как и все древние заклинания Мельнибона, они перешли к нему из книг, хотя отец предупредил его, что многие из них потеряли силу. Но теперь понадобилось заклинание — для усмирения ястребоголовых львов, и оно подействовало. Было еще какое-то заклинание, отсылающее их обратно к пределы Хаоса. Сработает ли оно? Он сосредоточился, и необходимые слова пришли:

Макти из Мельнибона создал вас
Из вещества бесформенного буйства.

И если жить хотите, покоритесь,

Или Макти вас приведет к первооснове...

Ястребольвы замялись, Эльрик повторил заклинание, опасаясь, что вспомнил не все, ошибаясь то ли в смысле, то ли в словах.

Мунглум, который гнал своего коня позади, старался не мешать, когда Эльрик произносил заклинания. Внезапно он услышал, как одна из тварей глухо взревела и неуверенными прыжками направилась к трещинам, из которых выползла в этот мир.

Эльрик тоже услышал этот рев и обрадовался — чудовища поняли его угрозу, но были еще связаны предыдущим заклинанием. И все-таки медленно, неохотно, но все они стали уходить в трещины, пока не исчезли совсем.

Эльрик сказал с торжеством:

— Судьба благоволит нам! Ягрин Лерн вряд ли превосхо-

дит меня, если это все сюрпризы, которые он смог нам противопоставить! Теперь ясно, что Хаос лишь использует его, и не больше!

— Не искушай судьбу, — предостерег его Мунглум, — Скорее всего, это лишь проба сил по сравнению с тем, что нам еще предстоит.

Эльрик бросил веселый взгляд на друга и кивнул. Но думать о следующей задаче он не хотел.

Теперь они приблизились к главным стенам Хвамгаарла. Между огромными контрфорсами этого сооружения они увидели блестящие статуи — мужчин и женщин, которых Ягрин Лерн и его предки превратили в камень, но сохранили им жизнь, способность разговаривать и кричать. Статуи кричали почти все время, их голоса неразборчивым гомоном висели над городом, призывая проклятья на своих мучителей.

Этот звук даже Эльрику, который знал в чем дело, казался невыносимым. Внезапно в этот визг, плач и стон врезался другой, механический звук — стальная решетка главных ворот Хвамгаарла приподнялась, и из-под нее на равнину хлынул поток хорошо вооруженных людей.

— Очевидно, колдовская мощь Ягрина Лерна истощилась, и Герцоги Ада пренебрегают его союзом для борьбы с парой простых смертных! — сказал Эльрик, сжав рукоять черного меча.

Мунглум промолчал. Он извлек оба своих заговоренных меча теперь, когда им предстояло нечто знакомое, его страх испарился.

С тихой песней Буреносец вылетел из ножен и застыл в руке Эльрика, приготовившись выпить новые души и укрепиться темной украденной силой. Эльрик обрадовался этой страсти клинка. Он закричал передовым солдатам:

— Смотрите, шакалы, на меч! Откованный Хаосом уничтожит Хаос! Он выпьет ваши души, искромсает тела! Мы идем к вам!

Он не стал ждать, пока Мунглум последует за ним, пришпорил нихрейнианского коня и принялся рубить всех, до кого мог дотянуться, с неожиданным наслаждением.

Теперь, когда он был единым целым с дьявольским клинком, голод убийства пронзил его, радость похитителя душ, которые он вливал новой жизненной силой в свои вены, кружила ему голову. Хотя добрая сотня воинов преграждала ему путь к воротам, они даже не заставили его осадить коня. Он прорубил себе кровавую дорогу через них. Мунглум, пустив в ход оба меча, был почти равен Эльрику, убивая тех, кто выступил против них.

Ужас, который они сейчас внушали, заставил даже отборных солдат дрогнуть. А потом они стали разбегаться, стремясь спастись от этого воющего рунного меча, который сиял таким

невероятным, бриллиантовым, черным блеском, что превосходил саму тьму.

Хохоча во все горло, Эльрик испытывал ту же радость, которую испытывали его предки много тысячелетий назад, поставив мир на колени перед сияющей империей.

Хаос, несомненно, боролся с Хаосом, но Хаос старый, более наполненный жизнью, явился уничтожить извращенность, которая позволила новым слугам Ада вообразить себя равными в мощи с Повелителями Драконов Мельнибона.

С триумфом, преследуя разбегающихся врагов, Эльрик проскакал под воротами и въехал в Город Кричащих Статуй.

— Куда теперь? — спросил Мунглум. Он не отставал.

— В храм-дворец Теократа. Там Ариох и его друзья, без сомнения, ждут нас!

Они скакали по гулким пустым улицам гордого и ужасного города с таким видом, как если бы целая армия была у них за плечами. Темные здания возвышались над ними, но ни одно лицо не выглянуло украдкой из окон. Чаша Звона собиралась повелевать миром и была способна на это, но на этот раз жители были полностью деморализованы двумя людьми, которые ворвались в их город, подобно буре.

Они остановились, достигнув широкой площади, увидев гробницу, висящую в ее центре на высоких колоннах. За ними находился дворец Ягрина Лерна, все башни которого были зловеще безжизненны. Даже статуи здесь не кричали. Копыта коней опускались на мостовую совершенно бесшумно, когда Эльрик и Мунглум достигли гробницы. Окровавленный меч в руке Эльрика прошелестел в воздухе и ударил по цепям самого святого сооружения этого нечистивого места. Волшебный клинок врезался в кованый металл и рассек звенья.

Грохот, раздавшийся, когда гробница упала и разбилась, был в тысячи раз усилен тишиной. Эхо прокатилось по Хвамгаарлу, и каждый его обитатель понял, что это значит.

— Я вызываю тебя, Ягрин Лерн! — закричал Эльрик так, что и эти слова были услышаны всеми. — Я пришел взыскать с тебя долг! Выходи! — Он замолчал, он не знал, будет ли принят этот вызов. — И веди Герцогов Ада с собой...

Мунглум тоже ждал, он следил за Эльриком, который тем временем продолжал:

— Веди Ариоха, и Балана, и Малука! Веди гордых Богов Хаоса, я намерен очистить наш мир от них!

И вновь молчание было ответом на его высокий вызов, и он услышал лишь, как эхо его слов умирает на отдаленных площадях города.

Затем что-то произошло во дворце. Он почувствовал движение. Его сердце забилося сильнее, как знак его смертности.

Он услышал звук, подобный топоту чудовищных копыт, и понял, что это идут к нему. Его глаза нашли громадные золотые двери дворца, затененные колоннами.

В полной тишине двери стали открываться. Потом фигура, карликовая по сравнению с высотой дверей, выступила вперед. Это был человек. Его панцырь так блестел, что казался раскаленным докрасна. В левой руке он держал огненно-алый щит, в правой был зажат меч, полыхающий, как лава. Ягрин Лерн заговорил, и голос его дрожал от гнева:

— Так, король Эльрик, ты выполнил все свои обещания, кроме одного.

— Я собираюсь выполнить и последнее, — сказал Эльрик с внезапным спокойствием. — Выходи, Теократ. Я честно встречу тебя в последней схватке.

Ягрин Лерн глухо рассмеялся.

— Честно? С этим-то клинком? Однажды я уже бился с ним и не погиб. Но сейчас он горит жадой крови, не насытившись душами моих лучших воинов-священников. Нет, пусть твой вызов обернется против тебя!

Он отступил на шаг. Двери распахнулись шире. Эльрик рассчитывал встретить гигантов, но был разочарован. Герцоги приняли форму людей. Но от них исходила сила, безумная сила, от которой даже камни казались мягкими как воск. Эта сила растекалась в воздухе, когда они выходили и спускались, минуя Ягрин Лерна, по ступенькам дворца.

Эльрик всмотрелся в их прекрасные улыбающиеся лица, и задрожал — столько в них было любви, гордости и доверия. На мгновение ему захотелось прыгнуть с коня, припасть к их ногам и просить прощения за свою дерзость.

— Здравствуй, Эльрик, — мягко сказал стоящий впереди всех Ариох. — Может быть, ты передумаешь и вернешься к нам?

Его серебряный голос почти заставил Эльрика сойти с коня, но затем воин взял в нем верх, он закрыл уши руками и закричал:

— НЕТ! Я ДОЛЖЕН СДЕЛАТЬ ТО, ЧТО ДОЛЖЕН! ВАШЕ ИЛИ МОЕ ВРЕМЯ ВЫШЛО!

— Не говори так, Эльрик, — сказал Балан убеждающе, его слова легко проникли в сознание Эльрика, вспыхивая в черепе светящейся музыкой. — Хаос никогда не был таким могучим на Земле, как теперь. Мы сделаем тебя великим, сделаем тебя Верховным Лордом Хаоса! Мы дадим тебе бессмертие жизни, власти и волшебства! Но если ты и дальше будешь вести себя так глупо, ты погибнешь и будешь предан забвению.

— Я не хочу, чтобы обо мне помнили в мире, подвластном Закону!

Малук весело рассмеялся:

— Это невозможно. Мы перекрыли все пути, созданные Законом. Он не сможет помочь Земле.

— Вот поэтому вы должны умереть! — закричал Эльрик.

— Мы бессмертные, нас невозможно убить! — сказал Ариох, в его голосе проскользнуло нетерпение.

— Тогда я верну вас в Хаос, и вы никогда больше не получите доступ на Землю!

Эльрик сжал рукоять меча, и тот затрепетал, застонал, но не в предвкушении, а от нерешительности.

Балан усмехнулся.

— Смотри, даже твой верный меч знает, что мы говорим правду.

— Ты сказал лишь часть правды, — заявил Мунглум дрожащим голосом, сам поразившись своей отваге. — Но я знаю всю правду. Есть Закон, который связывает Хаос. Но существует Высший Закон — Закон Равновесия. Высший Дух считает равновесие основным принципом на Земле. И это равновесие должно поддерживаться борьбой Хаоса и Закона. Иногда равновесие колеблется в одну сторону, иногда — в другую. Так повелось на Земле. Но неравное соотношение этих начал недопустимо. Вы, в борьбе за полную власть Хаоса, забыли это!

— Забыли неспроста, смертный. Баланс выброшен из бытия, его больше не существует. Мы победили!

Эльрик сосредоточился. Чувствуя это, Буреносец замурлыкал. Герцоги тоже почувствовали это и переглянулись. Прекрасное лицо Ариоха вспыхнуло гневом, он грациозно заскользил к Эльрику. Конь Эльрика отпрянул, комок живого огня истек из ладоней Ариоха и ударил белоликого воина. Тот почувствовал холодную боль в груди и пошатнулся в седле.

— Жизнь твоего тела несущественна, Эльрик. Но подумай, как это разорвет твою душу! — вскричал Ариох. Мягкость и кротость слетели с него, как шелуха.

Эльрик захохотал. Ариох выдал себя. Если бы он оставался спокойным, то имел бы огромное преимущество, но, показав свое истинное обличье, он устранил все сомнения Эльрика.

— Ариох, ты помогал мне в прошлом. Ты пожалеешь об этом!

— Еще есть время исправить мою ошибку, смертный! — Ариох выпустил второй разряд, но Эльрик поднял Буреносца и с удовлетворением увидел, как поток ослепительной энергии разлетелся на мелкие искры. И все-таки противостоять такой мощи без магической поддержки было невозможно. Но созывать братьев рунного меча Эльрик еще не хотел. Это следовало оставить на крайний случай.

И тут Эльрик вспомнил о ястребольвах, которых отправил в Хаос. Возможно, ему удастся вызвать их — для своих целей.

Заклинание было свежо в его сознании, требуя легких изменений настроения и произношения слов.

Спокойно, отражая атаки Герцогов, которые утратили красоту и превратились в воплощение ненависти, он начал петь на Высоком Языке:

Макти из Мельнибона создал вас
Из вещества бесформенного буйства.
И если жить хотите, покоритесь,
Ко мне на помощь тотчас появитесь...

Из клубка крутящейся мглы возникли клювастые бестии. Эльрик крикнул:

— Смертное оружие не может повредить вам! Но эти создания из вашего мира. — И он приказал ястребольвам атаковать Богов.

Ариох и его друзья попятились, пытаясь подчинить гигантских животных, но те атаковали их все решительнее и быстрее.

Эльрик увидел, как Ариох, отбиваясь от чудовищ, что-то вскричал, его тело распалось на части, но тут же появилось новое, менее уязвимое. Ястребольвов это не смутило, они набросились на него и остальных демонов еще яростней.

Внезапно Эльрик увидел Ягрин Лерна, который, воспользовавшись суматохой на площади, бежал во дворец. Надеясь, что твари сообща справятся с Герцогами, Эльрик погнал своего коня вокруг кипящей схватки. Мунглум последовал за ним.

Верхами они проскочили в двери и увидели далеко впереди испуганного Теократа, убегающего по анфиладе комнат.

— Твои союзники не настолько сильны, как ты рассчитывал, Ягрин Лерн! — закричал Эльрик и поскакал за своим врагом.

Ягрин Лерн добежал до широкой лестницы и начал быстро подниматься наверх. Он был так напуган, что даже не оглядывался.

— О Боги! Боги! — вопли Ягрин Лерна выдавали его ужас. — Не оставляйте меня!

Мунглум удивленно прошептал:

— Неужели эти твари так легко одолеют всю аристократию ада?

Эльрик покачал головой:

— Я лишь рассчитывал покончить с Ягрином Лерном. Это может положить конец и присутствию демонов на Земле.

До Теократа оставалось не больше десяти футов, Эльрик уже занес свой меч, но... Ягрин Лерн юркнул в боковую комнату, и Эльрик услышал лязг засова. Повернув пролетевших мимо двери нихрейнианских коней, Эльрик и Мунглум добрались до двери и попробовали взломать ее мечами. Но это

потребовало времени. Когда дверь наконец поддалась, они обнаружили, что Ягрин Лерн исчез.

Взбешенный Эльрик перевернул в комнате всю мебель, сорвал все драпировки и в дальнем углу комнаты обнаружил крохотную, узкую дверцу. Он снова пустил в ход свой меч. По ту сторону стены оказался узкий и темный коридор, который вел наверх, очевидно, в башню.

На верхней ступеньке лестницы они снова оказались перед еще одной запертой дверью. Как ни тесно было в коридоре, Эльрик нанес хороший удар мечом. Удар был очень силен, но дверь даже не дрогнула.

— Она защищена чарами! — закричал он, собравшись вновь ударить, но тут внизу раздался испуганный голос Мунглума:

— Эльрик! Они уничтожили всех тварей! Они возвращаются во дворец.

Он доберется до Ягрина Лерна позже... Перепрыгивая через ступеньки, он спустился в покой и через него вышел к лестнице. По анфиладе комнат к нему шли трое окруженных радужным сиянием Богов.

— Буреносец, — прошептал Эльрик, — время вызывать твоих братьев.

Меч завибрировал в его руке, соглашаясь. Эльрик начал петь мучительную, угрожающую руну, которую Сепириту передал ему. Буреносец застонал, вторя напеву, а разгоряченные битвой Герцоги, принимая различные обличья, неотвратимо приближались, грохоча своими коваными сапогами по драгоценному полу дворца.

Вдруг в воздухе вокруг себя Эльрик увидел какое-то неясное движение, отпечатки форм, не полностью пришедших в это измерение из измерения Хаоса. Он видел сквозь поднятую круговерть ступеньки, и внезапно ему показалось, что воздух пронзают тысячи мечей и каждый из них — двойник Буреносца!

Инстинктивно Эльрик швырнул свой меч вперед. Буреносец повис в воздухе перед ним, став центром вращения остальных его братьев.

— Веди их, Буреносец! Веди их против Герцогов, или твой господин погибнет, и ты никогда больше не отведаешь крови, не выпьешь душу!

Мечи застонали, сотрясая воздух. Герцоги увидели его, стоящего на верху дворцовой лестницы, и бросились вперед, источая злобу и жажду убийства.

Оглянувшись, Эльрик увидел Мунглума, который сел на своего коня, но не знал, что ему делать. Было похоже, что он смирился с неминуемой смертью или даже чем-то похуже смерти.

Затем мечи обрушились на Герцогов, и голова Эльрика закружилась от блеска клинков, жалящих меняющиеся тела

Повелителей Ада. Грохот жуткой битвы наполнил весь дворец, невероятный блеск неземных энергий слепил зрение.

Без жизненной силы Буреносца Эльрик ощутил себя слабым и беспомощным. Он почувствовал боль в ногах и присел на ступени. Он ничем не мог помочь Черному Мечу и его братьям, которые дрались с Герцогами Ада. Внезапно головокружение стало сильнее, он подумал, что если и дальше будет смотреть на это сражение, то станет совсем слепым, или глухим, или безумным... Со странным облегчением он почувствовал, как тьма заволакивает его разум. Он упал, потеряв сознание, не зная, кто победил.

ГЛАВА 5

Голова гудела, спина болела, руки дрожали. Эльрик открыл глаза. Прямо перед ним, скованный цепями, распятый на стене висел Мунглум. Коптящее, неяркое пламя мерцало в центре помещения, и он почувствовал новую боль в колене. Взглянув, он увидел Ягрина Лерна.

Теократ плюнул на него.

— Так, — сказал Эльрик печально. — Я потерпел поражение. В конце концов победил ты.

Ягрин Лерн не выглядел победителем. Ненависть горела в его глазах.

— Ах, как я накажу тебя... — сказал он.

— Накажешь меня? Чем? — Сердце Эльрика забилося чаще.

— Твое последнее заклинание сработало, — мрачно сказал Теократ, отворачиваясь. — И твои, и мои союзники исчезли, а все мои попытки восстановить контакт с Герцогами оказались бесполезными. Ты выполнил свою угрозу — ты, или твои союзники — и полностью и навсегда изгнал их в Хаос.

— Мой меч, что с ним?

Теократ злобно ухмыльнулся.

— Только одно и хорошо — твой меч исчез вместе с остальными... Я буду пытаться и калечить тебя, пока ты не сдохнешь, а это будет нескоро!

Эльрика охватило двойственное чувство. С одной стороны, он радовался, что Герцоги побеждены. С другой — был огорчен исчезновением меча. Без клинка он был слабее ребенка. Так и не успев обдумать новости как следует, Эльрик почувствовал, что свет в его глазах опять тускнеет от слабости.

— Наслаждайся последними относительно безболезненными днями, Эльрик, и помни, что их не будет много. Мне необходимо провести последние проверки боевого флота, он вскоре отправляется на Юг. И я не хочу оглушать тебя сейчас поспешными, плохо подготовленными пытками. К тому вре-

мени, как я освобожусь, мне придут в голову более утонченные мучения, клянусь!

Он вышел из комнаты, оставив дверь приоткрытой. Эльрик услышал, как Ягрин Лерн говорит охране:

— Топите очаг, не жалея дров. Пусть взмокнут, как проклятые души в аду. Кормите раз в три дня. Скоро они попросят воды. Дайте ровно столько, чтобы они не умерли. Они заслужили гораздо худшее, чем это, но получают все не сразу, а когда у меня будет время решить эту проблему.

Днем позже началась настоящая мука. Их тела потеряли последние капли влаги, языки распухли... И все время они знали, что этот ужас — ничто по сравнению с тем, что им предстояло. Эльрик недолго сопротивлялся, его сознание стало угасать, боль отступила, и все вокруг — мир, ощущения, время — перестали существовать.

Когда он все-таки пришел в себя, сквозь нахлынувшую боль, он услышал голос — проникнутый ненавистью голос Ягрина Лерна. В камере находился и еще кто-то. Его ощупывали его, и тело его вдруг стало легким, как будто он вновь родился. Хотя он слышал голоса, понять слов он не мог.

Потом он оказался в каком-то темном и довольно тесном помещении, в котором качались стены. Он пытался придумать, что бы это могло быть, но ни до чего не додумался, пока однажды не услышал голос Мунглума:

— Эльрик! Мы на корабле, в море!

Но ответить Эльрик уже не мог, его тело ослабевало быстрее, чем это происходило с обычным человеком. Он вспомнил Зарозинию, которую — он знал — никогда вновь не увидит. Он вспомнил свое обещание, данное монархам Юга, которое ему не суждено выполнить...

Вдруг появилось много еды и воды, это немного прибодрило его. Набравшись сил, он открыл глаза и увидел улыбающегося Ягрина Лерна.

— Хвала Богам, — сказал Теократ, — я боялся, что потерял тебя. Ты действительно — особый случай, мой друг. Постарайся оставаться живым дольше, чем остальные. Для того, чтобы начать развлечение, не откладывая, я взял тебя с собой в плавание. Сейчас мы пересекаем Море Драконов. Знаешь, наш флот хорошо защищен заклятиями от монстров, обитающих в этих водах.

Силы на время вернулись к Эльрику, он так взглянул на своего врага, что у того прервался голос, и он быстро отошел. Потом Ягрин Лерн неуверенно улыбнулся и сказал:

— Я думаю, что смогу сделать такой наркотик, который придаст тебе больше жизненных сил. И тогда мы сможем начать.

Отвратительную, дурно пахнущую массу насильно заталкивали Эльрику в рот, вынуждая его глотать ее. Через некоторое время он был способен сесть, раскрыть глаза... И увидел Мунглума. Его друга долго и искусно пытали, он был без сознания, только цепи не давали ему упасть на палубу. Эльрик обнаружил, что не связан, и, мучительно преодолев расстояние между ними, тряхнул Мунглума за плечо. Тот застоялся, но ничего не сказал.

Что-то мелькнуло, тусклый свет сменился ярким, Эльрик поднял голову и увидел, что крышка люка откинута и Ягрин Лерн сверху смотрит на них.

— Я вижу, варево помогло. Выходи, Эльрик, взбодрись запахом моря и солнечным теплом. Всего несколько миль отделяет нас от побережья Аргимилиара, и корабли-разведчики докладывают, что сюда идет вполне приличный флот.

Эльрик выругался:

— Клянусь Ариохом, надеюсь, они отправят тебя на дно!

Ягрин Лерн раздвинул губы в усмешке:

— Кем ты клянешься, Ариохом? Ты забыл драку в моем дворце? Ариох не может быть вызван — ни тобой, ни мной. И привело к этому твое дурацкое заклинание!

Он отвернулся и кому-то сказал:

— Возьмите его и вынесите на палубу. Вы знаете, что с ним делать.

Два матроса вытащили еще бессильного Эльрика, связали ему руки и ноги и оставили на палубе. Эльрик зажмурился, когда лучи солнца упали ему на лицо.

— Поставьте его, пусть все видит, — скомандовал Ягрин Лерн.

Матросы повиновались, Эльрика поставили на ноги, и он мог смотреть на громадный флагманский корабль Ягрина Лерна с шелковыми вымпелами, пляшущими на свежем западном ветру, с тремя рядами напряженно работающих гребцов по каждому борту, с высокими мачтами, несущими темно-красные паруса.

У горизонта, в море, Эльрик увидел мощный флот, идущий несколькими кильватерными колоннами. Кроме кораблей Чаши Звона и Дхариджора, флот состоял из судов Джаркора, Шазара и Таркеша, но на каждом парусе был нашит герб Чаши Звона. Подавленный этим зрелищем Эльрик понял, что флот Южноземелья не выстоит против такой армады.

— Мы были в море только три дня, — сказал Ягрин Лерн. Но спасибо духам ветра, мы почти у цели. Разведчик недавно доложил, что лормирианские силы, прослышав о нашей мощи, плывут, чтобы присоединиться к нам. Мудрый поступок короля Монтана, и в данный момент — прекрасный ход. Я

использую его, поскольку он мне нужен. Когда он станет бесполезен, — я убью его как предателя.

— Почему ты рассказываешь мне это? — прошептал Эльрик.

— Потому что хочу, чтоб ты был свидетелем разгрома Юга. После того, как мы высосем из него все сокровища, мы уничтожим остров Пурпурных Башен и, действуя оттуда как с промежуточной базы, раздавим Вилмир и Илмиор. Может быть, посоветуешь, как это сделать попроще?

Когда Эльрик не ответил, Ягрин Лерн сказал:

— Привяжите его к мачте, чтобы он видел все. Я создам вокруг него защитную оболочку, чтобы его не убила случайная стрела — он мне нужен для полного мщения.

Эльрика привязали к мачте, но он не понимал, что с ним делали. Его голова бессильно упала на грудь — он опять был без сознания.

Могучий флот Чаши Звона шел к победе.

К полудню Эльрика вывел из ступора возглас рулевого.

— Паруса к юго-востоку! Лормирианский флот приближается!

С гневом Эльрик увидел не меньше пятидесяти двухмачтовых кораблей, чьи паруса ярко сияли, контрастируя с темно-красными парусами флота Ягрина Лерна. Лормир, хотя и имел меньшую мощь по сравнению с Аргимилиаром, обладал сильным флотом. Эльрик подсчитал, что предательство короля Монтана более чем на четверть уменьшило силы Юга.

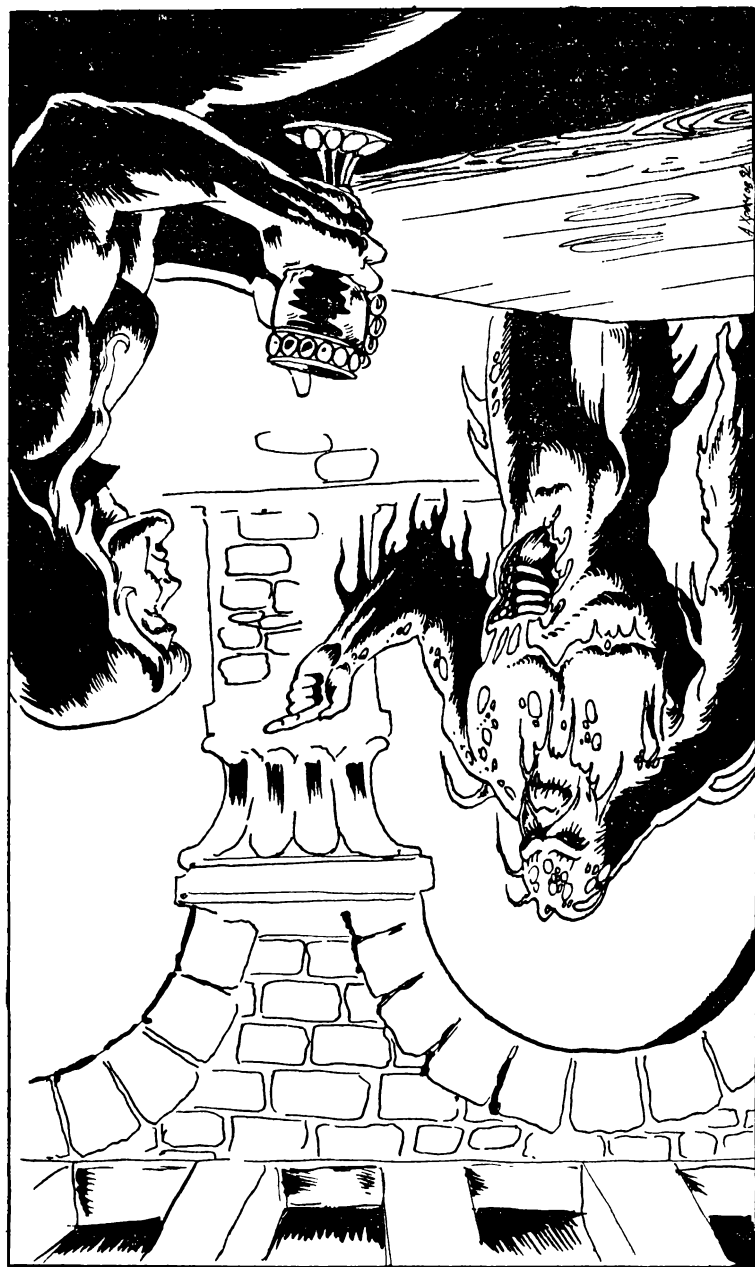
Теперь он понял, что для Юга никакой надежды не осталось, победа Ягрина Лерна был хорошо подготовлена.

Спустилась ночь. Охрана накормила Эльрика жидкой кашей, содержащей еще одну порцию стимулирующего варева. Когда он вновь ожил, Ягрин Лерн подошел к нему.

— На рассвете мы встретим Южный флот, — сказал он с издевательской ухмылкой. — А к полудню от него останутся одни обломки. Мы раздавив его и установим нашу власть над приморскими народами, которые так глупо распорядились своей морской мощью, единственной силой, обеспечивающей им безопасность.

Эльрик вспомнил, что он предупреждал королей Южноземелья — они останутся один на один с Теократом. Он оказался прав. Потом, угрожая с Юга, захватить Восток будет гораздо легче, и тогда Ягрин Лерн будет править всем миром. Хаос возобладает, Земля вернется к тому первобытному состоянию, из которого она вышла тысячи лет назад.

Он попытался собрать свои мысли, но скоро слабость и бессилие покрыли тенью его сознание.

ГЛАВА 6

Под утро шум готовящегося сражения разбудил его. Щурясь от яркого солнца, он увидел на горизонте южный флот, идущий на корабли Ягрин Лерна.

Или Южные короли очень храбрые, подумал он, или они не понимают силы своего противника.

Под ним, на фордеке, была установлена гигантская катапульта, и рабы уже положили на ее чашу большую бочку с дымящимся фитилем. Эльрик подумал, что такую большую катапульту неудобно использовать, более легкие конструкции должны иметь перед ней преимущества. Но приглядев-шись, понял, что инженеры Ягрин Лерна установили на ней какие-то удивительные механизмы, и обратил внимание, что зарядили ее очень быстро.

Ветер утих. Пять сотен пар рук напряглись, чтобы погнать вперед галеру Ягрин Лерна. На палубе воины заняли свои места возле громадной абордажной платформы, которая должна была удерживать корабль противника во время схватки. Эльрик должен был признать, что Ягрин Лерн весьма предусмотрителен. Его корабль был оснащен для боя наилучшим образом. Он не заметил никаких признаков сверхъестественной помощи.

И все-таки Ягрин Лерн сделал одну ошибку. По его приказу на несколько часов были восстановлены не только физические, но и умственные силы Эльрика. И Эльрик решил это использовать.

Буреносец исчез. Без него Эльрик беспомощен. Поэтому он должен как-то найти клинок. Но как? Меч наверняка вернулся в Хаос со своими братьями. Но Эльрик мог установить с ними контакт... Сложность была в том, что Эльрику не нужны были все мечи, ему нужен был только один — его Буреносец.

Внезапно он услышал хлопок. Гигантская катапульта сделала свой первый выстрел. Бочонок смолы взлетел над океаном и упал в воду с небольшим недолетом. Море вскипело вокруг него. Боевую машину стали перезаряжать. Эльрик поразился быстроте, с которой другой бочонок смолы с запаленным фитилем был уложен на взведенный ковш катапульты. Ягрин Лерн заметил это и улыбнулся.

— К сожалению, развлечение будет недолгим — их недостаточно много для серьезной борьбы. Смотри, как они погибли!

Эльрик не ответил, притворившись испуганным. Следующий выстрел попал в один из идущих впереди кораблей, и Эльрик увидел крошечные фигурки людей, которые забегали по палубе, пытаясь погасить разбрызганную полыхающую смолу. Через минуту уже весь корабль был охвачен пламенем, люди стали прыгать за борт, не в силах спасти свое обреченное судно.

Снова воздух загудел, пронзенный сгустком дымного пламени. С уменьшением расстояния южане пытались ответить выстрелами своих более легких машин — пространство над морем прошли тысячи хвостатых комет, жар, исходящий от них, был почти как тот, который испытал Эльрик в камере пыток. И в ряду кораблей Чаши Звона появился черный дым, но здесь потери от огня даже не сбили скорости атаки.

Напряжение боя нарастало, расстояние между флотами уменьшалось. Наступил момент, когда медные клювы носовых таранов стали пробивать обшивки вражеских кораблей. Зазвучали хриплые крики людей, идущих на abordаж, раздался лязг железа, когда первые противники сошлись.

Но Эльрик почти не смотрел и не слушал страшную музыку сражения. Он жаждал услышать только один звук. Он звал, зная, что голос его будет неслышен в грохоте боя:

— Буреносец!

И вдруг его напряженное сознание уловило отклик на зов, казалось, он заглянул за бурление битвы, за океан, за те земли, в которых клубилась непроницаемая тьма.

— Буреносец!

Он услышал ругательства и увидел Ягрина Лерна, который указывал на него пальцем.

— Вставьте кляп белолицему колдуну! — Ягрин Лерн внимательно смотрел на Эльрика, немного подумав, он добавил: — Если это не положит конец его бормотанию — убейте его!

Какой-то румяный лейтенант сорвал платок с шеи и шагнул к Эльрику.

— Буреносец! Твой повелитель погибает! — Платок врезался в губы, но язык еще мог двигаться. — Буреносец! — Всю жизнь он ненавидел меч, от которого зависел. Но сейчас звал его, как любовник зовет на свидание подругу.

Офицер закричал, раздраженный тем, что не может быстро исполнить приказ своего колора.

— Молчи! Ты раздражаешь моего повелителя!

Сузившимися глазами Эльрик посмотрел на воина. Юноша вздрогнул, выхватив широкий abordажный палаш, и замахнулся.

— Буреносец! — выкрикнул Эльрик. Он должен жить! Без него Хаос захватит господство над миром!

Офицер ударил Эльрика, но клинок не причинил ему никакого вреда. И Эльрик вспомнил, что Ягрин Лерн защитил его заклинанием! Магия Теократа спасла ему жизнь.

— Буреносец!

Внезапно лейтенант открыл рот в беззвучном крике, палаш выпал из его слабеющих рук. Он отчаянно боролся с чем-то невидимым, впившимся в его горло. Эльрик увидел,

как из под смятого воротника хлынула кровь. Затем в утреннем воздухе медленно материализовался знакомый контур, и с невероятным облегчением Эльрик увидел, что это меч — его рунный меч, пьющий душу умирающего юноши.

Офицер упал, Буреносец повернулся и одним движением срезал веревки, удерживающие грудь и руки Эльрика, потом с ужасающей точностью привычно лег на правую ладонь своего господина.

Жизненная сила стала вливаться в Эльрика. Боль, жажда, страх и отчаяние уходили по мере того, как Буреносец щедро переливал свою неестественную мощь в слабое тело альбиноса. Эльрик освободил свои ноги и шагнул от мачты.

— А сейчас, Ягрин Лерн, ты увидишь, кто должен победить!

Но сначала Эльрик подбежал к световому люку, под которым находилась их камера. Он откинул крышку и заглянул вниз. Мунглум из Эльвира, страшно похудевший, бледный, покрытый синяками поднял к нему голову.

Эльрик спрыгнул вниз и с ужасом увидел, что правую руку друга обглодали крысы. Он срубил цепи, положил безвольное тело Мунглума на плечи и побежал на палубу.

Как обеспечить безопасность своему другу во время битвы он еще не придумал. Но тут Эльрик увидел, что корабль Ягрина Лерна ввязался в абордажный бой с головным кораблем флота южан. Эльрик пошел к абордажной платформе, связавшей оба судна в единое целое, по которой, как он заметил, на борт противника уже перебрался Ягрин Лерн. Едва он сделал несколько шагов, трое солдат появились перед ним, угрожая оружием. Один из них закричал:

— Альбинос, ты решил бежать!

Эльрик убил его одним движением кисти. Черный меч и на этот раз не подвел его. Остальные разбежались, вспомнив, как Эльрик ворвался в Хвамгаарл.

С каждым убитым человеком его сила возрастала, похищенная сила, но необходимая, если он хочет приблизить день торжества Закона.

Он легко побежал со своей ношей по абордажной платформе, спрыгнул на палубу корабля южан, сделал несколько шагов к мостику и увяз в толчее вооруженных людей. Далеко впереди, на ступеньках, ведущих на капитанский мостик, он увидел короля Хозела. Король Аргимилиара был мрачен, на его лице запечатлелось сознание неотвратимости собственной гибели.

Затем нестройный гул голосов пролетел над палубой, на которой кипела схватка. Один из людей Хозела показывал на север и что-то говорил своему королю. Эльрик взглянул в

том направлении и со смешанным чувством восторга и отчаяния увидел пурпурные паруса флота Пурпурных Городов.

Но, скорее всего, они появились слишком поздно. Никто не мог повернуть время вспять, чтобы они успели соединиться с флотом южан и союзными силами выступить против Чаши Звона.

В этот момент Ягрин Лерн увидел Эльрика и что-то сказал своим людям, которые медленно и неохотно пошли на альбиноса, обходя его широким полукругом. Эльрик выругался. Широко размахивая тихо завывающим рунным мечом, он сделал еще несколько шагов к корме. Но это было все, чего можно было добиться. Солдаты Ягрина Лерна встали как стена, и даже Черный Меч пугал их меньше, чем ярость их короля, они были готовы убить Эльрика или умереть.

Защищая спину, Эльрик прижался к борту. Время от времени, когда пыл нападающих на него воинов Чаши Звона ослабевал, он оборачивался и смотрел, как корабли Пурпурных Городов подходят к месту битвы. Когда дистанция до них не превышала броска катапульты, Эльрик нашел твердым взглядом перепуганное лицо Ягрина Лерна и прорычал:

— Пока я не могу выполнить свою клятву, Теократ. Но помни, даже если ты завоюешь весь мир, включая неизвестные страны Востока, наступит день и мой меч выпьет твою черную душу!

С этими словами он перебросил бесчувственное тело Мунглума через борт и последовал за ним в беспокойное море.

Подхватив тело своего друга, он поплыл к идущему впереди кораблю с затейливой вышивкой на пурпурных парусах, к кораблю Каргана. Эльрик плыл, размахивая руками, громко выкрикивая имя лидера Морских Лордов.

Корабль слегка изменил курс, и Эльрик увидел над поручнями бородатые лица, обращенные к нему, заметил веревки, летящие к нему. Он схватил одну из них, и сейчас же его потянули вверх вместе с Мунглумом, которого он не выпускал ни на минуту.

Оказавшись на палубе, Эльрик осторожно положил Мунглума на светлые, теплые доски, вытер лицо и поднял голову. Карган смотрел на него в крайнем изумлении.

— Эльрик! Мы думали, ты погиб, и сейчас...

Эльрик с наслаждением набрал воздух в легкие и устало сказал:

— Поворачивай назад, Карган! Спасти флот южан невозможно, они погибли. Мы должны сохранить свои силы для решающей битвы.

Быстро оценив ситуацию, Карган отдал приказ, который передал набором вымпелов на остальные корабли его флота.

Когда флот Морских Лордов, так и не вступив в сражение, лег на обратный курс, Эльрик еще раз убедился в правильности своего решения. Корабли южан полыхали, на нескольких милях морской поверхности плавали лишь обломки.

— После такого поражения, — мрачно говорил Карган, стоя рядом с Эльриком, — они не долго будут сопротивляться. Южане, как и мы, слишком надеялись на свои корабли. Это подсказывает, что необходимо усилить сухопутные силы, чтобы у нас остались хоть какие-то шансы на победу.

— Да, нужно укрепить ваши острова, чтобы их можно было использовать в качестве опорного пункта, — сказал Эльрик. К ним подошел врач, который осматривал Мунглума. Эльрик тут же повернулся к нему. — Как мой друг, доктор?

Тот поклонился и ответил:

— Это не боевые ранения, сэр. Он просто истощен, поэтому в настоящий момент его жизни ничто не угрожает. Но потребуется не меньше месяца, чтобы поставить его на ноги.

— Будем надеяться, что у нас будет этот месяц, — сказал Эльрик. Он крепче сжал рукоять Буреносца, и подумал, что ему предстоит еще много испытаний, прежде чем произойдет решающая битва между теми, кто служит Хаосу, и Законом.

Пока они побеждали, захватив уже более половины мира, побеждали, несмотря на то, что Эльрик изгнал Богов Хаоса. Сейчас и без них перевес Ягрин Лерна над остальными странами был подавляющим. Эльрик вздохнул и стал смотреть на Север.

Через два дня они пришли к Острову Пурпурных Городов. Флот расположился в обширной гавани Уткела. Сохранить его, не погубить в безнадежной битве против превосходящих сил противника, было мудрой мыслью.

Всю первую ночь на этой безопасной стоянке Эльрик совещался с Морскими Лордами, созданными из Вилмора и Илмиора. К утру они слышали осторожный стук в дверь комнаты, в которой проходило совещание.

Карган пошел открыть ее и в удивлении отступил перед высоким чернолицым человеком, который уверенно вошел в комнату.

— Сепириту! — воскликнул Эльрик. — Как ты оказался здесь?

— Прискакал на спине коня, — улыбнулся гигант. — Ты ведь знаешь мощь и возможности нихрейнианских скакунов. Я пришел предостеречь тебя. Мы наконец установили связь с Белыми Лордами. Но они, увы, ничего сделать не могут. Им мешает барьер, созданный Хаосом, чтобы блокировать их. Теперь новости. С кораблей Ягрин Лерна на берега Южноземелья сошло бесчисленное множество воинов. Пока они

рвут в клочья прибрежные районы, но, возможно, скоро направятся и в глубь континента. Предотвратить их поход никто не в силах.

— Куда мне отправляться, чтобы решить новые проблемы? спросил Эльрик.

— Это еще мне самому не ясно. Но я пришел не только ради этого. Твой меч находился у своих братьев. Как ты, наверное, заметил, теперь он гораздо быстрее насыщает твоё тело энергией?

Эльрик кивнул.

— Эта сила дьявольского происхождения, и она принадлежит злу. Так как мощь, рожденная Хаосом, теперь наполняет твоё существо, тебе все труднее контролировать ее.

Эльрик вздохнул и коснулся руки Сепириту.

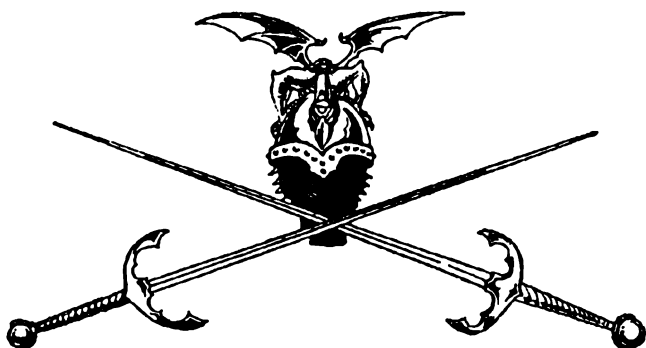
— Спасибо за предупреждение, друг, но изгоняя Герцогов Ада, которым я служил прежде, я не надеялся отделаться телесной раной, Сепириту. — Он повернулся к Морским Лордам. Знайте это все.

Он вынул рунный клинок из ножен и поднял его вверх, так что тот засиял и заискрился своей сверхъестественной черной мощью.

— Этот клинок был откован Хаосом сокрушить Хаос, и в нем моя судьба. Хотя мир умирает, я еще жив. И клянусь космическим Равновесием, что Закон восторжествует, новый век придет на Землю!

Смущенные неистовством этой клятвы, Морские Лорды переглянулись, а Сепириту улыбнулся:

— Будем надеяться, Эльрик, — сказал он. — Будем надеяться.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ЩИТ ПЕЧАЛЬНОГО ГИГАНТА

Тринадцатю тринадцать шагов
К убежищу, в котором щит лежит,
И семью семь бузиновых солдат.
Назначенное совершится.
Герой печального гиганта
Посетит и щит возьмет,
Который одолеет красный меч
В печальный день победы.
«Хроника Черного Меча»

ГЛАВА 1

На весь мир легла тень анархии. Ни бог, ни человек, ни тот, кто управлял ими, не различали будущее, не видели судьбу Земли, так как силы Хаоса становились сильнее. На всем пространстве от гор западных земель через бурный океан и до южных равнин Хаос правил безраздельно. Измученные, потерявшие надежду на освобождение народы двух континентов не могли противостоять извращенному Те-

ократу Ягрину Лерну с острова Чаша Звона — хищному и пронизательному, вознесенному в своих алых доспехах на самую вершину власти человекоподобным зверьем и сверхъестественными тварями, чтобы расширять границы тьмы.

Все на поверхности Земли было разрушено и корчилось от боли, кроме редконаселенного, но уже угнетенного страхом Восточного Побережья, Острова Пурпурных Городов, которые теперь осознали себя последним бастионом, противостоящим безудержной экспансии Ягрина Лерна. Всесокрушающий поток Хаоса должен был вскоре захлестнуть весь мир, пока некая гигантская сила не воспротивится этому.

Мрачно и резко те несколько наций, которые еще боролись с Ягрином Лерном под руководством Эльрика из Мельнибона, обсуждали стратегию и тактику, прекрасно понимая, что есть единственная возможность — это опрокинуть жуткие орды Ягрина Лерна.

В отчаянии Эльрик пытался использовать древнее колдовство своих имирских предков, чтобы установить контакт с Белыми Лордами Закона. Но он потерпел поражение в попытках добиться помощи. Так как силы Хаоса были слишком сильны, Белые Лорды не могли поддержать Землю в ее борьбе, как бывало в прежние времена.

Итак, люди готовились к борьбе, но многие из них уже не верили в действенность этой борьбы. Кроме того, Эльрика тяготила мысль, что если даже он победит Хаос, эта победа уничтожит знакомый ему мир, и в новой действительности, управляемой Законом, не будет места императору-колдуну.

Вне земного измерения, в границах своей реальности Лорды Хаоса и Закона наблюдали за борьбой, но даже они не понимали всего предназначения Эльрика.

Хаос торжествовал. Хаос блокировал все попытки Закона преодолеть границы его владения, потому что только от Хаоса теперь вели дороги на Землю. И Лорды Закона разделили разочарование Эльрика.

Но если Хаос и Закон следили за борьбой, развернувшейся на Земле, то кто контролировал их? Хаос и Закон были только двумя чашками на весах, а рука, державшая весы, редко вмешивалась в этот конфликт и еще реже — в действия людей. Какая чашка должна перевесить? И чем ее нужно для этого нагрузить? Могут ли люди решить исход этого противостояния? Могут ли Лорды решить его? Или только Космическая Рука может, переделав сущность Земли, изменить ее строение и отправить другими путями к новой судьбе?

Великий Зодиак, определяющий Вселенную и ее Знаки, завершал свои двенадцать циклов, которые теперь должны были начаться сначала. Колесо раскручено. Какой из симво-

лов будет преобладать, когда оно придет в норму, как он изменит бытис? Великие достижения на Земле забылись, великие предназначения были изменены, великие подвиги остались неисполненными. К изумлению Белых Лордов из вышших миров и мириадов сверхъестественных существ, которыми кишела Вселенная, лишь люди могли найти выход.

И даже всего один человек — один человек и один меч, связанные единой судьбой.

Эльрик из Мельнибона, сидя в седле, наблюдал за солдатами, бегущими по городской площади Баакшаана. Годом ранее он руководил здесь осадой города, требуя выдать торговцев, обманувших партнеров и похитивших их богатства. Но теперь этот конфликт был забыт, так как появилось понимание если Эльрик со своими отрядами не спасет их, этого не сделает никто. Стены города были толстыми и высокими, воины научились неплохо обращаться с неизвестным им прежде оружием. Из города ленивых, избалованных торгашей Баакшаан стал местом, готовым, когда придет время, к битве.

Весь последний месяц Эльрик ездил по всем гарнизонам королевств Илмиора и Вилмира, инспектируя их подготовку, выстраивая силы двух государств в эффективную военную машину.

Солнце садилось в тяжелые черные облака, закрывшие добрую половину яркого, металлически-голубого неба. Эльрик скинул плащ, чтобы насладиться прохладой вечера. Его случайный взгляд на запад вдруг заметил нечто, подобное пылающей золотой звезде, медленно плывущей на город.

В войне против надвигающегося Хаоса следовало быть осторожным во всем — он повернулся в седле и скомандовал:
— Тревога! По местам!

Золотистый шар двигался быстро, пока не повис над городом. Люди, сжимая оружие, смотрели на него с удивлением. Как только наступила ночь, шар начал спускаться к башням Баакшаана, странное свечение пульсировало вокруг него. Эльрик выхватил меч из ножен, и черный огонь заблестел вокруг клинка, издававшего тихий стон. Шар опустился на вымощенную булыжником городскую площадь и вдруг, разлетевшись на тысячу осколков, исчез.

Эльрик облегченно рассмеялся, пряча Буреносца, увидев того, кто находился в золотом шаре.

— Сепириту, друг! Ты выбрал странное средство добратся сюда из Нихрейнианской пропасти.

Рослый темнолицый человек улыбнулся, его белые зубы блеснули.

— У меня есть несколько подобных экипажей. Обычно я

использую их, когда времени не хватает. Я принес тебе новости, много новостей.

— И, надеюсь, хороших. Потому что последнее время к нам приходят только плохие.

— Разные. Где мы можем переговорить?

— Я живу в этом особняке. — Эльрик указал на богато украшенный дом в дальнем конце площади.

Когда они вошли в помещение, Эльрик предложил своему гостю желтого вина. Калос, торговец, бывший владельцем этого дома, не хотел пускать чужака на постой, поэтому Эльрик, разозлившись, реквизирует у него весь дом.

Сепириту взял бокал и пригубил крепкое вино.

— Что с Лордами Закона, Сепириту? — спросил Эльрик. Удалось с ними связаться?

— Связаться удалось.

— Хвала Богам! Они помогут нам?

— Они хотели бы, но не могут пробить достаточную брешь в барьере, выстроенном Хаосом вокруг планеты. И все же то, что нам удалось связаться с ними, — самое большое наше достижение за прошедшие месяцы.

— Так, — прошептал Эльрик удовлетворенно. — Это хорошие новости.

— Но это не все. Флот Ягрина Лерна готов к плаванию. Он направится к Острову Пурпурных Городов, имея тысячу кораблей и сверхъестественных союзников.

— Как и ожидалось, Сепириту. Значит, моя работа здесь закончена. Я отправлюсь на Остров Пурпурных Городов. Наконец-то мне придется вести флот против Ягрина Лерна.

— У тебя есть шансы победить, но они очень малы, Эльрик, — серьезно предупредил его Сепириту. — Приходилось ли тебе слышать о кораблях Ада?

— Я слышал о них. Они плавают без парусов в глубинах морей, а экипажи состоят из мертвых моряков.

— Именно так. Они принадлежат Хаосу и представляют собой что-то большее, чем просто мертвые корабли. Ты не справишься с ними, даже если разделаешься с флотом Ягрина Лерна.

— Я предполагал, что борьба будет тяжелой, но что будет еще и это?.. Сейчас я располагаю единственным оружием против Хаоса — моим мечом.

— Нет, этой шпильки недостаточно. Вот главное, что я хотел сказать, — тебе следует обзавестись личной защитой, хотя ты и должен будешь отобрать ее у того, кто ею сейчас владеет.

— Кто же это?

— Гигант, который отсиживается в бесконечной тоске в

громадном замке на краю мира, за Дышащей Пустыней. Его зовут Мордага, он был когда-то богом, но стал смертным из-за преступления, которое совершил против своих друзей-богов много веков назад.

— Смертный? Как долго он уже живет?

— Да, Мордага смертен. Хотя его жизнь несравненно дольше жизни обычного человека. Мысль, что он умрет, очень угнетает.

— А оружие?

— Не оружие, а Щит. Давным-давно, когда Мордага обитал еще во владениях Хаоса, он сделал его, чтобы стать величайшим из всех богов. Он даже хотел вырвать Космические Весы у ТОГО, КТО ДЕРЖИТ ИХ. Потому и был низвержен на Землю и превращен в смертного, которого убьют клинком. Щит, как ты мог догадаться, защищает от действий Хаоса.

— Каким образом? — с любопытством спросил Эльрик.

— Силы Хаоса могут разрушить любую защиту, сделанную из материи. Нет ни одной конструкции, основанной на принципах порядка, способных выдержать деформирующее влияние Хаоса, и это хорошо известно. Буреносец эффективен, как оружие против Хаоса, поскольку создан Хаосом. То же самое можно сказать о Щите Хаоса. Он хаотичен по своей природе, поэтому в нем нет структуры, на которую может подействовать Хаос. Он отражает Хаос Хаосом же.

— Я понял. Если у меня будет Щит, все может измениться к лучшему для нас.

— Я не могу обещать успех. Я всего лишь слуга Судьбы и не могу действовать без санкции своего повелителя. Возможно, он хочет видеть мир, захваченный Хаосом, прежде чем начнется новый цикл. Изменения произойдут, но будет ли новый мир под управлением Хаоса или Закона, — это в твоих руках, Эльрик!

— Как я могу найти этот Щит?

— По восьми стреловидным знакам Хаоса, по радиусам, исходящим из его центра. Это тяжелый круглый Щит, похожий на гигантскую пряжку, но с жизненной энергией, подобной той, что дает тебе рунный меч. У тебя хватит сил носить его. Но сначала ты должен отбить его у Мордаги. И помни, он знал пророчество прежде, чем друзья-боги отправили его в изгнание.

— И ты тоже знаешь пророчество?

— Да. На вашем языке оно имеет сверхсложную структуру.

Гордость Мордага — погибель его.

И он должен оставить мир,

Как человек, пораженный в бою,

С четверкой людей Судьбы.

— Четыре человека? Кто же еще?

— Это ты узнаешь, когда придет время увидеть Щит Хаоса. Но ты не сказал мне, что будешь делать? Отправишься к Пурпурным Городам или же поедешь искать Щит?

— Я хотел бы отправиться на поиски этой штуки, но не могу. Без меня люди не будут драться так сплоченно, как со мной.

— Тебя разобьют.

— Посмотрим, Сепириту.

— Хорошо, Эльрик. Поскольку судьба теперь в твоих руках, я должен позволить тебе принять решение самостоятельно. Сепириту улыбнулся.

— Судьба любезна, — иронически прокомментировал Эльрик. Он встал из своего кресла. — Я отправлюсь в путь, не будем терять время.

ГЛАВА 2

С молочно-белыми волосами, струящимися по его плечам, и красными глазами, сверкающими, как огонь, Эльрик гнал своего жеребца через холодную злую ночь, через земли, разоренные ордами Ягрин Лерна его атаками, означающими не только смерть, но и порабощение человеческих душ Хаосом.

Знамена дюжины Западных и Южных монархий развевались позади королевского штандарта Ягрин Лерна, так как короли этих завоеванных земель примкнули к нему и передали своих подданных под его начало. Жены и дети многих ноблей этих королевств, не согласных на подобное предательство, умерли, замученные на окровавленных алтарях Чаши Звона, где священники приносили человеческие жертвы Богам Хаоса, стремясь заручиться их поддержкой. И Боги Хаоса оказывали им эту поддержку.

Везде, где побывал Ягрин Лерн, проявлялось искажающее влияние Хаоса. Изнемогая от мук, природа становилась такой, какой не должна была становиться. Воздух, Огонь, Вода и Земля — все стало неустойчивым. И не было никого, кто имел бы достаточно сил, чтобы остановить эти преступления. Никого, кроме Эльрика.

Эльрик постарался как можно быстрее достичь Острова Пурпурных Городов. Всего за два дня его жалкий, потрепанный в предыдущих стычках флот достиг порта Ухайо, располагавшегося на самом кончике наименьшего из трех Вилмирианских полуостровов, где Эльрик нанял корабль до Острова

Пурпурных Городов. Здесь он пересел на коня и уже верхом направился к древней крепости Ма-ха-кил-агра, которая выдерживала все осады, затеваемые против нее когда-либо.

Он с уважением смотрел на самую неприступную на земле крепость, еще свободную от Хаоса. Ее название на древнем языке было известно всем в этом столетии жителям Молодых Королевств. Но только Эльрик знал, как оно переводится: Ма-ха-кил-агра-Форт Вечера.

Когда он въехал в крепостной двор, Мунглум, человек с Востока, выбежал навстречу ему из сторожевой башни.

— Эльрик, мы ждали твоего прибытия! Здесь растет страх перед противником. Мы посылали шпионов, чтобы оценить флот Ягрин Лерна. Из четырех вернулся только один, но...

— Что?

— Увидишь сам. Он переделан, Эльрик.

— Переделан? Переделан! Где он? Ведите его ко мне. Эльрик кивнул остальным офицерам, которые вышли встретить его, и последовал за Мунглумом в башню. Они пошли по каменным коридорам крепости, освещенным редкими факелами. Доведя друга до окованной железом двери с тяжелым засовом, Мунглум остановился, запустив пятерню в густые рыжие волосы.

— Он здесь. Иди к нему сам, я не могу видеть его!

— Хорошо. — Эльрик открыл дверь, пытаясь представить себе, что могло испугать Мунглума. Вначале он никого не увидел, поэтому сел за широкий стол, который стоял посередине зала, и стал ждать.

Внезапно в темном углу зала кто-то зашевелился. И в небольшое пятно света, которое отбрасывали факелы у двери, вступил человек. Нет, это был уже не человек. Эльрика охватила глубокая жалость к существу, некогда бывшему человеком. Ужаса, подобно Мунглуму, он не испытал, так как в своих колдовских скитаниях он видел и более отвратительные и странные создания. Разведчик выглядел, как если бы правая сторона его тела размягчилась, потекла, а затем внезапно застыла. Часть головы, плечо, рука, торс, нога были покрыты натеками плоти, подобными крысиным хвостам и пузырям.

Шпион сделал жест здоровой рукой, наросты задержались, за ними в унисон пришло в движение все тело. Эльрик спросил его приветливо:

— Что за магия так сильно преобразила тебя?

— Я побывал в королевстве Хаоса, сэр. И это изуродовало меня. Его границы расширились, а я не знал этого и оказался в его пределах, прежде чем понял, что случилось.

Он подался вперед, его дрожащий голос срывался:

— Среди основной массы флота Ягрин Лерна есть громадные отряды боевых кораблей вторжения, транспорты, корабли, вооруженные громадными катапультами, брандеры, корабли королей Юга, прибывших с выражением преданности Ягрину Лерну. А распоряжается этой морской ордой только он сам. Когда этот флот плывет куда-либо, он расширяет границы Хаоса, хотя эта граница переносится чуть медленнее, чем продвигается флот. Но она не останавливается ни днем, ни ночью и догоняет эту морскую армаду. Когда он доберется сюда, Хаос появится и здесь. Я видел корабли, сэр, которые не могли быть созданы на Земле, — они размером с замок, и каждый из них переливается всеми цветами радуги.

— Итак, он привлек гораздо больше сверхъестественных союзников под свои знамена, чем раньше, — подумал Эльрик вслух. — Ты описал корабли Ада, о которых меня предупредил Сепириту.

— О да. Даже если мы разобьем их настоящие корабли, мы не сможем остановить эти корабли Хаоса. Когда они плывут, вокруг них бурлит субстанция Хаоса, который сделал со мной то, что ты видишь. Она изменяет и постоянно меняется. Кроме того, я знаю, Ягрин Лерн и его человеческие союзники не страдают так, как пострадал я. Когда изменения стали происходить с моим телом, я поспешил в Мельнибон, на Остров Драконов, который, как говорят, является единственно безопасной страной во всех водах мира. Мое тело зажило там быстро, и мне повезло найти корабль, который доставил меня сюда.

— Ты был смел, — глухо сказал Эльрик. — И тебя вознаградят, я распоряжусь.

— Мне нужно только одно вознаграждение, повелитель.

— Какое же?

— Смерть. Я не могу больше жить в этом теле и с ужасом, запечатлевшимся в моей памяти.

— Я подумаю, как можно тебя вылечить, — пообещал Эльрик и распрощался со шпионом.

Мунглум ждал его за дверями.

— Это очень плохо для нас, Эльрик, — тихо сказал он.

Эльрик вздохнул.

— Наверное, сначала я должен был добыть Щит Хаоса.

— Что это?

Эльрик передал другу рассказ Сепириту.

— Мы должны иметь такую защиту, — согласился Мунглум. — Но сейчас о главном, о завтрашнем плавании. Мои капитаны ждут тебя в комнате для совещания.

— Я встречаюсь с ними через некоторое время, — сказал

Эльрик. — Сначала я хотел бы уединиться в твоей комнате и подумать. Скажи им, что я скоро буду.

Оказавшись в покоях Мунглума, Эльрик запер дверь и стал обдумывать рассказ деформированного человека. Он знал, что без сверхъестественной поддержки обычный флот, как бы велик он ни был, или какие бы смелые командиры ни повели его в сражение, не выстоит против Ягрина Лерна. Тем более, что союзный флот, собранный свободными странами, был относительно невелик. И у него не было сверхъестественных союзников. Вот если бы у них был Щит Хаоса...

Но сейчас уже было поздно изменять решение. Если он отправится за Щитом, то не успеет вернуться к битве. Эльрик отстегнул свой меч и бросил его на кровать, застеленную шелком и бархатом. Внезапно он вспомнил прежние времена и понял, что все то, что казалось ему таким серьезным и важным, было всего лишь веселой игрой по сравнению с тяжестью, которая теперь наполняла его душу. Он чувствовал себя усталым, но не хотел взбадриваться энергией Буреносца. Его охватил острый приступ вины, возникшей еще тогда, когда он впервые понял, что на лице отца, склонившегося над ним, нет любви, а есть лишь разочарование, вызванное бессилием, — бесцветный альбинос, который жизнеспособен лишь с помощью наркотиков или колдовства.

Эльрик вздохнул и, подойдя к окну, взглянул вверх низких холмов на море. Он заговорил вслух, возможно, подсознательно надеясь, что звук слов поможет сбросить напряжение.

— Я встретил Мертвого Бога, — сказал он, — который говорил, что и боги, и люди — лишь марионетки перед началом истинной истории Земли. Затем Сепириту сказал, что я должен выступить против Хаоса и разрушить известный мне мир, иначе история никогда не начнется и великая цель Судьбы не будет достигнута. Поэтому я — тот, кто должен следовать своей Судьбе. Я не должен думать о покое, должен лишь бороться с богами и людьми, должен нести смерть своей эпохе, чтобы в каком-то далеком веке люди, ничего не знающие о магии или Лордах Высших Миров, смогли жить в мире, куда силам Хаоса не будет пути, где Истина будет существовать, как реальность, а не как философская гипотеза.

Он прикрыл красные глаза пальцами.

— Так Судьба формирует мир Закона. Она дала мне меч, который жаждет убивать врагов и даже друзей, выпивать их души, чтобы насытить его силой, в которой он нуждается. Эта сила связывает меня со злом, с Хаосом, но при этом не делает меня бесчувственным болваном, которым легко играть, а по-

том принести в жертву. Нет, она делает меня Эльриком из Мельнибона и сообщает мне величайшую тайну...

— Мой повелитель разговаривает сам с собой, и его мысли грустны. Так скажи их мне, чтобы я могла разделить твою ношу, Эльрик.

Нисколько не удивившись, Эльрик обернулся и увидел свою жену, Зарозинию. Ее руки были протянуты к нему, и взгляд выражал любовь. Он остановился в шаге от нее и спросил:

— Когда ты сюда приехала? И зачем? Я приказал тебе оставаться в замке твоего отца в Каарлааке, пока дело не будет сделано!

— Сделано?.. — переспросила она, уронив руки.

Он уже знал, что она ответит, но он боялся за нее, боялся той опасности, к которой однажды она уже так близко подошла.

— Я прибыла сюда с тысячами солдат моего кузена Оплука, сказала она, гордо поднимая голову, — чтобы он присоединился к защитникам Уткела. Я прибыла к моему мужу, потому что он может нуждаться во мне...

Эльрик прошелся по комнате.

— Я настолько люблю тебя, Зарозиния, и хотел бы, поверь, находиться в Каарлааке, но не могу. Ты знаешь мою судьбу, мой рок. Ты огорчаешь меня своим присутствием здесь, а не помогаешь мне. Если нам удастся победить, мы встретимся с тобой в радости, а не в печали и страхе, как сейчас!

Он остановился перед ней и взял за руки.

— Ах, Зарозиния, мы никогда не должны были встречаться, мы можем причинять друг другу столько боли! Наше счастье было таким коротким...

— Я хотела поддержать тебя, мой повелитель, — сказала она тихо.

Он вздохнул. Без гнева она отошла от него. С легкой улыбкой указала на кровать, где лежал Буреносец.

— Я вижу, другая дама занимает мое место, — сказала она. — Теперь ты можешь не прятать ее подальше, ведь Черный Лорд Нихрейна дал тебе возможность всегда держать ее рядом. Судьба — все в этом слове. Судьба! А что на самом деле Судьба, Эльрик, ты можешь ответить?

Он покачал головой.

— Ты раздражена, я не отвечу на твой вопрос.

Внезапно она закричала: — Эльрик! Я добиралась к тебе много дней, надеялась, что ты обрадуешься мне. А в твоих и моих словах — неприязнь!

— Страх, — сказал он угрюмо. — Это страх, а не непри-

язнь. Я боюсь за тебя, боюсь за судьбу мира! Проводи меня на мой корабль утром, а затем как можно быстрее возвращайся в Каарлаак, умоляю тебя!

— Если ты этого хочешь.

Она прошла в маленькую комнату, примыкавшую к большой.

ГЛАВА 3

— Мы говорим только о поражении! — рычал Карган из Пурпурных Городов, ударив кулаком по столу. Казалось, даже его борода дрожит от гнева.

К утру все устали, несколько капитанов уснули. Но Карган, Мунглум, Дайвим Слорм и лунолицый Дралаб из Таркеша все еще спорили.

Эльрик спокойно ответил.

— Мы говорим о поражении, Карган, потому что должны предусмотреть и эту возможность. Ведь это вполне возможно, не так ли? Мы должны, если поражение будет неотвратимым, оторваться от наших врагов и перегруппировать наши силы. Для новой атаки на Ягрина Лерна.

— Ладно, это логично, — пробурчал неохотно Карган. Они вновь заговорили о том, что первое поражение означает потерю Острова Пурпурных Городов — передового бастиона борьбы против Хаоса для Вилмира и Илмиора.

Мунглум хмыкнул:

— Если они заставят нас бежать раньше, чем нас полностью уничтожат, то затем, вернувшись, мы вновь и вновь будем атаковать их. Я думаю, для этого мы должны будем двигаться гораздо быстрее, чем можем сейчас, тем более, что мы измотаны и снабжение у нас слабее... — Он невесело улыбнулся. — Ах, простите мне этот пессимизм. Боюсь, я перебрал...

— Нет, — сказал Эльрик. — Мы должны учитывать все это и даже то, чего мы сейчас не подозреваем. Ты прав. Для того, чтобы как следует подготовить отступление, я уже разместил отряды в Дышащей Пустыне и в Пустыне Плача, приказал собрать запасы пищи и оружия, такого, как сверхпроникающие стрелы, копья и тому подобное. Если мы будем двигаться быстрее, чем Ягрин Лерн, в пустынные районы, то у нас будет преимущество во времени, так как ему необходимо расширять зону Хаоса, а его сверхъестественные союзники лишь догоняют его.

— Ты говоришь, как реалист... — сказал Дайвим Слорм.

— Увы, некоторые варианты бессмысленно изучать или рассматривать. Например, если всех нас поглотит Хаос...

Карган вздохнул и встал из-за стола.

— Здесь больше нечего обсуждать, — сказал он. — Пойду спать. Мы выходим в море с утренним приливом.

Загребели отодвигаемые стулья, никто не возражал Каргану, все стали расходиться.

Было уже позднее утро, когда Эльрик встал и увидел Зарозинию. Она сидела у окна, и черный с серебром плащ ниспадал с ее плеч до самого пола.

Он умылся, побрился, подкрепился фруктами с блюда, украшенного свежими листьями, и спросил:

— Почему ты надела сегодня украшения?

— Я провожаю тебя.

— Если ты думаешь так, как говорила ночью, тебе лучше надеть красное траурное платье. — Он улыбнулся, затем привлек ее к себе.

— Не ищи грубости в моих словах, Зарозиния. Вспомни ночи, когда страсть заставляла наши сердца биться в унисон.

Он оделся в боевой костюм Мельнибона жилет, колет с высоким воротом и черные штаны, закрывающие его ноги до высоких черных ботинок. Потом он надел нагрудник из блестящего черного металла. Спину закрывал плащ темно-красного цвета. На одном из пальцев руки, тонком и белом, было кольцо королей с единственным редчайшим лучистым камнем, оправленным в серебро. Его длинные белые волосы ниспадали на плечи, прижатые над бровями тонким бронзовым кольцом, в которое были вправлены другие редкие камни — золотистые топазы, изумруды, тигровый глаз. Буреносец свисал с его левого бедра, на правом же был колющий кинжал с эбеново-черной рукоятью. На столе среди открытых книг лежал черный шлем с выгравированными древними рунами — он же королевская корона.

Он взял шлем в руки и, с внезапной тяжестью на сердце, произнес:

— Пойдем, моя любовь. Не гадай, выживу я или нет в предстоящей битве. Судьба не оставит меня, как мать сына. Мне суждено быть свидетелем всех мучений нашего мира до тех пор, пока не наступит день, когда он исчезнет без следа.

Морские Лорды уже собрались. Все были облачены в боевое великолепие, хотя никто не мог соперничать с Эльриком. Старые расовые предрассудки ожили в памяти многих, когда они увидели его. И все же было гораздо больше таких, кто задался вопросом — почему их предки боялись Светлой Империи в те дни, когда Мельнибон управлял миром. Сейчас жалкая горсть имрицев приветствовала его, когда он проехал по набережной, оглядывая корабли, расцветившие та-

келаж флагами и геральдическими вымпелами, весело и вольно развевающимися по ветру.

На Дайвиме Слорме был плотно облегающий драконий шлем, верхняя защитная часть которого была выполнена из целой драконьей головы, выкрашенной в красные и зеленые цвета. Его панцырь был покрыт желтым лаком, хотя остальная часть одеяния была черной, подобно одежде Эльрика. У него на боку висел брат Буреносца — Меч Печали.

— Прекрасная погода для начала военных действий против Ягрина Лерна, — сказал Дайвим Слорм.

— Это неплохие новости. — Эльрик улыбнулся. — Есть другие?

— Вчера умер разведчик. И вчера же удалось получить полные сведения о вражеском флоте. Он состоит из четырех тысяч боевых кораблей, десяти тысяч транспортных судов и, возможно, включает двадцать кораблей Хаоса. Они — единственное оружие, о котором у нас нет никаких догадок.

Эльрик кивнул. Их собственный флот состоял из пяти тысяч боевых кораблей, оборудованных катапультами и другими боевыми машинами. Транспортов, хотя многие погибли, было еще больше, но из-за медлительности они не могли принять участие в морской битве.

Итак, несмотря на превосходящие силы Ягрина Лерна, у них, в обычных условиях, были бы хорошие шансы на победу. Непредсказуемым фактором являлось присутствие сверхъестественных кораблей. Описание, сделанное шпионом, было недостаточным. Эльрик нуждался в более точной информации, и именно сейчас, когда флот готовился к битве.

Он захватил клочок звериной шкуры, на которой было записано могущественное заклинание, предназначенное для вызова Морского Короля. Эльрик надеялся вызвать его в открытом море, где шансов на успех были больше. Он рассчитывал, что Морской Король должен быть возмущен разрушительным влиянием Ягрина Лерна и его потусторонних союзников на равновесие морей и океанов. К тому же однажды, давным-давно, Морской Король однажды помог ему, и Эльрик надеялся, что эта помощь не была последней.

Карган, похожий в толстом морском панцыре на мохнатолицего броненосца, указал на несколько лодок, направляющихся к набережной.

— Эти шаланды доставят нас на корабли, милорд.

Капитаны стали отбывать на свои корабли. Каждый из них был сосредоточен и спокоен, но многие испытывали чувства, более сильные, чем неуверенность перед борьбой, потому что не представляли, на что способны корабли Хаоса.

И все же они были отчаянной компанией, если отправлялись в путешествие, которое обещало им нечто худшее, чем смерть.

Эльрик сжал руку Зарозинии:

— До свидания.

— Прощай, Эльрик. Может быть, новые Боги защитят тебя.

— Передай это напутствие моим друзьям, — ответил Эльрик. — Они нуждаются в нем больше, чем я.

Мунглум сказал:

— Эльрик, пора спускаться в лодку. Скажи ей, что мы вернемся с победой.

Эльрик никому не позволял фамильярничать со своей женой, даже Дайвиму Слорму. Но сейчас он простил Мунглума.

— Вот видишь, Мунглум совершенно спокоен. А ведь он обычно преисполнен самых зловещих предчувствий.

Она не ответила, нежно поцеловала его в щеку, сжала ему руку и шагнула назад. Он спустился к воде.

Гребцы взяли за весла, и скоро Эльрик уже поднялся на борт флагмана и прошелся по палубе.

Потом Эльрик стал наблюдать за гребцами, налегавшими на весла. Им помогал легкий попутный ветерок, который раздувал громадные пурпурные паруса.

К полудню Остров Пурпурных Городов был уже не виден, лишь зеленая вода расступалась перед кораблями, идущими рядом с флагманом. Огромный флот растянулся на десятки миль. Даже с вершины мачты нельзя было увидеть замыкающие корабли.

Постепенно флот перестроился в пять колонн, каждая из которых стала определять окончательный боевой порядок. Каждая колонна подчинялась опытному Морскому Лорду из Пурпурных Городов. Это было важно еще и потому, что немало капитанов были обычными сухопутными командирами, лишь недавно обученными основам морской тактики. Мунглум поднялся на капитанский мостик и встал рядом со своим другом.

— Как тебе спалось сегодня? — спросил он Эльрика.

— Отвратительно. Сплошные кошмары.

— Значит, с тобой было то же, что со всеми. Тяжкие сны преследовали каждого. Образы демонов и чудовищ наполняли их.

Эльрик кивнул, соглашаясь. Хаос в его бытии все более отчетливо влиял на людей. Это влияние, подавляемое днем, должно было проявляться ночами, особенно в кошмарных снах.

— Впереди что-то непонятное! — крикнул впередсмотрящий.

Эльрик поднес руки, сложенные рупором, ко рту.

— На что это похоже?

— Я ничего подобного не видел, милорд, поэтому не могу описать.

Эльрик повернулся к Мунглуму:

— Передай приказ по флоту: уменьшить скорость с четырех до одного удара барабана.

Распорядившись, он подошел к мачте и начал быстро подниматься по лестнице вверх к наблюдательной площадке. Он поднимался все выше и выше над палубой. Висящая над головой люлька раскачивалась, как колыбель.

— Это враги, господин? — спросил матрос, когда Эльрик забрался к нему.

Эльрик внимательно вглядывался в горизонт, затянутый чемто вроде поблескивающей тьмы, которая время от времени выбрасывала вверх змеящиеся щупальца субстанции, зависающие на мгновение, а затем опадающие вниз. Дым подкрадывался к ним все ближе, перекрывая сплошной пеленой море.

— Это враг, — медленно произнес Эльрик.

С этого удобного для наблюдения места Эльрик также ясно видел весь флот, окончательно перестроившийся в боевой порядок. Флагманский корабль шел на небольшом расстоянии от передовой линии, состоящей из кораблей эскадренных командиров.

Эльрик крикнул вниз Каргану:

— Продолжай двигаться вперед, Карган!

Морской Лорд кивнул. Он знал, как важно следовать плану битвы, который обсуждался вчера так долго. Ведущая эскадра под командой Эльрика, составленная из наиболее мощных боевых кораблей, должна была ворваться в центр вражеского флота и расстроить его боевой порядок. Главной целью должен быть корабль Ягрина Лерна. Если Теократ будет убит или хотя бы обращен в бегство, их победа обеспечена.

Через некоторое время темная субстанция стала ближе, и Эльрик смог различить паруса первых вражеских кораблей. Потом, когда они подошли еще ближе, он увидел в этом передовом отряде громадные силуэты, превосходившие размеры самые большие боевые корабли Ягрина Лерна.

Корабли Хаоса! Эльрик узнал их, вспомнив описание из древних преданий. Это были корабли, похожие на обычные, но плавающие в глубинах океанов. Матросами на них были утонувшие моряки, а командовали ими существа, ничего общего с людьми не имеющие.

Это был флот глубочайших и мрачных пучин океанов, которые с незапамятных времен были предметом распрей между духами водных стихий во главе с Королем Страшей

и Лордами Хаоса. Легенды говорили, что когда-то Хаос правил морем, а Закон сушей. Возможно, поэтому морская стихия и вызывала у людей страх.

Согласно тем же преданиям, духи морских стихий отвоевали верхние слои моря, но Лорды Хаоса удержали власть в пучине, используя свой флот Смерти. Сами корабли не были созданы на Земле, несмотря на то, что их капитаны были земными существами, а экипаж — людьми. Их нельзя было повредить земным оружием.

Когда они приблизились, у Эльрика рассеялись последние сомнения относительно происхождения этих кораблей.

Знак Хаоса был начертан на их парусах — восемь янтарных стрел, расходящихся из центрального круга, — символ претензий Хаоса на реализацию всех возможностей, тогда как Закон сдерживает и уничтожает эти возможности и формирует реальность в вечной неподвижности. Знак Закона — стрела, направленная вверх, символизирующая одно направление и контроль.

Философия нового мира утверждала, что именно Хаос должен впадать в стагнацию — непрерывно меняющуюся и бурлящую событиями, которые никогда не приводят к прогрессу.

В сердце Эльрика существовала тоска по этому символу, ведь он был предан Лордам Хаоса в прошлом, и его народ, существовавший под их началом, был создан силами Хаоса. И вот теперь Хаос должен объявить войну Хаосу. Эльрику необходимо выступить против тех, кому он был верен, вернуть оружие, созданное хаотичными силами, против них самих. Время изменений пришло.

Он спустился на палубу. Дайвим Слорм уже ждал его. Эльрик рассказал ему об увиденном. Дайвим Слорм был поражен.

— Но флот Смерти никогда не поднимается на поверхность, кроме... — Его глаза расширились.

Эльрик пожал плечами.

— Да, есть легенда, говорящая, что флот Смерти поднимается из глубин, когда наступит время последней битвы, когда Хаос выступит против себя, потому что Закон будет слаб. И битва эта решит, будет ли на Земле торжествовать Хаос, или она перейдет под полное правление Закона. Когда Сепириту рассказал мне об этом, я растерялся. Но с тех пор, изучив множество манускриптов, полностью уверился в правдивости предсказания.

— Значит, это — последняя битва?

— Может быть, — ответил Эльрик. — Но совершенно точно, что одна из последних, когда решается вопрос, Закон или Хаос будут править Землей.

— Если мы проиграем битву, то Хаос...

— Возможно. Но, вступая в борьбу, давай лучше не думать, что эта схватка — последняя.

— Пожалуй. Тем более, если мы проиграем, у нас будет мало шансов проверить правоту Сепириту.

Дайвим Слорм сжал Меч Печали, висевший у него на боку.

— Кто-то должен совладать с этими клинками — мечами Судьбы, — когда придет время решающей дуэли. Ведь наши союзники слабы, Эльрик.

— Увы. Но я надеюсь, что удастся вызвать несколько других. Страаша, Король Морских Стихий, должен выступить против флота Смерти, а он брат Граоля и Миши, Лордов ветров. Возможно, через Страашу удастся вызвать и его наземных родственников.

— Я знаю только обрывки заклинания, призывающего Водяного Короля, — сказал Дайвим Слорм.

— Я знаю всю руну. Очевидно, надо поспешить, так как наш флот через два часа или даже меньше войдет в соприкосновение с врагами, и у меня не будет времени для вызова духов. Кроме того, необходимо собрать все силы.

Эльрик направился на нос судна, лег на палубу и начал всматриваться в воду. В глубине своего сознания он собирал странные и древние заклинания. Постепенно он погрузился в транс, теряя контакт с собственным телом, отождествляя себя с волнующейся поверхностью океанской воды.

Без малейшего усилия древние слова стали слетать с его губ. Зазвучала руна, которую знали его предки, когда они и все элементы стихий Земли были союзниками и помогали друг другу, когда десять тысяч лет восходила Светлая Империя.

Нам волны моря — родная мать,
Вскормившая нас, плеснув водой.
Небо над нами звенит, как сталь,
И первый должен последним стать.
Родитель рода, Морской Король,
Прошу, помоги мне, прошу, не оставь.
С тобой мы крови одной, ведь соль
В твоих и наших жилах течет.
Страаша, темный король волны,
Так помоги мне, прошу, помоги.

Слова были только звуковым проявлением ментального состояния, которое посылало призыв в глубину, в темно-зеленые морские пространства, пока оно не пришло к Страаше,

который возлежал на ложе, сложенном из коралла и перламутра. Оно не полностью принадлежало измерению Земля, большая его часть находилась в измерении, в котором демоны стихий длили свое бессмертное существование.

Страаша знал, что корабли Ада поднялись на поверхность, и был даже доволен тем, что его владения очистились от них. Но призыв Эльрика напомнил ему народ Мельнибона, к которому все духи природы относились с дружелюбием. Он решил откликнуться на древнее заклинание, хотя боялся, что его подданные ослаблены действием Хаоса, возникшим в этом мире. Не только люди страдали от Хаоса, но даже первичные силы были угнетены им.

Когда он начал движение, вода и субстанция его измерения совместились. Он вызвал несколько своих приближенных и начал подниматься к владениям Воздуха.

Эльрик почувствовал, что его заклинание сработало, и продолжал ждать. Наконец, вода забурлила, тяжелая волна разошлась по сверкающей поверхности, и стала видна гигантская фигура с бирюзовыми волосами и бородой, бледно-зеленой кожей, которая, казалось, сделана из самого моря. Голос Бога был подобен шуму прилива:

— Еще раз Страаша отвечает на твой зов, смертный. Наши судьбы связаны. Как я могу тебе помочь?

Эльрик ответил на мучительном для голосовых связок языке природных духов, рассказав морскому королю о предстоящей битве и о том, что Страаша может сделать.

— Боюсь, моя помощь будет невелика. Мой народ испытывает ужас перед бесчинствами наших врагов. Но мы попытаемся, я обещаю тебе.

Морской король погрузился в воду. Эльрик долго смотрел на волны с нарастающим чувством разочарования. Потом, раздумывая об ответе Бога, он поднялся на ноги и направился в кают-компанию сообщить своим капитанам новости.

Они выслушали его со смешанными чувствами, ведь только Дайвим Слорм имел дело со сверхъестественными существами. Мунглум сомневался, удастся ли подчинить дикий нрав короля и его подданных. Карган сказал, что, может быть, они — союзники народа Эльрика, но извечные враги Морских Лордов. Но когда подняли вымпелы с сообщением для других кораблей, на лицах многих капитанов появилась надежда на благополучный исход сражения.

ГЛАВА 4

Флот Ягрина Лерна надвигался на них. Субстанция Хаоса вспухала и бурлила над кораблями.

Эльрик скомандовал, и гребцы, налегая на весла, направили свои корабли на врага. Его союзники, демоны стихий, еще не появлялись, но он не мог ждать их.

Флагман «Достойные устремления» мчался по пенным волнам. Эльрик извлек меч из ножен, надел шлем, но на лицо не опустил и принялся петь гимн Мельнибона. Древняя заунывная мелодия периодически взрывалась воплями радостной злобы. Буреносец подвывал, сплетая свой голос с его голосом, их души предвкушали веселье на бранном пире.

Флагманский корабль Ягрина Лерна сейчас шел, скрытый тремя рядами кораблей. Позади него двигались корабли Смерти.

Железный таран «Достойных устремлений» впился в первый вражеский корабль, и гребцы веслами отвели флагман назад. Чуть изменив курс, он снова устремился вперед и вновь пронзил другой корабль ниже ватерлинии. Потоки стрел с протараненных кораблей застучали по палубе и доспехам. Несколько убитых гребцов откинулись назад на скамьях. И тут внезапно Эльрик увидел пылающий зеленым огнем шар, падающий на них с неба.

— Подготовьтесь к тушению огня! — рявкнул Карган, и несколько матросов выкатили бочки, содержащие специальный состав, рецепт которого Эльрик сообщил Морским Лордам задолго до выхода в море. Они принялись расплескивать этот состав по палубе, смочили им парусину, и когда шар упал, они погасили его той же смесью.

— Не отвлекайтесь по пустякам, — сказал Эльрик морякам. Вперед! Если мы справимся с флагманом, наше положение намного улучшится!

— Где же твои союзники? — ухмыльнулся Карган и слегка вздрогнул, когда увидел, что вещество Хаоса, собравшееся в стороне от них, внезапно выстрелило вверх протуберанцами черной материи.

— Они придут, — ответил Эльрик с уверенностью, которой не чувствовал.

Флагман расшвыривал вражеские корабли, и корабли их эскадры следовали за ним. Хотя рассмотреть весь фронт битвы было невозможно, Эльрик видел, что все корабли их флота изрыгали на противника потоки огня и тяжелые камни. Но только несколько кораблей с пурпурными парусами пробились через первый ряд и могли идти к флагману Ягрина Лерна.

Теперь их тактика была ясна и противнику. Вражеские суда стали маневрировать, чтобы защитить флагман, и поблескивающие странными сполохами корабли Смерти с фантастической для их размеров скоростью окружили корабль Теократа.

Перекрывая ревом шум битвы, Карган перестроил рассеявшуюся эскадру в новый порядок. Мунглум покачал головой в изумлении.

— Как может штука таких размеров держаться на воде? спросил он Эльрика.

— Мне тоже трудно понять, как они добились этого.

Когда их корабль маневрировал, занимая новое положение, он внимательно осмотрел ближайшее громадное судно, размером превышающее раз в двадцать остальные корабли. Оно казалось покрытым поблескивающим туманом, блеск солнца на его бортах играл всеми цветами спектра, так что очертания корабля были неясными и колеблющимися. Темные фигуры, которые передвигались по его палубе, также были плохо видны.

Языки темной субстанции проплыли через разделяющее их пространство, закрывая поверхность воды. Дайвим Слорм указал на них и закричал:

— Смотрите, Хаос приближается! Где Страаша и его народ?

Эльрик в недоумении покачал головой. Прошло уже немало времени, и помощь нужна была именно сейчас.

— Мы не можем ждать! Мы должны атаковать! — в голосе Каргана было больше высоких нот, чем обычно. Чувство безрассудной отваги охватило Эльрика, и он расхохотался.

— Тогда вперед!

Эскадра, изменив курс, стала надвигаться на беспорядочно двигающиеся корабли Смерти. Мунглум забормотал:

— Мы идем к собственной гибели. Нет человека, который мог бы приблизиться к этим кораблям.

Эльрик сделал вид, что не слышит своего друга. Флот Смерти ждал их совершенно спокойно, как будто он не нуждался в какой-либо подготовке к бою.

Эльрик крепко сжал рукоять Буреносца. Теперь клинок отзывался на биение его сердца, пульсировал в руке, словно имел свои собственные артерии и вены.

Когда корабли Хаоса оказались совсем близко, им стали видны фигуры на громадной палубе. Пронзенному внезапным ужасом Эльрику показалось, что в этой переменчивой массе, в этой игре дьявольских бликов и отражений он различил лицо самой смерти. Поэтому непроизвольно он закричал, обращаясь к Королю морского народа:

— Страаша!

И тогда воды вздулись, опали и снова вздулись, будто пытались подняться. Над ними появилась голова Страаши, но даже матросы, далекие от волшебства и магии, видели, как ему трудно бороться против сил Хаоса.

— СТРААША!

Волны двигались тяжело, скручиваясь в водовороты.

Хмель безумной отваги оставил Эльрика. Он крикнул Каргану:

— Мы не можем надеяться на помощь. Правь корабль вокруг флота Хаоса, попытаемся добраться до флагмана с тыла.

Повинуясь указанию Каргана, корабль по широкой дуге стал огибать флот Ада. Брызги волнующейся воды смочили палубу, попали на лицо Эльрика. И он не очень хорошо увидел, как корабли Хаоса с ходу врезались в другие корабли его флота и как они стали менять свойства их конструкций, как те вынуждены были отступить, унося экипажи, умерщвленные или подвергнутые жутким изменениям.

Но до его ушей донеслись их испуганные крики, и триумфальный гром музыки Хаоса, когда он, продвигаясь вперед, разрушал корабли Востока.

«Достойные устремления» тяжело раскачивался и плохо слушался руля, но все же они обошли дьявольский флот и достигли с тыла судна Ягрина Лерна, подобравшись к нему почти незамеченными.

Эльрик, недавно бывший на нем пленником, узнал флагман сразу. Они находились достаточно близко, чтобы ударить тараном, но на расходящихся курсах, поэтому вновь пришлось маневрировать. Стрелы утыкали палубу, как густая, жесткая щетина. Когда подхваченные высокой волной, флагманы обоих флотов столкнулись бортами, стоявшие наготове матросы прочно связали их кошками на стальных цепочках и баграми на толстых древках. Воины лихорадочно подтягивали «Достойные устремления» все ближе к противнику. Матросы Чаши Звона пытались перерубить цепочки, но было уже поздно, такелаж обоих кораблей основательно переплелся. Абордажная платформа выдвинулась на подвеске вперед и опустилась на палубу корабля Ягрина Лерна. Потом стали выдвигаться и другие платформы.

Эльрик побежал вперед, Карган последовал за ним, увлекая за собой воинов.

Буреносец выпил не менее дюжины душ, прежде чем Эльрик выбрался на главную палубу. Там стоял капитан корабля в блестящих доспехах, окруженный своими офицерами. Но среди них Ягрина Лерна не было.

Эльрик прорубился через солдат, пытавшихся преградить ему путь. Он крикнул:

— Где ваш проклятый вожак? Где Ягрин Лерн?

Капитан был бледен, так как отчетливо видел, на что способен Эльрик и его меч.

— Его здесь нет, Эльрик! Я клянусь!

— Что? Ты лжешь!

Эльрик стал надвигаться на них, они попятились, хотя их мечи были наготове.

— Теократ не нуждается во лжи, чтобы защитить себя! выкрикнул молодой офицер, настроенный более решительно, чем остальные.

— Возможно, — ответил Эльрик. Его рука описывала свистящим Буреносцем размахистый полукруг. — Но твоя душа будет неплохой закуской перед тем, как я займусь Ягрином Лерном.

Офицер поднял свой меч, пытаясь закрыться от змеиного выпада Буреносца, но опоздал. Рунный клинок прошел сквозь металл его доспеха с торжествующим скрежетом. Молодой человек несколько бесконечных мгновений стоял, крепко сжимая кулаки. Наконец, он прошептал:

— Нет, только не душу! Нет!..

Его глаза расширились, из них потекли слезы, и безумие затопило его секундой раньше, чем Буреносец насытился им и вырвался назад из его груди.

— Твоя душа в любом случае должна была попасть в глубины Ада, — сказал Эльрик пренебрежительно. — Но я нашел ей лучшее применение.

Два других офицера перескочили через поручень, стараясь избежать участи своего товарища. Эльрик хлестким ударом подцепил одного в полете, и тот упал в воду, обливаясь кровью.

Энергия переполняла Эльрика, и он бросился на офицеров, отсекая у них головы, как мальчишка отсекает головки одуванчиков. Это происходило до тех пор, пока остался один капитан. Тот заговорил жалким, заискивающим тоном:

— Я сдаюсь. Не забирай мою душу.

— Где Ягрин Лерн?

Капитан указал на корабли Хаоса, которые все еще громили восточные корабли.

— Там. Он вместе с Богом Хаоса Найраем, которому принадлежит этот флот. Ты не сможешь добраться до него, потому что любой человек, если он не мертв, растечется в лужу жидкой слизи, приблизившись к этому кораблю.

— Этот дьяволопоклонник все же обманул меня! прорычал Эльрик. — Получи вознаграждение за свою информацию.

Без всякой жалости, которая и не могла зародиться к одному из тех, кто разорил и поработил два континента, Эльрик прорубил полированные доспехи и проткнул сердце капитана. Затем он оглянулся, ища Каргана, но не увидел его. Он заметил лишь, что Флот Хаоса поворачивает назад. Наконец-то, подумал он, наконец-то Страаша пришел на помощь. Но

затем он увидел, что корабли его флота расходятся в разные стороны. Ягрин Лерн опять победил. Их планы и их надежды оказались несостоятельными перед оружием Хаоса.

И сейчас некоторые из ужасных кораблей разворачивались к двум флагманам, сцепленным вместе. Отвести «Достойные устремления» они не успевали, даже если бы решились срубить все мачты. Эльрик позвал Дайвима Слорма и Мунглума, которые видели, как он пробирается к ним с другого конца палубы.

— За борт! За борт, если хотите жить! И плывите так далеко, как только можете. Флот Хаоса приближается!

Они переглянулись, пораженные, затем поняли его правоту. Люди стали прыгать в воду с обоих кораблей. Эльрик тоже вложил меч в ножны и нырнул в море с фальшборта. Вода было холодной. Эльрик поплыл в ту сторону, где виднелась голова Мунглума, а неподалеку — шлем Дайвима Слорма.

Он оглянулся и увидел, как корпуса обоих кораблей стали изгибаться под странным воздействием приближающихся Кораблей Ада. И почувствовал облегчение, что не находится на их борту.

Эльрик догнал своих друзей.

— Да, эта штука действует недалеко, — сказал Дайвим Слорм, выплевывая воду изо рта. — Что теперь, Эльрик?

Вдруг вода перед ними вспенилась и приняла знакомую для Эльрика форму.

— Страаша!

— Я не смог помочь тебе, не смог... Я пытался, но моих сил не хватило. Прости. Взамен позволь мне доставить тебя и твоих друзей в мои владения и там уберечь от Хаоса!

— Но мы не сможем дышать в воде!

— Пусть тебя это не беспокоит.

— Ну что же, тогда пусть будет так.

Поверив словам духа, они нырнули под воду, погружаясь в зеленые холодные глубины моря, все глубже и глубже, до тех пор, пока не померк солнечный свет, отфильтрованный толщей морской воды. Достигнув дна и оставаясь при этом живыми, миля за милей поплыли они над таинственными подводными гротами, пока не добрались до места, где слегка раскачивалось сооружение, созданное из коралла и украшенное перламутровыми раковинами. Эльрик узнал его по описанию, которое вычитал в одном из своих свитков. Это и были владения Страаши, Морского Короля.

Дух ввел их в это громадное сооружение, и огромная темная скала закрыла за ними выход. Они сумели опуститься на пол, который напоминал слежавшийся снежно-белый

песок, и пошли по изогнутым и закрученным туннелям с кружевными стенами, погруженными во мрак и уже лишенными воды. Они находились в измерении духов природных стихий. В громадной круглой пещере они остановились на отдых.

Со странным шелестящим звуком Морской Король подошел к громадному трону из молочно-нежной яшмы, покрытому легким рисунком в пастельных тонах, и уселся в него, подняв к голове ладонь зеленой руки.

— Эльрик, я перенесу тебя и твоих друзей на землю, когда ты отдохнешь здесь. Мне очень жаль, что я и мои приближенные оказались бессильны против силы Хаоса.

Эльрик кивнул:

— Ничто не может противостоять деформирующему действию Хаоса, кроме Щита Хаоса.

Страаша выпрямился.

— Щит Хаоса. Ах, да. Он принадлежит бывшему богу, не так ли? Но его замок совершенно неприступен.

— Почему?

— Он расположен на вершине высокой и одинокой горы, и ведут к нему сто шестьдесят девять ступеней. На этих ступенях растут сорок девять древних бузиновых деревьев, и ты должен особенно остерегаться их. Его также охраняет гвардия из ста сорока четырех простых воинов.

— Воинов, естественно, я должен опасаться. Но причем здесь бузина?

— Каждое деревце содержит душу одного из последователей Мордаги, которые за что-то провинились и были таким образом наказаны. Но это не значит, что они не сохранили верность своему господину. Это очень опасные деревья — они готовы лишить жизни любого, попавшего в их владения.

— Сложная задача — добыть этот щит, — стал вслух размышлять Эльрик. — Но я все же должен решить ее, ведь без Щита цель Судьбы не будет достигнута. А с ним я смогу отомстить тем, кто командовал Флотом Хаоса, и Ягрину Лерну, который призвал их в союзники.

— Убей Найрая, Повелителя Флота Преисподней, и без него флот развалится сам собой. Его жизненная энергия заключена в голубом кристалле, расположенном в верхней части его головы. К счастью, у тебя есть Черный Меч. Уничтожить его можно только этим оружием, созданным специально для этой цели.

— Спасибо за сведения, — вежливо поблагодарил Эльрик. Когда придет время, я сумею воспользоваться тем, что теперь знаю.

— Что ты собираешься делать, Эльрик? — спросил Дайвим Слорм.

— Выбраться отсюда как можно быстрее и добраться до Щита печального гиганта. Я должен сделать это, иначе и следующая битва станет повторением той, которую мы проиграли сегодня.

— Я пойду с тобой, Эльрик, — произнес Мунглум.

— Я также, — сказал Дайвим Слорм.

— Нас должно быть четверо, согласно прорицанию, — сказал Эльрик. — А что стало с Карганом?

Мунглум опустил глаза.

— Ты ничего не заметил?

— Что именно?

— На борту флагмана Ягрин Лерна, когда ты прорубался через их солдат, пытаюсь выйти на главную палубу... Ты не заметил, что с тобою делал твой меч?

Эльрика вдруг охватило сильнейшее волнение.

— Нет, но я... я не мог УБИТЬ ЕГО?

— И все-таки ты сделал это.

— Боги! — Эльрик закрыл лицо руками. — Этот дьявольский клинок требует свою плату за то, что служит мне. Теперь он жаждет выпить души моих друзей! Это чудо, что вы двое еще со мной!

— Я думаю, это произошло случайно, — сказал Мунглум примиряюще.

— Какое горе, какое несчастье! Он был таким хорошим другом!

— Эльрик, — сказал Мунглум грустно. — Ведь ты понимаешь, что смерть Каргана от тебя не зависит. Это — Судьба.

— Ну, почему, почему я всегда должен быть исполнителем Судьбы? Мне страшно перечислить имена друзей и верных союзников, души которых украл этот меч. Я ненавижу его уже за то, что он крадет даже их души, чтобы поддержать мою и свою силу. Это... это невозможно вынести! Эта вина лежит только на мне, ведь если бы я не был так слаб, я мог бы подчинить этот меч, и тогда те, кто поддерживал меня, были бы сейчас живы.

— При этом главное предназначение клинка кажется вполне благородным, — сказал Мунглум сомневающимся голосом. — Ах, мне так трудно все это понять — парадокс, умноженный на парадокс. Боги либо безумцы, либо настолько умны, что нам не дано понять их мышление.

— Во все времена трудно было осознать величие грандиозной цели, — заметил Дайвим Слорм. — Тем более, что мы

должны драться вновь и вновь, забывая даже, как все это началось.

— Велика цель или нет — все равно, — горько улыбнулся Эльрик. — Если мы игрушки в руках богов, то, может быть, сами боги — дети?

— Сейчас эти вопросы мало что значат, — сказал Дайвим Слорм.

— В конце концов, — заявил Мунглум Эльрику, — будущие поколения будут благодарны Буреносцу, если он выполнит свое предназначение.

— Если Сепириту прав, — сказал Эльрик, — то будущие поколения не будут помнить никого из нас — ни людей, ни мечей!

— Но глубоко в подсознании, возможно, они будут помнить о нас. И о наших подвигах будут рассказывать в легендах. Только герои в них будут носить другие имена.

— Они забудут нас полностью, это я обещаю, — вздохнул Эльрик.

Морской Король встал со своего трона и произнес:

— Пора, я выведу вас на землю таким образом, каким привел сюда, если вы, конечно, не против.

— Нет, — сказал Эльрик. Он надеялся, что морская вода смое с его лица слезы.

ГЛАВА 5

Пошатываясь от слабости, они выбрались на берег Острова Пурпурных Городов, и Эльрик обернулся, обращаясь к Морскому Королю:

— Я благодарю тебя за то, что ты спас нас, Король Моря, произнес он с глубоким уважением. — Спасибо тебе также за то, что ты рассказал мне о Щите Печального Гиганта. Этим, вероятно, ты дал нам счастливую возможность разделаться с Хаосом, изгнав его с моря и даже с суши.

— Да, да, — закивал Морской Король. — Но если тебе удастся сделать это, и моря будут очищены от сил Хаоса, то это значит, что не будет нас — тебя и меня, не так ли?

— Так.

— Все равно — пусть так и будет. Но иди, я должен вернуться к своему народу. Прощай!

Морской Король погрузился в воду и исчез в набежавшей пенной волне.

Когда они пришли в форт Вечера, герольд выбежал им навстречу, чтобы помочь.

— Как прошла битва? Где флот? — спросил он у Мунглу-
ма.

— Уцелевшие еще не вернулись?

— Уцелевшие?... Значит...

— Мы разбиты, — холодно отрезал Эльрик. — Моя жена
еще здесь?

— Нет. Она уехала в Каарлаак сразу же после отплытия
флота.

— Отлично. У нас еще есть время, чтобы выстроить новую
защиту против Хаоса, прежде чем они доберутся сюда. Сейчас
нам нужны пища и вино. Мы должны обсудить план новой
битвы.

— Битвы, милорд? С кем мы будем бороться?

— С теми, с кем и всегда, — сказал Эльрик.

Позднее они вышли встретить остатки флота, возвраща-
ющегося в гавань. Мунглум был совершенно деморализован.

— Всего несколько кораблей, — прошептал он. — Это
черный день.

Позади него на крепостном дворе раздались гулкие звуки.

— Вестник с континента, — сказал Дайвим Слорм. Они
спустились вниз во двор и через некоторое время увидели
лучника в ярко-алых доспехах, ведущего за собой в поводу
лошадь. Его худое изможденное лицо было покрыто шрама-
ми. Он шел, качаясь от слабости.

— Ракир! — Эльрик был поражен. — Ты же командовал
Ильмиорской гвардией. Почему ты здесь?

— Мы бежали. Теократ подготовил не один флот, а два.
Второй прошел по Туманному морю и неожиданно напал на
нас. Наша оборона была опрокинута. Враги высадились менее
чем в сотне миль от Баакшаана и продвигаются через всю
страну. Хотя продвигаются — не то слово, вернее сказать,
текут.

— Мы разбиты. — Дыхание Мунглума стало тяжелым и
прерывистым. — Мы совершенно разбиты.

— Мы должны получить этот Щит, Эльрик, — сказал
Дайвим Слорм. — Любые дальнейшие попытки бороться с
Хаосом обречены на неудачу, пока у нас нет щита. Ракир, ты
хочешь идти с нами? Тогда ты будешь четвертым человеком
из пророчества.

— Что за пророчество?

— Объясню позже. Что тебе нужно, чтобы отправиться в
путь?

— Два часа сна, и я буду готов.

— Хорошо. Два часа. Готовьтесь, друзья, мы отправляем-
ся за Щитом печального гиганта.

Три дня спустя они встретили первых беглецов, многие

из которых подверглись уродующему влиянию Хаоса. Люди брели по дороге, выложенной белыми каменными плитами, в свободный город Джадмар. От них путники узнали, что половина Ильмиора, часть Вилмира и небольшое независимое королевство Орг пали. Хаос поглотил их, и его мрак распространился, ускоряя тем самым захват новых земель.

Когда Эльрик и его товарищи добрались до Каарлаака, то обнаружили его совершенно незатронутым вражеским нашествием. Но разведчики сообщили, что армия Хаоса была всего в двух сотнях миль и двигалась к этому городу.

Зарозиния встретила Эльрика с радостным волнением.

— Здесь было так много разговоров, что ты убит в морской битве.

Эльрик прижал ее к себе.

— Я не могу надолго задержаться. Я должен отправиться в отдаленный край Пустыни Вздохов.

— Я знаю.

— Откуда ты знаешь?

— Сепириту был здесь. Он оставил вам подарок в наших конюшнях — четыре нихрейнианских коня.

— Замечательный дар. Они донесут нас до цели гораздо быстрее, чем любые другие существа. Но достаточно ли их будет? Я боюсь оставлять тебя здесь.

— Ты должен оставить меня, Эльрик. Если мы не удержимся здесь, то отступим в Пустыню Плача. Даже Ягрин Лерн вряд ли станет нас там преследовать.

— Обещай мне, что ты так и поступишь.

— Обещаю.

Эльрик взял жену за руку.

— Я провел лучшие дни моей жизни в этом дворце, — сказал он. — Как жалко, что они не повторяются.

Зарозиния поцеловала его в губы и прошептала:

— Мы не так стары, чтобы предаваться отчаянию.

Когда они уснули, их сны были полны ужаса и страха. Они будили друг друга стонами и долго лежали рядом, успокаивая друг за друга, пока не засыпали снова. И снова приходили сны, которые заставляли их метаться и кричать. Пришло утро. Эльрик встал, легко поцеловал Зарозинию, сжал ей руку и вышел в приемную, где нашел своих друзей, поджидавших его. С ними вместе был и Сепириту.

— Сепириту, спасибо тебе за коней, — сказал Эльрик. — Но почему ты здесь?

— Потому что я должен еще кое-что сделать, прежде чем вы отправитесь в свое путешествие, ответил он. — Все вы, кроме Мунглума, обладаете оружием, имеющим некоторые

особые свойства. У Эльрика и Дайвима Слорма — рунные мечи, у Ракира — Стрела Закона, которую маг Ламсар дал ему во время осады Танелорна. Но оружие Мунглума ничем не защищает своего владельца.

— Я думал, что способен сделать это сам, — сказал Мунглум. — К тому же я не очень расположен к тому оружию, которым пользуюсь мои друзья. Я видел, что рунный клинок отбирает у человека.

— Я не дам тебе такого страшного или дьявольского оружия, как Буреносец, — сказал Сепириту. — Но я заколдую твой меч, что возможно благодаря контакту с Белыми Лордами. Давай сюда твой меч, Мунглум.

С напускной торжественностью Мунглум извлек свой клинок из ножен и вручил его нихрейнианину, который достал из своей одежды небольшой гравировальный инструмент, и, пробормотав заклинание, начертал несколько символов на лезвии около эфеса. Затем он вернул клинок Мунглуму.

— Все. Теперь твой меч освящен Законом, и ты обнаружишь в нем гораздо большую способность противостоять врагам Закона.

Эльрик нетерпеливо вмешался:

— Мы должны ехать, Сепириту, времени все меньше и меньше.

— Тогда езжайте. Но избегайте патрулей Ягрин Лерна, хотя я не думаю, что они могут серьезно противостоять вам.

Они оседлали удивительных нихрейнианских коней, которые не единожды помогали Эльрику, и поскакали от Карлаака. В очень короткое время они добрались до Плачущей Пустыни — это был кратчайший путь к Пустыне Вздохов.

Ракир хорошо знал эту местность и вел их. Нихрейнианские кони, казалось, летели над пустыней. Они двигались с невероятной скоростью, и Ракир, не привыкший к их бегу, все время натягивал узду, пока не обнаруживал, что далеко отстал от товарищей.

Они оказались в месте вечного дождя. Расстояния стали неопределенными, земля под копытами хлюпала, капли заливали лица. Наконец, после дневного путешествия они смогли увидеть высокие скалы, вершины которых терялись в облаках. Вскоре благодаря удивительной способности нихрейнианских скакунов они перелетели через глубокие пропасти. Дождь прекратился только вечером следующего дня, ветер стал теплым, а потом порывистым, горячим, когда они выбрались из гор. Лучи солнца стали обжигать их, они выбра-

лись к Пустыне Вздохов. Здесь над бесплодными песками и скалами ветер дул постоянно, и его порывы создавали эффект вздохов и стенаний, который и дал название пустыне.

Они обмотали головы белыми бурнусами, оставив небольшие просветы только для глаз, чтобы летящий в воздухе песок не сек так болезненно кожу, и отправились дальше. Они почти не разговаривали, потому что порывы ветра заглушали любые слова, каждый погрузился в омут собственных мрачных дум.

Эльрик, пока конь нес его по пустыне, впал в какой-то странный полусон. Он всегда находился под гнетом своей физической немощи, слишком древняя кровь текла в его жилах. Жизнь представляла перед ним не упорядоченной цепью событий, а нагромождением бессмысленных случайностей. Всю жизнь он старался мыслить последовательно, логично, лишь при необходимости принимая хаотическую природу вещей. Но теперь ему казалось, он слишком редко умудрялся думать точно и последовательно.

Возможно, это диктовалось его родовой приверженностью Хаосу, или его физической слабостью, или его сильной зависимостью от рунного меча, постоянными мыслями о смерти, навязываемыми им.

Что такое мысль? — спрашивал он себя. — Что такое эмоция? В чем смысл власти и что значит успех? Может быть, лучше жить инстинктом, чем мудрствовать и страдать? Не лучше ли быть марионеткой богов, позволяя им командовать собой? Не вызовет ли это большую благодарность и помощь, чем стремление взять судьбу в свои руки, противодействуя воле Лордов Высших Миров?

Так размышлял он на скаку, обжигаемый плетями ветра.

Его народ, хоть и управлял миром десять тысяч лет, жил под действием различных влияний. Они не были еще истинными людьми, но и не принадлежали к подлинной древней колдовской расе существ, от которых пошла разумная жизнь смертных. Они принадлежали к промежуточному типу, Эльрик был уверен в этом. Он знал, что он — последний в выродившемся роде, который мог без усилий использовать данное Хаосом колдовство так же, как другие используют повседневную сноровку — для удобства. Но даже народ Молодых Королевств, если верить Сепириту, не был людьми, которые однажды появятся на земле, где будут править порядок и прогресс... Если, конечно, Эльрик победит, разрушив известный ему мир.

Эти мысли приводили его в уныние, ибо в его предназначении проглядывала смерть — единственная цель, которую ему навязывала Судьба. Зачем бороться, зачем мучиться со-

мнениями, зачем оттачивать в размышлениях разум, когда он не более, чем жертва на алтаре судьбы.

Он глубоко вздохнул, и горячий, обжигающий легкие воздух забил ему рот и нос мелкой жгучей пылью.

Дайвим Слорм был в чем-то схож с Эльриком, но его чувства не были столь сильны. Он жил более упорядоченной жизнью, чем Эльрик, хотя в ней тоже было немало пролитой крови. Дайвим Слорм никогда не сомневался прежде, не сомневался и теперь, он был только взволнован.

Мунглум был добр и доверял Эльрику. С тех пор, как много лет назад он встретился с Эльриком, он пытался вывести его из состояния подавленности, в которую его друг иногда погружался. Теперь он был растерян, он все время чувствовал смерть, чувствовал, что она шла за ними по пятам.

Ракир был самым уравновешенным из четырех. Он многое воспринимал отстраненно и даже не подозревал о чрезвычайной важности их миссии. Он собирался провести остаток своих дней в мирной, созерцательной жизни, предаваясь ни к чему не обязывающим размышлениям в тихом городе Танелорне, оказывающем успокаивающее действие на всех, кто жил в нем. Но призыв Эльрика о помощи нельзя было не услышать, и тогда он без особой охоты вновь надел колчан со стрелами Закона и поскакал с этой маленькой компанией. Он почти жалел, что предложил свои услуги Эльрику.

К исходу второго дня они увидели впереди одинокую гору, которая высилась посреди бесплодной пустыни, как будто ее перенесла сюда непонятная, но разумная сила.

Ракир закричал, вытягивая вперед руку:

— Эльрик, смотри! Это, должно быть, замок Мордаги!

Эльрик очнулся от своих дум и остановил бег своего коня.

— Да, — вздохнул он, — мы на месте. Давайте остановимся и передохнем перед последним броском.

Они расседлали коней, смочили вином потрескавшиеся губы и поразмяли натруженные ездой ноги, чтобы кровь свободно циркулировала в жилах. Затем натянули полог, защищающий их от ветра, несущего песок, и, расположившись тесной компанией, закусили, подозревая, что после того, как они доберутся до горы, может так получиться, что кому-то из них, или даже всем четверым, придется умереть.

ГЛАВА 6

Ступени уступами окружали гору. Высоко, насколько они могли видеть, отсвечивала кирпичная кладка, и только там, где ступени сглаживались, они увидели бузиновые деревья. Деревья выглядели совершенно обыкновенно,

но именно они являлись первыми противниками. Как бороться с ними? Какое действие деревья окажут на них?

Эльрик поставил ногу на первую ступень, которая была очень высокой, — рассчитана на шаг гиганта. Он начал подниматься, остальные последовали за ним. Через некоторое время он извлек Буреносца из ножен, почувствовав его дрожь и ощутив прилив сил. После этого подниматься стало легче.

Когда он приблизился к деревьям, то услышал шелест листьев и увидел дрожь ветвей. Да, они совершенно определенно чувствовали его. Он был всего лишь в нескольких шагах от деревьев, когда услышал предупреждающий возглас Дайвима Слорма:

— Боги! Листья, взгляни на их листья!

Зеленые листья, — казалось, их прожилки пульсируют в ярком солнечном свете — стали слетать с ветвей и вполне целеустремленно плыть по воздуху к остановившимся в недоумении друзьям.

Один из листьев упал на обнаженную руку Эльрика. Тот попытался стряхнуть его, но безуспешно — лист держался крепко. Другие листья стали садиться на лицо. Они уже двигались зеленой волной, и он почувствовал странную тягучую боль в руке. С любопытством он оторвал лист от руки и в ужасе увидел крошечные ранки, из которых выступили капли крови. Он почувствовал приступ тошноты и стал срывать листья. Рунный меч помимо его воли закрутился в воздухе, пытаясь расщепить эту легкую, но такую страшную волну зеленых листьев. Когда меч касался их, они съеживались, но зеленая волна не отступала.

Инстинктом колдуна Эльрик почувствовал, что они высасывают не только его кровь, но и часть его души. Это вызвало дурноту, которой он уже не мог сопротивляться. Его спутники подвергались такому же нападению. Кто-то из них пронзительно закричал от ужаса.

Эти листья, должно быть, направлялись деревьями. Он поднялся еще на несколько ступеней вверх, борясь с листьями, которые облепляли его, как саранча. С рычанием он набросился на ствол, который при каждом ударе издавал стоны, ветви пытались ослепить. Он срубал их и отбрасывал в сторону, затем глубоко погрузил Буреносца в ствол у основания дерева. Дерн вздыбился, на поверхности появились агонизирующие корни. Дерево вскрикнуло и стало валиться на него, как будто, даже умирая, стремилось убить и его.

Он повернул Буреносца, который жадно пил душу живого дерева, выдернул меч и отскочил в сторону, когда дерево покатилося по ступеням, едва не задев его. Одна ветка все же

ткнула в лицо, брызнула кровь. Он задохнулся от боли и зашатался, чувствуя, как слабеет.

Мгновение спустя он пришел в себя и, повернувшись к упавшему дереву, увидел, что оно умерло, ствол и ветви стали неподвижными, как камень, а листья сморщились.

— Быстрее! — крикнул он остальным друзьям. — Их нужно убивать, пока они не высосали наши души!

Он шагнул к следующему дереву и сделал выпад. Буреносец гневно взвыл, уходя в древесину до самой рукояти. Теперь Эльрик хохотал, испытывая необыкновенный прилив сил энергия вливалась и переполняла его, он чувствовал себя богом. Остальные смотрели на него с ужасом.

— Вперед, друзья. Я могу сейчас убить тысячу таких деревьев!

Он поднялся еще на одну ступень, и новый шквал листьев обрушился на него. Не замечая этой атаки, Эльрик рвался вперед, став как бы частью меча, целясь в жизненные центры разлапистых созданий. Деревья кричали вновь и вновь, умирая.

— Дайвим Слорм! — кричал Эльрик, поглощая их жизненную энергию. — Делай, как я! Пусть твой меч выпьет несколько таких душ, и мы станем победителями!

— Такая сила имеет привкус колдовства! — сказал Ракир, срывая цепкие листья, впившиеся в его кожу.

Дайвим Слорм действовал не столь импульсивно, как Эльрик, но когда он врубился в деревья, его дикие крики повторили крики Эльрика. Они нападали, победа наполняла их энергией.

Когда они оглянулись, то поверхность пустыни у основания горы покрывали изломанные почерневшие деревья. Безумная жестокая отвага древних королей Мельнибона светилась на лицах обоих имрирцев, когда они вопили старинные боевые песни, а их мечи двигались дружно и слаженно, в такт мелодии смерти и ненависти.

Губы Эльрика растянулись, обнажив белые зубы, его красные глаза полыхали мрачным огнем, его молочно-белые волосы развевались в порывах обжигающего ветра. Эльрик воздел меч к небу и обернулся назад:

— Так, друзья, древние мельнибонийцы покорили людей и демонов и правили этим миром десять тысяч лет!

Мунглум подумал, что Эльрик вполне соответствует кличке Волк, которую ему дали давным-давно на западе. Силы Хаоса, которые сейчас наполняли его, подчинялись ему. Сейчас в его душе не было конфликта. Кровь предков проснулась, и сейчас Эльрик был подобен им, покоровшим человечество, которое боялось их могущества и жестокости.

Они были уже близки к вершине. Еще несколько атак на бузиновых воинов, и ступени окончились. Перед путниками темнел вход в мрачный туннель. Опыаненные энергией убитых деревьев, Эльрик и Дайвим Слорм ворвались в эту тьму, смеясь и громко переговариваясь.

Чуть замешкавшись, Мунглум и Ракир последовали за ними. Красный Лучник наложил стрелу на тетеву лука.

Эльрик беспечно шагал во тьме, голова кружилась от энергии, которая, казалось, жгла огнем каждую клеточку его тела. Впереди он слышал топот ног, обутых в железо. Когда звуки приблизились, он понял, что это были воины, но не люди. Хотя противников было почти полторы сотни, друзья не испугались. Когда первая группа напала на Эльрика, он стал рубиться, стараясь держаться подальше от Дайвима Слорма. Каждая душа, взятая им, была ничтожной по сравнению с энергией, бушевавшей в нем.

Подобно Эльрику, его родич крушил странных воинов легко, как детей. Мертвые тела скоро загромодили неширокий проход. Чтобы продвинуться вперед, Эльрик и Дайвим Слорм вынуждены были перебрасывать трупы убитых назад, за спину. Потом они вновь нападали на оставшихся латников.

Ракир простонал:

— Хотя они слуги тех, с кем мы воюем, мне неприятна эта резня. Мы здесь не нужны, друг Мунглум, этот бой ведут бесы, а не люди.

— Увы, — вздохнул Мунглум.

Впереди появился свет, Эльрик и Дайвим Слорм усилили натиск и через несколько десятков шагов все четверо выбрались на солнечный свет. Над собой они увидели замок.

Оставшиеся в живых воины перестроились. Эльрик и Дайвим Слорм двинулись на них с кровожадной радостью. Воздух снова наполнился криками боли и лязгом стали. Ракир пустил стрелу в одного из воинов и убил его, попав в левый глаз.

— Хочу, чтобы некоторые из них умерли простой смертью, с горечью проговорил он, накладывая следующую стрелу на тетеву.

Теперь латники получили возможность напасть на Мунглума и Ракира. Мунглум схватился сразу с тремя воинами и заметил, что его сабля стала чрезвычайно легкой но, отражая удар, издает высокий ясный звон и отбрасывает вражеское оружие с большой энергией. Ракир стрелял, убивая не меньше латников, чем его товарищи, и каждый раз удовлетворенно вскрикивал, потому что дарил смерть, которую и в самом деле можно было назвать милосердной.

Внезапно Ракир крикнул Эльрику:

— Остановись! Хватит! Мы с Мунглумом можем убивать их, не обрекая на вечные муки!

Но Эльрик засмеялся и продолжил свою работу. Когда он добил очередного воина, и поблизости не оказалось других, Ракир схватил его за руку.

— Эльрик...

Буреносец повернулся в руке Эльрика и угрожающе взвыл. Предчувствуя судьбу, Ракир попытался уклониться от этого удара, но Буреносец пронзил его плечевой доспех, и Ракир упал на колени, обливаясь кровью.

— Эльрик, — еле выдохнул он, — только не мою душу, нет...

Так, пораженный дьявольским мечом, умер Ракир, Красный Лучник, прославленный на Востоке. Убитый другом, чью жизнь он спас, впервые встретившись с ним когда-то у города Лимбо.

Затем наступило отрезвление. Эльрик попытался выдернуть меч, но было поздно. Вновь, не желая, он убил того, кто оказался слишком близко к его рунному клинку.

— Ракир! — закричал он, бросившись на колени и пытаясь поднять тело друга на руки. Похищенная энергия все еще пульсировала в нем. Но горе было сильнее, и слезы хлынули из красных глаз Эльрика. — Опять! Когда это кончится?

Позади два его спутника стояли, опустив оружие. Дайвим Слорм застыл на месте, оглядываясь вокруг — убивать было некого. На зеленой траве лежали только убитые, их залитые кровью доспехи тускло блестели на солнце. Мунглум пристально смотрел на Эльрика, ужас в его глазах смешивался с жалостью к другу и погибшему товарищу.

— Ракир! Не было героя благороднее, не было человека, более преданного миру и порядку, чем ты!

Эльрик встал на ноги, взглянул на башню из гранита, которая стояла, как если бы ожидала его следующих действий. Огромные настенные зубы вполне могли служить укрытием гиганту.

— Клянусь душой Ракира, что твой идеал придет в этот мир! Закон восторжествует, и Хаос будет изгнан! Вооружившись мечом и Щитом Хаоса, я буду биться даже в самом сердце Ада, если понадобится! Хаос был скрытой причиной твоей смерти и Хаос поплатится за нее!

Дайвим Слорм, не вполне разобравшийся в происшедшем, закричал:

— Эльрик! Теперь — к Печальному Гиганту!

Но Мунглум чуть подался в сторону, пристально глядя на распростертое тело Ракира, и пробормотал:

— Да, Хаос — причина этой смерти, Эльрик. Я присоеди-

няюсь к твоей клятве, — он чуть запнулся. — Хотя теперь я и боюсь твоего дьявольского меча.

Втроем они прошли в открытые ворота башни Мордаги и сразу же оказались в богато украшенном зале.

— Мордага! — закричал Эльрик. — Мы пришли выполнить предсказание! Мы ждем тебя!

Они ждали недолго. Огромная фигура низверженного бога появилась в арочном входе в конце пустынного зала.

Мордага был высок, в два человеческих роста, но спина его была сутула и низка. У него были длинные вьющиеся волосы, одет он был в темно-голубую одежду, перехваченную в талии широким поясом. Обут он был в простые кожаные сандалии. Его черные глаза были полны глубокой скорби, подобной той, которую Мунглум замечал в глазах Эльрика. На руке печального гиганта висел щит, из центра которого разлетались восемь янтарных стрел Хаоса. Щит отливал зеленым серебром и был очень красивым. У Мордаги не было оружия.

— Я знаю прорицание, — сказал он голосом, подобным низкому гудению ветра. — Но я могу еще отвратить его. Возьмешь ли ты Щит и оставишь меня в покое, человек? Я не хочу умирать!

Эльрику стало жаль Мордагу, он знал, что павший бог испытывает в этот момент.

— Прорицание говорит о смерти, — сказал он медленно.

— Возьми Щит. — Мордага снял Щит с руки и протянул его Эльрику. — И, прошу, измени судьбу еще раз.

Эльрик кивнул.

— Я попробую.

С глубоким вздохом гигант положил Щит Хаоса на пол.

— Тысячи лет я жил в тени этого прорицания, — сказал он, выпрямившись. — Теперь, оглядываясь назад, я думаю, не нужно было обращать на него внимания. Нужно было радоваться жизни, как все смертные.

— Тебе незачем умирать, — сказал Эльрик. — Твой Щит укроет тебя и нас от наступающего Хаоса. С помощью этого Щита я остановлю его.

— Прощай, я тебе благодарен, — сказал гигант.

Он вышел через ту же арку, что и вошел в зал. Когда Мордага исчез, Эльрик шагнул было за ним, но Мунглум остановил его и пошел вперед сам. Затем послышался протяжный крик, который, казалось, бесконечно растянуло эхо, грохот, от которого дрогнули стены, а немного спустя — звук легких шагов.

Мунглум появился в проходе, в руках его была окровавленная сабля.

— Это было убийство, — сказал Мунглум просто. — Я вогнал ему саблю в спину прежде, чем он это понял. Но это была хорошая, быстрая смерть, и он умер счастливым. Эта смерть была лучшей из всех, какие ему были предопределены. И это было неизбежно.

— Почему? — спросил Эльрик, все еще не понимая.

Мунглум угрюмо продолжал:

— Он умер так, как предопределила Судьба. А мы — слуги Судьбы сейчас, Эльрик, и не должны отклоняться от предопределенных путей. А кроме того, это была месть. Если бы Мордага сразу отдал Щит, Ракир остался бы в живых.

Эльрик покачал головой:

— Вيني за это меня, Мунглум. Гигант мог и не погибнуть.

— В прорицании говорится о смерти Мордаги, — сказал Мунглум твердо.

Эльрик отвернулся и посмотрел на лежащий на полу круглый Щит, поблескивающий загадочным серебристо-зеленым светом. Он нагнулся и повесил Щит на руку. Щит закрывал его от подбородка до колен.

— Пошли. Оставим это место смерти и тайн. Земли Ильмиора и Вилмира ждут нашей помощи, если только они уже не стали жертвой Хаоса!

ГЛАВА 7

Это произошло в горах, отделяющих Пустыню Вздохов от Пустыни Плача. Там они впервые узнали о судьбе, постигшей последние Молодые Королевства. Они встретили шесть воинов, которых вел лорд Воашун, отец Зарозинии.

— Что произошло? — спросил Эльрик. — Где Зарозиния?

— Наш континент захвачен Хаосом, Эльрик. Я не знаю, где она.

— Ты не искал ее? — возмутился Эльрик.

Старик вздохнул:

— Сын мой, за последние дни я видел столько ужасов, что они затмили даже мои отцовские чувства. На Землю пришли последние дни гибели. Даже убежать бесполезно — в Плачущей Пустыне начались изменения из-за влияния Хаоса. Все бесполезно!

— Бесполезно?! Нет! Мы еще живы! Возможно, Зарозиния тоже жива. Что ты знаешь о ее судьбе?

— Кто-то сказал, что Ягрин Лерн взял ее на флагман Кораблей Хаоса.

— Значит, возможно, она сейчас в море?

— Нет, эти удивительные корабли плавают по земле так

же, как по воде. Именно они напали на Каарлаак. Хаос победил. Там, откуда мы бежим, ты не найдешь ничего, кроме смерти, сынок.

— Посмотрим. У меня есть защита против Хаоса, мой меч и нихрейнианский скакун. — Он повернулся в седле, обращаясь к своим спутникам. — Друзья, решайте — остаетесь здесь с лордом Воашуном или будете сопровождать меня в самое сердце Хаоса?

— Мы пойдем с тобой, — быстро сказал Мунглум. — Пойдем потому, что линии нашей судьбы переплелись.

— Отлично. Прощай, лорд Воашун. Если хочешь помочь, то скачи через Плачущую Пустыню к Ешмиру и Неизвестным Королевствам, где находится родина Мунглума. Расскажи там о том, что произошло, чтобы они успели подготовиться к борьбе с Хаосом.

— Я попытаюсь, — вяло произнес Воашун, — и надеюсь, что успею добраться туда прежде, чем Хаос.

Затем Эльрик и его спутники двинулись дальше, направляясь прежним путем — три человека против неисчислимых сил тьмы. Трое упрямцев, которые настолько верили в свой успех, что было бесполезно пытаться остановить их. Последний акт должен быть сыгран независимо от того, последует за ним ночь или день.

Первые признаки Хаоса обнаружили, когда они выехали к месту, где прежде росла густая чаща. Теперь это была желтая зыбкая плешь расплавленного камня, которая, хотя и была совершенно холодной, морщилась волнами. Нихрейнианские скакуны, поскольку они двигались не в измерении Земли, спокойно пересекли ее, и здесь впервые проявилось действие Щита Хаоса. Когда они приблизились, желтый жидкий камень изменился и вновь на короткое время стал травой.

Вскоре они встретили странное, едва ползущее существо, имеющее рот и способное говорить. От этого несчастного создания они узнали, что Каарлаака больше нет, что он превращен в пылающий костер, где силы Хаоса, как человеческие, так и сверхъестественные, разбили свой лагерь и занимаются какой-то работой. Существо также поведало им нечто, заинтересовавшее лично Эльрика. Слухи гласили, что Остров Драконов — Мельнибон был единственным местом, где не проявлялось влияние Хаоса.

— Если наше предприятие не удастся, мы отправимся на Мельнибон, — сказал Эльрик своим друзьям, не останавливая коня, — и постараемся продержаться там, пока не придет помощь Белых Лордов. Кроме того, там, в пещерах, есть спящие драконы. Они будут полезны в борьбе против Ягрина Лерна, если мы сможем разбудить их.

— Что мы должны сделать сейчас? — удрученно спросил Дайвим Слорм. — Ягрин Лерн победил, Эльрик. Мы не исполнили своего предназначения, и Хаос правит...

— Так ли? Мы все равно попробуем сразиться с ним. Вот тогда и выяснится, на чьей стороне превосходство.

Дайвим Слорм глянул на него с сомнением, но промолчал.

А затем они, наконец, добрались до лагеря Хаоса.

Никакой смертный в ночном бреду не смог бы вообразить подобную картину. Башнеподобные Корабли Ада, преобладавшие на местности, были видны издалика и поражали своим ужасным видом. Гудящее пламя всех цветов вырывалось из земли в самых разных местах лагеря. Дьявольски прекрасные герцоги Ада совещались с худыми остролицыми королями, которые когда-то вступили в союз с Ягрином Лерном. Повсюду земля бурлила и взрывалась. Люди, оказавшиеся поблизости от этих огненных гейзеров, либо сгорали, либо их тела претерпевали фантастические, самые непредсказуемые изменения.

Над лагерем стоял ужасный шум — человеческие голоса смешивались с рокочущими звуками Хаоса и дьявольским, рыдающим смехом. Там и тут раздавались жуткие крики пытаемых людей, которые надеялись найти спасение в верности Хаосу, но стали жертвами нового порядка, установленного новыми повелителями Земли. Омерзительное зловоние разлагающегося мяса и крови висело в воздухе. По лагерю ходили и ползали существа, некогда бывшие людьми, но теперь превратившиеся в настоящие создания Хаоса — настолько изменились их тела и души.

Эльрик повернулся к своим друзьям, замершим в ужасе перед этой невероятной картиной.

— Уродующее действие Хаоса гораздо сильнее сказывается на людях. Это означает, что господство Хаоса приведет к концу человеческой расы. Люди просто исчезнут, превратятся в ошметки своей некогда прекрасной расы. Сейчас, кроме нас, остались только вот эти создания, но и они скоро будут неотличимы от остальных монстров. Лорды Хаоса включают Землю в свою реальность, в свое измерение. Пока они только разрыхляют установившиеся формы, но потом возьмутся за всю Землю в целом. И она станет еще одним комком глины, вечно меняющимся в угоду их капризам.

— Мы должны остановить это, — сказал Мунглум безнадежно. — Это невозможно вынести, Эльрик!

— Страааша, Морской Король, сказал, что если Лорд Найрай, командир кораблей Ада, будет убит, корабли исчезнут. Мне кажется, это нужно проверить. Кроме того, на борту их флагамена находится моя жена и там же спрятался от меня

Ягрин Лерн. Так что есть, по меньшей мере, три причины, чтобы проникнуть туда.

— Эльрик, это же самоубийство!

— Я не прошу вас сопровождать меня.

— Если ты пойдешь, то и мы пойдем с тобой.

— А вот это, боюсь, совершенно бессмысленно. Если один не добьется успеха, нечего там делать и остальным. Я пойду один. Ждите меня здесь. Если не вернусь, попытайтесь добраться до Мельнибона.

— Эльрик! — крикнул Мунглум, но Эльрик уже направил своего скакуна к лагерю.

Охрана заметила его, когда он оказался уже на границе лагеря. Всадники со знаками Хаоса на доспехах поскакали ему наперерез. Он рассмеялся, возбужденный их видом, всем шумом и смрадом, окружившим его.

— Вот закуска для того пиршества, которое я устрою на адском корабле! — закричал Эльрик, отсекая голову первому из подскакавших к нему воинов.

С тех пор, как Буреносец выпил души богов, заключенные в бузиновых деревьях, энергия переполняла его. Второго стражника он рассек от головы до седла, пробил седло и распорол спину лошади почти до брюха. Остальные воины бросились наутек. Эльрик хотел было догнать их, но вдруг ощутил необычное покалывание, словно в его кожу впились тысячи крохотных песчинок, которые нес сильный ветер. Он понял, что находится в зоне умерщвляющего действия кораблей Хаоса. Теперь единственной его защитой стал Щит Хаоса.

Он вспомнил, что его целью являются корабли Ада, и направил к ним нихрейнианского коня. Оказавшись у корабля, который нес флагманский вымпел, он соскочил с коня и приказал ему ждать его. С высоких бортов корабля свисали веревочные трапы, Эльрик увидел людей, которые стремительно карабкались по ним. Среди этих людей он с ужасом узнал несколько человек из Каардаака, которых он знал при жизни. Сейчас они, без сомнения, были мертвы, потому что корабли Хаоса рекрутировали свои экипажи только из мертвецов.

Он последовал за ними, поднялся по борту сверкающего корабля, достиг фальшборта и, перескочив через планшир, оказался на палубе. Затем он осторожно прошел через странно затемненное место и обнаружил, что находится на первой из многих палуб, которые возвышались одна над другой подобно ступеням. На самом верху он, наконец, увидел тех, кого искал, — человека в огненно-красных доспехах и нечто, похожее на гигантского, налитого кровью осьминога. Первым был Ягрин Лерн. Второй — Найрай. Имен-

но в образ подводного чудовища воплощался этот демон, когда являлся на Землю.

Здесь, на борту корабля, Эльрик стал осознавать изначальную природу света. Он состоял из красных, голубых, желтых, зеленых и пурпурных нитей, спутанных клочьями тьмы. Они рвались, когда он проходил сквозь них, но снова срастались за его спиной.

По палубе расхаживали живые мертвецы. Эльрик старался не встречаться с ними взглядом, даже когда видел тех, кого знал при жизни, как получилось с несколькими моряками, с которыми он встречался несколько лет назад, во время бегства из Импира.

Медленно, стараясь не привлекать к себе внимания, он начал пробираться на верхнюю палубу, изредка поглаживая в ту сторону и отмечая, что Ягрин Лерн и Лорд Пайрай не подозревают о его присутствии. В самом деле, было вполне возможно, что они не думали о контратаке — они захватили весь известный мир, и не осталось никого, кто мог бы их потревожить на этом корабле. Эльрик зло улыбнулся про себя, поднимаясь, прижимая к себе Щит, зная, что если выронит его, то мгновенно преобразится во что-нибудь фантастическое или растечется бесформенной лужей по палубе, или будет поглощен субстанцией Хаоса.

Сквозь сгустки удивительных красок, тихо, даже не грохоча оружием, пробирался Эльрик по адскому кораблю, и его молочно-белые волосы плыли за ним, контрастируя с перекрученными волокнами тьмы, струящимися вокруг него.

Когда он уже ступил на верхнюю палубу, то вдруг почувствовал легкое прикосновение к плечу. Сбешено колотящимся сердцем он обернулся и увидел, что одно кроваво-красное щупальце Найрая нащупало его. Он отпрянул, прикрывшись Щитом. Щупальце, скользнув, коснулось Щита и, дернувшись, свернулось.

Оттуда, где громоздился главный нерв Лорда Хаоса, раздался омерзительный визг.

— Что это? Что это такое?!

Эльрик был счастлив, увидев, какой эффект оказывает его Щит.

— Я — Эльрик из Мельнибона, Последний Император Светлой Империи, пришел за твоей жизнью, Лорд Ада!

Еще одно щупальце метнулось к нему, пытаясь свернуться вокруг Щита и выхватить его. Эльрик отсек его и увидел, как оно полетело по доскам палубы, корчась в пароксизме боли.

Внезапно он встретился взглядом с Ягрином Лерном, и глаза Теократа расширились. Он был закован в свой алый панцирь, на его левой руке висел небольшой круглый щит,

правой он сжимал палаш. Как ни был испуган завоеватель всего мира, он уже готовился к поединку, выбирая наиболее удобное положение для схватки с Эльриком.

— Ты опоздал, Теократ, — утрюмо ухмыльнулся Эльрик. — Я уже здесь.

— Ты дурак, Эльрик! В любом случае ты подохнешь — это моя территория!

Это могло оказаться правдой, но Эльрик не дрогнул.

— Посмотрим, — сказал Эльрик и поднял Щит.

Осторожно, чтобы не попасть в какую-нибудь непонятную ловушку, он пошел к Лорду Хаоса.

— Ты — убийца моих сородичей, — сказал Найрай низким, красивым голосом. — Ты загнал Герцогов Ада в их измерение, и теперь они не могут добраться до Земли. Ты должен заплатить за это.

Одно из щупалец приблизилось к нему, попыталось проскользнуть над Щитом и вцепиться в горло. Эльрик чуть отодвинулся назад и блокировал эти попытки своим Щитом. Затем весь комок щупалец, расплетаясь, стал надвигаться на него, все они избегали Щита. Он еще подался назад, с трудом уклоняясь от их выпадов, отсекая мечом те, что были ближе остальных.

Вдруг в его памяти всплыла последняя фраза Сепириту:

— Разбей кристалл на его макушке. В нем его жизнь и душа.

И тогда Эльрик увидел голубой кристалл, который действительно торчал над одним из многочисленных глаз Найрая.

Он прыгнул вперед, оказавшись в клубке щупалец, ухудшая свою позицию. Как только он это сделал, в голове твари разверзлась громадная пасть, щупальца обхватили его сзади, потянули вперед. Он коснулся своим Щитом колышавшегося осклизлого брюха и с удовлетворением увидел, как красное тело вспучилось желтой, желеобразной массой. Брызнула кровь, Лорд Хаоса издал вопль боли и ярости.

Быстро обрубив жгучие змеи щупалец, обхвативших его сзади, он стал пробираться по скользкой коже Лорда Хаоса вперед. Каждое прикосновение Щита к этой красной коже заставляло вздрагивать всю массу этой отвратительной плоти. Эльрик шел вперед, вколачивая свои ступни в тело бога, как в рыхлый, слежавшийся сугроб. Наконец он оказался напротив светящегося кристалла. На мгновение он замер, затем, размахнувшись, ударил по нему Буреносцем.

Монстр задержался в конвульсиях, затем издал чудовищный рев, и Эльрик почувствовал, как Буреносец вытягивает душу Лорда Преисподней и напивается Эльрика жизненной

энергией. Энергии было много, намного больше, чем даже в бузиновых воинах. Эльрика отбросило назад.

Он не удержался на скользкой палубе и, пролетев около сотни футов, упал на нижний ярус палубы. Он рухнул на доски с оглушительным грохотом, но огромное количество энергии, впитанной им, погасило удар, он поднялся на ноги, даже не чувствуя боли. Сверху из-за ограждения верхней палубы на него смотрел Ягрин Лерн.

Лицо Теократа было искажено яростью, но в нем было и что-то, похожее на торжество.

— Ты найдешь прекрасный подарок в моей каюте, Эльрик!

Эльрик сделал движение к лестнице, намереваясь догнать и убить короля Чаши Звона, но неожиданно для себя повернулся и бросился к каюте. Из-за двери раздался женский плач.

— Зарозиния! — закричал он.

Ударом ноги он распахнул дверь и вбежал в полутьму каюты. И тогда он увидел ее.

Ее прекрасное тело подверглось невероятному превращению, теперь оно было телом гигантского белого червя. Осталась только ее голова, такая же красивая, как прежде.

Потрясенный, он чуть не выронил Щит.

— Это сделал Ягрин Лерн?

— Он и его союзники, — кивнула голова.

Испытывая тошноту, Эльрик отвел взгляд. Он не мог смотреть на нее.

— Еще один счет должен быть оплачен, — пробормотал он. И видят боги, этот счет перевешивает все остальные!

Червеобразное тело сократилось и стало наползать на его меч.

— Нет! — закричал он.

— Да! — сказала голова на белом кольцеобразном теле. Возьми мою душу, возьми ее себе, мой милый! Возьми все, чем была я, и тогда мы будем вместе!

Меч дрожал в его руке, Эльрик чувствовал, что едва может стоять на ногах. Никогда прежде он не испытывал такого состояния. А затем черный клинок Буреносца погрузился в нежную плоть, и... Теплая, ласковая волна, почти лишенная энергии и силы, зато струящаяся светом и юностью, проникла в его душу. И он впитывал ее полностью.

— Зарозиния! — закричал он, покрыв этим призывом все ужасные звуки лагеря Хаоса. — Зарозиния! — Слезы хлынули из его глаз. — Любовь моя, жена моя...

Так она умерла. И их души смешались так же, как задолго до этого было и с его первой любовью, Каймориль. Он не стал

смотреть на то, что осталось от его жены, не посмотрел даже на ее мертвое, прекрасное лицо, он просто медленно вышел из каюты...

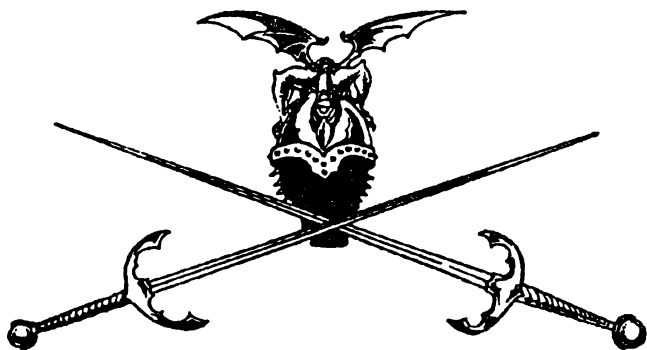
Теперь палуба адского корабля, едва заметно качаясь, начала исчезать, растекаясь в пустоте. Он вспомнил о Ягрине Лерне, но не стал его преследовать. Скорее всего, он был уже далеко, к тому же, как ни много Эльрик за последнее время получил энергии от убитых им демонов, он не мог с ним драться.

Меч и Щит послужили ему на обратном пути. Он сошел с корабля на дрожащую землю и побрел к своему нихрейнианскому скауну.

Слезы еще струились по его щекам, когда он помчался, удаляясь от кораблей Ада. Те с громким треском стали разваливаться у него за спиной. Наконец-то перестала существовать эта угроза миру. Теперь осталось разделаться только с ордой, хотя и это было не так-то просто.

В полном молчании он соединился со своими друзьями, и направил бег их коней к Мельнибону, Острову своих предков, последнему оплоту против Хаоса. Он уводил их, чтобы готовиться к решительной битве, которая должна была, по предсказанию, завершить его путь.

Пока они мчались, пока длился бег их чудесных коней, он все время слышал юный, нежный голос Зарозинии, шепчущий ему слова любви. И беззвучные рыдания сотрясали его душу, а слезы струились по лицу под гневный грохот копыт, несущих новую судьбу этому миру.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЕЛЫХ ЛОРДОВ

Сознание Человека свободно для покорения надменных глубин космической бесконечности, и для скитания по тайным лабиринтам мозга, где прошлое и будущее смешиваются воедино... И Вселенная, и личность скованы, сцеплены, одно отражается в другом, и одно соприкасается с другим...

«Хроника Черного Меча»

ГЛАВА 1

Город Мечты не дремал более в великолесии. Обломки башен грудились подобно почерневшей скорлупе, куски каменной кладки громоздились, иззубренные и черные,

на фоне угрюмого неба. Однажды мщение Эльрика пустило огонь по городу, а дождь залил огонь.

Языки облаков, подобных черному дыму, набегали на солнце, то вспыхивающее, то угасающее, так что шумные и испещренные красными пятнами воды позади Имрира затемнялись, успокаивались, как бы замороженные черным страхом, плывущим сквозь их зловещие водовороты.

На обломках рухнувших стен стоял человек и глядел на волны. Высокий, широкоплечий, с узкими бедрами, с бровями вразлет, с плотно прижатыми к голове ушами без мочек, с высокими скулами и малиновыми плотными губами на мертвенно-бледном аскетическом лице. Он был одет в черный стеганный колет и тяжелый плащ, и то и другое густого, мрачного оттенка, контрастирующего с почти бесцветной кожей альбиноса. Ветер, теплый, порывистый, играл с его плащом, захватывая, сворачивая и разворачивая полы. На порывах он весело гудел в брешах и зубах разбитых башен.

Эльрик слушал его завывания, и его память наполнялась сладкими, грустными мелодиями древнего Мельнибона. Но он вспомнил и другую музыку его предков, когда, подвергая утонченным пыткам рабов, они подбирали их безумные крики, создавая жуткие симфонии.

На мгновение ему захотелось, чтобы он никогда не сомневался в законах жизни Мельнибона, захотелось принять их без вопросов и таким образом отбросить раздвоенность своего сознания. Но все это было в прошлом, как в прошлом остался прежний Мельнибон. Он горько улыбнулся.

Позади него послышался стук падающих камешков. Кто-то шел к нему. Это был маленький рыжий человечек с широким ртом и глазами, всегда ясными и веселыми.

— Ты опять глядишь на восток, Эльрик, — проворчал Мунглум. — Эта привычка кажется мне уже неизлечимой.

Эльрик положил руку с длинными тонкими пальцами на плечо Мунглума.

— Куда же еще смотреть, друг, если весь мир оказался под пятой Хаоса? Или ты прикажешь смотреть в будущее? С улыбкой и надеждой, что старый мир уцелеет, и у моих ног будут играть дети? — он слабо засмеялся. Но это был не тот смех, который хотел бы услышать Мунглум.

— Сепириту обещал помощь Белых Лордов. Она должна прийти. Мы непременно дождемся ее.

Мунглум искоса глянул на сияющее солнце, а затем, как ни в чем не бывало, устоял под ногами на глыбу; на которой стоял. Эльрик помолчал немного, ожидая, пока стихнет порыв ветра, затем сказал:

— Все в руке судьбы, мы же бессильны что-либо предпри-

нять. Я молюсь, чтобы люди, которые унаследуют наш мир, могли действовать по собственной воле.

Он коснулся подбородка пальцами, затем взглянул на руку, разглядывая ногти, суставы, мускулы и вены, рельефно выступающие на мраморной коже. Он пропустил пальцы сквозь свои тонкие шелковистые волосы и глубоко вздохнул.

— Логика! Мир жаждет логики. У меня ее нет, хотя я здесь и создан как человек с умом, сердцем и душой. Миру нужна логика?.. Вся логика мира не стоит одной счастливой догадки. Человечество мучительно ткёт паутину мудрых мыслей, хотя другие, безымянные ткачи, действуя случайным образом, добиваются лучшего результата. Так много ли смысла в мудрости?

— Не знаю. — Мунглум вздохнул. — Так говорят искатели приключений, циники. Но мы же не дикари и не циники, Эльрик. Другие люди идут своими путями и находят другие смыслы, чем ты.

— Я иду путем, который предопределен. Ладно, пошли в Драконьи Пещеры и посмотрим, удалось ли Дайвиму Слорму разбудить наших рептилий.

Они спустились к основанию развалин и пошли по узкому оврагу, который когда-то был самой прекрасной улицей Имрира. Потом вышли из города и прошли по тропе, заросшей густой, короткой травой, вспугнули стаю больших воронов, которые поднялись в воздух. Лишь их предводитель уселся, балансируя, на куст. Его перья были взъерошены, он взирал на людей с высокомерным превосходством.

Вниз, мимо острых скал, к темному зеву Драконьих Пещер, вниз, шаг за шагом, по ступеням, выхватываемым из тьмы чадающим факелом, во влажный теплый мрак, заполненный густым запахом рептилий. В первой пещере лежали громадные распластанные тела спящих драконов, их свернутые кожистые крылья были прижаты к телам, их зеленые и черные чешуйки отливали радугой, их когтистые лапы были подобраны, а небольшие головы с приоткрытыми челюстями обнажали длинные зубы, которые в темноте пещеры походили на белые сталактиты. Их раздутые красные ноздри издавали слабый храп. Запах, исходящий от их тел и дыхания, невозможно было спутать с другим.

Он будил в Мунглуме воспоминания, унаследованные от его предков, окрашенные в мрачные тона, о тех временах, когда эти драконы и их повелители пересекли подвластный им мир, их огненосный яд капал из пастей, воспламеняя все, над чем они летели. Эльрик, знакомый с драконами, тяжело переносивший их запах, прошел через одну пещеру, пока не

нашел Дайвима Слорма, рассказывающего с факелом в одной руке и свистком в другой. Он яростно ругался.

— Ничего! Даже не шевелятся, Эльрик, даже не моргают! Возможно, они не проснутся, пока не проспят несколько десятков лет. Ах, зачем мы использовали их так неразумно, когда они нужны нам теперь!

— Ни ты, ни я не знали, что они понадобятся так скоро. Поэтому сожалеть бесполезно.

Эльрик разглядывал громадные темные тела. Здесь, где-то недалеко от остальных, лежал драконовожак, к которому он испытывал странную симпатию, Огнезуб, самый старший из всех. Ему было пять тысяч лет — возраст весьма умеренный для дракона. Огнезуб, как и все остальные, спал.

Эльрик узнал его, подошел к зверю, коснулся чешуи, провел рукой по неровным клыкам, почувствовал легкое движение его языка и улыбнулся. Буреносец дрогнул. Эльрик шлепнул по рукояти меча.

— Здесь даже ты бессилен. Драконы неуязвимы. Они выживут, когда весь мир обратится в ничто.

Дайвим Слорм заговорил с другого конца пещеры:

— Я не думаю, что мы добьемся успеха в ближайшее время, Эльрик. Давай вернемся в башню д'Арпутна и подкрепимся.

Втроем они прошли через пещеру и по ступеням поднялись к солнечному свету.

— Так, — отметил Дайвим Слорм, — все еще не темнеет. Солнце остается в этом положении уже тринадцать дней, с тех пор, как мы покинули лагерь Хаоса и вернулись в Мельнибон. Какой же силой должен обладать Хаос, если может остановить Солнце?

— Может быть, Хаос не имеет к этому никакого отношения, сказал Мунглум. — Хотя, конечно, может, это их рук дело. Да и Время остановилось. Оно ждет. Но чего? Пытаются приостановить окончательный разгром? Или это влияние Великого Равновесия, которое стремится восстановить порядок и мстит тем силам, которые подчинились Хаосу? Если это работа Времени — оно ждет нас. Трое смертных плывут по течению, ожидая чего-то от Времени, так же, как оно ожидает их?

— Возможно, Солнце ждет нас, — согласился Эльрик. — Разве нам не уготована судьба подготовить мир к новому этапу? Такое положение заставляет чувствовать себя кем-то большим, чем просто пешкой в предрешенной игре. Что, если мы чего-то не сделаем, не сумеем добиться того, что предрешено? Будет ли Солнце оставаться на том же самом месте?

Они остановились, всматриваясь в красный диск, который

заливал Землю непривычным алым светом. Черные облака все ползли по небу, иногда закрывая его. Откуда эти облака? Куда они плывут? Казалось, они появились намеренно. Возможно даже, это и не облака вовсе, а духи Хаоса, несущие какую-то вестъ. Эльрик одернул себя, такие предположения ничем не отличались от базарной болтовни.

Они прошли в башню д'Арпутна, где много лет назад он потерял свою любовь, кузину Каймориль. Все, что последовало потом, было лишь следствием этой утраты и результатом его странного сосуществования с клинком, который висел у него на боку.

Башня уцелела в пламени, хотя краски, которыми она была разрисована, потемнели от жара. Здесь он оставил друзей и, даже не поужинав, направился в свою комнату, где бросился, не снимая одежды, на постель и провалился в сон.

ГЛАВА 2

Эльрик уснул и Эльрик грезил. Хотя и чувствовал призрачность обступивших его образов. Все его попытки проснуться оказывались совершенно бесполезными. Вскоре он сдался и позволил сну вести себя...

Он увидел Имрир таким, каким тот был несколько веков назад. Имрир, почти такой же, как тот, на который он совершил набег и который разрушил. Такой же, но немного другой, отличающийся более яркими красками, будто бы только что заигравшими на его стенах. Вдобавок солнце было темно-оранжевым, небо — глубоким, темно-синим, изнывающим от жары. Должно быть, с тех пор многие свойства мира изменились, потому и казались ему неожиданными.

Люди и животные ходили по сияющим улицам. Высокие мельнибонийцы, мужчины и женщины, шли с грацией горных тигров. Рабы с грубыми лицами, глазами, в которых смешалось нетерпение и смирение. Длинноногие лошади, теперь уже вымершие, небольшие мастодонты, запряженные в разнообразные экипажи. Свежий ветер разносил запахи города. Шума почти не было, мельнибонийцы ненавидели шум так же, как любили гармоничные звуки. Тяжелые шелковые стяги трепетали на башнях из лазурита, опала, хризопраза и полированного красного гранита. И Эльрик медленно шел по этим улицам. Лишь какая-то боль томила его душу, когда он даже во сне был со своими предками, золотым народом, который правил миром.

Огромные галереи проходили по лабиринтам протоков, которые вели во внутреннюю гавань Имрира, волоча на себе самую лучшую в мире добычу, захваченную во всех концах

Светлой Империи. В лазурном небе ленивые драконы держали свой путь к пещерам, где гнездились тысячи этих тварей. В высочайших башнях города Болнезбет и Башне Королей — его предки изучали колдовские манускрипты, сочетали их с жестокими экспериментами над провинившимися рабами, но, в отличие от людей Молодых Королевств, делая это не от испорченности, а в согласии со своими природными инстинктами.

Вот он проник сквозь сияющую стену Башни и увидел своих предков-императоров... Но было ясно, что это сон или видение несуществующего мира, поскольку здесь присутствовали императоры разных поколений. Эльрик знал их по портретам: черный Рондар IX, 12-й император империи, остроглазый император Эльрик I, 18-й по счету, заросший необычайно густой бородой Кахан VII, 329-й император.

Эльрик словно бы сидел в затемненной нише, которые имелись в главном зале. Он видел, что дверь из мерцающего черного кристалла открылась, и вошел... Эльрик вновь попытался проснуться и вновь без успеха. Этот человек был его отцом, Седрик 86-й, высокий человек с нависшими бровями и постоянным выражением скорби на лице. Он прошел через толпу к Эльрику и остановился в двух шагах. Его глаза пристально всматривались в сына из-под набрякших век.

У него были острый, длинный нос, высокие скулы и легкая сутулость из-за необычайной худобы. Тонкими, изящными пальцами он тербил край куртки из красного бархата. Затем он заговорил ясным, четким, тихим голосом, который, как помнил Эльрик, был его особенностью.

— Сын мой, ты тоже умер? Я вижу, ты изменился с годами. Как ты умер? В битве от вражеского клинка? Или в своей постели? Что сейчас с Имриром? Угасает, погрузившись в сон среди остатков былой роскоши? Род, как это и должно быть, продолжается — об этом я не спрашиваю, поскольку полностью доверяю тебе. Сын, конечно, родился от Каймориль, ты же так ее любил, хотя твой кузен Иркан ненавидел тебя за это...

— Отец...

Старик поднял руку, свидетельствующую о его годах.

— Есть другие вопросы, которые я должен тебе задать. Один из них мучит всех, кто добился бессмертия в этой тени города. Некоторые из нас заметили, что его краски начинают выцветать со временем. Несколько наших предков перешагнули через смерть и — мне трудно об этом даже думать — проникли в несуществование. Даже здесь, в безвременье смерти, непредсказуемые изменения стали проявляться, и те из нас, кто задается этими вопросами и ищет ответы на них,

боятся, что какие-то ужасные изменения происходят в мире живых. Некоторые из них настолько велики, что в наши души проник страх. Легенда гласит, что до тех пор, пока Город Мечты не погиб, мы, призраки, будем существовать в своей былой славе. Что за новости ты нам доставил?

— Отец...

Но видение заколебалось и рассыпалось. Неведомая сила вытолкнула Эльрика из измерения, которое неизвестно живым, в сияющие пространства космоса и понесла прочь, прочь...

— Отец! — крикнул он, но лишь эхо подхватило его голос. Ответа не было. На мгновение ему стало легче — что он мог сказать бедному духу своего отца? Подтвердить его догадки, сообщить о немыслимых преступлениях против всех своих предшественников?

Все вокруг погрузилось в туман, и чей-то скорбный стон раздавался в ушах — стон, сминающий сознание, рвущий исторгнутые им слова в уродливые всхлипы:

— О-о-т-те-е-ц, ец-тс-ва-а, ста-а-р-а-а, фра-а-рахиа. Да — ра-ва-ра...

Он вновь стал бороться, но не смог вырваться из объятий сна. Он чувствовал, как его дух проходит сквозь пространство туманной неустойчивости, сквозь множество цветов, находящихся за пределами земного спектра, за пределами его представлений.

Громадное лицо начало возникать из тумана.

— Сепириту! — Эльрик узнал лицо своего наставника. Но черный нихрейнианин, освобожденный от телесной оболочки, казалось, не узнавал и не слышал его.

— Сепириту, ты умер?

Лицо исчезло, затем появилось вновь, в этот раз уже как часть высокой человеческой фигуры.

— Эльрик, наконец-то я тебя нашел, воплощенного в астральном теле, как я вижу. Спасибо Судьбе, а то я уже думал, что совсем потерял тебя. Сейчас мы должны торопиться. В защите Хаоса пробита брешь, и мы должны отправиться на совет к Лордам Закона!

— Где мы?

— Увы, нигде. Мы путешествуем к Высшим Мирам. Вперед, торопись. Я поведу тебя.

Вниз, вниз, сквозь туннели и шахты, забитые мягчайшей шерстью, через каньоны, прорезанные в сияющих горах света.

Эльрик чувствовал, что темное небытие распространяется во всех направлениях. Затем, оказалось, они стояли на плоскости, совершенно ровном плато, с редкими зелеными и го-

лубыми, чрезвычайно сложными геометрическими конструкциями, выраставшими из поверхности, как трава. Жемчужно-переливчатый воздух гудел живыми потоками энергии. И там же были человеческие формы — существа, которые приняли этот облик, чтобы встретить людей, пришедших к ним.

Белые Лорды Высших Миров, враги Хаоса, были прекрасны, их тела были настолько совершенны, что они не могли быть земного происхождения. Только Закон мог создать это великолепие порядка. Эльрик подумал, что излишняя строгость также угрожает прогрессу, как и необузданная изменчивость. Было совершенно ясно, что эти две силы должны дополнять друг друга. Если одна безраздельно возьмет верх над другой, это приведет либо к торжеству энтропии, либо к ледяной стагнации в космосе. Закон будет править на Земле, но и Хаос должен быть на ней.

Лорды Закона были снаряжены для войны. Металлические панцири, или что-то похожее на них в этом измерении, обтекали их совершенные тела. Изящное оружие было прикреплено к их поясам. Невероятно прекрасные лица, казалось, переполнялись сознанием необходимости войны. Они шли навстречу людям.

Тот, кто шел впереди, произнес:

— Итак, Сепириту, ты привел одного из тех, кому Судьбой предназначено помогать нам. Здравствуй, Эльрик из Мельнибона. Хотя ты служил Хаосу, я должен поблагодарить тебя. Ты знаешь меня? Я тот, кого в древней мифологии именовали Донбласом Творцом Справедливости.

Эльрик ответил, несколько замешкавшись от неожиданности:

— Я помню тебя, Лорд Донблас. Но тебя называли так неверно. Боюсь, справедливости нет нигде в мире.

— Ты говоришь о своей реальности, но она не исчерпывает все реальности, — Донблас улыбнулся без злобы, но видно было, что он задет словами смертного.

Эльрика это не тронуло. Его предки боролись с Донбласом и всеми его братьями, ему трудно было считаться с Творцом Справедливости, как с союзником.

— Я видел, как ты противостоял нашим противникам, продолжал Лорд Донблас с одобрением. — И я с тобой согласен, что справедливости не могло быть в это время на вашей Земле. Но меня зовут СОЗДАТЕЛЕМ Справедливости, и я займусь этим, когда в вашем измерении будут соответствующие условия.

— Тогда примемся за работу. И как можно быстрее.

— Смертный, мы не умеем спешить, — заговорил другой Белый Лорд. Его бледно-желтая накидка, надетая поверх

блестящих доспехов и украшенная Стрелой Закона, качнулась от его плавного, примиряющего жеста.

— Но если в стене Хаоса, закрывающей Землю, пробита брешь, — сказал Эльрик, — и если вы готовы к войне с Хаосом...

— Война подготовлена, но невозможна, пока нет призыва из вашей реальности.

— Призыва? Разве колдуны и заклинатели не заняты постоянно тем, что призывают вас? В каком еще зове вы нуждаетесь?

— В предначертанном, — сказал Лорд Донблас твердо.

— Боги!.. О, извините меня, милорд! — Эльрик провел рукой по лицу, восстанавливая твердость духа и трезвость мысли. Что надлежит сделать?

— Перед нами стоит последняя задача, Эльрик, — сказал Сепириту мягко. — Как я тебе и сказал, стена Хаоса пробита, но это не значит, что Белые Лорды могут пробиться в наш мир. Рог Судьбы должен воззвать трижды, чтобы они приступили к установлению Справедливости. Первый зов разбудит драконов Имрира, второй позволит явиться в наш мир Белым Лордам, а третий... — он замолчал.

— Итак, третий? — нетерпеливо спросил Эльрик.

— Третий возвестит смерть мира.

— Где же находится этот могущественный Рог?

— В особом измерении, — сказал Сепириту. — Его создавали там, где логика подчинила магию. Ты должен отправиться туда, чтобы добыть Рог Судьбы.

— И что я должен взять с собой в это путешествие?

Вновь Лорд Донблас заговорил примиряюще:

— Мы дадим тебе наши средства. Ты вооружен Мечом и Щитом Хаоса. Но там они не столь могущественны, как в твоём измерении. Чтобы отправиться туда, тебе надо подняться на самую высокую точку разрушенной башни Болнезбет в Имрире и шагнуть вперед, в пространство. Ты не упадешь, достаточно даже ничтожной доли нашей силы, чтобы предотвратить падение на землю.

— Успокаивающие слова, Лорд Донблас. Отлично, я сделаю то, что должен,

Донблас пожал плечами:

— Ты попадешь в один из множества миров — почти такую же тень, как и твой мир. Ты заметишь его приглушенность, расплывчатость очертаний. Это значит, что Время не спрессовало его, что его структура осталась во многом незрелой. А теперь позволь пожелать тебе удачи, смертный. Ты мне нравишься, хотя и создан Хаосом. В тебе есть качества, которые восхищают нас, слуг Закона. Отправляйся. Вернись в свое смертное тело и готовь себя к решающему действию.

Эльрик поклонился и повернулся к Сепириту. Черный нихрейнианин сделал два шага назад и исчез в сияющем воздухе. Эльрик последовал за ним.

И вновь его астральное тело пронизывали мириады измерений сверхъестественной Вселенной, его чувства были перегружены неизвестными ему ощущениями, но это длилось, длилось...

Внезапно Эльрик почувствовал тяжесть и, открыв глаза, увидел, что лежит в собственной постели в башне д'Арпутна. Слабый свет просачивался в щели тяжелого занавеса, закрывающего стрельчатое окно. Круглый Щит Хаоса и его восемь расходящихся стрел пульсировали, освещенные ровным, слишком ровным светом Солнца. Его рунный меч с перевязью свисал с вбитого в стену крюка. Оружие уже ждало его.

Затем Эльрик уснул, но это был обычный сон, с привычными, много раз посещавшими его кошмарами. Когда через много часов он закричал во сне и проснулся, у его кровати стоял Мунглум. На узком лице его друга было выражение печальной задумчивости.

— В чем дело, Эльрик? Что беспокоит тебя во сне?

Эльрик покачал головой.

— Ничего. Оставь меня, Мунглум. Я позову тебя, когда поднимусь.

— Ты очень долго спишь. Может быть, тебе приснился какой-нибудь пророческий сон?

— О, да. Пророчеств было более, чем достаточно...

— Что-то важное было в этом сне, что-то, что привело меня сюда.

— Я отвечу на все вопросы, мой друг, если смогу. Оставь меня. Пока не придет догадка...

— Свеча четырнадцатого дня догорает, и Дайвим Слорм ждет доброго совета от тебя.

Эльрик сел на постели и опустил дрожащие ноги на пол. Он чувствовал себя ослабленным. Мунглум помог ему встать.

— Отбрось сомнения и помоги нам, — тон Мунглума был снисходителен и беспечен. Но это доказывало, что он едва преодолевает свой страх.

— Дай меч, — попросил Эльрик, с трудом протягивая руку. Без его энергии мне не встать.

С трудом преодолевая себя, Мунглум подошел к стене и с трудом снял дьявольское оружие. Для него этот меч был страшно тяжелым. Он вздрогнул, ему послышался едва слышный смешок. Он поспешил передать меч Эльрику. Поблагодарив, Эльрик приготовился обнажить клинок, но вдруг замер.

— Лучше выйди из комнаты.

Мунглум сразу понял и вышел, не зная, от кого спасается бегством — от черного клинка или своего друга.

Когда за ним закрылась дверь, Эльрик извлек громадный меч и почувствовал легкое покалывание, сверхъестественная жизненная сила вливалась в его тело. Ее было немного, и он знал, что если не напоит меч чьей-то жизненной субстанцией, Буреносец потребует души двух оставшихся его друзей. Он вложил меч в ножны, крикрепил к поясу и вышел в коридор с высокими сводчатыми потолками. Мунглум молча последовал за ним по закрученным спиралью ступенькам, пока они не добрались до главного этажа башни, где находился обширный зал. Здесь уже сидел Дайвим Слорм, перед ним стояла бутылка старого мельнибонийского вина, в руках он держал большую потускневшую чашу. Его клинок — Меч Печали — лежал на столе рядом с бутылкой.

Дайвим Слорм, сидел, задумавшись, но поднял голову, когда они подошли, и указал им на кресла, стоящие напротив. Он улыбнулся:

— Боюсь, Эльрик, что больше ничего сделать не смогу, чтобы разбудить драконов. Я перебрал все способы, какие можно и нельзя использовать в подобных случаях, но бесполезно. Они спят.

Эльрик вспомнил свое видение и вздрогнул. Оно наполнило его сердце холодной безнадежностью.

— Забудь на время драконов. Пока я спал, мое астральное тело покинуло Землю и попало в измерение Белых Лордов, где они рассказали мне, что я могу разбудить драконов, протрубив в Рог. Я решил последовать их указаниям и отыскать этот Рог.

Дайвим Слорм уставился в бутылку на столе.

— Мы, конечно, поможем тебе.

— Это невозможно, я отправлюсь один. Ждите, пока я не вернусь. Если этого не произойдет, решайте сами — доживать ли свои годы добровольными пленниками этого острова или отправиться на безнадежную битву с Хаосом.

— Если время действительно остановилось, и мы здесь останемся, то будем жить всегда, — заявил Мунглум. — Бр-р... Скука, неизвестность, спящие драконы... Нет, если ты не вернешься, я отправлюсь на континент и попробую захватить с собой в преисподнюю хотя бы несколько этих тварей Хаоса.

— А пока все-таки ждите, — сказал Эльрик, даже не улыбнувшись. — Надеюсь, что на этот раз пропутешествую недолго.

— Ну что же, тогда — удачи тебе, — сказал Мунглум.

— Удача? Да, пожалуй, она мне не помешает, — усмех-

нулся Эльрик. — Спасибо, Мунглум. До свидания, брат. Не расстраивайся, возможно, мы еще разбудим драконов.

— Да, — сказал Дайвим Слорм с неожиданным воодушевлением, — мы их разбудим! Мы их разбудим, и их огненный яд выжжет всю эту дрянь! Мы очистим мир огнем! Этот день придет, или к черту все пророчества!

Эльрик почувствовал, что его настроение улучшается. Он отсалютовал своим друзьям и улыбнулся. Он сходил за Щитом Хаоса, снова спустился по винтовой лестнице, вышел на стену, заваленную обломками. И пошел к месту, которое когда-то было местом его жуткого мщения и невольного убийства — к башне Болнезбет.

ГЛАВА 3

Эльрик вступил в затемненную и опустошенную скорлупу башни, все еще пропахшую горелым деревом. Когда-то Эльрик превратил эту башню в погребальный костер для мертвых тел его первой любви Каймориль и ее безумного брата Иркана. Сейчас остались лишь камни ступеней, которые освещались редкими солнечными лучами.

Он старался не думать, излишнее напряжение могло лишь помешать его действиям. Он начал подниматься по лестнице. И тут он услышал слабый звук, а может быть, этот звук шел из его подсознания. Тем не менее Эльрик явственно ощущал его. Звук был подобен звучанию далекого оркестра, настраивающего инструменты. Когда Эльрик поднялся выше, звук усилился, но ритм был неустойчив, ломался, и все время, пока Эльрик добирался до последней ступени, не совпадал с его шагами. На верхних ступенях оркестр уже гремел у него в мозгу, пронизывая тело тупой болью.

Он остановился и глянул вниз, на далекий пол башни. Опасения терзали его. Он спрашивал, что имел в виду Лорд Донблас под самой высокой точкой: ту, до которой он уже добрался, или ту, которая была еще выше на двадцать футов. Он подумал, что лучше все-таки понимать Белых Лордов буквально, сдвинул Щит Хаоса на спину, закрывшись им, как черепаха панцирем, и стал карабкаться по стене. Он подтягивался, ноги часто оставались без опоры, носы башмаков царапали облупившуюся штукатурку, но он все лез вверх. Он всегда недолголюбил высоту, и довольно неприятное чувство посетило его, когда он невзначай глянул вниз, на усеянный булыжниками пол в восьмидесяти футах внизу. Но он все лез, и скоро карабкаться стало легче, потому что трещин в стене башни стало больше. Добравшись до поврежденной крыши, он протолкнул себя сквозь дыру и оказался на ее

покатой, черепичной поверхности. Эльрик поднялся на единственный необломанный зубец, который и был сейчас самой высокой точкой башни. Затем, все еще колеблясь, он чуть-чуть наклонился вперед, рассматривая улицы Имрира.

Музыка прекратилась. Набрав побольше воздуха в легкие, как перед прыжком в воду, он шагнул... Закрученные волны красного и черного света накатывались на него, они почти совершенно ослепили его, он не чувствовал теперь никакой опоры под ногами, даже выступов каменных стен...

Внезапно он увидел, что твердо стоит на плотном дерне под маленьким бледным солнцем, и в его ноздри проникает запах трав. Он обратил внимание на то, что этот мир казался блеклым, хотя и более четким в очертаниях, лучше сфокусированным. И ветерок, коснувшийся его лица, был холоднее. Он осторожно двинулся по траве к редкому леску. Прелая листва, усеявшая землю, сухо шуршала под каблуками. На опушке он наткнулся на ручей, который тек из леса.

Он, к своему удивлению, заметил, что чистая прозрачная вода кажется неподвижной. Она была как замерзшая, хотя и неизвестно почему. Она имела все признаки воды летнего ручья, но только не текла.

Чувствуя, что это явление находится в странном противоречии со всем остальным в окружающей природе, он снял Щит Хаоса со спины и взял его в руку, затем извлек вибрирующий меч и перепрыгнул через ручей.

Через поляну, поросшую травой, он подошел к оврагу, заваленному валунами и заросшему редкими кустами папоротника. Впереди, как ему послышалось, журчала вода. Когда он подошел к самому большому валуну, он услышал голос:

— Эльрик!

Он обернулся, позади на валуне стоял карлик с длинной бородой, достигавшей его пояса. В руке он держал копье, единственное его оружие. Одет он был в красновато-коричневые брюки, куртку и зеленый колпак на голове. Глаза его походили на кварц — твердые, упрямые и веселые.

— Это мое имя, — ответил Эльрик. — Но почему ты меня знаешь?

— Я не принадлежу к этому миру, как, впрочем, ни к какому другому. Я не существую в определенном мире, как привычно, наверное, тебе, но двигаюсь туда и сюда в отражениях миров подобно тому, как это делают боги. Таково свойство моей природы. Боги иногда используют меня, как посыльного. Меня зовут Лукавый Джермус, и это имя известно во всех мирах. — Он спрыгнул с валуна и внимательно посмотрел на Эльрика. — Мне кажется, ты ищешь Рог Судьбы?

— Это правда. А ты знаешь, где он?

— Еще бы, — ухмыльнулся карлик. — Он захоронен в могиле героя этого мира — воина, которого звали Роланд. Возможно, он еще одно воплощение Спасителя Бесконечности.

— Какое странное имя.

— Не более, чем твое. Роланд во всем, кроме того, что погиб, твой двойник в этой реальности. Он погиб недалеко отсюда, в ущелье. Его заманили в ловушку и предали давние союзники. Рог этот был с ним, и он один раз в него протрубил перед тем, как его убили. Кое-кто говорит, что эхо все еще бродит по ущелью и отзывается то там, то здесь, хотя Роланд погиб много лет назад. Истинное предназначение Рога здесь неизвестно и не было известно даже Роланду. Он называется Олифант и вместе с волшебным мечом Дюрандалем и Роландом был похоронен в гигантской могиле, которая здесь считается волшебной. — Карлик махнул рукой, и Эльрик увидел, что он указал на место, которое Эльрик принял за большой холм.

— И оттуда я должен извлечь этот Рог? — спросил он.

Карлик злорадно захихикал.

— Не только. Ты должен будешь драться с Роландом. Дюрандаль был освящен Силами Света, а твой меч откован силами Тьмы. Это будет интересная схватка.

— Ты же сказал, что он мертв, как же он может сражаться со мной?

— Ремень, на котором висит Рог, пропущен у него под плечом. Если ты прикоснешься к Рогу, Роланд начнет защищать свою собственность, пробудившись от смертного сна. Эта схватка покажет, кто из вас больший герой в этом мире.

Эльрик улыбнулся.

— Наверное, героев тут немного, если жители этого мира хоронят их с такой помпой.

— Возможно, — небрежно ответил карлик. — Их здесь около дюжины или чуть больше — тех, кто улегся спать в эту землю. Они лежат там, пока в них не появится нужда. Хотя, насколько мне известно, такого еще ни разу не было. А может быть, они ждут конца мира, если кто-то захочет почему-либо его разрушить. В этом случае они будут бороться. Но это моя собственная теория, и она немножого стоит.

Карлик склонился в насмешливом поклоне и потряс копьем.

— Прощай, Эльрик из Мельнибона. Когда ты захочешь вернуться, я буду здесь, чтобы отвести тебя, а вернуться ты должен в любом случае, живым или мертвым, так как, — ты это, очевидно, понимаешь — твое присутствие здесь проти-

воречит сложившемуся порядку вещей. Единственная вещь не вызывает здесь противоречия...

— Какая же?

— Твой меч.

— Мой меч? Странно. Я думал, он здесь не имеет значения, — Эльрик был поражен идеей, внезапно родившейся у него в мозгу. Но у него не было времени для домыслов. — Я не собираюсь здесь задерживаться, — сказал он карлику, который уже исчез среди валунов.

Эльрик еще раз посмотрел на большой могильный холм и направился к нему. Вдруг он заметил, что ручей начал течь, как будто тек всегда, и у него возникло ощущение, что хотя этот мир подчинялся Закону, в нем ощущалось влияние Хаоса.

Могильник был сложен из большого количества грубых каменных плит. Перед нижним ярусом этой ступенчатой пирамиды росли оливковые деревья. Их ветви были увешаны нешлифованными драгоценными камнями. За деревьями Эльрик увидел высокий вход, перекрытый бронзовыми панелями, украшенными позолотой.

— Будет трудно, Буреносец, — сказал он мечу. — Я не удивлюсь, если тебе не хватит мощи для битвы в этом мире, как не хватит и способности питать меня жизненной силой. Но мы попробуем...

Он подошел к дверям и, замахнувшись, что есть силы, ударил по ним рунным мечом. Металл лязгнул, на двери осталась выемка. Он вновь замахнулся, теперь уже держа меч обеими руками, но голос, раздавшийся справа, остановил его.

— Что за демон тревожит отдыхающего Роланда?

— Кто говорит на языке Мельнибона? — смело возразил Эльрик.

— Я говорю на языке демонов и чувствую, кто ты есть. Я знаю, что Мельнибон — всего лишь слово из древних сказок.

— Для женщины ты говоришь слишком гордо, — сказал Эльрик, еще не видя ту, с кем разговаривал.

Тогда она вышла из-за могильного холма и замерла, глядя на него сверкающими зелеными глазами. У нее было удлинненное прекрасное лицо, почти такое же бледное, как и у него. Исключение составляли ее волосы.

— Как тебя зовут? — спросил он, — Ты обитательница этого мира?

— Меня зовут Вивиан, я чародейка. Вашему повелителю должно быть известно имя Вивиан, которая влюбилась в Роланда, хотя он был слишком независим, чтобы остаться с нею. — Она от души рассмеялась. — Тогда я и стала бессмертной волшебницей. Я знакома с демонами вроде тебя и не

боюсь тебя. Уходи! Уходи, или я призову епископа Тюрпена, и он изгонит тебя!

— Некоторые твои слова, — вежливо сказал Эльрик, — знакомы мне, а язык моего народа исковеркан. Ты охраняешь могилу героя?

— Увы, мне нечем его охранять. — Она нахмурилась. — А теперь уходи!

Она повелительно махнула рукой.

— Это невозможно. Рядом с телом лежит Рог, который мне нужен. Мы называем его Рог Судьбы, но тебе он должен быть известен под другим именем.

— Олифант! Но это священный инструмент. Никакой демон не может прикоснуться к нему. Даже я.

— Я не демон, я человек. А сейчас отойди в сторону, иначе эта проклятая дверь может свалиться в твою сторону.

— Да, — сказала она задумчиво. — Ты можешь быть человеком, хотя и не вполне похож на людей. Белое лицо и волосы, красные глаза, твоя странная речь...

— Колдун я, но не демон. Прошу — отойди!

Она внимательно взглянула на его лицо, и его взгляд смутил ее. Он тронул ее рукой. Она казалась вполне нереальной, хотя в ней было и немного ПРИСУТСТВИЯ. Как если бы она находилась гораздо дальше, чем казалась ему сейчас. Они смотрели друг на друга с любопытством и сомнением.

— Почему ты знаешь мой язык? Этот мир снится мне или богам? Почему он кажется таким реальным?

— Ты так говоришь о нас, как будто не ты, а мы призраки? Ты призрак из мертвого прошлого!

— Прошлого?! Вот в чем дело — ты принадлежишь моему будущему, еще не созданному. То самое, которое принесет нам, возможно, последняя победа.

Она не стала продолжать эту тему, но вдруг сказала:

— Странник, ты никогда не сможешь разбить эту дверь. Если ты хочешь взять Олифант, это свидетельствует о том, что ты смертный, несмотря на внешний вид. Очевидно, Рог нужен тебе для важной цели.

Эльрик улыбнулся.

— Еще бы! Если я не смогу забрать его туда, откуда он пришел, ты никогда не будешь существовать.

Она замерла.

— Поняла, поняла! Я чувствую, что догадка рядом, хотя не могу понять, почему. И это необычно для Вивиан. Вот, — она выхватила ключ из складок платья и протянула ему. — Этот ключ открывает могилу Роланда. Он единственный. Не раз я решалась пробраться во тьму его могилы, смотрела на его лицо и больше всего на свете хотела оживить его и отвести

в мой дом на острове. Возьми Рог! Попробуй унести его. А потом, когда он убьет тебя, может быть, он придет ко мне. Иди и приготовься к смерти от руки Роланда!

Он взял ключ.

— Спасибо, леди Вивиан. Если возможно убедить того, кто противится правде, то пойми — даже для тебя будет лучше, если я убью Роланда, а не наоборот.

Он вставил ключ в скважину и повернул. Двери сдвинулись, открылись, и он увидел, что длинный коридор с низким потолком уходит под холм. Не колеблясь, он пошел вперед, к мерцающему свету, видимому сквозь холодный и мглистый мрак. Он шел, будто плыл сквозь сон, еще менее реальный, чем тот, в котором он видел императоров Мельнибона.

Затем он оказался в склепе, освещенном высокими свечами. В открытом саркофаге лежал человек, облаченный в доспехи странного и незнакомого вида. Громадный широкий меч покоился на его груди, а рядом лежал Рог Судьбы, Олифант.

Лицо Роланда, озаренное светом свечей, казалось странным — старое, но с юношеским выражением, мертвое, но спокойное и без малейших признаков тления.

Эльрик взял Буреносец в левую руку, вытянул правую и схватил Рог. Не пытаясь быть осторожным, он сдернул Рог с шеи Роланда.

Грозный крик вылетел из горла героя. Он немедленно сел и схватил рукоять меча обеими руками. Его глаза широко раскрылись, он увидел Эльрика с Рогом в руке. Одним прыжком он оказался перед Эльриком. Он ударил, метя Эотрику в голову. Эльрик поднял Щит и блокировал удар, спрятал Рог в колет и, повернувшись боком, перебросил Буреносца в правую руку. Роланд что-то кричал на языке, совершенно непонятном Эльрику. Но Эльрику и по интонации слов было ясно, что это не мирные предложения. Прикрываясь Щитом, он отступал, стремясь выйти из склепа.

Раз за разом Дюрандаль бил по Щиту Хаоса, щит и меч издавали чистый звон высокого тона. Роланд теснил Эльрика, его меч свистел и обрушивался на щит с фантастической силой. Неожиданно, Эльрик даже не понял, как это получилось, они выбрались наружу. Роланд, казалось, на мгновение ослеп. Эльрик мельком увидел Вивиан, ждущую своего Роланда.

Роланд снова открыл глаза, увидел Эльрика и что-то закричал. Но Эльрик не обратил внимания на этот крик и нанес страшный удар по плечевой пластине доспехов Роланда. Богатырь зашатался, его меч выпал из рук героя и упал на землю. Не дожидаясь, пока Спаситель Бесконечности подни-

мет его, Эльрик нанес удар между шлемом и горловиной панциря. Голова героя слетела с плеч и покатила в сторону. Но на мече Эльрика не осталось ни капли крови. Глаза головы остались широко открытыми и все еще смотрели на Эльрика.

Вивиан закричала, что-то на том же языке, каким разговаривал Роланд. Эльрик отошел назад, лицо его было угрюмым.

— Люди верят, что он когда-нибудь вновь поскачет в бой, чтобы помочь им, — прокричала Вивиан на мельбонийском языке. — А ты убил его! Изверг! Дьявол!

— Может быть, я и в родстве с дьяволом, — быстро произнес Эльрик, пока она причитала над обезглавленным телом. — Но боги вынудили меня сделать это. Теперь я должен покинуть твой тусклый мир.

— Неужели ты так и уйдешь, совершив такое ужасное преступление?

— Да, Вивиан. Это лишь одно из многих преступлений, которые я совершил, служа великой цели. Иногда я сомневаюсь в ней, но объяснить тебе это не берусь. Знай, если это для тебя что-то значит, — таким, как Роланд и я, никогда не суждено погибать окончательно, мы всегда возрождаемся. Прощай.

И он зашагал прочь, прошел через рощу олив и перебрался через овраг, засыпанный камнями. Рог Судьбы охлаждал его сердце.

Он спустился к ожившему ручью и поднялся на гору, где его дожидался карлик. Когда он увидел Джермуса Лукавого, то извлек Рог и показал его. Джермус захихикал:

— Итак, Роланд убит, и ты, Эльрик, похитил часть легенды этого мира, если теперь он уцелеет. Ладно, ступай за мной, я провожу тебя обратно в твоё измерение.

— Да, и побыстрее.

— Хм, — пробормотал Джермус, не трогаясь с места. — Этот Рог может причинить нам большие неприятности. Лучше спрячь его и прикрой сверху щитом.

Эльрик послушался, и тогда они пошли к берегу странного ручья. Теперь он снова выглядел так, как будто только остановился. Джермус прыгнул в него и погрузился в неподвижную воду.

— Быстро! За мной!

Эльрик шагнул на затвердевшую поверхность и также начал погружаться. Хотя ручей был мелким, они все тонули, пока полностью не ушли под воду, которая вдруг перестала быть водой, а стала глубокой тьмой, теплой и напряженной. Джермус дернул Эльрика за рукав.

— Вот ход!

Они рванулись вправо и вниз, в лабиринт, который видел лишь Джермус. Рог, спрятанный на груди, стал выскальзывать, но Щит держал его крепко. Затем их ослепил внезапный яркий свет, и Эльрик почувствовал, что стоит на чем-то твердом.

Открыв глаза, он увидел громадное темно-красное солнце, замершее на темно-голубом небе. Он глянул вниз и обнаружил, что стоит на башне Болнезбет. Какое-то время Рог бился, как пойманная птица, но вскоре замер неподвижно. Эльрик пополз вниз сквозь дыру, через которую протискивался на крышу. Вдруг он почувствовал еще кого-то, что-то живое находилось над ним.

Он поднял голову. Там, опираясь ногами на воздух, стоял Джермус Лукавый.

— Я возвращаюсь, этот мир мне не по нраву, — он хихикал. — Было неплохо участвовать во всей этой истории. До свидания, сэр Спаситель. Напомни обо мне, неотесанном, Лордам Высших Миров. Можешь им также передать, что когда-то мне здесь нравилось больше, чем сейчас. Вдруг они обидятся и приведут этот мир в порядок?

Эльрик сказал:

— Лучше будет, если ты не станешь здесь задерживаться.

Джермус снова хихикнул и исчез.

Медленно, чувствуя усталость и боль в онемевшей от ударов Роланда левой руке, Эльрик спустился по растрескавшейся стене и с громадным облегчением достиг верхней ступени. Здесь он отдышался, а затем пошел вниз, в башню д'Арпутна, с вестями о новых успехах их дела.

ГЛАВА 4

Три человека вышли из города и направились вниз, к драконовым пещерам. Рог Судьбы висел на новой серебряной цепочке на плече Эльрика. Сам Эльрик был облачен в обычную черную одежду, его голова не была прикрыта, только золотой обруч удерживал волосы над глазами. Буреносец в ножнах висел на боку, Щит Хаоса — на спине.

Он ввел своих друзей в грот, где распласталось тело Огнезуба, вожака драконов. Легкие Эльрика были стеснены волнением, но вот он набрал полную грудь воздуха, глянул на друзей, поднял Рог к губам и дунул в него изо всех сил.

Звук, глубокий и сильный, загудел, загремел, отражаясь от стен пещеры. Эльрик почувствовал, что вся жизненная энергия уходит от него. Он все больше и больше слабел, пока не упал на колени, но все еще держал Рог у губ. Рот Эльрика

светла судорога, в глазах потемнело, и он упал лицом на камни. Рог упал рядом с ним.

Мунглум бросился было к другу, но замер, увидев, как тело лежащего дракона напряглось, и громада немигающих глаз обратилась на него. Дайвим Слорм закричал ликующе:

— Огнезуб! Брат Огнезуб, ты проснулся!

Он увидел других драконов, разворачивающих крылья, вытягивающих длинные шеи, распрямляющих наспинные роговые пластины. Мунглум чувствовал себя, как никогда, маленьким среди проснувшихся драконов. Он ощутил нервное напряжение громадных тварей и не знал, как они отнесутся к его присутствию среди них, присутствию того, кто не был Повелителем Драконов.

Но вдруг он вспомнил об Эльрике и опустился рядом с ним на колени.

— Эльрик, ты жив?

Эльрик застонал и попытался перевернуться на спину. Мунглум помог ему сесть.

— Я ослабел, Мунглум, так ослабел, что не могу даже встать. Рог вытянул из меня всю энергию.

— Возьми свой меч, он снабдит тебя тем, что тебе необходимо.

Эльрик покачал головой.

— Я воспользуюсь твоим советом, но думаю, что на этот раз он будет бесполезен. Герой, которого я убил, очевидно, не имел души, или его душа была слишком хорошо защищена, поэтому я ничего не получил от него.

Его рука с трудом нащупала пояс и рукоять Буреносца. С громадным усилием Эльрик извлек его из ножен и почувствовал слабый ток, недостаточный для любого серьезного дела.

Эльрик встал и, пошатываясь, направился к Огнезубу. Чудовище узнало его и в знак приветствия подняло крылья. Его желтые, холодные глаза чуть потеплели. Когда Эльрик подошел, чтобы похлопать дракона по шее, то упал от слабости на одно колено и с трудом поднялся.

В прежние времена рабы седлали драконов, но сейчас друзья должны были сделать эту работу сами. Они отправились в хранилище упряжи и выбрали седла. Каждое из них было сделано для конкретного монстра. Эльрик с трудом удерживал тщательно изготовленное и подогнанное седло из дерева, стали, драгоценных камней и редких металлов. Ему потребовалось значительное усилие, чтобы донести его до Огнезуба.

Не желая смущать его своими взглядами, двое друзей делали вид, что не замечали его бессилия, и занимались упряжью своих драконов. Чудища, должно быть, поняли, что

Мунглум — друг, поэтому не возражали, когда он осторожно приблизился к своему дракону с высоким деревянным седлом, серебряными стремянами и походившим на пик крестом, на котором виднелись родовые знаки одной древней благородной семьи, теперь уже полностью погибшей.

Когда они закончили седлать чудовищ и подошли, чтобы помочь Эльрику, от слабости сидевшему на полу, опираясь спиной о крутой бок Огнезуба, Дайвим Слорм спросил:

— Достаточно ли в тебе сил, чтобы вести нас?

Эльрик вздохнул:

— Для этого достаточно. Но не для битвы — нет. Надо найти какое-нибудь средство, придающее силы.

— Почему бы тебе не воспользоваться травами?

— Я потерял все свои живительные смеси. А теперь не найти ни одной травинки ни в полях, ни в океанах, ни в горах. Все изменено Хаосом.

Оставив Мунглума завершать оснащение Огнезуба, Дайвим Слорм вышел и вернулся с чашей жидкости, которая, как он надеялся, взбодрит Эльрика. Эльрик выпил ее, вернул Дайвиму Слорму чашу, взобрался на высокое седло и уселся в нем.

— Принеси ремни, брат, — попросил он.

— Ремни? — Дайвим Слорм решил, что ослышался.

— Если я не привяжусь к седлу, то вывалюсь в полете и грохнусь об землю с высоты в добрую милю.

Когда Дайвим Слорм принес ремни, Эльрик привязался к высокому седлу, подобрал поводья, украшенные голубыми, зелеными и серебряными знаками, натянул их умелой рукой, улыбнулся и шлепнул дракона по загривку.

— Вперед, Огнезуб, веди, как встарь, своих братьев и сестер.

Шумя крыльями, взрывая низкими голосами, драконы начали пробираться к выходу. Позади Эльрика на двух драконах, почти таких же огромных, как вожак, сидели Дайвим Слорм и Мунглум. Их лица были мрачны и напряженны. Они волновались за Эльрика.

Довольно резво Огнезуб протопал через анфиладу пещер. Его сородичи последовали за ним, пока не выбрались в последнюю громадную пещеру, открывающуюся провалом в бушующее море. Солнце все так же висело в зените. Издав полукрик, полусвист, Эльрик шлепнул Огнезуба по шее кнутом.

— Вверх, Огнезуб! За Мельнибон и во имя мести!

Как будто чувствуя что-то чуждое в мире, Огнезуб чуть помедлил на краю уступа, задрал голову вверх, фыркнул, потом неуклюже разбежался и прыгнул в воздух. Его крылья

забились, огромное тело чудовища, казалось, провалилось и стало падать в воду, но вот под кожистыми перепонками зашвистел ветер, взмахи стали ритмичней, в них появилась сила. Огнезуб летел.

Сначала он не торопился. И изогнув длинную шею, холодным взглядом вожака, Огнезуб проследил, как взлетает стая. Скоро драконы уже догоняли его в воздухе. Взмахи их крыльев были грациозны и неукротимы, как бег морской волны. Они летели с удивительной скоростью.

Вверх, вверх к распухшему солнцу, вверх, в горячий бурлящий воздух, вверх и вперед, на Восток, где ждал их дьявольский лагерь. В хвост Огнезубу пристроились два брата-дракона, несущие Мунглума и Дайвима Слорма.

Драконы поменьше и самки выстроились клином. Зеленые, красные, золотистые, ревя и посвистывая, двигая крыльями в согласном движении, они неслись по голубому небу, и шум их крыльев был подобен звучанию миллиона барабанов. Они летели, и темные тени от них бежали по зеленой поверхности моря, растянувшись на мили.

Эльрик всматривался вниз слезящимися от ветра глазами: поверхность под ними по-прежнему текла, но заиграла ярчайшими красками, непрерывно меняющимися. Теперь это была не вода, а жидкая сверхъестественная субстанция. Муки, страсть, страдания и смех казались осязаемыми струями этого потока. Более всего это стало похоже на живую плоть, временами вздувающуюся громадными пузырями.

От вида этого моря Эльрика затошнило, он отвернулся и стал смотреть вперед и вверх, на Восток, проверяя правильность пути плавно летящего дракона.

Вскоре они пролетели что-то, что некогда было центром Восточного континента, главной провинцией Вилмира. Но сейчас эти земли были безжизненны, как в древние времена, и высокие столбы черного дыма стояли в воздухе, так что драконы были вынуждены лавировать между ними. Лава струилась далеко внизу, застывая отвратительными формами на земле и в воздухе. Чудовищные твари и случайные группы всадников, восседавших на жутких лошадиных скелетах, смотрели на них снизу и мчались в слепом страхе к своему главному лагерю.

Мир стал трупом, в котором завелись черви, пожирающие его. От человечества не осталось никого, кроме троих воинов, оседлавших драконов.

Эльрик понимал, что союзники Ягрина Лерна давно обратились в ужасных демонов и полностью смешались с ордами Хаоса, заполнившими землю. Лишь главари могли сохранить свою человеческую внешность благодаря капризу Лордов

Тьмы. Зато души их были изуродованы разлагающим, деформирующим влиянием Хаоса.

От земли, лежащей внизу, вверх взлетали жуткие крики, будто бы измученная природа бунтовала против чуждых ей форм.

Быстрее вперед, к тому, что было когда-то Каарлааком и Плачущей Пустыней, а теперь стало лагерем Хаоса.

Затем они услышали над собой карканье и увидели темные тела, атакующие их сверху. У Эльрика не было сил выкрикивать команды, он лишь шлепнул Огнезуба по шее, приказывая ему оклониться от опасности. Мунглум и Дайвим Слорм последовали его примеру. А Дайвим Слорм, кроме того, дунул в свой рожок, приказывая драконам не связываться с адовым вороньем. Но некоторые драконы не услышали сигнала и решили помериться силами с черными фантомами.

Эльрик оглянулся. Несколько секунд он видел четкие контуры неизвестных существ, которые спровоцировали схватку. Драконы налетели на них, стали рвать клыками и когтями, окатывали полыхающими струями яда. Крылья драконов стали биться неровно, словно они пытались стряхнуть с себя тяжесть темных воронов. Но вдруг между местом схватки и драконьей стаей появилось облако темно-зеленого тумана, и Эльрик так и не узнал, что же случилось с дюжиной его рептилий.

Затем Эльрик велел Огнезубу спуститься к небольшой армии всадников, несущихся через разоренную землю с восьмистрелым штандартом Хаоса, прикрепленным к граненому инкрустированному копыю их вождя. Снизившись, драконы догнали всадников, окатили их ядом, а Эльрик и его друзья с удовлетворением смотрели, как животные и всадники кричали, катались по земле, объятые пламенем. И когда они сгорели, их пепел поглотила испещренная трещинами земля.

Здесь и там они различали гигантские замки, только что отстроенные колдунами, видимо, в качестве награды какому-нибудь предателю-королю, послужившему Ягринау Лерну. Возможно, это были опорные пункты капитанов Хаоса, которые после победы Хаоса стали утверждаться на Земле. Драконы налетали на замки, обливали их ядом и оставляли полыхать сверхъестественным пламенем, выбрасывающим вонючий дым.

И наконец Эльрик увидел лагерь Хаоса — город, выстроенный в том же стиле, что и замки, — пылающий знак Хаоса, распластавшийся по земле, подобно куску янтаря. Эльрик не чувствовал радости, только разочарование, что не может из-за слабости и бессилия встретиться в поединке с Ягрином

Лерном. Что он может сделать? Как он может набраться сил, чтобы протрубить во второй раз в Рог Судьбы и вызвать Белых Лордов на Землю.

Город казался необычно тихим, как будто там ждали набега и подготовились к нему. Эльрик приказал Огнезубу сначала пролететь вокруг города. Дайвим Слорм, Мунглум и остальные драконы последовали его примеру. Дайвим Слорм спросил через разделяющее их пространство:

— Эльрик, я не предполагал, что город будет построен так быстро?

— Я тоже. Но взгляни, — Эльрик вытянул дрожащую руку, здесь символ Ягрина Лерна — тритон. А там, — он указал налево, — знамена Герцогов Ада! И я совсем не вижу знамен человеческих племен.

Мунглум выкрикнул:

— Те башни, что мы уничтожили... Я подозреваю, Ягрин Лерн разделит эти земли между наемниками.

— Да, возможно, — подтвердил Эльрик.

Он посмотрел на неподвижное солнце и выпрямился в седле, тяжело дыша. Щит Хаоса неподъемной гирей оттягивал руку. Внезапно Эльрик подхлестнул Огнезуба и направил его к центру города с такой скоростью, что сразу же оказался перед крепостью Ягрина Лерна.

Никто не останавливал его. Эльрик велел дракону сесть между башенками крепости.

Удар при приземлении Огнезуба был довольно резким, но ремни удерживали Эльрика от падения из седла. Остальные драконы окружили над ними в воздухе и тоже стали садиться на стены, на верхушки башен, на мощный булыжником непривычного вида двор. После долгого перелета они предпочитали воздух земле.

Дайвим Слорм, легко пролетев над головой Эльрика, поднимая вихрь при каждом взмахе драконьих крыльев, крикнул сверху:

— Я проверю город!

Его дракон низко полетел в сторону и скоро исчез меж башен. Но едва Эльрик потерял его из виду, над тихим городом раздались крики, и Эльрик увидел, что его кузен нападает на кого-то невидимого за крышами.

Этот невидимый противник Дайвима Слорма пронзительно вопил некоторое время, потом смолк. Прошло совсем немного времени, и Эльрик увидел взлетевшего в воздух дракона Дайвима Слорма, который, громко хлопая крыльями, повернул назад. Перед седлом Повелителя Драконов сидел, скорчившись, пленник.

Существо, которое Дайвим Слорм взял в плен, было ког-

да-то человеком, но теперь деформировалось. Особенно отвратительными Эльрику показались громадные вислые губы, низкий лоб и полное отсутствием подбородка. Громадные, неровные зубы, которые торчали из его рта, тоже не украшали пленника. Уродливые тонкие руки были покрыты прядями густых волос.

— Где твой повелитель? — спросил Дайвим Слорм, когда приземлился и поставил существо перед Эльрком.

Тварь не казалась испуганной, она, напротив, посмеивалась:

— Они предвидели твой приход, и так как город ограничивает подвижность, вывели войска на плато, которое сотворили в пяти милях к северо-востоку. — Он перекатил свои выпученные воспаленные глаза на Эльрика. — Ягрин Лерн шлет тебе привет и говорит, что предвкушает твое позорное поражение.

Эльрик пожал плечами.

Дайвим Слорм извлек свой рунный меч и рассек существо одним ударом. Оно умерло мгновенно.

Дайвим Слорм почувствовал, как жизненная энергия твари наполнила его и принесла с собой заряд бодрости. Он выругался и жалобно посмотрел на Эльрика:

— Я действовал поспешно, я должен был отдать его тебе!

Эльрик ничего не сказал на это, но прошептал внезапно осевшим голосом:

— Вперед, на поле боя! Быстрее!

Поднявшись вверх и соединившись с остальными, они полетели к северо-востоку в гремящем, наполненном движением воздухе.

Глубокое изумление охватило их, когда они увидели орды Ягрина Лерна. Каждый бес и каждый воин на земле, казалось, пришли сражаться под знаменем Теократа.

Их скопище напоминало дурную кожную болезнь Земли. И вокруг них клубилась густо-серая мгла, озаряемая вспышками, выдававшими ее сверхъестественное происхождение. Мгла расплзалась и грохотала над всей равниной.

Здесь были те, о ком забыли даже древнейшие хроники и трактаты — Малохин, Зхортра, Сиомбар и многие, многие другие. Кроме того, Эльрик заметил, что три могущественных Герцога Ада привели свои потусторонние орды. Чадрос Косец со своей громадной головой и изогнутой косою командовал легионом смертей, собранном из разных измерений, с разных планет. Мабелод Безликий, с лицом, похожим на призрачную тень, сквозь которую можно было все видеть, распоряжался бесцветными, почти прозрачными на солнце полуденными привидениями. Слортар Старый, стройный и

прекрасный, известный, как старейший из богов, привел мускулистых наемников, один вид которых мог развеять любую рать Земли из любого королевства прошлого или будущего. Это была сила, против которой посчитали бы бесполезным защищаться даже тысячи могущественных колдунов, а уж нападать на них тем более казалось невозможно.

Для начала Эльрик решил атаковать с воздуха, но такой способ имел смысл только до тех пор, пока у драконов не кончится яд. Потом они должны будут спуститься на землю. И в этот момент Эльрику потребуется энергия хотя бы для начала схватки. Как он выйдет из того положения, в котором оказался после первого зова Рога Судьбы, Эльрик еще не придумал.

Драконы спикировали, поливая полыхающими струями яда ряды Хаоса. Обычная армия не смогла бы выдержать такую атаку, но, защищенные колдовством, ряды Хаоса были способны выдержать льющиеся на них потоки огня. Яд, казалось, растекался по невидимой защитной поверхности и исчезал. Некоторые из огненных струй поразили цель, и сотни воинов исчезли в пламени, но на их место тут же оказывались новые воины ада.

Снова и снова драконы штурмовали колонны противника. Эльрик почти вываливался из седла на крутых виражах, которые закладывал Огнезуб. Его слабость привела к тому, что многие атаки не достигали цели.

Его затуманенное зрение еще больше ухудшилось, когда пелена дыма заволокла поле битвы. Из клубящейся массы под ними то и дело вырастали высокие, твердые скалы — пики Хаоса, которые выстреливали разрядами янтарного цвета. Эти желтые молнии, попадая в драконов, повергали их на землю, и те умирали, добитые бесчисленными воинами противника. Драконы стали уставать, и у них кончался накопленный за слишком короткий сон запас огневого яда. Все ниже и ниже к строю демонов Ягрин Лерна опускал Эльрика его небесный скакун.

В разрывах окутывающей его мглы Эльрик увидел Теократа, который восседал на отвратительного вида лошади и размахивал своим алым мечом. Теократ заходилась в издевательском смехе.

Эльрик услышал слабый голос врага, долетающий до него:

— Эльрик, это наша последняя встреча, сегодня ты отправишься в преисподнюю!

Эльрик наклонился к Огнезубу и прошептал ему на ухо:

— Это он, брат. Убей его!

Огнезуб, казалось, понял своего наездника и выдохнул поток огня в хохочущего Теократа. Эльрик вздрогнул от ра-

дости, ему показалось, что Ягрин Лерн должен был бы обратиться в пепел... Но яд был отброшен в сторону, и хотя солдаты, стоящие рядом со своим командиром, обратились в дымные, еще живые факелы, лишь несколько капель жидкого огня прилипли к Теократу.

Ягрин Лерн захохотал пуще прежнего, и Эльрик увидел янтарный разряд, вырвавшийся из его рук. Выстрел был направлен в наездника дракона, Эльрику с трудом удалось отбить его Щитом Хаоса.

Сила желтой молнии, ударившей в Щит, была так велика, что Эльрика отбросило в противоположную сторону. Один из ремней, державших его в седле, лопнул, и Эльрик почувствовал, что валится, валится вниз. Лишь другой, чудом уцелевший, удержал его от падения на землю. Огнезубу также досталось от янтарного разряда, но он, должно быть, тоже был защищен силой Щита, потому что не очень пострадал, лишь разозлился. Но как долго Щит Хаоса сможет сопротивляться таким ударам?

Эльрику показалось, что он бесконечно долго удерживает Щит, что крылья Огнезуба слишком вяло зачерпывают и отбрасывают назад воздух, что дракон не может набрать высоту над вражеской армией. Эльрик умирал.

Капля за каплей жизненная энергия покидала его, как старика на пороге смерти.

— Я не могу умереть, — бормотал он, — я не должен умереть сейчас! Как избежать смерти?

Огнезуб снова услышал его. Дракон спустился к самой земле так, что его брюхо чуть не касалось копий воинов. Затем приземлился на дрожащую, неустойчивую землю и сложил крылья, ожидал группу воинов, направлявшихся к нему на животных непонятного вида.

Эльрик простонал:

— Что ты делаешь, Огнезуб? Ты отдаешь меня в руки врагов?

С громадным трудом он извлек меч. Первое копьё лязгнуло по Щиту, и всадник промчался мимо, ухмыляясь при виде бессилия Эльрика. Следующие всадники приближались с обеих сторон. С трудом Эльрик ударил одного из них. И тут Буреносец стал действовать самостоятельно, впившись в руку противника. Тот почувствовал, как клинок жадно высасывает из него жизненную субстанцию. Сразу же Эльрик впитал в себя первый легкий приток энергии и понял, что дракон и меч вместе пытаются снабдить его необходимой силой. Но главным был меч.

Меч продолжал управлять его рукой. Несколько более сильных всадников были убиты таким образом, и Эльрик

усмехнулся, ощущая, как его тело становится легким и послушным. Зрение прояснилось, реакции стали резче, вернулась уверенность. Теперь он двинулся в атаку. Огнезуб мчался по земле со скоростью, удивительной для его громоздкого тела. Воины Ада рассыпались в стороны и дали возможность атаковать его главным силам, но Эльрик уже ничего не боялся. Он получил души дюжины воинов, и для начала этого было достаточно.

— Теперь вверх, Огнезуб. Поднимайся! Нужно найти более сильного врага.

Огнезуб послушно расправил крылья, захлопал ими и поднялся над землей, заскользил над войсками.

В расположении армии Сиомбар Эльрик вновь спустился на землю, соскочил с Огнезуба и, переполненный жизненной энергией, набросился на ряды вооруженной нечисти, рубя их, оставаясь неуязвимым для самых сильных атак Хаоса. Энергия и боевой дух овладели им. Дальше и дальше в плотных рядах вооруженных воинов прокладывал он себе дорогу, пока не увидел Сиомбар, воплотившуюся в стройную, темноволосую женщину. Эльрик прекрасно знал, что это притягательное женское тело содержало в себе совершенно несоизмеримую с ним мощь. Но без всякого страха он пробился к Герцогине Ада и остановился перед ней, глядя, как она восседает верхом на чудовище с мощной грудью и львиной головой.

Девичий голос Сиомбар прозвучал мягко и ласково:

— Смертный, ты победил многих Герцогов Ада и изгнал их в Высшие Миры. Теперь тебя именуют Богоубийцей, как я слышала.

— Ни один смертный не может убить никого из Богов Высших Миров, Сиомбар. Но он может, если обладает соответствующей силой, разрушить их земное воплощение и вышвырнуть в их измерение.

— Можешь ли ты это сделать со мной?

— Посмотрим! — Эльрик пошел на Герцогиню Ада.

Сиомбар была вооружена боевым топором на длинной рукоятке, от которого исходило темно-синее сияние. Ее зверь оглушительно рявкнул, и она нанесла первый удар, целя в незащищенную голову Эльрика. Он прикрылся Щитом. Чистый металлический звон раздался в шуме битвы, и во все стороны разлетелись громадные искры. Эльрик подался вперед и нанес удар по ноге Сиомбар. Ослепительный поток света вышел из ее доспехов и стек по ноге от бедра до ступни, защищая от удара. Буреносец задрожал, причиняя боль Эльрику. И вновь топор ударил по Щиту. Эльрик сделал новый выпад и снова наткнулся на сверхъестественную защиту Си-

омбар. Сиомбар рассмеялась. Эльрику ее смех показался пугающим и безумным, как у ведьмы.

— Твое воплощение в человека начинает таять! — крикнул он, отскочив назад, чтобы восстановить силы.

Теперь девичье лицо Богини постарело и сморщилось. Герцогиня Ада прищипорила своего монстра и двинулась на альбиноса.

Эльрик вновь ударил. И в этот раз Буреносец забился в руках Эльрика, наткнувшись на световую защиту Сиомбар. Но и она застонала, и удар, который она нанесла топором, Эльрик отбил гораздо легче, чем первый. Он увернулся от ее скакуна, увернулся от топора, который со свистом пронесся над его головой.

Вновь взвился топор, Эльрик подпрыгнул, тяжелое боевое лезвие врезалось в землю, и Сиомбар осталась без оружия. Эльрик побежал за чудищем, чтобы достать Гецогиную мечом, но ударить не успел. Сиомбар развернула своего скакуна, в руках у нее появилось из ниоткуда новое оружие — громадный меч. Его размеры подсказали Эльрику кое-что о силе его ударов. Он ударил еще раз и вдруг увидел, что нога Сиомбар, по которой он наносил первые удары, отлетела в сторону и покатилась по земле, подергиваясь, подобно раздавленному насекомому. Если бы он мог разрушить всю ее защиту, ему удалось бы полностью изгнать ее с Земли.

Теперь Сиомбар не смеялась, она кричала, ее голос ревел, как водопад. Чудовищный меч взвился в воздух и обрушился на Щит Хаоса. Эльрик упал на спину, чувствуя, как земля поддается под его плечами, но Щит остался целым. Громкие копыта львоголового чудовища пытались пробить его Щит, под которым он скорчился, стараясь высвободить руку с мечом. Монстр повернулся на мгновение, пытаясь ударить его задними копытами, и тут Эльрик всадил ему меч в живот. Клинок на мгновение, показавшееся Эльрику вечностью, остановился, затем все же пронзил нечто, сопротивляющееся ему, и выпил жизненную энергию твари. Чудовищная сила монстра пришла через меч к человеку. Эльрик встал, даже не ощущая тяжести рухнувшего на него скакуна Богини Ада. Теперь он ощущал странную нечувствительность к боли — этим, очевидно, жизненная субстанция животных отличалась от субстанции мыслящего существа.

Сирмбар уже поднялась с земли, стоя на одной человеческой и одной нечеловеческой ногах. Она захромала к Эльрику, вращая над головой громадным мечом. Но Эльрик, переполненный энергией, выкачанной из чудовища, встретил ее удар своим Буреносцем. Два меча столкнулись, и ни один не победил. Буреносец злобно взвыл, он не привык уступать. Тогда

Эльрик подставил свой Щит под следующий удар огромного клинка и отбросил его вверх. На мгновение она открылась, и Эльрик всадил Черный Меч в грудь Сиомбар, Богини Ада.

Сиомбар захныкала, ее земное воплощение стало растворяться. Буреносец выкачивал из нее жизненную энергию. Сиомбар изменилась, она стала не более чем комком радужного света, который ветер понес прочь и вскоре погасил. Сиомбар была окончательно изгнана в свое измерение.

Эльрик осмотрелся. Он был потрясен тем, что в битве погибли почти все драконы. Один из них приземлился, на его спине сидел всадник, но из-за расстояния Эльрик не мог разглядеть, кто это был. Он побежал к тому месту, где опустился дракон.

Эльрик услышал треск и грохот, как будто бы шедшие от земли, жуткие вопли, неразборчивые проклятья и крики. Он пробил себе путь через воинов Хаоса, как нож в мясорубке, пока, наконец, не оказался возле упавшего дракона. На земле лежало изрубленное тело, и не было никаких следов рунного меча.

Это был Дайвим Слорм, его последний родич.

Стоя возле тела своего кузена, Эльрик достал Рог Судьбы, поднес его к губам, набрал в грудь воздуха и дунул. Ясная, печальная нота поднялась над полем битвы и понеслась через все измерения и реальности, через бесконечность, к концу самого Времени.

Нота висела в воздухе долго, продолженная странным, непривычным даже для слуха Эльрика эхом. И когда она, наконец, замерла где-то вдалеке, на все поле опустилась необъяснимая для сражения тишина, некое совершенное беззвучие, которое воцарилось над всем миром, а также в миллионах и миллионах других миров. Казалось, сам воздух застыл в ожидании.

И тогда пришли Белые Лорды.

ГЛАВА 5

Это выглядело, как будто бы какое-то гигантское солнце, в тысячи раз большее, чем земное, испустило пульсирующие лучи света, и, снося непрочные барьеры Времени и Пространства, обрушило их на гигантское поле битвы. И вслед за ними явилась, сотворенная необъятной мощью Рога, тропа, по которой прошли величественные Лорды Закона. Они прибыли верхом, подобно лордам Хаоса, на странных существах, но не на конях. Удивительно гармонизировали между собой зеркально-ясные доспехи и складчатые накидки, несущие изображение единственной стрелы Закона.

Вел их Донблас, Творец Справедливости. Он нес в правой руке меч, который был настолько прям и остер, что походил на луч света.

Эльрик, воспользовавшись замешательством противника, добежал до поджидавшего его Огнезуба, и поднял гигантскую рептилию в воздух.

Огнезуб двигался не так проворно, как прежде, и Эльрик не мог понять: то ли дракон ранен, то ли влияние Закона отягощало его — драконы все-таки были созданиями Хаоса. Когда, с высоты полета, он нашел Мунглума и подлетел к нему, стало ясно, что все драконы собрались в стаю и отправились назад, на Запад. Остались только те двое животных, которыми управляли люди. Возможно, драконы почувствовали, что свою роль они сыграли, теперь их ждал долгий-долгий сон в Драконьих Пещерах.

Эльрик и Мунглум кружили над сражением, наблюдая за происходящим. Они даже не разговаривали: то, что происходило внизу, было настолько невероятным, что отпадало всякое желание говорить.

Белый, мерцающий свет, по которому они сошли на Землю, стал гаснуть. Не теряя времени, Белые Лорды направились к тому месту, где Чадрос Косец, Мабелод Безликий, Слортар Старый и меньшие Лорды Хаоса перестраивали свои войска, готовясь к битве с новым противником.

Как только Белые Лорды подошли к ордам видоизмененных людей и демонов, эти создания стали с воплями разбегаться, стараясь не попасть под сияющий свет, который все шире заливал плато вокруг Лордов Закона. Местность была без труда очищена, осталась только главная сила Хаоса — Герцоги Ада и Ягрин Лерн.

Хотя в этот момент Лорды Закона казались лишь немногим выше обычных людей, даже Эльрик, который кружил в небе на Огнезубе, чувствовал себя не больше, чем муха. Это ощущение возникло в нем не из-за их размеров, а было следствием огромной мощи, которую Закон принес с собой в этот мир.

Лорды Закона достигли того места, где собрались их извечные противники, и Эльрик услышал, как Лорд Донблас произнес:

— Вы, из Хаоса, нарушили Закон Космического Равновесия и пожелали полностью подчинить себе эту планету. Судьба призывает вас — земная жизнь должна существовать и будет существовать в новых формах, на которые ваше влияние не распространится.

За Хаос ответил Слортар Старый:

— Ты много болтаешь, братец. Судьба Земли еще не пред-
решена. Если мы победим, то править будет Хаос, если вы
изгоните нас, тогда ваш жалкий Закон получит возможность
расширить свое влияние. Но победим мы, хотя Судьбе это и
не нравится.

— Тогда нас рассудит оружие, — сказал Лорд Донблас.

Эльрик увидел, как сияющие Лорды Закона обнажили
свои мечи и направились к своим темным противникам.

Они сошлись. Казалось, небо вздрогнуло, воздух засвис-
тел и земля стала крошиться. Все создания меньшего ранга,
которые еще оставались на поле битвы, бросились врассып-
ную, толкая друг друга. Звук, который могли бы издать ты-
сячи тысяч арф, возвестил борьбу Богов.

Эльрик увидел Ягрин Лерна, покинувшего Герцогов
Ада и удирающего в своих алых доспехах прочь. Теократ
понял, что его покровители и союзники скоро будут изгна-
ны из этого мира. Эльрик направил Огнезуба вниз, к зем-
ле, выкрикивая имя Теократа, посылая ему вызов для
схватки.

Ягрин Лерн оглянулся, он больше не смеялся, он лишь
пришпорил своего скакуна. Но Огнезуб был быстрее, и как
только Теократ понял это, он осадил своего коня и снял боевой
топор с пояса. Он опустил забрало и стал ждать.

Дракон круто спикировал, заставив Эльрика задохнуться
от невероятной скорости, и опустился на землю в трех десят-
ках ярдов от Ягрин Лерна. Не заботясь о том, будет ли на-
падать Ягрин Лерн, или нет, Эльрик спешил и сказал Ог-
незубу:

— Теперь, Огнезуб, возвращайся к своей стае. Возвра-
щайся в любом случае, сумею я победить или буду побежден.
Ты сделал свое дело.

Огнезуб расправил свои прекрасные крылья, повернул
громадную морду и посмотрел Эльрику в глаза. В это время
другой дракон приземлился неподалеку.

Мунглум спешил и стал пробираться сквозь пурпурный
и черный туман к месту предполагаемой схватки. Эльрик
крикнул ему:

— Я не хочу твоей помощи, Мунглум!

— А я и не собираюсь вмешиваться. Я лишь хочу увидеть,
как ты отнимешь у него жизнь и душу!

Крылья Огнезуба забили по воздуху, он неуклюже разбе-
жался и взмыл в небо. Другой дракон последовал за ним.
Вскоре их радужные силуэты растаяли в небе.

Эльрик приблизился к Теократу с поднятыми щитом и
мечом. Затем он с удивлением увидел, что Ягрин Лерн спус-
кается со своего гротескного скакуна и отправляет это существо

прочь. Затем он встал, чуть сутулясь, готовый к бою. В прорез забрала его глаза пристально следили за Эльриком, они заблестели.

Эльрик остановился, когда его отделяло от врага несколько шагов.

— Ягрин Лерн, ты совершил небывалые преступления против мира. Признаешь ли это?

— Преступления? Ты удивляешь меня, Эльрик. Я вижу, ты попал в полную зависимость к своим новым союзникам. Я делал то, что должен был делать, или, во всяком случае, пытался делать. Если я сейчас погибну, то и тогда не признаюсь. Признание, раскаяние — бессмысленные слова.

Эльрик покачал головой:

— Тем лучше. Мы, мельнибонийцы, злопамятны, и я жажду мщения!

— Понимаю тебя, — Ягрин Лерн перевел топор в положение для защиты. — Я готов.

Эльрик прыгнул на него. Буреносец с визгом вспорол воздух и обрушился на алое забрало, затем вновь... Три удара нанес Эльрик прежде, чем топор Ягрина Лерна нащупал брешь в его защите, в обвод Щита Хаоса. Но боевой топор лишь слегка задел доспехи Эльрика возле плеча. Они сошлись слишком близко. Щит Эльрика ударился в доспехи Ягрина Лерна, Эльрик попытался оттолкнуть Теократа назад, Буреносец в этот момент был совершенно бесполезен.

Несколько мгновений они простояли, покачиваясь, в этом положении. Затем Ягрин Лерн отскочил назад. Альбинос рванулся вперед, пригнулся и полоснул Теократа по ноге около колена — и промахнулся. Топор взвился над ним и рухнул вниз — Эльрик едва успел отпрыгнуть и быстро развернуться. Увлекаемый силой удара, Ягрин Лерн споткнулся, потерял равновесие, и тогда Эльрик с силой толкнул Теократа щитом. Тот упал, разбросав руки в стороны, выпустив рукоять топора и ремни своего щита. Эльрик быстро сделал два шага и поставил ногу на затылок Теократу, прижимая его к земле. Буреносец завис над распростертым врагом, подрагивая от нетерпения.

Ягрин Лерн пытался перевернуться, чтобы увидеть Эльрика. Он хрипло проговорил:

— Ты победил, можешь убить меня, но душа моя не вся провалится в преисподнюю. Часть перейдет к тебе, если не врут старые байки об этом Черном Клинке!

Эльрик отвел Буреносца от незащитной спины Теократа и спрятал его в ножны, что далось ему с трудом. Рунный меч сильно дергал его руку, пытаясь действовать самостоятельно.

— Нет, — сказал Эльрик медленно, — я не хочу тебя, Ягрин Лерн. Я не буду пачкать свою силу твоей душой. Мунглум!

Его друг подбежал к нему.

— Дай мне твой меч.

Молча Мунглум повиновался. Эльрик взял клинок Мунглума и полоснул с двух сторон по шее Ягрина Лерна. Из разрезов потекла кровь. Теократ забился от невыносимой боли и закричал:

— Нет, Эльрик! Убей меня!

Но Эльрик продолжал мщение с отрешенной улыбкой, а затем сказал недрогнувшим голосом:

— Ты пытался подражать императорам Мельнибона, не так ли? Ты пытал меня, ты изуродовал мою жену, как пытался изуродовать весь мир. Ты убивал моих друзей и имел наглость бросить мне вызов. Но теперь ты узнаешь, как императоры Мельнибона наказывали глупых неудачников в те дни, когда правили миром!

Ягрин Лерн умер лишь через час, и только потому, что Мунглум упросил Эльрика прикончить его.

Эльрик вернул Мунглуму его меч, вытерев его о клочки ткани, которая была когда-то накидкой Теократа. Он взглянул вниз, на изрезанное тело, и отшвырнул ногой эти кровавые куски. Затем посмотрел туда, где бились Лорды Высших Миров.

Он страшно устал, но сразу забыл об этом, увидев зрелище грандиозной битвы.

Лорды Закона и Герцоги Хаоса стали громадными, и в тумане, который накрыл мир, продолжали битву в облики людей. Они были подобны гигантам, борющимся повсюду — под землей, на земле. Далеко за краем горизонта Эльрик увидел Донбласа, Творца Справедливости, который схватился с Чадром Косцом. Их контуры колебались и расплывались, мелькал блестящий меч, свистела гигантская коса.

Не принимая участие в битве, не зная, какая из сторон побеждает, Эльрик и Мунглум смотрели, как напряжение борьбы усиливается и как тают земные проявления богов.

Теперь борьба пронизывала все измерения в космосе, и Земля стала терять свою форму. Скоро Эльрик и Мунглум повисли в бесформенной мешанине земли, огня, воздуха, воды.

Земля исчезала, но Лорды Высших Миров бились за нее. Субстанция Земли осталась, хотя и лишенная формы. Ее компоненты существовали, и борьба продолжалась. Победители должны были получить право пересоздания Земли.

ГЛАВА 6

Наконец, хотя Эльрик и не знал, как, вихри тьмы дали дорогу свету, а затем пришел шум — космический рев ненависти и разочарования. Он понял, что Лорды Хаоса побеждены и изгнаны. Лорды Закона победили, план Судьбы осуществился, хотя требовалась последняя песнь Рога, чтобы привести новый мир к окончательному состоянию.

И тогда Эльрик понял, что ему не хватит сил, чтобы дунуть в Рог в третий раз. А мир уже принимал свои новые формы. Они увидели, что стоят на равнине, окруженной горами, и вдали сияют вершины новых гор, пурпурные на фоне темно-синего неба.

Затем Земля стала вращаться все быстрее и быстрее. День уступал место ночи с нарастающей скоростью, а затем скорость стала замедляться до тех пор, пока Солнце опять не утвердилось на небе, двигаясь со своей обычной скоростью.

Произошли и другие изменения. Теперь здесь управлял Закон, хотя Лорды Закона ушли отсюда, не ожидая благодарности.

И хотя Закон правил, он не мог изменить что-либо без последнего звука Рога.

— Итак, все исчезло, — пробормотал Мунглум. Эльвир, место моего рождения, Каарлаак, Плачущая Пустыня и Баакшаан. Исчез даже Город Мечты, Мельнибон. Они больше не существуют, они больше не возродятся. И этот новый мир создан Законом. Но во многом он мне кажется таким же, как старый.

Эльрик тоже тоже был растерян, зная, что все места, близкие ему, исчезли и возникли совершенно новые. Это походило на расставание с детством. Возможно, так и было детство Земли прошло.

Он пожал плечами, отгоняя сомнения, и улыбнулся.

— Мне трудно протрубить в Рог, чтобы началась новая земная жизнь. У меня нет сил. Возможно, Судьба из-за этого не расстроится?

Мунглум странно взглянул на него:

— Надеюсь, что нет, друг.

Эльрик вздохнул.

— Мы — последние, Мунглум, ты и я. Это значит, что самые мощные силы не смогли разрушить нашу дружбу и разлучить нас. Ты был единственным, чье общество никогда меня не утомляло, единственным, кому я до конца доверял.

Мунглум улыбнулся своей задорной улыбкой.

— Мы попадали в разные ситуации, Эльрик. Обычно я проигрывал, если проигрывал и ты, так что партнерство было

взаимным. Я до сих пор не знаю, почему решил разделить с тобой твою судьбу. Возможно, это нужно было Судьбе, а не мне. Думаю, если это так, она вела меня для какой-то цели, для какого-то финального акта дружбы.

Эльрик размышлял над словами Мунглума, когда ровный голос раздался позади них.

— Я доставил два послания. Одно — благодарность от Лордов Закона. Другое — от некоторой, более могучей силы.

— Сепириту! — Эльрик повернулся к своему наставнику. — Ты доволен моей работой?

— Полностью. — Но лицо Сепириту было печальным. — Ты преуспел во всем. Но последнее, что ты должен сделать, протрубить третий раз в Рог Судьбы. Благодаря тебе мир узнает прогресс, и его новые люди получают возможность продвинуться на шаг вперед по сравнению с предыдущим миром.

— Но что это значит? — спросил Эльрик. — Я не все понимаю, Сепириту. И чувствую, что ты не хочешь объяснить мне все полностью.

— А кто может понять значение Судьбы? Кто может знать, почему существует Космическое Равновесие, Лорды Высших Миров? Почему всегда должен существовать Спаситель Бесконечности, принимающий участие в таких битвах? Существует бесконечное время, пространство и бесконечное число возможностей. Есть бесконечное число существований, одно над другим, которые могут привести к конечной цели, хотя она является финальной только относительно предыдущего этапа. Возможно, жизнь только цикл, качание маятника. Чтобы мир устоял, он должен качаться вновь и вновь, до тех пор, пока не погибнет. О каком смысле ты спрашиваешь, Эльрик? Не ищи его, на этом пути лежит безумие.

— Нет смысла — нет цели. Тогда зачем я страдал, воевал, любил?

— Возможно, даже Боги ищут смысл и цель, и Земля лишь одна из попыток найти их. Взгляни, — он провел рукой, показывая только что созданную планету. — Все это было бы хаотичной плотью космоса, если бы ее не пересоздала логика. Возможно, логика будет направлять новых людей. Возможно, какая-то вторгшаяся сюда сила разрушит эту логику. Боги экспериментируют. Космическое Равновесие направляет судьбу Земли, люди борются с Богами и верят Богам. Но дело в том знают ли свое значение Боги?

— Ты расстроил меня, а я так хотел покоя, — вздохнул Эльрик. — Я потерял жену и весь мир, а теперь даже не знаю, почему?

— Извини. Я пришел проститься с тобой, друг! Доделай то, что должен.

— И я никогда больше не увижу тебя?

— Нет. Мы оба должны умереть, наше время на исходе.

Сепириту, казалось, закружился в воздухе и исчез. После него осталась лишь холодная тишина.

Поток мыслей Эльрика был нарушен Мунглумом.

— Ты должен протрубить в Рог, Эльрик. Пусть это ничего не значит, но ты должен протрубить в него.

— Как? У меня еле хватает сил, чтобы стоять на ногах.

— Я решил, что ты это сделаешь. Убей меня Буреносцем, возьми мою жизненную силу — тогда тебе вполне хватит энергии для этого дела.

— Убить тебя, Мунглум! Ты один остался со мной, мой единственный настоящий друг! Как у меня поднимется на тебя рука? Ты бредишь?

— Я знаю, что говорю, Эльрик. Больше ничего не остается. Да и сам подумай, нам здесь нет места. Скоро, как бы ни повернулись события, мы тем или иным образом умрем. Ты рассказывал мне, как Зарозиния отдала тебе свою душу. Отлично, сделай то же и со мной.

— Я не могу!

Мунглум подошел к нему и наполовину вытащил Буреносец из ножен.

— Нет, Мунглум!

Но теперь меч стал выходить из ножен по собственной воле. Эльрик отбросил руку Мунглума и схватил рукоять черного клинка. Он не смог остановить его. Клинок выдвигался и готовился к удару.

Мунглум стоял, опустив руки, его лицо было бесстрастно, хотя Эльрику показалось, что он заметил в глазах друга искры страха. Эльрик снова попытался перебороть меч, но понял, что это бесполезно.

— Пусть он сделает свое дело, Эльрик!

Клинок влетел в воздух и пронзил грудь Мунглума.

Хлынула кровь. Глаза Мунглума из Эльвира помутнели и наполнились ужасом.

— Ах, нет, я не этого ждал!

Эльрик не мог выдернуть меч из груди друга. Энергия Мунглума стала насыщать его тело...

Эльрик застыл, глядя на труп друга. И тогда слезы потекли из его красных глаз, и громкие рыдания сотрясли его поникшие плечи. Но теперь клинок легко вышел из плоти предпоследнего человека старого мира.

Эльрик отшвырнул от себя меч. Он не упал со стуком на твердую каменистую землю, а приземлился мягко, будто под-

рубленное тело. Затем Эльрик увидел, что меч шевельнулся, поднялся в воздух и направил острие не него, но замер, так и не ударив. Эльрик стер слезы и отвернулся.

Окрепшей рукой он взял Рог и приложил к губам. Он протрубил зов новой Земли, разгоняя ночь, провозглашая новый рассвет.

Эльрик стоял, полный бесконечной тоски и бесконечной скорби, с откинутой головой, извлекая звуки, которые улетали в мир, раскинувшийся вокруг него. И когда зов стал гаснуть, переходя от торжества к умирающему эху, которое несло в себе нечто от переполнявшего Эльрика горя, громадный контур стал появляться в небе над Землей.

Это было очертание гигантских весов, на которых, как заметил Эльрик, коромысло пришло в движение. Одна чаша стала двигаться вверх, другая пошла вниз, потом наоборот. Они колебались, устанавливая равновесие.

— Итак, это и было мое предназначение, — сказал он. — Если это и иллюзия, она все же успокаивает.

Он повернул голову и увидел, что черный клинок, завывая, летит прямо в него.

— Буреносец! — позвал он, но больше ничего произнести не успел.

Дьявольское оружие пробило ему грудь. Он ощутил острие меча около своего сердца. Он схватил клинок, пытаясь вырвать его из груди, но почувствовал, как судороги боли скручивают его, как душа из самых глубин его сущности уходит в холод каленой стали. Почувствовал, что вся его личность поглощается клинком. И он уже не боролся. Он всегда знал, что конец его жизни будет связан с рунным мечом, что умрет именно таким образом.

Этим мечом он убивал врагов, друзей и любимых, похищал их души, чтобы быть сильнее. Теперь настала очередь меча использовать его силу. Он, Эльрик из Мельнибона, и был воплощением Буреносца. Все, чем было это тело и душа, теперь лишь возвращалось назад, в то, что, по сути, никогда не было мечом. Он умирал и вновь плакал, понимая, что никогда не узнает покоя, что дух его создан бессмертным и обречен на вечную борьбу.

Эльрик из Мельнибона, последний из Светлых Императоров, собрал все свои силы и закричал. Но крику его не было ни протеста, ни ответа. Затем он сжался и упал рядом с телом своего последнего друга. Они лежали под гигантскими весами, которые уравнивались в небе.

Затем Буреносец стал меняться. Он разбухал, рос, превращаясь в огромную черную птицу, взлетевшую над землей.

Существо, которое было Буреносцем, последнее воплоще-

ние Хаоса, взглянуло на труп Эльрика из Мельнибона и улыбнулось.

— Прощай, друг! Я в тысячу раз большее зло, чем был ты!

Затем он рванулся вверх, взмыл над землей, и его дикий крик наполнил Вселенную.

Конец саги об Эльрике
из Мельнибона

ОБ АВТОРЕ

С начала 60-х из-за бурного прогресса технологии и промышленности научная фантастика (НФ) перестала выполнять роль «общественного оракула», предсказывания будущего: многое, о чем писали фантасты, через считанные годы входило в обыденную жизнь. До некоторой степени эту бывшую нишу НФ заняла футурология, а опережение реализации всяческих прогнозов жизнью стали называть «футурошок» — шок от слишком быстрых перемен. В таких условиях НФ нуждалась в новом мировоззрении для достижения целей, связанных в большей мере с человеком, чем с техникой. Предъявленным требованиям соответствовало направление, в дальнейшем получившее название Новая Волна.

Первые ласточки Новой Волны появились в авторитетном журнале НФ «New Worlds» («Новые Миры»), где писатели-новаторы публиковались на одних страницах с традиционными фантастами, доказывая преимущество нового стиля над старым. Среди них выделяется Майкл Муркок (Michael Moorcock) — автор почти 50 романов, главным образом, в жанре «черной фэнтези», необозримого количества рассказов и даже составления рок-альбома. Интересы Муркока, родившегося в 1939 году в Лондоне, связаны с литературой: уже в 16 лет он редактировал юношеский журнал «Приключения Тарза-

на», немного позднее — Библиотеку Секстона Блейка. В 20 лет Муркок дебютирует рассказом, напечатанным в «Новых Мирах». И, как подтверждение таланта, в 1964 году, через 5 лет после первой публикации, становится редактором журнала «Новые Миры», где работает до 1971 года. Литературное творчество Муркока отмечено премией профессионалов и критиков НФ «Небьюла» 1967 года за роман «Се — человек!», в котором многие узнавали мотивы Толкиена, Джойса, Диккенса.

Именно Муркок стал наиболее популярным и заметным для читателя из-за своего интересного, как отметила критика, положения разрушителя искусственных границ в литературе между реализмом и сюрреализмом, фантастикой и поэтическим романом, исторической повестью и социальной сатирой.

Пономарев В.В.

СОДЕРЖАНИЕ

Город Мечты	3
Пролог	5
Книга первая. Император и принц	6
Книга вторая. Зеркало Памяти	41
Книга третья. Черные Клинки	95
Эпилог	123
Несущий Бурю	125
Книга первая. Возвращение Мертвого Бога	127
Книга вторая. Братство Черных Клинков	169
Книга третья. Щит печального гиганта	210
Книга четвертая. Возвращение Белых Лордов	258
Об авторе	300

М91 Майкл Муркок

**Хроника Черных Клинков. Пер. с английского —
М.: РИПОЛ, Молэксимп, Джокер, 1992. —
304 с. с ил. (Фантастические романы)**

ISBN 5-87012-004-4

**По вопросам реализации настоящей книги
обращаться в акционерное общество «Вече».
Москва, ул. Красной сосны, 7.**

**Тел: 188—16—50
188—21—52**

***Ответственный за выпуск
Чепурных О.В.***

**Подписано в печать 16.12.92. Формат 84x108/32. Бумага
газетная. Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Физ. п. л.
9,5. Усл. п. л. 15,01. Тираж 100 000 экз. Заказ № 8858. С 3.**

**Издательства Рипол, «Вече», «Джокер».
123000, Москва, а/я 21.**

**Отпечатано с готовых диапозитивов на ордена Трудового
Красного Знамени ПО «Детская книга» Мининформпечати
РФ. 127018, Москва, Сушевский вал, 49.**

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот».

Романы «Город Мечты» и «Несущий Бурю» замечательного английского фантаста Майкла Муркока, написанные в жанре «черного фэнтези», повествуют об Эльрике, последнем из династии королей острова Мельнибона, который вступает в битву с чудовищами, духами, Богами Хаоса, и, утверждая Закон, выполняет свое предназначение.

МАЙКЛ МУРКОК

5